

Надежда Одинокая

Я ВЫБИРАЮ
Сердцем

Я двадцать пять лет не знала своего отца. И лучше я не узнала его никогда. Он появился, и в пропасть полетели мечты. Я узнала страх, насилие, предательство. Он двадцать шесть лет назад предал мою маму, искалечил жизнь, теперь принялся за мою. Но! Я всё же его дочь. У меня, куда ни кинь, его характер. Но, одинаковые заряды отталкиваются. Но потом оказалось, что он...

В моём сердце только один мужчина. А я выбираю сердцем.

У нас одна судьба на двоих.

Часть 1. Пролог

У Дворца бракосочетаний, на морозе, у белого «Кадиллака», стояла странная пара. Невеста в серых брюках, белом полушубке из норки и с фатой до плеч, и жених в дорогом свадебном костюме с цветком в петлице, поверх которого было накинуто зимнее пальто от Армани. Ни гостей, ни родственников рядом не наблюдалось. Странно, правда?

Они почему-то не заходили в ЗАГС, как будто чего-то ждали. Вернее, невеста ждала, а жених всё время смотрел на часы и спрашивал:

— Наташа, сколько можно, пойдём, скоро наша очередь. Ты будто кого-то ждёшь.

— Не кого-то жду, а себя. Понимаете? Себя! Я жду своё сердце!

Жених не смог понять её загадки и продолжал терпеливо ждать, тем более, время ещё было.

Рядом с «Кадиллаком» затормозили три черных, сверкающих лаком внедорожника, из которых выскочили трое. Они быстро перегородили вход в здание.

Один из молодых людей крикнул:

— Дорогая, всё готово, едем!

А невеста прокричала:

— Дождалась! Едем!

А потом, оглянувшись на брошенного жениха:

— Я дождалась! Я уезжаю! А Вы ждите! Себя или ещё кого.

Она так и не научилась говорить ему «ты».

Глава 1.1

По трассе, по зимней дороге с невообразимой скоростью мчался, летел прошитый в нескольких местах пулями черный «Кроссовер». Яростно скрипели тормоза, натужно ревел мотор, из-под шин несколько раз вылетали искры. А водитель всё гнал и гнал. Нет, это не было ралли в Крылатском — это была настоящая погоня. Водитель, Сашка Волков, по прозвищу Волк, бывший гонщик экстра-класса, уходил от шедшей за ними по пятам своры Графа. Волк гнал, гнал, он был уверен в своих силах и силе автомобиля. Вся его фигура излучала затаенную мощь. Мышцы, рельефно выступающие на руках, наводили на мысль, что он тренировался всерьез, а не просто посещал спортзал для поддержания формы. Хмурый, злой, предельно внимательный, Сашка выжимал из машины всё, что возможно. Глаза чёрные, костяшки пальцев бледные, челюсти плотно сжаты, нервно двигались желваки. Он поминутно убирал назад черные, очень темного оттенка, слегка вьющиеся, густые, красиво подстриженные волосы. Черты лица Волка были какие-то слишком гармоничные, какие бывают у людей, занимающихся интеллектуальным трудом. Аккуратный прямой нос, плавные линии подбородка, полные, красиво очерченные губы притягивали взгляд. На шее — витая цепочка, на одной руке — браслет из какого-то непонятного металла, состоящий из пластинок. На указательном пальце — печатка. На другой руке — дорогие часы и тоже браслет в виде цепочки.

Он уходил не один. Из города N он увозил свою жену, Натку Волкову, пока не жену, пока, только однофамилицу, свою Птаху. Первой брачной не было, не успели пока. Да и какая разница, кто они друг другу, если повстречавшись с ней однажды в свои двадцать восемь лет, Сашка тогда и подумать не мог, что у него и Натки будет одна судьба на двоих. Он лишь изредка оглядывался на спутницу, пытаясь понять, каково ей. Он ничего не говорил ей, не успокаивал, он только улыбался, когда их взгляды встречались. Да и незачем: девушка сама понимала: если сейчас они не вырвутся, их ждёт неминуемая расправа. Жестокости и деспотизма у Этого человека хватило бы на пятерых. Ей ОН, Граф, жизнь сохранит. Но что это будет за жизнь!

Она ему нужна, нужна как игрушка. Она пошла против его воли. А Сашу точно ждёт пуля: церемониться он не будет. До пули дело, может, и не дойдёт, но поиздевается, теща самолюбие, растопчет, унизит — это точно.

Внедорожник на скорости подбрасывает на выбоинах, и Натка на заднем сидении с визгом подпрыгивает так, что несколько раз ударяется об обшивку верха машины. Она не плачет, не истерит. Она стискивает зубы, кусает пухлые губы. Она молчит. Фата подпрыгивала, металась по спине, девушка взвизгивала на секунду, а потом опять замолкала и сильнее впивалась пальцами в переднее сидение.

Ей было страшно, конечно же, страшно, можно было и поплакать, но плакать Натка не любила, поэтому утерла пару слезинок и крепче вжалась в сидение.

Он, Граф, был страшнее. Он стал для неё дьяволом. Он сказал: «Выбирай, посмотрим, какой выбор ты сделаешь!» Она с вызовом ответила: «Я выбираю сердцем!» Он кричал, бросая ей в лицо фотографии Волка. Фотобумага ударилась в лицо, в грудь. Больно не было, страшно стало: Граф Сашку теперь уничтожит. Это он умел. Но Волка не так-то просто приручить, тем более уничтожить. Того самого Сашку Волка, который сейчас увозил её. «Это ты выбрала?! Это? Так вот — знай! Ты не увидишь его никогда! Он умер! Для тебя он

умер!»

Он ошибся. Любовь не умирает, а жизнь в золотой клетке — не для неё. «Я запрещаю тебе его даже видеть! — кричал он. — Моя единственная дочь никогда не станет женой Волка! Это сказал я, Граф!»

Она рассмеялась ему в лицо:

— Ты Граф? Ты — Граф? — девушка обходила его вокруг, пряча руки в карманы брюк, оглядывая с ненавистью и иронией. — Это значит, что я — графиня? — нервный смешок и ненавидящий взгляд. — И много у тебя таких... графьят?

— Ты единственная моя дочь.

— Дочь, говоришь... А не пошёл бы ты, твоё сиятельство! Никогда я не буду считать тебя своим отцом! — помахала указательным пальцем. — Я — волчица! Запомни! Волчица я! И я выбираю сердцем.

Она выбрала. Сбежала. Птаха вылетела из золотой клетки.

И вот они катят по зимней дороге, а свора Графа, Его свора, мчатся за ними по пятам.

Когда началась стрельба, Сашка молил, повторял, как мантру:

«Только бы не по колёсам! Только бы не по колёсам, только бы не в бензобак!»

А испуганная Натка кричала то ли от страха, то ли пытаясь перекрыть рёв мотора:

— Почему они стреляют? Ты же говорил, что стрельбы не будет?!

Её синие, как море, глаза, прикрытые опухшими ресницами, ещё больше потемнели от ужаса.

— Не бойся, Нат, не бойся! Это они психовать начали, Граф вряд ли отдал такой приказ. Мы ему живые нужны... А ты уж точно... — успокаивал Волк, кожей чувствуя, как страшно должно быть девушке. — Ты переоделась?

— Да, сразу же.

Он только улыбнулся.

И ей было страшно, но где-то там, глубоко, не достать вовсе. Больше страшила та жизнь, которую предлагал Граф.

И, правда, выстрелов больше не было. Но и тех было достаточно: бензобак повреждён.

Но кто это видел? Времени, чтобы остановиться и осмотреть внедорожник, не было.

— Мы оторвались, Саша, оторвались, — взволнованно прокричала Натка, всё ещё не веря в их спасение, — я их не вижу!

Оторвавшись от погони, пережив стрельбу, визг тормозов, крутые повороты, беглецы уже уверовали в своё спасение. Но внезапно Сашка почувствовал, что внедорожник не слушается: пропали тормоза. Остановить огромную машину на зимней дороге не смог бы никто, даже Господь бог, а Сашка не считал себя Богом. Но надо принимать решение, как спастись им обоим. И мозг выдаёт: надо прыгать. Но прежде — успокоить Натку.

— Нат, я тебе сейчас скажу, ты только не бойся, — скороговоркой проговорил он, подготавливая девушку.

Взгляд его карих глаз метался между Наткой на заднем сидении, которая вжалась в него, а руками до бели в костяшках вцепилась в переднее кресло, и шоссе, пролетающим перед ним со скоростью реактивного самолёта.

— Нат, у нас тормозов больше нет.

Запал, с которым Сашка начал говорить, тут же рухнул, но надежда на спасение осталась. Но просто так сдаться — не в его характере. Сухие, иссиня-чёрные от напряжения глаза Натки, брошенное севшим голосом:

— Говори, что делать... — придали ему уверенности. Она всегда в минуты опасности так говорила ему.

Она готова, она не растерялась, она не сломлена. Она волчица. По сути и по характеру. Это добавило сил и уверенности. Они смогут, у них получится! Он верил, потому что больше верить было не во что. Но ощущение кошмара не покидало его измученный мозг.

Ещё раз оглянулся на девушку. Она выглядела бледной и уставшей. Сашка обеспокоено поглядывал на милую Птаху. Девушка еще больше осунулась, но огонь в глазах горел по-прежнему. Возможно, сказывалось состояние постоянной нервозности и напряжения, в котором они оба находились. Сердце обдало кипятком. А если не получится? А если ударится? А если...

Тысяча «а если». И никакой гарантии. Вырвать Натку из ЕГО лап и самому же погубить. Лучше уж пуля. Теперь, когда безжалостная судьба опять свела их вместе, она будет его. И он не собирался ни с кем ее делить.

— Нат, снег рыхлый, и нам придётся выпрыгивать из машины на ходу. Машина врежется в снег, скорость снизится, — инструкции выдавал чётко, без малейшей тени сомнения, что у них не получится, успокаивал её, себя. — Открывай дверь и не бойся. Главное — не бояться. Открывай! Прыгай!

Последние слова — крик, рык, рёв, ор.

Руль вправо. Машина юзом идёт в кювет, разрезая толщу снега. В открытые дверцы с обеих сторон, как по команде, выпрыгивают, нет, вылетают два человека: девушка в синей куртке и джинсах и в такой же одежде мужчина.

— Сашаааа! — разрывает морозную тишь, и девушка приземляется в снежный плен, кубарем летит дальше. А фата улетает прочь маленьким белым облаком.

Но Натка жива, только немного ушиблась. Снег сохранил здоровье её женскому организму. Для того, чтобы жить и любить, чтобы жить и быть любимой. Природа даёт ей второй шанс, шанс, который пытались отнять люди.

Мужчине легче, он сгруппировался и кубарем прокатился по снежному покрову.

Машина начинает буксовать, и только тут водитель замечает, что из бензобака струйкой вытекает бензин. Он выбрасывает чёрную спортивную сумку и кричит что есть сил:

— Натка, Птахаа, беги, сейчас рванёт!

Девушка услышала вовремя, но бежать не получается: снега по колено. На четвереньках, помогая себе руками, вырывая ноги из сугробов, Натке удаётся сделать несколько шагов от уже загоревшейся машины.

Сашка — сильнее: ноги сильные, руки сильные, что ему снег по колено. Несколько секунд — и вот он, вырывает Наташу из объятий снега за шиворот, как котёнка, кидает прочь...

Взрыв! Взрыв бензобака разносится эхом на много километров в морозном воздухе, закладывает уши.

Рыхлый снег гасит силу взрывной волны. Она помогла телам отлететь от полыхающей машины и рухнуть на снежную подушку: вчера всю ночь шёл снег, он ещё не осел и не заледенел. Заложило уши. Но это поправимо.

Наташа оглядывается на железо, объятые пламенем: вместе с этими кусками могли бы валяться и их тела. Ужас охватывает девушку, хотела заплакать — не получилось, холодный пот заструился под курткой. Но долго рассматривать и додумывать ей не пришлось: на горизонте всё те же машины.

Сашка, лежи, не вставай, притворись мёртвым, — кричит она, боясь оказаться не услышанной: у того-то тоже уши, наверняка, заложило.

— Не кричи, вижу, переждём, пока уедут, — глухой голос Волка раздаётся почти рядом. Сашка слегка наваливается на девушку, пытаясь прикрыть собой, и впивается в её губы: «Сладкая!»

Натка замирает. Саша лежит так близко, что до неё доходит его тепло. Она дотрагивается до парня пальцем, словно хочет убедиться: не померещился ли он ей, хочется дышать одним воздухом с ним, напиться его присутствием.

— Нат, ты как? Ты меня слышишь? — и, не дождавшись ответа, встать не стал, а только перекатился на бок.

— Отомри, они уехали, — командует Волк, когда машины преследователей, несколько минут стоявшие напротив взорвавшейся и полыхающей машины, наконец, скрылись из виду.

— Как это они не пошли проверять, — поднимаясь на колени и отряхиваясь от снега, пробормотала Натка.

— Женька... — одно имя. Никаких комментариев.

А когда они стояли на коленях оба, крепко обняв друг друга, не веря в своё спасение, рыдания девушки огласили снежную долину.

— Саша, — рыдала девушка, — Саша, мы спаслись, мы живы, Саша! — рыдала Натка, хватаясь за куртку Сашки и притягивая его к себе.

Он только крепче прижимал её к себе, а она обнимала его за шею и плакала. Он молчал, согревал её дыханием поцелуев, целовал мокрое лицо, давал время выплакаться.

— Нат, холодно, — наконец, когда всхлипывания стихли, хрипло проговорил Волк. — Давай выбираться.

Бережно подхватил на руки, понёс к дороге, утопая в снегу. Он бы ещё долго нес драгоценную ношу, но она чуть упёрлась тонкими ладошками мужчине в грудь:

— Я сама, — всхлипнула Натка, и, взяв его за руку, потянула к трассе. — Шапка, где твоя шапка?

Сашка вернулся, отыскал в снегу шапку и забрал сумку.

Поскальзываясь на крутом склоне кювета, наконец, выбрались на проезжую часть. Несколько минут стояли на обочине, переводя дух.

— Что там? — кивнула на сумку.

— Немного вещей и документы, — ответил, снова привлекая девушку к себе.

— Саша! — пряча на его груди лицо, снова всхлипнула Натка. — Отдай ему всё, всё, что он хочет.

— Нат, отдам, ничего не оставляю, только вот это, — откашлявшись, проговорил он, указывая на сумку. — Тебя не отдам никому! Мы продали мастерские, приготовили выкуп, а тут Женька звонит, говорит: ты придумала план.

— Ты думаешь, он согласился бы на выкуп? — злясь, проскрежетала в ответ. — Хотя... жить ему на что-то надо. Саш, что будет дальше? Что говорит генерал?

— Пошёл он к чёрту, знать его не хочу.

Она убивала этим вопрос его наповал. Ответа у него не было.

Он только забрал в ладони её лицо, медленно обвёл его любящим взглядом, обдал жаром горячего дыхания, приложил свои губы к её губам. Тёмно-русые пряди выбились из-под шапки, он бережно убрал их на место. Жадно всматривался в черты лица, словно хотел впитать, зафиксировать на фотографии.

За те дни, что он не видел её, овал лица ещё больше заострился, припухшие губы со следами зубов просили поцелуя, и Сашка не сдерживается, целует, нежно касаясь губами. Некогда румяные щёки стали бледными, а синие, мокрые от слёз глаза смотрят с надеждой, что всё плохое в её жизни кончилось. Но кончилось ли?

— Ты не поранилась? — обшарил взглядом похудевшую фигурку. — Он, что, тебя не кормил?

— Нет, я не поранилась, он меня кормил, но только еда в рот не лезла. Да, ладно, Саш, пошли. Вон, смотри — огоньки. Кафе, наверное.

Но пешком далеко не уйдёшь. Декабрьский мороз тоже шёл по пятам. И если от погони ушли, то от мороза — вряд ли.

Но они пошли. Перед ними простиралась заснеженная, скользкая зимняя дорога.

Утеплённые куртки пока спасали от мороза, но джинсы не грели совсем, а Наткины ботинки всё время скользили. Сильные руки Сашки удерживали девушку от падения, пока они оба со смехом не упали вместе. Потом вставали, помогая друг другу. Точнее, Сашка помогал, а Наташа только пыталась.

А огни кафе всё приближались. И вот, наконец, беглецы у цели.

Решили войти и просто погреться.

Но деньги делают всё: красная купюра в руках администратора — и Саша с Наткой в номере придорожного отеля.

Есть не хотелось, но кофе и бутерброд проглотить пришлось.

— Нат, ложись, поспи, а завтра что-то придумаем.

— А ты? Приляг рядом. Разве ты не устал? — уже засыпая, лепечет Наташа.

И, как только голова Натки коснулась подушки, девушка провалилась в спасительный сон. А Волк стоял над ней, над родной спящей девушкой, сжимал кулаки и разжимал, хрустел до боли фалангами пальцев, стискивал зубы до скрежета. Рванулся обнять её, стиснуть — устал без неё, стосковался, но так же резко остановился. Покачал головой: нет, пусть поспит. Потом всё же наклонился снова и вобрал в себя её запах.

Она сводила его с ума. Всегда, с самого начала. Из-за неё он переродился. Для неё он стал ручным волком. А она для него — любимой волчицей.

Она тогда сказала: «Я выбираю тебя, потому что я выбираю сердцем, а оно не обманет!»

Она не успела спросить: что будет с ними дальше, где найдут спасительный приют, куда подевался Степаныч. Хотя, Натка и сама понимала, что, если Степаныч уехал, значит, он у себя на хуторе. Она там бывала однажды. Если беглецы доберутся до хутора, там их никто не найдёт. До времени. До какого?

Натка спит. Спит Птаха. Ей снится всё тот же сон:

Искусственное море, занесённое снегом.

Искусственное море создано рукотворно, оно затапливает города, сёла, оно из слёз людей, лишившихся крова, родных людей, не сумевших спастись от водного потока.

«Кто остановит реки людских слёз? Кто? Ведь должен же быть хоть один человек на земле, кто хотя бы попытается остановить поток горьких людских слёз? Как его найти? Где отыскать? А может, не надо искать, а самой попытаться?» — так думала хрупкая девушка, та, что шла по ледяной заснеженной равнине след в след за молодым мужчиной. Его ноги утопали в снегу. Но он не сдавался. Он проторял дорогу для девушки, которая шла после него, надеялся, что так ей будет легче идти.

Но снега было так много, а идти приходилось так далеко, что девушка выбивалась из

сил.

Она падала, поднималась, шла снова, он возвращался, помогал, порой нёс на руках, а конца этому пути всё не было.

Кто был тот мужчина, кто эта девушка, Натка не знала. Они только снились ей. Часто. Иногда каждую ночь. Сегодня она видела идущих особенно чётко.

*** **Сашку и самого мучили те же вопросы. Но о чём сейчас говорить? Пока не о чем.

Он бережно снял с неё ботинки, раздевать не стал: мало ли что ночь принесёт. Сам придвинул кресло поближе к кровати. Он хотел посидеть, отдохнуть, подумать, что делать дальше, когда до Степаныча ещё ехать и ехать. Там их спрячут — вовек не найти. Но туда надо ещё добраться, а как без машины? Почему оборвался тормозной шланг — тоже загадка. Думал о том, о другом. Сидя в кресле, откинув голову назад — заснул.

Он потом клял себя за беспечность, ругал последними слова за то, что позволил себе расслабиться и уснуть, потому что пробуждение было страшным.

Первой, услышав стук двери, проснулась Натка. Её яростный крик: «Саша!» — и чувство, что кто-то выдернул у него из-за ремня пистолет, а две пары сильных рук втиснули его в кресло. Он очнулся почти сразу. Лишь на сотую долю минуты опоздал: пистолет был в руках у... Натки, а в обшарпанном кресле придорожного отеля, закинув ногу на ногу, восседал ОН, Сам Граф, их злой гений или дьявол во плоти. Но он всё время морщился, как от боли, и прижимал руку к груди.

Он долго не заставил себя ждать:

— Ну, — тянул ОН, слегка задыхаясь, — что? Набегались? Детки? Думали, провели, как лоха последнего?

Потом, обращаясь к подручным:

— Волка — в багажник, её — в салон. И без трепыханий, девочка! Ты меня знаешь, я шутить не люблю, да и нездоровится мне что-то. Некогда мне тут с вами.

— Ну, попробуй, возьми! — быстро нажала на предохранитель. — Я не промахнусь. Волка школа.

Натка восседала напротив на обшарпанной кровати, упираясь в стену спиной, сложив ноги поудобней, а обе её руки вцепились в пистолет. Она целилась прямо в лоб ему, Графу, приготовилась стрелять. Но они и без этого уже убили бы друг друга взглядами, если взглядами можно было убить. Она видела, что Графу плохо. Но ничего поделать с собой не могла: на кону была её жизнь и жизнь Сашки. Второе её волновало больше.

— Быстро убрали от него руки! Быстро! — рыкнула она на амбалов, а потом на Него: — Отзови своих псов! Иначе подохнешь прямо здесь. И никто тебе не поможет.

Она кивнула на руку Графа. Граф застонал, ещё крепче сжал грудину.

У вора в законе по кличке Граф, Графского Станислава Сергеевича, болело сердце. Но не по тем, кого он отправил на тот свет сам или его подручные: его аортальный стеноз, похоже, поквитается за всех скопом.

— Отзывай своих псов, — цедила она, суживая глаза от гнева, — и дай Саше уйти. Машину к крыльцу, ключ в зажигание. Быстро! А ты... Граф, ты же сейчас подохнешь прямо тут. Зачем ты припёрся? Зачем?

— Натка! Без тебя не пойду! Я не отдам тебя им! — теперь зверел освобождённый Волк. — Или вместе, или я остаюсь. Наташа! — простонал, как израненный зверь, ударяя кулачищем о стол.

«Что делать? Как поступить? Бросить его умирать?» — металась Натка по комнате,

зорко поглядывая то на Сашку, то на Графа, то на его амбалов.

Сашке — взгляд, полный любви, безысходности, боли, страдания.

Графу — полный ненависти и... боли.

— Саша, Саша! — как крик подранка. — Уходи... И... прости... Я врач. Я должна остаться, — не сказала, выдохнула, с болью, с надрывом.

— Натка, выбирай, — либо я, либо... он. Выбирай! Столько сил, столько мук, столько боли — и всё зря? Наташа? — Сердце Волка истекает кровью. Оно не понимает выбора Натки, не принимает. — Выбирай. Или это... конец.

— И ты заставляешь меня выбирать? А я выбираю сердцем. Тебя я выбрала давно, но он больной, а я — врач! И ты... и ты меня не хочешь понять...

Усталость валила девушку с ног, трудный выбор добивал окончательно.

А она так надеялась, так мечтала, мечтала вырваться, никогда не видеть его лица, не слышать голоса... Но мечтам и надеждам, похоже, не сбыться...

Вот он — отец, тот, кто дал жизнь, а потом захотел отнять, умирающий от боли в сердце. А вот — любимый — изболевшийся, исстрадавшийся, рисковавший ради них жизнью, с которым приходится расстаться.

— Уходи, Саша, а я остаюсь, уходи, — металл в голосе не оставлял надежды, а глаза озёрца слёз. — Возьми сумку, пригодится. И... я любила тебя всегда.

— Скорая, аортальный стеноз, больному пятьдесят лет, мужчина, находимся ****. Я врач, хирург, Волкова Наталья. Больному показана срочная операция. Да, лучше реанимобиль.

А потом:

— Не надо реанимобиль, только скорую и...

Глава 2.1 О том, как всё начиналось

Натка.

Стояли солнечные августовские дни, лаская слух щебетанием пташек, радующихся теплу и свету, шумом листвы и весело цокающих по асфальту каблучков туфелек и босоножек. Лето подходило к концу, но для нас, выпускников-ординаторов, прошедших все огни и воды самых разных тестирований, экзаменов по практике, собеседований, оно только начинается. Парадокс? Факультет кардиохирургии — самый сложный, но я так мечтаю лечить сердце!

Дядя Коля, наш сосед, всё удивляется: «Нат, ты 6 лет училась на врача, ещё 2 ординатуры, и ещё надо? А работать-то когда? Ёлы-палы!» Я с ним согласна: долго, но оно того стоит. Без практических занятий, без навыков, полученных на практике, хирургия немислима. Вот и приходится часами простаивать, наблюдая, как делают операции профессионалы. А потом ещё мыть, вымывать, промывать, дезинфицировать, хлорировать... Я подрабатываю, пока санитаркой, жить на что-то надо.

Уже поздно темнеет. Иногда можно наблюдать, как на небе одновременно находились и солнце, и луна. Но так бывает только весной или летом.

Я пытаюсь уснуть в своей однокомнатной хрущовке, на старой полуторке. Я сворачивалась калачиком, как в детстве, считала баранов, овец, накрывалась с головой бабушкиным верблюжьим одеялом, оно колючее, но другого попросту не было. Пила сладкую воду, как бывало, бабушка советовала, но сон так и не шёл. Может, потому что на улице лето? А летом нескончаемое желание не дает останавливаться, постоянно хочется всего и сразу: чувств, эмоций, открытий, позитива, удивления и понимания.

Понимания хочется, а завтра у меня зачёт по общей терапии, которую я уже сдавала и сдала на отлично, но руководителю моей первспец (первичной специализации), видите ли, этого недостаточно, блин. Чего ему ещё надо? Говорит: «Не я его у вас принимал!» Капец, — не он. Но одно ясно: он что-то затеял. «Я, — говорит, — Наташа Волкова, хочу вас кое-куда рекомендовать. Завтра узнаете».

Семёнов Руслан Николаевич. Профессор в тридцать пять лет. Красивый — безбожно.

Золотистые русые волосы, в меру загорелый, под белоснежной рубашкой и строгим костюмом идеальная мужская фигура, высокие скулы, немного впалые щёки, чёткий овал лица. Мужественная челюсть, красивые брови и пушистые ресницы кого хочешь, с ума сведут. Блин, недаром девчонки от него тащатся, у них, видите ли, бабочки в животе летают. У меня насекомых в брюшной полости нет и быть не может!

Хотя он не оперирует, но кафедру ведёт. И как у него на всё сил хватает? Тут намучаешься с тряпкой за день или ночь — ноги сами в кровать идут. А он бодрый и свежий. Но тряпку он в руках не держал. Он не подрабатывал санитаркой, как я. Профессор!

И я стану профессором! Стану!

И что ему надо от меня? Достает с последнего курса. Ну, подумаешь, мы с Игорем Немцевым пошутили. Игорь тогда разглядывал мою зачётку перед дверью аудитории, где Семёнов принимал экзамен по общей хирургии. А потом так, для смеха, со словами: «Как всё достало!» — зашвырнул свою и мою зачётку в щель между дверью и полом. Они так и проехали в кабинет. Прямо в лапы Семёнову. У меня тогда матка от страха свернулась вдвое. А что тут поделаешь? Дело сделано. Стою, чуть не плачу, а Немцев ржёт. И вдруг! Таким же

способом вылетают наши зачётки обратно! Блин! Раскрываю зачётку — а там «отлично» и записка вложена: «За находчивость 5 на двоих, делите, как хотите.» А Немцеву всё нипочём. Сдал на 4.

— А я? — спрашиваю Семёнова, а самой поджилки трясутся, ну, коленные сухожилия, то есть. — У меня примите? Могу без подготовки.

А он прищурил свои зелёные глазки и смотрит, изучает меня. А что тут изучать? Было бы что. Ну, синие, как море, глаза, ну, как опахала ресницы, самой нравятся. Губы? Так, ничего себе губы. Очень даже ничего: особенно нижняя, пухленькая такая. Нос прямой. Вот только волосы... могли бы быть погуще. Но на две косички хватает.

— Вам, — говорит, — Волкова, должно быть стыдно! Не к лицу вам подобные выходки! Оценку я вам поставил. Но... — и тянет многозначительно.

А мне так хотелось ему сказать: «Не я это, это Игорь». Но как предавать сокурсника, тем более такого весёлого, а вышло только: простите. Могу без подготовки любой вопрос.

Усмехнулся, покачал головой и закрыл за собой дверь.

И что? И как? А в ведомость?

Пришлось ждать, пока все не сдадут, и представлять пред светлы зелены очи профессора Семёнова.

— Вам что-то неясно, Волкова? — ухмыляется, издевается, а сам щурит глаз.

— Руслан Николаевич, а в ведомость поставили? И простите... неудачно пошутили...

— Неудачно пошутили? — а сам приближается ко мне и протягивает руку с такими длинными пальцами. Ну, да, хирург же. Так и должно быть. Протягивает руку и слегка касается пальцем моей нижней губы. — Ещё пошутить не хотите? — прищуренный взгляд пробегает по моему лицу, а его свободная рука оказывается у меня на талии.

Чего он хочет — дураку ясно. Или дуре, как Катька Назарова, с которой он спит.

— Руслан Николаевич... Руслан Николаевич, стойте, стойте, — освобождаюсь от его рук, — если оценка в ведомости, тогда мне лучше уйти, — отступила на безопасное расстояние, смерила ироническим взглядом, — а там...кажется, не все сдали, гм.... Катя Назарова сдала? — и глупейшая, наивная улыбка на лицо.

Вот ведь жук!

Ну, думала, прибьёт. Или на госах завалит.

Не прибил, не завалил, красный диплом не испортил, позвал к себе на кафедру кардиохирургии. На вакантное место от госуслуг — сказал. На бюджет. Говорит: «У вас, Наташа, дар. Его нужно лелеять». И как он собрался его лелеять? Не в постели же. Ну, это не для меня.

Гл. 2.2

В темноте хорошо думается и вспоминается хорошо. На дворе уже август, и не так жарко.

Двадцать четыре года я живу в этой квартирке. Могу даже представить, как, глядя на меня светлолицую, в этой же самой комнате моя мать с улыбкой произнесла:

«Вот и Наташа наша наелась. Бабушка, — обратилась она к пожилой женщине, — тебе нравится имя — Наташа?»

— Хорошее, — только как не назови, — безотцовщина, — сокрушалась пожилая женщина, а потом добавила с улыбкой: — Всё одно, вырастим и выучим, не хуже других будет! Врачом станет. Правда, внученька?»

Теперь этих женщин в комнате больше не было. Я была одна, одна в этой комнате и на всём белом свете. Был ещё Степаныч, но он всего лишь сосед, хороший верный друг. Но не отец. Отца я не знала. Кто он? Что? Мама не говорила. Я не спрашивала. Ушла однажды на вызов, она врачом-терапевтом работала, и больше не вернулась. В полиции сказали: погибла при невыясненных обстоятельствах. А чего тут выяснять — убили и бросили за гаражами.

Потом умерла бабуля. И я осталась одна.

В графе отец — у меня прочерк. Слово «отец» — для меня эфемерное, несуществующее.

Ох, какая тяжёлая ночь. Мне же надо поспать. Но не спится.

— Мама, ма-ма, открой, — сначала тихо, потом громче раздалось из-за двери моей квартиры.

Я разлепила глаза, вслушалась. Нет, показалось. Снова сомкнула ресницы, намереваясь поспать. Виданное ли дело: будить людей в три часа ночи.

— Мама, открой, — и тихий стук в дверь поднял меня с постели.

— Ну, что за шутки, — поднимаюсь и иду к двери, — кому не спится в ночь глухую.

А про себя подумала: «Ох, врежу сейчас кому-то!» — и, прихватив на всякий случай швабру, пошла открывать дверь

Знала бы я, кто стоит там, за дверью, забаррикадировалась бы и не открывала до утра, а ещё весь дом подняла на уши: слышимость ещё та: в одном месте чихнёшь — в другом ответят: будь здоров.

Но я шла с решимостью отучить хулигана будить людей по ночам, особенно тех, кому рано вставать, кому утром сдавать зачёт профессору Семёнову, а потом работать, не разгибая спины, в реанимационном отделении.

— Ну, кому тут потребовалась мама? — рывком открыла давно не крашенную дверь, надеясь застать хулигана врасплох, и испуганно попятилась назад. Нет, это были не хулиганы.

На пороге моей чистенькой, ухоженной однокомнатной квартиры, но с потёртыми обоями, со старыми занавесками, стояли трое мужчин в чёрных куртках и таких же джинсах. На кого они были похожи? Сразу бы я не ответила. А потом, немного успокоившись, сказала бы: старший на Шуфутинского. Такое же объёмное лицо, борода в пол-лица, властный оценивающий взгляд, крупная фигура. Только откуда было взяться певцу на пороге нищей квартиры.

Едва дверь открылась, меня не спросая, они тут же ввалились в квартиру, озираясь по

сторонам и быстро закрывая дверь.

— Вы кто? Вы зачем? — только и смогла произнести, потому что у одного из мужчин, так похожего на зека, в руках я увидела пистолет и медленно попятилась назад. Кровь мгновенно отлила от лица и всех четырёх конечностей. Попыталась закричать — пропал голос. Хотела вздохнуть — перехватило горло. Я почувствовала запах смерти в воздухе и вкус смерти на своих губах. Этот запах и вкус принесли они, люди в чёрном. Я только открывала рот, как рыба, выброшенная на берег, но один из непрошенных гостей, тот, что постарше, гаркнул:

— Орать не советую. Мы ничего тебе не сделаем, если будешь правильно себя вести.

— А правильно, это как? — голос наконец-то вернулся.

— Сиди тихо и не отвечивай. Мы посидим до утра и тихо уйдём. Тогда и овцы будут целы, и волки сыты. Поняла, птаха? — хриплым голосом втолковывал тот, что постарше. А сам пристально всматривался в меня, шарил глазами по лицу, по фигуре в старой, потёртой пижаме.

Я послушно закивала: «Тем более, неизвестно, что может произойти, если я разорусь и разбужу весь дом, а так, может, и правда, посидят и уйдут».

По пистолету в руках у бандита, я теперь поняла, кто они, люди в чёрном. Но, похожий на зека, наконец-то, спрятал пистолет за спину.

А я всё пятилась и пятилась назад, к стене, что разделяла две квартиры: мою и Степаныча. Кричать не разрешили, а про стучать никто ничего не говорил. Если посильнее постучать в стенку, тот он прибежит. Но останется ли живой — это неизвестно. И я решила посмотреть: что будет дальше. «Главное — не бояться, главное — не трусить, — убеждала себя я, — сказали же: посидят и уйдут».

А старший из бандитов всё не сводил с меня глаз. Он словно узнавал кого-то и не узнавал. Стоял молча, тем более присесть-то было некуда.

— Даа, небогато живёте, — это ожил тот, что ходил на зека, — Старый, как в анекдоте: вор забрался в квартиру, а там... ну, вот, как тут... огляделся и положил на стол пятихатку.

— Пятьсот рублей, — поправил тот, что помоложе. Бледный, в окровавленных брюках, присел на стул прямо у самой стены, кривился от боли.

Я метнула на него взгляд и ахнула:

— Да, он же кровью истечёт! Что ж вы молчите!

Молодой, лет двадцати, парнишка, очевидно, был ранен. Но друзьям его до него будто и не было дела, или он боялся их и терпел боль.

А во мне, до сих пор скованной страхом от присутствия непрошенных ночных гостей, проснулся родовой инстинкт: человеку плохо, ему надо помочь, и неважно, кто этот человек.

Этот инстинкт или потребность я впитывала с молоком матери — в ночь и в полночь спешившую к заболевшим людям. Врач терапевт, мама никогда не отказывала людям в помощи, пока сама не погибла при невыясненных обстоятельствах. Вот так ушла на вызов десять лет назад и не вернулась, оставив меня, четырнадцатилетнюю дочь, на попечение пожилой уже женщины.

— Ты, как тебя, — как и не было страха, — бросила я любителю рассказывать анекдоты, — помоги ему лечь на диван, быстро.

Тот изумлённо оглянулся: козявка вздумала командовать, — но рык того, что постарше: «Говорят тебе, помоги!» — заставил послушаться.

Его сощуренный взгляд прожигал меня насквозь, когда я занялась пострадавшим.

— Потерпи, потерпи, миленький, — я погрузилась в свою стихию.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Уже два года подряд подрабатывала санитаркой в одной из клиник города. Порезы и раны, ожоги, нарывы, опухоли — с чем только не приходилось сталкиваться, и меня не остановил вид крови. Но, когда разрежала окровавленную штанину и осмотрела рану — изменилась в лице: в бедре, прямо посередине, довольно глубоко сидела пуля. «Огнестрел», — пронеслось в голове.

— Слушайте, вы, — как можно спокойнее, не выдавая дрожи, охватившую всю меня, — у него пуля в бедре. Я не имею права делать такие операции — это раз, и я должна сообщить в полицию...

— Только рыпнись, — зек опять направил на меня пистолет, — такая же пуля раскроит тебе череп.

— Выслушай, дурень! — страх придал мне решимости. Я перевела взгляд на старшего: с зекон говорить было бесполезно — от него злостью несло на версту. — Послушайте, вы же не он, — кивнула на зека, — я не имею права делать такие операции, я не врач, а ординатор, если сообщу в полицию — мне тоже непоздоровится. А если вы обещаете никому не рассказывать, то я помогу вашему парню. Я вытащу пулю, сделаю перевязку, и вы уйдёте. Иначе меня просто выкинут из института, а мне всего год остался.

— Ладно, лепи, лепила, — обещаете не рассказывать, — хм, вот, даёт, — отозвался тот, что постарше, кого называли Старым, — истину глаголешь, — и ухмыльнулся.

— Как зовут его? — вопрос задала, но на ответ не надеялась.

— Жека, — ответил сквозь стиснутые от боли зубы.

— Отлично, Жека, а меня — Натка, — покачала головой, удивляясь чему-то, — так и зови.

Жека застонал, и я стала колдовать у дивана, на котором он лежал.

— Это что за укол? — Жека с недоверием посмотрел на шприц с набранным лидокаином.

— Это обезболивающее, лидокаин, ты уколов боишься?

Я достала медицинский чемоданчик с укладкой.

— А теперь сожми зубами вот это, на всякий случай! — вставила в зубы больному какую-то палочку, — постарайся не закричать — весь дом перебудешь. Нам этого не надо. Потерпи, миленький, хорошо?

Я быстро справились с раной, и он лишь стонал, когда я щипцами доставала пулю и зашивала рану.

Старый и зек с подозрением следили за моими руками. А когда я закончила бинтовать рану и взяла в руки шприц, одновременно спросили:

— Это что у тебя?

— Антибиотики. Пару дней поколоть надо, — словно оправдываясь или втолковывая больному, — сможешь сам, Жека? Вот так, — пара секунд — и шприц у бедра, — только протри спиртом сначала.

Жека простонал:

— Коли уже.

— Фу, ты боишься уколов? Так ведь всё уже. Уколола, — и отправилась мыть руки в ванную.

— Ничего себе, Гр... Старый, — словно ошибся, — я ничего не почувствовал. Вот только бедро болит.

И Жека виновато посмотрел на старшего.

Но того пацан не интересовал.

С раненым я закончила, следы крови у порога, где сидел Женя, я подтёрла. Теперь можно снять перчатки и выбросить, но сначала нужно их завернуть во что-то, а лучше бы сжечь. А там, на площадке и на лестнице, там тоже надо вытирать. Говорю об этом старшему.

— Какая кровь, старый, она сдёрнуть хочет, а потом к ментам... — бубнит «зек». У меня тоже была такая мысль, но ведь и меня накажут. Почему не донесла, почему помогала... Будет много вопросов. А чем они закончатся?

— Тогда сам иди и вытирай, следы ко мне ведут, пойми своей пустой головой! — злюсь я на «зека», преодолевая страх.

— Вот-вот, дуй, Хмурый! И чтоб ни одного пятнышка! Усёк? — Старому стало весело.

Хмурый скрипит зубами, бросает на меня злобный взгляд, но тряпку берёт.

— Ну, а где же мать-то? — грозно прозвучал голос Старого.

Граф.

«Кто же она? Нина? Нет, молода больно. Ты совсем свихнулся, старый. Нине сколько лет уж сейчас было бы. Но как похожа! Как похожа. Хорошааа! Конфетка! Почему нет матери? Куда уехала? Какие бл** родственники? Темнит красотка. А шустрая, смелая! Нина не такая была. Была. Где она сейчас. Сколько не спрашивал мать тогда: ни звука. Упёртая. Хрен что узнаешь. Штирлиц, бл**. Ушла, говорит, куда? Куда? Скрылась? Спряталась? От меня? От меня хрен скроешься, из-под земли достану. А её не смог найти».

— Так, как говоришь, зовут тебя?

— Наташа, вы же слышали.

Борзая девка. Хм.

— Старый, а может, деваху с собой заберём? Смотри, какая краля пропадает, — теперь борзееет, ухмыляясь, Хмурый. Хмурый — стоящий кореш, но только с прибабахом. На бабах повёрнутый.

Я осадил его:

— Хмурый, никшни! Не трожь девку. Убери лапищи.

А девка вся трясётся — боится. Хм.

— Вы же обещали уйти! Вы обещали! — верещит, чуть не плачет, а ведь не плачет. Надо же.

— Ну, это ты говорила, а мы ничего не обещали, — отвечаю, — а почему бы тебе с нами не отправиться, а?

И тут девку понесло, да так, что мои кореша рты разинули, а я совсем охренел:

— Где мама, спрашиваете? Какая? — наступают девка, и главное, не боится, хм, — моя? Или ваша? — так и зырит глазами. — Мою убили такие же, как вы. Или хуже. Десять лет назад я осталась сиротой. А её нашли вон там, за гаражами. Какие-то отморозки раскроили ей череп, забрали лекарства, что были при ней. Она же врачом была, если интересно. Денег тоже не нашли. Продолжать? — я всё больше хренею, потому что, наконец, узнал, что стало с Ниной, моей первой любовью, матерью этой пигалицы.

Она говорит, и вижу, как ей всё же страшно, как схватилась за стол, чтобы не упасть, а слова её падают, падают на нас. И если бы словом можно было убить, то все мы давно бы

валялись у её ног мёртвые.

Мои глаза горят, как солью посыпаны, а сердце, чтоб его, опять колотится и болит.

Нину я любил, по-настоящему, но не сберёг! Не сберёг!

— Продолжай, — хриплю. Пацаны в непонятке. Таким они меня не видели никогда.

— На пальце у мамы было кольцо, внутри — гравировка: «На память от С.» Кто такой С. Я не знаю. Да и какая теперь разница? Теперь про вашу мать: Клавдия Фёдоровна умерла два года тому назад, вот в этой нищете. Мы с ней жили на её пенсию и мою стипендию. Продолжать? А вы? Где были вы? — она меня лупит наотмашь взглядом. — Вас сколько лет не было? И... она про вас никогда не говорила, я не знала, что у Клавдии Фёдоровны есть сын.

— Кончай лечить, лепила, — разинул рот Хмурый.

— Заверни пасть, — опять хриплю из последних сил. — Всё, пошли отсюда, пора.

Оглядел девчонку мутными глазами — сказать мне ей нечего. Другую прибил бы, а эту — рука не поднимается. Млять, что со мной? Надо разобраться.

— Уходим, пацаны, — тороплю братков. А она не понимает:

— Купите ему антибиотики и шприцы, неделю пусть поколется.

Врач, млять, настоящий лепила, похоже, будет.

Слова с неё не брали, что в полицию не настучит. Да и зачем — правильная девчонка. Мы пошли, а малой еле переставлял ноги. Я рыкнул Хмурому: «Помоги, что, не видишь?» Хмурый подхватил Жеку, и они потопали на трёх ногах. А тот ей: «Спасибо, Наташа!»

А я ещё долго не мог прийти в себя.

Нину убили, сняли кольцо... Моё, я дарил. Узнаю кто — задушу. Но ведь прошло десять лет. А она носила, не снимала. Про мужа её не спросил. Млять. И какая у девчонки фамилия? Ну, да ничего, узнаю потом. Ничего, дочка Нины моей станет. Озолочу, как принцесса жить будет... Нина! Как же так случилось? Какая тварь тебя жизни лишила? А мать? Я совсем забыл про неё. Шалавы, пьянки, стычки, стрелки, отсидки. А мать жила в нищете. Вон, какая квартира. И правда, как в анекдоте. Мляяать, надо было денег девчонке оставить! А взяла бы? Вон, какая! Страшно, а не боится.

Режет, режет, режет правду мне в глаза.

А я знаю, что я виноват! Виноват! Не как на суде — виновен. Тут другой суд. А я виноват. Ну, ничего, искуплю. Девчонку принцессой сделаю.

Натка.

Я опустошена и обессилена. Столько страха я не переживала никогда. Каждый шаг как по лезвию бритвы.

Ненавижу себя! Зачем открывала! Смелая, храбрая дура! Каким-то невероятным чудом спаслась. И что теперь делать? Неет, ночевать тут одна ни за что не буду. А куда я пойду? Ни родных, ни знакомых. У подружек по факу свои проблемы. Хочется свернуться комочком, как в детстве закрыть глаза. Не вижу — значит, меня тут не было, и ко мне никто не приходил.

Сколько ему наговорила! Говорила, а сама ждала: либо убьют, либо отдаст своим гаврикам: изнасилуют, как делать нечего. Этот Хмурый уже давно бы изнасиловал, если бы не Старый.

Я не понимала: почему этот Старый так на меня смотрел, почему не забрал с собой, когда Хмурый предложил, и как в эту гопкомпанию затесался Женя, он никак не подходил к ним.

Так промучилась до утра. Приняла душ, сделала крепкого чая, чтобы взбодриться, поплелась в институт. К Семёнову опаздывать нельзя.

Ох, Руслан Николаевич! Какой коварный человек! Встретил с улыбкой, экзамен принимать не стал, сказал: «Я в тебе уверен!» — и направил оформляться на месяц фельдшером скорой, а потом — по результатам.

«Хирург, — сказал, — должен беречь руки, а ты полы моешь».

Только от этой новости настроение лучше не стало. Ночное происшествие не выходило из головы.

Когда к вечеру приплелась домой, ужасно хотелось спать. Стянула брюки и майку, наскоро поела и отключилась. Ночью проснулась — всё тихо. Неужели я всё время буду сторожить тишину и ждать, когда эти бандиты появятся вновь. А в том, что они появятся, я была уверена: сильно задело тогда старшего, что я ему высказала. После уснуть не смогла: тишина давила на мозг, было слышно, как отстукивает сердце.

Несколько дней страх не отпускал меня, преследовали ночные кошмары, порой я просыпалась в холодном поту. Мало-помалу я всё же успокоилась, тем более никто больше не приходил. Пару раз замечала за собой какие-то тени, но я уверяла себя, что мне показалось, что за мной никто не следит и никто не идёт.

Пятая бригада скорой мне понравилась сразу: Игорь, молодой врач-терапевт, общительный, улыбчивый, и Лена, девчонка-медсестра, только что из училища. Пышечка такая, но проворная. Бежит по первому зову. Меня приняли прямо в объятия: медперсонала не хватает катастрофически. И! Ох! Выдали мне медицинский костюм для скорой, красненький такой. Я и не надеялась.

Так я стала фельдшером скорой. «Почему не врачом?» — спрашивает Игорь.

— Опыт... — развожу руками.

Вызовов было много. Иногда за смену ни разу не присядешь. Зато, придя домой, засыпала быстро. Сначала ждала непрошенных гостей, а потом подумала: «Гори всё синим пламенем! Идти мне некуда. Это мой дом, моя квартира!»

Вызовов много было, но этот вызов я не забуду никогда. От слова, как теперь любят

говорить, «совсем».

Конец августа выдался довольно прохладным. По ночам мы даже надевали куртки.

— Девчонки, утепляйтесь, — наставлял нас с Леной Игорь, — вам ещё рожать!

— От кого? У? — посмеивалась Лена, — от тебя разве только? У? Мы света белого не видим! Правда, Нат! Или от этого деда? — кивает на старичка, которого мы везём на скорой.

Тот день как-то сразу не задался. Сначала ложный вызов. Игорь уже матом ругается. Потом в пробке застряли и бежали бегом до места ДТП. Там, слава Богу, только переломы. Только приехали на подстанцию, проглотили по кружке чая, диспетчер вновь кричит:

— Пятая, на вызов, авария на мосту. Срочно, там дети.

О, Боже! — ужаснулась я, когда мы прибыли на место аварии...

О, Боже! — ужаснулась я, когда мы прибыли на место аварии...

Куча народу облепили автобус с детьми, который задними колёсами на треть повис в воздухе. Очевидно, водитель не справился с управлением. Вижу его на перилах моста. Он белый, как мел, курит одну сигарету за другой и молчит.

Если мужчины, удерживающие автобус, отпустят его, он рухнет в воду вместе с детьми.

— Девочки, — командует Игорь, — без паники, работаем быстро. Жертв пока нет, авось, обойдётся.

Русский «авось». Наверное, и водитель так же думал. Авось пронесёт, авось...

Повсюду раздавались голоса:

— Смотрите, смотрите, парень на крыше. Он детей вытаскивает через люк.

— Почему нельзя открыть двери?

— Их зажало.

— Лучше бы разбили стёкла.

— Нельзя, осколки поранят детей.

А молодой мужчина, в белоснежной рубашке с засученными рукавами, опершись коленями в крышу автобуса, продолжал в одиночку доставать детей и передавать их мужчинам, стоящим на мосту. Неторопливыми движениями парень с силой вытягивал каждого ребёнка из узкого люка. Начала работать наша бригада: осматривать пострадавших.

Лена прокричала:

— Откуда дети? Возраст узнайте.

— Мне девять лет, — ответил мальчик, — мы из детдома номер два. А воспитательница наша отстала. Игорь захотел писать, она повела его, а дядька разозлился и не захотел ждать. Мы говорили, но он не слушал. Куда теперь нас? — мальчуган заплакал.

Мне самой бы хоть не разреветься, глядя на этого малыша, на стайку ребят, испуганно собравшихся вместе. Представляю, что они пережили.

Но тут из подъехавшей машины вылетает молодая женщина, она вся в слезах, за руку тянет такого же возраста мальчика, что и все дети, и истошно кричит:

— Дети! Где мои дети? Ох!

Игорь приводит женщину в чувства, а ребятишки льнут к ней, льнут. Она хочет всех их обнять сразу, но рук на всех не хватает. Тогда дети сами обнимают её.

Кто-то из детей закричал:

— Там Ваня остался, он маленький, он забился под сидение и боится выходить.

Воспитательница снова хватается за сердце.

— Я не пролезу в люк, он узок, — прокричал мужчина с крыши автобуса, — надо ещё кому-то пролезть в сам автобус, только полегче.

— Да слезай уже, сам погибнешь! — слышались советы.

Один мужчина предложил свою помощь, но он был толстоват.

— Я полезу, — прокричала я, потому что представила малыша, одинокого, несчастного, которого все бросили. — Я смогу. Я лёгкая. Только помогите мне взобраться на крышу.

Не знаю, откуда у меня появилась смелость, но я по качающемуся автобусу, как кошка, взобралась наверх. Автобус всё время качало, а народ выдыхал от страха: «Ах!»

— Как зовут? — крикнул мне парень.

— На-таша, — выдохнула я, в последний раз подтягиваясь, чтобы оказаться на крыше, а его сильные руки помогали мне.

Автобус ещё больше накренился, а толпа снова выдохнула: «Ах!»

— Я Сашка, Наташ, держись! Зачем пришла? Видишь, что творится?

От страха сердце зашкаливает, и я уже пожалела о своём геройстве, но делать нечего. Назад не пойду. Автобус успокоился, и Саша строго говорит:

— Твоя задача ногами вниз проникнуть в автобус, нащупай спинку сидения, обопрись ногами и скользи, поняла? Иди, лучше на корточках, в хвост, там ищи малыша, — инструктировал он меня, сверкая карими глазами, когда мне тоже пришлось распластаться рядом с ним, чтобы не качать машину. — Ты сможешь, Птаха, ты маленькая, у тебя получится, — его голос звучал так обнадеживающе, что всё показалось легко и просто.

Но легко и просто оказалось только спуститься и найти малыша, только это:

— Маленький, миленький, иди ко мне, не бойся, — звала я ребёнка, когда проскользнула в салон и, присев на четвереньки, искала малыша. С первого раза не получилось. Я позвала ещё и ещё.

— Тётя, мне страшно, — донёсся его голос, — автобус упадёт.

Он тихо заплакал.

— А ты не думай об этом и иди ко мне, я вытащу тебя, ползи ко мне, миленький, не бойся.

Говорю, а сама боюсь до ужаса.

Мальчик подполз, обхватил меня за шею. Он был худенький, ушастый, глазастый, такой милый. У меня захолонуло сердце. Сжалось, а потом расправилось вновь.

— Саша, — кричу я, — малыш со мной, мне теперь встать надо.

— Вставай, только не резко. И подавай мне ребёнка.

Я кое-как поднялась, автобус качнулся, и мы качнулись вместе с ним, ребёнок заплакал. Переждав, пока появится равновесие, я кое-как встала на сиденье и подала малыша. Саша тут же его подхватил под мышки и передал в толпу.

Но малыш маленький, а я? Я большая. Как он меня доставать будет?

Это сильно расстроило меня. Но выбираться надо, и Саша торопит, зовёт. Ну, с Богом. Пытаюсь подтянуться на руках — сил не хватает. Уф. Я плюхаюсь на сиденье, автобус снова ведёт и уже сильнее. Слышно, как он лязгает об ограждение моста, под ним что-то сильно скрипит, ещё немного — он рухнет, и я вместе с ним, а на крыше Саша уже кричит во всё горло:

— Мужики, да придумайте вы что-нибудь! Девчонка застряла, утонет ведь.

Мне стыдно, что я такая слабая, и даю себе слово заняться спортом. Если выберусь. Подтянулась ещё раз, что было сил, да так и повисла на люке. А автобус качается. А я всё вишу. Сил поднять на руках свой вес нет. Мне бы за что-то зацепиться, но не вижу ничего подходящего.

— Птаха, Наташ, давай, ещё немного поднатужься, — умоляет парень. А лицо спокойное и такое красивое. Мне стыдно перед ним за свою неуклюжесть.

Он подползает поближе:

— Хватайся мне за шею. Я вытяну. Давай, так, другой рукой.

— Мужики, — кричит Игорь, врач моей бригады, — надо камни подложить под колёса. Так он двигаться перестанет. Быстрее, ищите побольше.

Молодец какой, но, как говорят, «хорошая мысль приходит опосля», так и в этом случае.

И, действительно, как только огромные булыжники подложили под задние колёса — автобус перестал двигаться. Хочется заорать: «О чём же вы раньше думали?»

А Саша уже тянет меня из люка. Он пятится назад, как буксиром, вытягивает меня, помогает себе руками. Я уже до колен на крыше.

— Уф, — выдыхаю я, плюхаясь животом, — вылезла, Саша, спасибо! Если бы не ты! Какой же ты сильный! — бормочу я, переводя дух. — Вот это первый вызов!

Потом Саша сползает с крыши на землю, кричит:

— Птаха, давай, лети, поймаю.

Оглядываюсь на него. Хм, да уж. Лечу, красавец!

— Да, уж, Птаха, — откуда и взял-то, Птаха, — недовольно бормочу под нос и покусываю губы от досады. — Как? — кричу, — боюсь!

До земли далеко, если спрыгну — поломаю ноги.

Саша смеётся и тянет ко мне руки.

И надо мне было встать во весь рост! Вот дурра! Автобус покачнуло снова — а я падаю в воду!

Рёв толпы заглушает мои крики. Вот это полёт! Сердце сначала в животе, потом в пятках, а потом вместе со мной в воде на глубине около четырёх — пяти метров. Когда летела, успела попрощаться со всеми, а, в общем-то, попрощаться-то и не с кем. Только дядя Коля и... Саша? Вспомнит ли он обо мне?

Глава 2.5

Вода, холодная, ледяная, сковывающая все мои внутренности, принимает меня в себя. Костюм противно липнет к телу, намокшие волосы прилипают к лицу, мешают смотреть, где я. Я всё погружаюсь, погружаюсь в ледяную воду, по-моему, до самого дна, и, хотя я успела захватить ртом воздуха, но он катастрофически кончается. Мне бы выплыть, мне бы только вынырнуть, я умею плавать. Но прыжок с высоты отослал меня слишком глубоко, я не знаю, на сколько метров.

Лёгкие уже раздирает от нехватки кислорода, меня мучит удушье. Но я не сдаюсь, несмотря на липучий страх: преодолеваю его, помогая себе руками, пытаюсь всплыть. Кислорода всё меньше. Посмотрела наверх — вода стала светлее. Но до спасительного выхода далеко. И вот он — животворящий вдох, и я, как поплавок, качаюсь на поверхности, а кашель (я всё-таки успела хлебнуть воды) раздирает горло. Откашлялась немного, протёрла глаза, вижу: Саша мечется в воде, ищет меня, зовёт во всё горло, приготовился нырнуть, но я успела прохрипеть:

— Са — ша, я здесь, помоги!

— Там, она, там! — кричат зеваки и показывают Саше, куда плыть.

Он мгновенно оборачивается и видит меня: красный костюм трудно не заметить.

Я уже смутно увидела широкие взмахи рук плывущего ко мне Саши, еле расслышала:

— Цепляйся за шею, держись!

Когда нас обоих несколько рук вытягивают из воды, я снова захожусь от кашля: вода всё же пробралась в лёгкие.

Но я в объятиях сильных рук!

— Быстро её в машину! — громко командует Игорь.

— Ну, вот, а ты боялась! — слышу голос Саши. Да, уж, теперь-то я на земле.

С нас обоих вода стекает ручьём. Кто-то предложил:

— Давай понесу, ты сам пострадал.

— Нет, теперь я сам, — рыкнул Саша. А после обвинил: — Вы все стояли и смотрели, как человек погибал, суки.

— Мужики! — слышен истошный крик, — Это же Волков, Александр Волков, гонщик. Ну, что ж вы, вашу мать!

Кто-то в толпе узнал героя, видно интересуется автогонками.

Берег перед мостом взрывается аплодисментами.

Теперь я узнала того гонщика с травмой бедра. Я оказывала ему помощь, а теперь он мне, но какую!

Я обняла Сашу, как родного, за шею, отпускать не хочется, вся мокрая, дрожащая, прижимаюсь к нему и плачу. Плачу от пережитого страха, что едва не погибла, что меня не бросил, спас самый лучший человек на свете, плачу от переизбытка эмоций. А Саша, крепко прижимая меня к себе, несёт на руках к машине скорой, лавируя между людьми: их ещё больше скопилось. А спасательной службы всё нет. Но вот кто-то крикнул:

— Спасатели едут. Два часа назад звонили им. Вот только пожаловали.

Что там дальше происходило, я не видела, потому что мы, как только выбрались из толпы, плюхнулись на сиденье нашей машины. Я — не обращая внимания на новый, весь мокрый костюм, а он — на свои с иголочки брюки, тоже все мокрые.

— Дайте одеяло, она замёрзла! — это Лена растерялась от испуга, а Саша и её смог расшевелить.

Саша кутает меня в одеяло, теперь я в импровизированном коконе, но отпустить от себя не решается. А мне тепло в его объятиях, тепло и уютно.

Так и сидим, укутанные одеялами, смотрим друг на друга.

«Какой же он хороший, — думалось мне, — детдомовцев спас и меня...».

В его тёмно-карих глазах я вижу неподдельный интерес ко мне. Его близость отодвигает только что пережитые события. Я чувствую, что меня как-то незнакомо повело. Такого со мной ещё не было. А я (вот нахалка) пристально разглядываю его. Мне бы согреться, уснуть, я всё смотрю, смотрю...

Аккуратный прямой нос, плавные линии подбородка, полные, красиво очерченные губы, притягивали взгляд. Его лицо ассоциировалось с ухоженными, умеющими себя держать мужчинами. Молодой, лет тридцати тёмный шатен. Мокрые волосы растрепались на ветру, но он не замечает этого беспорядка. Да и зачем. Он и так неотразим, хоть и мокрый. И даже не столько внешностью, сколько лёгкой, доброжелательной, приятной улыбкой.

А он всё смотрит, смотрит и усмехается:

— Попалась, пропажа! — Вспоминай! — лучится Саша и взглядом, и улыбкой.

Флешбек (воспоминание из прошлого) два года назад.

Трибуны автодрома гудят от наплыва зрителей, трасса ревет моторами Лексусов, Фордов, Porsche 997 Cup

Зрители стоя приветствуют Porsche 997 Cup жёлтого цвета. Он первым вылетает на финишную прямую.

Когда по радио объявляют:

«За три этапа серии VLN победителями становится экипаж номер...»

Состав: Александр Волков, Марат Соколов, Аркадий Светов». - трибуны просто взрываются.

— Волк, у тебя нога в крови, — Марат кивает на бедро друга уже в раздевалке. — Где тебя цапануло? Медицина! Эй, есть кто? Помощь нужна.

Марат всегда все Сашкины болячки замечает первым. Сашка и Марат из одного детдома. Двадцать пять лет вместе, стали как братья.

А потом Волков долго не мог забыть девчонку — студентку меда — с синющими глазами, которая обрабатывала ему рану.

Её напор, быстрота движений, живое улыбающееся лицо, дерзкий юмор сбивают гонщиков с толку:

— Комбинезон снять, приготовить доступ к ране, — командует, вынимая медикаменты, — ну, что застыл?

Улыбаается! Вот это улыбка! Мона Лиза отдыхает!

— Снимай, снимай, не сглажу! Да и чего я там не видела! Подумаешь, парень в трусах! ...Хм!

А у Сашки в трусах всё как надо. Почему бы не показать?

— Сейчас будет больно, потерпишь? Подуть? — и снова дерзкая улыбка.

Девчонка быстро справляется с раной и достаёт клей.

— Ей, а клей зачем? — больной не понимает, и Марат смотрит с удивлением.

А она так язвительно, с ухмылкой:

— Сейчас буду тебя клеить!... Непротив? У? да, ладно, не бойся, БФ-6 — медицинский клей, — язвит и бросает мимолётный взгляд. Мимолётный и только.

Но Сашке и этого хватает, чтоб запасть на её синие глаза.

Её пальчики порхают по бедру, именно там, где рана, нигде больше, но... подрагивают, однако. Сашка на минуту замирает. Ресницы из-под её чёрных бровей то взмывают вверх, то ложатся на веко, прикрывая синие глаза. Но как только девчонка упорхнула, помахав ладошкой:

— Пока, мальчики, не болейте.

Волков выдыхает:

— И всё? И больше ничего? Марат, это что было? Мараат, ха-ха-ха, она меня домогалась, смотри! — Волков смешно кривит лицо, а несусветный ржач слышен даже за дверью.

— Кто тебя домогался, придурок! У тебя чо там? — блестя слезами от смеха, еле выговаривает тот, кося взглядом на стояк друга.

— Лечила? Клеила? Домогалась! Найду — вы-бу!

— Ты сначала найди! Ни имени, ни телефона! ха-ха-ха!

Друзья любили посмеяться.

Однако, с тех пор у Волкова подружки на одно лицо: обязательно с синими глазами.

С синими, но не такими, как у той девчонки. Той не нашёл, а может, плохо искал.

Может... была другая причина. Причина была. Веская.

Саша.

Вот это переделка! Вот это я попал!

Автобус, полный детей, поперёк моста, задние колёса свесились над водой, ограждения раскурочены. Я охренел напрочь. Зеваки толпятся, машины сигналият, шофёр мечется. Ни скорой, ни спасателей! Пропадут дети, это точно. И что было делать? Вспомнил себя таким. Своё пропадающее детство.

А машины сигналият с обеих сторон. Орал на всех подряд:

— Дети там, дети, их спасти надо!

А им по хер — главное — проехать.

Пробираюсь к автобусу сквозь толпу. Какая-то женщина меня не пускает:

— Куда ты, такой молодой. погибнешь!

— Если я не пойду, погибнут они, их там сколько?

— Двадцать, не считая воспитательницы.

Кто-то кричит:

— Они там одни!

— А где же она?

Никто не знает.

Я иду к автобусу, отстраняя эту женщину:

— Тогда погибнут те двадцать жизней.

— Они детдомовцы, — глухо доносится до моего слуха.

— А они разве жить не хотят?

Не помню, как взлетел на крышу, стал по одному доставать ребят, своих, детдомовских. А их двадцать. Плачут, скулят, но в руки идут. Мужики сообразили: автобус держат, не дают сорваться с моста в воду. Если автобус рухнет — капец. Тогда ребят из ледяной воды вытаскивать придётся.

— Ничего, ничего, малявки, всех достану, — успокаивал и их, и себя.

А тут, откуда ни возьмись — пострекуха с глазами цвета неба. Я, говорит, полезу. Там маленький, его тоже спасти надо. Синими глазищами светит, а в них страх и жалость.

— Наташа, куда ты лезешь, тебе жить надоело? Это же опасно!

— Там малыш, он тоже хочет жить, а если бы это был твой ребёнок?

— Полезай, — обречённо махнул рукой, а у самого сердце чуть не выпрыгнет.

Когда Птаха свалилась в воду, я проклинал себя всеми словами, которые знал: видел, как она выпрямилась во весь рост, а потом её, как ветром сдуло.

Не удержавшись от очередного наклона автобуса, который съехал почти до половины и мотался от ветра над водой, она полетела вниз, как раз в воду, и это даже хорошо, что не на металлические поручни моста.

Ёп же мать! Не усмотрел! Не хватило доли минуты! И где она? Куда нырять? Глаза ищут несчастную Птаху — не находят. Ищу уже в воде, куда нырнул со всего маху — не нахожу. Ору:

— Кто-нибудь видит девчонку?

Отрицательно машут — нет!

Ёп же мать!

Мечусь в воде — туда — сюда. Нет нигде. Нырнул ещё раз, проплыл под водой — не вижу, ничего не вижу.

Сердце колотится о рёбра от нехватки воздуха и от страха, что потерял Пострекуху, всех достал, а её нет, и всё из-за дурацкого автобуса, хоть бы его разорвало, да жаль люди кругом. А люди мечутся вдоль берега, а нырнуть — ни одного желающего, не вижу ни одного молодого лица.

Значит, я тут один, е*анутый такой, остальные все умные.

Ох, наконец-то, берега кричат:

— Там, там, она!

А после уже её голосок:

— Саша, я здесь, помоги!

В холодной воде кровь закипела в жилах:

— Наташка! Живая! Цепляйся за шею!

Когда нас обоих несколько рук вытягивают из воды, она заходится от кашля: вода всё же пробралась в лёгкие.

Но теперь-то я из своих рук её не выпущу.

Мокрые брюки, и не нахожу ключей от машины. Чёрт! Я ж их в зажигании оставил! А уходить от этой девчонки так не хочется! Я стараюсь запомнить эту встречу с Наташей — встречу удивительную и редкую по своеобразной ухмылке судьбы. Её глазищи в пол-лица, её губы! Сашка, да ты запал! Точно запал! Столько баб перевидел, но такую встретил впервые. А как она там, на крыше! Потрясающая девушка!

А как в воде??!! Вот то-то же!

— Саша, а почему Птаха? Я вроде немаленькая, — мокрая Птаха улыбается мне.

— А разве нет? Как ты вспорхнула, как двигалась, какая смелая. Посмотри на них, — кивнул на зевак, — пришли посмотреть, а ты в автобус взлетела.

— А ты? Ты всех детей спас, я только одного. Ты спасатель, а как твоя фамилия?

— Волков. И я не спасатель, я машины люблю, ими и занимаюсь.

А сам всё смотрю, смотрю, она чуть засмушалась, оторвала взгляд, отвернулась, опять улыбнулась. Птаха моя замёрзла.

Надо было уже уходить, и её коллеги уже ждали, а я не могу. Знаю: не встречу её больше, такие девчонки — редкость, там, где я обитаю, они не ходят. Запомнил руки её с того мгновения, как она подавала мне малыша, а потом сама тянулась ко мне, за шею хваталась. С того ли? Нет, раньше...

— Ну, мне пора, — говорит, не поднимая глаз, — пока, Саша. Меня уже ждут.

Вижу, что и ей паршиво и грустно.

— Стоп, стоп, куда, а телефон? — мои глаза загораются. В её отражается солнце.

— 03! — рассмеялась она, а мне так легко и приятно стало.

— Нет, так не пойдёт. Скажи хоть фамилию, бригаду, — боюсь, что снова не встречу её. А хочется весь мир подарить взамен всего лишь одного поцелуя. Когда она меня чмокнула в щёку:

«В награду за спасение детей!» — я даже растерялся.

В жизни с девчонками не терялся. А тут такое. Запал, как тогда, два года назад.

Натка.

Он не отступает, а карие глаза загрустили, обиженные, как у ребёнка. Я ответила — он повеселел. «Что? Волкова? Да, ну!? — наши одинаковые фамилии удивляют его, — ...Я

найду тебя, Птаха! Обязательно!!!»

Меня всё же кладут на носики в скорой, укрывают одеялом, но меня опять трясёт. Без Сашиного тепла мне холодно.

— Игорь, где Саша? Он же весь мокрый, — пролепетала я нашему врачу.

— Нат, тебе в больницу надо, и не спорь! А Саша приедет, если ему будет нужно.

Но машина скорой тронулась, меня на ней везут в больницу как единственную пострадавшую. Теперь мне будет такой нагоняй! Бригаду подвела, сама чуть не утонула. Ну и пусть! Сегодня я снова встретила Сашу. Сашу Волкова. После той незабываемой встречи прошло два года. Ровно два.

Глава 3.1

Натка.

После вынужденного купания в холодной воде, после всего пережитого, я заболела. Ангина, бронхит и прочие радости. Болею впервые — потому неприятно. В детстве на страже моего здоровья стояли мама и бабушка, теперь — врачи терапии, куда меня определил Руслан Николаевич в отдельную палату. Махала руками: не надо, я и в общей полежу. Отмёл все мои возражения, сам привёл, поселил, даже удивил: волнуется.

Первый день я долго спала. Отзывчивые постовые сестрички меня кололи, кормили, укрывали, даже форму мою в порядок привели и у себя спрятали.

За день температура спала, я проснулась ближе к вечеру. О ночных гостях я уже совсем забыла, но о Саше всё время помнила. Больной организм притупил ощущения, но не настолько, чтобы не вспоминались его глаза и руки. Всё время всплывали картины: Саша на крыше автобуса, Саша мне улыбается, Саша в воде, злой, взбудораженный, потом радостный, что нашёл меня.

А вот я его, наверное, потеряла...

Я не тешила себя иллюзиями, что он станет искать меня в больнице, что придёт, навестит, улыбнётся опять... Грустно, конечно, но ничего не поделаешь... Видно, не судьба... А как жаль! Хочется плакать, но что же реветь: слезами горю не поможешь.

Отвернулась со злостью к стенке, тёрла глаза, чтобы слёзы убрать с лица долой, и вдруг слышу:

— Кхм! Спишь?

Слёзы высохли мгновенно, грусть сразу прошла, а на моём лице широкая улыбка.

— Саша! Ты!? — я не верю своим глазам. — Нашёл, — потом смущённо: — не забыл?

На пороге... нет, не старушка с корытом, а добрый молодец, красавец всех морей и океанов и той речки, где я чуть не утонула — Волков Александр с огромным букетом цветов и с пакетом самых вкусных йогуртов.

От радости я смущаться позабыла и бросилась к нему на шею.

— Саша!

— погоди, погоди, Птаха! Цветы куда и йогурты? К тебе не пробраться! Оборону держат намертво! Еле прошёл!

А постовые сестрички тут как тут:

— Наташ, у тебя режим!

А я взвизгиваю от радости, скачу, как сумасшедшая, целую его в обе щёки, машу девчонкам: «Да ну, вас, с вашим режимом!»

А он тоже смеётся, радуется, а обнять не может — руки заняты.

— Ладно, уж, — одна из сестричек, а сама на Сашу поглядывает, интересуется, кто мне Саша. Но цветы забирает и приносит вазу.

Моя бесцветная палата сразу оживает от неопишуемой красоты букета.

— Девчонки, вот вам по йогурту, по шоколадке — и дайте поговорить. А? — это он сестричкам, сверкая обаятельной улыбкой.

Я опять целую Сашу, целую, как брата... Пусть все думают, что Саша — мой брат: фамилии-то одинаковые.

— А у тебя тут ничего. Как лечат? — спросил, а из объятий не выпустил.

Его взгляд, далеко не братский, меня... смутил. Но какая-то червоточинка появилась в сердце: специально искал? Откуда шёл? По пути заглянул, когда к девушке направлялся, потому как времени уже полвосьмого, вечер? Хочется верить, что ко мне, что специально, что... Но такой красавец... Как без девушки?

Преодолев сомнения и смущение, не отводя глаз от него, рассказываю, говорю ничего не значащие слова, когда мы присели на кровать, вернее он присел, а меня на колени к себе устроил.

— Как ты, Птаха? — его проникновенный взгляд доходит до моего воробьиного сердца. Оно трепещет, как крылышки маленького воробышка. А я жмусь к гостю, как птенчик к тёплому гнезду.

На глаза наворачиваются слёзы, я глотаю их, прячась у Саши на шее, вдыхаю дурманящий аромат парфюма и чистой кожи и не могу выговорить ничего. Он почувствовал, что я плачу и немного отстранил от себя:

— Нууу... вот... теперь слёзы! — вытирает своим платком мне щёки, глаза, как маленькой, но смотрит хмуро, — а как весело было...

Саша забирает мои заплаканные щёки в ладони и медленно проговаривает признание: «Натка, ты у меня полжизни забрала... там... в воде... Думал, что всё, конец, больше не увижу, никогда, никогда не увижу!»

И рвёт меня к себе, в объятия сильных рук и огромного доброго сердца, которого хватило на всех: на меня, девушку-сироту, бесприкайнную, одинокую, никем не защищённую, никому не нужную, не ждущую ни от кого тепла и добра, потому как мир жесток, а люди зачастую холодны и равнодушны, и на тех сироток из детского дома номер два. Если бы не Саша — искали бы их сейчас там, на дне безымянной реки или с именем, да какая разница. А на кладбище выросло бы двадцать маленьких холмиков.

— Прости меня, я не хотела, так получилось, — кроме этого, не знаю, как извиниться за свою неосторожность.

Я так и сижу на коленях у Саши, глажу пальчиками его щёки, шею, и мне так приятно, так спокойно, вот век бы так сидела.

— И она ещё просит прощения! — укоряет меня мой спаситель. А потом меняет настроение и весело так говорит: — А тебе орден дали? А?

Теперь мы вместе хохочем, прыскавая в кулак. Да, уж, дадут и ещё добавят, если мало показалось. У нас, к сожалению, так.

Потом только несколько строк появилось в газете:

«На мосту реки *** произошло крушение автобуса с детьми. Никто не пострадал, благодаря слаженным действиям спасателей из части № раз.»

Упс!

Да мы не в претензии! Главное — все дети живы, и мы с Сашей тоже.

Когда Саша собирается уходить, я кусаю губы, чтобы не заплакать. «Как маленькая!» — ругаю себя.

Саша.

— Сашка! Ты что? Купался? И где твои туфли? — кричит Марат, как только я открываю дверь нашего маленького офиса. На больший — нет средств, да и большой нам не нужен. Марат — моя персональная насадка и друг по совместительству. Сколько я себя помню — он всегда рядом. Вместе гоняли, теперь работаем вместе. У нас три СТО. Ремонт, тюнинг, аэрография. Всё, как у всех, но разница в том, что мы гонщики, машины — наша жизнь, каждый из нас слышит душу авто. К нам пришли самые крутые техники, оказавшиеся не у дел. Мы принимали всех, кто действительно любил машины. Дело сразу пошло. Даже реклама не потребовалась — говорили: «Волков и Соколов своё дело знают».

Вслед за первой СТО открыли ещё две: для авто и мотоциклов. Мы работали много порой забывали про сон и еду. Два года вкалывали.

Мы всегда и везде вкалывали: на трассе, в мастерских. Ничего просто так нам не давалось.

Наверное, все думают: ах, гонщик, ах, Волков, ах, звезда. Но и звёздность просто так не давалась. Накрутишь руль за целый день — мышцы в узел, спина и ноги ноют, хочется в душ, в кровать и спать, спать, спать...

А девчонки... были, но не так уж и много, я не хранил целибат, да и зачем, я был совершенно свободен, пока... пока снова не встретил Наташку.

Вот уже целый час мы сидим в Наткиной палате напротив друг друга, разговариваем, как два давно знакомых человека. Но это был следующий день, в первый поговорить не удалось: туда-сюда сновали постовые.

Я расслабился и просто наблюдаю за ней: как говорит, как тонкими пальчиками поправляет пряди волос, выбивающиеся из скромного пучка, как поднимает руки, чтобы собрать пучок снова, как при этом вверх поднялась её грудь. На грудь я уже спокойно смотреть не мог. Меня повело к ней, безудержно, меня прорвало. Посреди разговора я беру Натку за кисть руки, поднёс к губам, а сам щурюсь и смотрю на эту красивую, искреннюю и... чистую девчонку.

Но девчонкам я верить давно перестал — жизнь научила никому не верить, тем более девчонкам из меда: знаем, плавали... Ей, этому воробышку, верить хочу, очень, но, чем чёрт не шутит, когда Бог спит, а вдруг я ошибся. А ошибаться так не хотелось!

И я решил проверить. Но... как проверить. Просто потянуло к ней.

Я за руку тихо привлёк Натку для поцелуя, она подалась. Горячее прерывистое дыхание обдавало мой рот на расстоянии нескольких миллиметров. Безумие накрыло меня с головой, уж так соблазнял меня её ротик.

На скромный, лёгкий поцелуй ответила, потом мои губы легко коснулись её шеи, я втянул в себя воздух, её запах, обалдел от аромата топлёного молока и чистой кожи, с недоверием посмотрел на неё: разве можно так пахнуть! Испуганные до ужаса глазёнки, нежные ладошки с тонкими пальчиками, скользкие по моей шее, — млять, меня повело окончательно: я целовал её уже более настойчиво, придерживая её затылок, не позволяя уклониться от поцелуя. Она целовала в ответ, неловко и неумело. Её аромат буквально окутал меня, взял в плен, а колкие мурашки пробежали по моему телу, сбивали меня с толку, и я хотел, чтобы этот поцелуй не заканчивался никогда.

Вырез ночной рубашки из мягкой ткани, в которой видна ложбинка груди, приковывал мой взгляд. Ложбинка и тонкая шея, обрамлённая распущенными волосами. Сюда бы ещё кружева. Белое кружево. Тогда уж точно принцесса или невинная школьница.

Но, когда я наклонил Наташу на одну свою руку, опять целовал её пухлые губы, то одну, то другую, то обе вместе, я упивался мягкостью губ, другая рука-злодейка захватила в плен её налитую, тугую грудь,(ммм, чёрт, какая тугая!), а пальцы захватили маленький сосочек, который ощущался даже через ткань, её синие глаза широко распахнулись, в них загорелся и потух желанный огонёк. Моя рука скользила дальше. Я приподнял подол рубашки, коснулся гладкой кожи бёдер, провёл по ним, дошёл почти до паха, до края трусиков, девушка, задыхаясь от моего поцелуя, тонкими ладошками толкнула меня, попыталась вырваться, я сильнее прижал её, лаская набухшую грудь. Мой член пульсирует, в ширинке тесно, яйца ломит. Млять!

Но Наташа с такой силой меня оттолкнула, что я упал на подушку.

— Нет, Саша, нет, здесь же больница, — прошипела, вскочила и отошла к окну, поправляя халатик.

Дурак! Проверить! Её! Дурак! Но было уже поздно, мои раскаяния опоздали, но я не сдавался.

— Нат, что-то не так?

Она обернулась, а я прожёл её взглядом: испытание продолжалось помимо моей воли. Что уж, коль начал — надо закончить.

— Ключевое слово — больница? — съехидничал я. Я всё ещё ей не верил.

Но Наташа была бы не Наташей, чтобы не ответить мне моей же монетой:

— Может быть! А может быть, и что-то другое. Ты думаешь, я боюсь? Боюсь, конечно, но только себя. В том, что случилось — виновата только я, — она говорила, глядя мне в глаза, стоя у окна, и я видел её хрупкую, стройную. Складки ночной рубашки, больничной, даже больничной, не могли скрыть изящных изгибов её тела. Я встряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения

Потом всё же повернулась: — А... может, ты хотел такой благодарности за моё спасение? — после этих слов на несколько минут повисла тишина. — И..., короче всё, тему закрыли, а тебе пора идти. Девушка, наверное, ждёт.

Наташа села на стул, сложила руки на коленях и смотрела только на них.

— Ната, эээ, ты так поняла??? Я... ты...

Я не знал, как ответить на её последний вопрос.

Это было, как удар под дых, как громкая оплеуха, как... Что там ещё надо было сделать со мной, за то, что я повёл себя, как похотливый кобель.

В палате звенело молчание. За дверью было тихо.

«Ну, что, Сашка, проси прощения!» — подумалось мне. А сердце замирало от нежности к этой девушке.

Я приблизился к ней, присел на корточки и не мог не положить свою голову к ней на колени. Я снова ощутил её запах. Запах топлёного молока и Наташи... Её собственный запах... Глубокий вздох и глубокое молчание.

Она отстранилась и медленно встала. Закуталась в больничное одеяло, как будто ей стало вдруг холодно, как будто этот кусок, пахнущий хлоркой, мог её согреть.

Меня раздирало позднее раскаяние. Хотелось обнять, согреть, приласкать, ощутить тёплые ладошки на моей груди, снова заключить в объятия. Меня снова влекло к ней

неудержимо и властно, но я даже приблизиться к ней теперь боялся.

У двери я всё же оглянулся, решил ещё раз посмотреть на Натку. Наши взгляды встретились, и я прочёл в её синих бездонных глазах столько боли, разочарования, осуждения, безысходности. И всё это сразу, и всё это вместе.

— Наташа, я... — начал я, когда опомнился.

— Не надо, ты потом поймёшь, если только сможешь меня понять. Спокойной ночи, Саша.

Мне ничего не оставалось, как только выйти и тихо прикрыть за собой дверь.

Уже сидя в машине, я вдруг обиженно подумал: «Подумаешь, цаца, попалась бы ты мне в другом месте».

А потом: «Волчара ты позорный! Ну, что? Получил по носу? В другой раз будешь головой думать, а не разбухшим членом! Сразу же видел: она не из той породы! Она жизнью рисковала вместе с тобой, она, ни на минуту не задумываясь, бросилась спасать эту крошку, а ты, идиот, вздумал её проверить».

Я понимал, что больше Натка просто не захочет меня видеть, что я потерял её, едва только нашёл. Но дело сделано, и обратного пути у меня не было.

Я гнал машину на самой высокой скорости, я лупил по рулю так, что он в каждую минуту мог рассыпаться. Я был зол. Как я был зол!

А ведь как хорошо начиналось, как радовалась Натка, как она меня целовала! Чистая, добрая, а какая смелая! Она чуть не погибла, а я её проверять!.

И вдруг ловлю себя на мысли: а кто, когда, где мне так же радовался? Я даже резко затормозил.

«Ни в одном доме этого города тебя не ждут и не рады тебе, ну, разве Степаныч да Марат? закадычный друг по детдому, могут принять тебя, накормить и помочь. И всё. Была ещё Натка, но ты оттолкнул её, называется, проверил», — размышлял я, уже подъезжая к дому.

На следующий день, в суматохе забот и неотложных дел, я то забывал о Натке, то вспоминал. Когда вспоминал, меня тянуло к ней, туда, в больницу.

Я сидел в своём кабинете на автосервисе и думал, размышлял, уставившись в одну точку.

Вспоминаю о Натке и ещё больше убеждаюсь, каким я выставил себя негодяем. Возможно, я таким и был, но лишь отчасти, — у меня вредный характер, но не со всеми, и, встретив на пути девушку, которая умела за себя постоять и не поддаться на мои уловки, которая при одном коротком взгляде на неё не текла, не летела, как пчела на мёд, я понял: её мне никто не заменит. А мне нужна только Наташа, моя гордая Натка. Мой жестокий способ проверки только всё испортил, и я поклялся вымолить у неё прощение. Мне не надо было её ни с кем сравнивать, потому что она несравненна, она та, кто в огонь и в воду. А я за неё в воду и в огонь пойду.

Я приезжал к больнице, но войти не смог. Найдя её окно, я видел, как она одиноко стоит, задумавшись, замирает на несколько минут, поправляет мешавшие волосы, снова замирает, уходит внутрь палаты. А мне в мозг бьётся мысль: почему я тут, под окном, а не там, с ней в палате.

Перебороть себя — значит войти к ней, значит разбередить обиду, нанесённую мною же.

Натка.

Саша покидает палату, за ним тихо закрывается дверь, я так и стою у окна. Я всё смотрю, смотрю на больничный двор, куда приезжали какие-то машины, а потом уезжали. Сколько я так простояла — час? Два? Да, какая разница. В голове — ни одной мысли. Я снова опустошена и обессилена.

Немые рыдания вырываются из груди, и я сползаю вниз. От чего я спасла себя, если сейчас медленно умираю изнутри?

«Тихо, Натка, тихо, — успокаиваю я себя, потому что больше некому было меня успокоить, — ничего, так бывает: ждала прекрасного принца, а пришёл соловей-разбойник. Если соловей-разбойник, то почему так ноет сердце? Почему так ноет и жжёт в груди? Почему, как в детстве, ждала деда Мороза, а пришёл Степаныч, дядя Коля, и борода у него из ваты, а на ногах не валенки, а домашние тапки?»

Тысячи «почему» сыплются на мою бедную голову, но ни на одно не приходит ответа.

Может быть, он рассчитывал на секс на одну ночь, но я — нет. Наверное, у него было кому его утешить, опытные, искушённые, готовые на секс в ту же минуту, когда он попросит. Это не про меня. Я не питала иллюзий насчёт мужчин и к таким отношениям не стремилась.

В свои неполные двадцать четыре, я сохраняла девственность, и это меня не тяготило. Напротив, я этим гордилась даже. И пусть девчонки смеялись, пусть сыпали подколками, я твёрдо знала, что я дождусь того, кому отдам всю себя, я буду выбирать сердцем.

Внезапно из-за окна донеслась мелодия, песня Славы «Одиночество». Я прислушалась, но было плохо слышно. Тогда я трясущимися руками нашла эту песню у себя в телефоне. Надела наушники и погрузилась в эйфорию песни:

Каменная леди, ледяная сказка,

Вместо сердца — камень, вместо чувства маска,

И что, больно всё равно.

«Это про меня? Про меня? Да? Я каменная, я ледяная, у меня вместо сердца камень? — спрашивала я себя в исступлении. — НЕТ! Я не каменная! Я живая! У меня есть чувств, ест желания! Есть!» — молча кричала я в пустоту.

Одинокой кошкой вольным диким зверем,

Никогда не плачет, никому не верит,

И что больно всё равно.

Одиночество — сволочь, одиночество-скука

Я не чувствую сердце, я не чувствую руку

Я сама так решила, тишина мне подруга

Лучше б я согрешила, одиночество-мука.

В чём я виновата? В том, что хочу любви, а не сгореть в одну ночь, как ночная бабочка, вьющаяся у огня страсти?

Ты в объятьях страсти, укрощая львицу,

Знай, что она хочет, хочет покориться

Тебе, проиграть в игре.

Рвётся она в клетку чувства и желаний,

Надоело мёрзнуть в царстве ожиданий

Одной, стань её судьбой

Я сама дверь закрыла,

Я собою довольна,

Отчего так плохо,

Отчего же так больно.

Но...я сама дверь закрыла, просто захлопнула, что было мочи, с грохотом, с остервенением, с бабахом, с тарарахом, и потому... потому мне сейчас так больно, потому так больно и так плохо.

В чём я виновата? В том, что хочу любви, а не сгореть в одну ночь, как ночная бабочка, выющаяся у огня страсти?

Нет! Я не виновата и буду ждать!

Но почему же я всё время вспоминаю его поцелуи на губах, на шее? Почему так трепещет моё воробьиное сердце? Почему я всё ещё помню его запах? Почему мои руки помнят его кожу на щеках и на шее? По-че-му?»

Тысячи «почему», а ответом на них — мои безмолвные слёзы и мокрая подушка.

Последнее, что подумалось мне, перед тем, как сном заволочло мои мокрые от слёз глаза: «Он больше не придёт!»

На следующее утро я становлюсь центром внимания главврача больницы, заведующего, конечно, Руслан Николаевич пожаловал. Спрашивали о здоровье, благодарили, а главврач принёс, сам! Даже премию! Деньги небольшие, но очень кстати. Руслан тоже вручил спонсорскую помощь, только непонятно откуда.

Но вместо этих троих я хотела бы увидеть Сашу. Но он просто сказал тем вечером: «Ну, пока, выздоравливай и больше не тони, вдруг меня рядом не окажется!» — и ушёл.

Вот так... всего лишь.

И ещё этот Руслан... Всё смотрит на меня, смотрит, словно ищет что-то на мне, берёт в руки мои пальцы и будто оценивает их, касается губами моей ладони внутри. Я не понимаю и с раздражением забираю.

— Что-то не так с ними? — спрашиваю.

— Нет, Наташа, всё хорошо. Ты же собираешься стать хирургом? А руки для нас — самое главное.

— А голова? — не могу скрыть сарказма.

— Ты права, Наточка, голова важна тоже.

Наточка. Хм. С каких пор?

— Руслан Николаевич, скажите, что вам надо? — я говорю прямо, потому что не в настроении, потому что этот поцелуй совсем не к месту.

— А ты не понимаешь? — удивлённо вскидывает бровь. — Спецкурс, твоя специализация зависят от меня, Наташенька. И нам ещё долго работать вместе.

Ввух! Он заговорил открытым текстом! Ничего себе!

— Но я могу перейти к Потапову? А? — я не сдаюсь, и мне его намёки абсолютно безразличны.

— Можешь, только зачем? Его профиль — чистая хирургия, а у тебя кардио. Хочешь изменить своей мечте?

— Нет! — меня этот трёп уже стал сильно доставать. — Я просто мечту изменю! У? И потом, Катя, вы же не обидите бедную девочку? Она спит и видит оказаться на моём месте.

— Ууу, нет, Катя не потянет. Она в другом месте хороша.

Вот гад, он и не скрывает, что спит с ней. Сволочь!

— Так я жду тебя, Наташа, где-то через месяц в своей клинике. Начнём работать, вместе. А про Катю ты забудь.

Как же! Забудешь!

Катя Невзорова — дочь состоятельных родителей. Она пришла к нам в мед после третьего курса, когда определяются с конкретным выбором профессии. Я выбрала хирургию, и Катя, как ни странно, тоже, хотя знаниями не блистала. Но блистала совсем другим: модным прикидом от кутюр, она просто рафинированная куколка, которой почему-то захотелось диплома врача, а какого — ей безразлично.

Наш Руслан — мужчина видный, что уж — просто красавец, вот она и клюнула, когда он предложил наживку.

«Ну, что! Поживём — увидим. У меня есть в запасе месяц», — размышляла я.

— И... вот ещё что... — он смотрит на меня с прищуром, а потом... достаёт из кармана бренок бархатную коробочку. — Прими на память.

— Но, это кольцо, Руслан Николаевич! — я сражена наповал, когда он раскрывает коробочку и достаёт кольцо из белого золота. — Зачем оно мне!? Предложите лучше Кате. Она будет рада. А я не приму, простите, мне оно не нужно.

— А ты всё же подумай! — он не сдаётся и буравит меня взглядом. — Подумай, что для тебя важнее. Ты, я вижу небогатая девочка, но такая красивая, какая же ты красивая, Ната! — он на мгновение замирает и не отводит от меня глаз. — А такой муж, как я, на дороге не валяется.

— Что? Что? Муж? Да вы что? Руслан Николаевич! Вы в своём уме? То есть, вы всё это время рассчитывали, что я вам брошусь на шею? Вуух! Если бы я знала...

— А я предлагаю тебе обеспеченную жизнь, место в моей клинике, мне нужен умный врач, ну и... впридачу себя!

— Но ведь вы же меня не любите, и я вас не люблю! А за вас любая пойдёт, только свистните! Почему я? — меня достаёт эта наша перепалка, мне хочется, чтобы он ушёл и не приходил никогда, чтобы забыл, что я существую.

— Стерпится — слюбится! — бросает он и уходит.

Вот те раз! Не было печали — так Руслан явился! Мало мне несчастий на мок многострадальную задницу — Руслан добавил! И с чего он решил предложить мне замужество? Как красивой кукле? Как помощнице? Не понимаю! Ничего! Абсолютно! И если бы хоть как-то ухаживал! Ну, смотрел, то есть, поглядывал, приглядывался, что ли, ну, я видела, что нравлюсь ему, как впрочем, многие девочки, он так же на многих смотрел. Ну, обнял пару раз, но так и других обнимал так же. Я замечала несколько раз, как он смотрит на мои руки. Ну и всё! А тут, нате вам — замужество!

Руслан уходит, а мне его золотистые русые волосы, идеальная мужская фигура в строгом костюме, но высокие скулы и красивый порочный рот почему-то вызывают неприятное отторжение. Мужественная челюсть, красивые брови и пушистые ресницы, а глаза... глаза какие-то хищные что ли. Вот они и пугали меня. Он красив. Да, но он не для меня. Я начинаю сравнивать его с Сашей... Опять с Сашей. Мне никак не удаётся забыть его. Да и забуду ли? Не уверена.

И с чего это Руслану вздумалось предлагать мне замужество?

В больнице я всего два дня, но уже так надоело. Хочу домой.

«Хочу домой, — подумала я. — А... как домой? А если они опять придут?»

Происшествие на мосту, встреча с Сашей отодвинули воспоминания об ужасной ночи, а теперь снова нахлынули, всколыхнули, заставили ужаснуться, что будет, если ночные гости пожалуют снова. А они придут. В этом не приходилось сомневаться, потому как я тогда сдуру рассказала им всё о себе, ну, или почти всё.

Все эти пять дней я надеялась, что Саша придёт, хотя бы для того, чтобы попросить прощения или извиниться. Но он всё не шёл и не шёл.

По вечерам через окно я выглядывала его фигуру среди людей, приходивших и уходивших из клиники, хотя понимала, что больше он не придёт. Однажды мне всё же показалось, что я вижу знакомую фигуру, но она скрылась в темноте, и как следует рассмотреть, у меня не получилось.

В конце концов, я перестала его ждать. Букет, что он приносил, пришёл в негодность, и я выбросила его в ящик для мусора. Тогда мне показалось, что туда же летят все мои воспоминания о Саше и тёплые чувства, что тогда зародились, но так и не раскрылись.

Неожиданно постовая сестра, Лена Северова, пришла утром и, как бы извиняясь, протянула мне карточку, какие вкладывают в цветы.

Она была завистливой девушкой, все это знали, а когда я спросила: «И это всё?», она пожала плечами:

— Зачем тебе одной столько цветов? Пусть все порадуются.

— Когда приносили букет? — стараясь сохранить равнодушный тон, поинтересовалась я.

Оказывается, вчера вечером какой-то пацан принёс букет, сказал, кому и ушёл.

Я не сказала больше ей ни слова, только со злостью захлопнула перед её носом дверь.

На карточке я прочла только своё имя и фамилию, третье слово было густо зачёркнуто.

Это слово не давало мне покоя, но только поначалу, а потом я просто махнула рукой: не нужна — так не нужна.

А про Лену подумала: «Вот, что с людьми делает зависть!» Она, конечно, двигатель прогресса, но и порождает зло — это точно.

Потом, не раз, чужая зависть покажет мне своё чёрное лицо, но это будет потом, после, а пока зависть лишила меня радости, надежды, что мы с Сашей не затеряемся в этом мире.

Только пять дней я выдержала в больнице. Одиночество, безделье, бездейственность меня доконали, и я попросилась на выписку, клятвенно обещая, что продолжу лечение дома.

Когда я пришла к Потапову и попросила его взять меня к себе на курс первички, он прямо сказал: «Давно бы так! Я тебя ждал, если честно! А кардиохирург, Наташа, — профессия всё же мужская. Быть подручной у Семёнова — не лучшая доля для тебя».

Потапов Игорь Владимирович — не Семёнов. Потапов — трудяга, он врач, хирург от Бога, ни звания, ни награды его не интересуют, об этом знали все. Он вечно в отделении, кроме больных, его больше ничего не интересует. Он немолод, около сорока, пусть звёзд с неба не хватает и не может похвастаться ни мускулами, ни дорогими костюмами, он всё время в белых штанах и робе, как у всех врачей, но студенты его хвалят за справедливость и отличное знание практики. Но главное — он женат и в связях со студентками не замечен.

Но почему он сказал: «Я тебя ждал», — мне было непонятно, а выяснить мне было неудобно. "Быть подручной у Семёнов" — тоже неясно.

Потапов велел мне приходить через месяц.

Досада, сожаление о моей несбывшейся мечте меня пока не отпускают. Но в том, что я слишком заманулась, мечтая стать кардиохирургом, Потапов прав, что всё же профессия эта мужская, потому как не терпит застоя, надо постоянно совершенствоваться. У женщин такой возможности порой не бывает.

Я не знала, да и как я могла знать, что в клинике у Семёнова два мужчины вели разговор:

— Ну, что, Руслан? Можно поздравить?

— Не с чем. Она отказалась. Зря мы всё это затеяли.

— Это не тебе решать. Твоё дело — резать и штопать. У неё есть кто-то?

— Насколько я знаю — нет. Она ушла от меня к Потапову. Возвращать её не вижу смысла. Потапов тоже набирает группу кардиохирургов. Чистая хирургия — это не только грыжи и желудки.

— Ну, лады, пусть учится там, а потом посмотрим. Хм, Руслан, и как это ты с девкой не договорился? На тебя не похоже, ты вон какой у нас!

— Она не девка, она...

— Я знаю, кто она! А ты прикуси язык! И чтоб ни одна душа. Ты меня знаешь.

Руслан хорошо знал этого человека. Этот разговор был ему неприятен. Ему неприятен был торг. «Торг тут неуместен!» — отрезал собеседник. Он облегчённо вздохнул, когда его собеседник покинул клинику, отделение кардиохирургии.

Домой я шла в полном разброде мыслей: что делать, и кто виноват — меня интересовало, прежде всего.

Кто виноват, я знаю, я сама, а вот, что мне дальше делать?

Вопрос.

К моему огромному удивлению, на лестничной площадке я вижу Сашу немного теряюсь. Моё сердце пропускает удар, сбивается с ритма, а к щекам приливает кровь. Я всё же надеюсь, что в полумраке подъезда он не увидит, что я краснею.

В тёмных джинсах, в обтягивающей его стройный, роскошный торс светлой футболке, из выреза которой возвышалась крепкая, загорелая шея, такой весь ухоженный, он не вписывался в облупленные стены нашего подъезда. Однако же он тут стоит и кого-то ждёт. Но не меня уж это точно: откуда ему знать, где я живу. Да и я, в чёрной футболке и таких же по цвету джинсах, купленных на рынке, ему вовсе не подходила

— Наташа? — удивлённо приподнимает брови Саша, а в глазах тут же вспыхивает недобрый огонь. — Ты как тут?

— Здравствуй, Саша, — я совсем не ожидала его тут встретить, но эта неожиданность мне очень была приятна, и я всё же подумала, что он меня искал, искал и нашёл.

— Я тут живу, а ты? — я даже пытаюсь улыбнуться, но тут же прячу, потому что мне не понравилось раздражение, с каким Саша смотрит на меня, а потом говорит.

— Ты тут? В этой квартире? Одна живёшь? — сначала мне кажется, что он сбит с толку, но после он о чём-то размышляет, и теперь в его голосе звучит не только раздражение, но и слышатся нотки непонятной озлобленности.

— Конечно, одна, с кем же мне жить, — пожалала я плечами. Мне надо было идти дальше, но Саша не пропускает.

— Наташ, скажи правду, и я отстану, — не унимается Саша. Его вопрос сбивает меня с толку. Он стоит рядом, возвышается надо мной, как скала, потому что он выше меня на целую голову. Если во мне метр семьдесят, то сколько же в нём? — Ты из-за него меня отшила? У тебя кто-то есть? Не проще ли было сразу сказать: катись, Волк, ты рылом не вышел! Ну, ты и артистка!

Чем больше он говорит тем более раздражённым становится его голос, тем больше щурятся в негодовании его глаза, а расстояние между нами всё стремительнее сокращается. Он почти кричит на меня. Он прижал меня к стенке и навис надо мной, опершись в стену обеими руками. Его губы находятся уже так близко, что ещё миг, и он вопьётся ими в мои, и тогда... Он завораживает меня своим взглядом, гипнотизирует, но его обвинения коробят меня, я могла бы его оттолкнуть, но хотела ли я этого? Его запах обволакивает меня, а его шея... так хочется провести по ней пальчиками.

И я... касаюсь, касаюсь его щеки, чуть шершавой, молча, не ответив ни на одно его дурацкое обвинение, прикасаюсь, провожу пальцем по скулам, по подбородку, встаю на носочки, обхватываю шею руками, и... зажмурившись, прилипаю губами к его губам, к таким тёплым, родным. Я поцеловала его, как могла, как умела, а он подхватил меня, приподнял, прижал к себе так сильно, что мои рёбра вот-вот захрустят, и целовал, целовал в ответ, он сминал мои губы, страстно, проникая внутрь языком, что-то ища там, чуть прикусывая мои губы, вкладывая свою боль, свою горечь, как будто сто лет ни с кем не целовался, или только со мной.

В коротких перерывах между поцелуями он повторяет: «Наташа, Наташка, брось его, брось!». А потом опять целовал. Целовал мои губы, лоб, щёки, я отвечала ему, может, не так страстно, как он, но он сводил с ума меня своими поцелуями, я таяла, я плавилась от его поцелуев, от объятий, я повторяла:

— Саша, Сашка, дурак, нет никого, нет! Нет.

— Как нет, я видел его, видел! — эти слова Саши заставили меня опомниться.

— Кого ты видел, кого? — всё ещё млея от бесконечных поцелуев, спросила я.

А что я потом услышала, меня повергло в шок:

— Перень, лет двадцати, прихрамывает на левую ногу. А ничего так мужичок, симпатичный, — разочарованно ответил он.

Я поняла, что они приходили, приходили, но меня не застали.

— Как ты его видел, где именно? — я трясла Сашу за плечи.

— Он выходил из твоей квартиры, вчера, вечером, вот из этой, а я выходил от Степаныча, мы друзья с ним, — Саша махнул в сторону моей квартиры.

Я так и сползла по стене: «Уф», — я покачала головой.

А потом трясущимися руками достала ключи, подошла к двери, оглянулась на Сашу.

Он понял мою нерешительность и мой испуг:

— Что-то случилось, Нат?

Продолжая трястись, я рывком открыла дверь своей однушки... И что же я увидела!!

Как только открыла ключом свою квартиру, то поняла: они приходили, что-то искали, и лучше бы я сюда не приходила, лучше бы осталась там, в больнице, или улетела бы на луну, или вообще бы не рождалась.

Прямо с порога я увидела, что у меня кто-то был и перерыл всю мою квартиру: ящики стола и комода были выдвинуты, листы бумаги валялись, где попало, книги сброшены на пол, и в них что-то искали, постельное бельё небрежно свалено на полу, а мои трусы и лифчики покоились сверху. Верх комода заполняли маленькие шкатулки с дешёвыми украшениями и косметикой. Там же лежали все мои деньги — рублей триста. Наверное, их уже не было. «Вот она, первая ласточка, — подумала я, — такая же чёрная, как те непрошенные гости».

Сказать, что я растерялась — ничего не сказать. На меня напал ступор, уныние, безысходность, я поняла: они приходили снова, и может, быть ещё придут, потому что они что-то искали, а вот нашли или нет — я не знала.

Я так и осталась стоять у порога своей квартиры. Войти туда у меня не хватило сил. Но я взяла себя в руки, рвано вздохнула и огляделась. Всё было до боли похоже на жестокую шутку. Я так была поглощена увиденным, что не услышала, как за спиной появились Степаныч и Саша.

— Наташа, это что? Кто здесь был? Он тебя ограбил? — Саша, от увиденного, потрясён не меньше моего. По крайней мере, в голосе звучали именно эти ноты.

— То, что ты видишь. Любовник мой, как ты говорил, постарался, молодой и хромой. Видно, ногой задевал и разваливал всё тут.

Тугой ком в горле затягивался, заставляя сдавленно дышать, непролитые слезы щипали глаза, а из груди вырвался утробный стон.

Я упираюсь лбом о дверь, она прохладная, и мне становится легче. Чувствую, как Саша берёт меня за плечи и притягивает к себе. Он просто дышит мне в затылок, и его тепло, его руки, помогают распутать, разорвать тот ком, что ещё саднит моё горло.

Степаныч ещё больше удивился тому, что увидел, и непроизвольно присвистнул:

— Что-то нехорошее у тебя творится. Кто же тут всё-таки был? Нехорошо, я Клавдии обещал, что позабочусь, присмотрю. Дааа, дверь-то у тебя хлипкая. Любой открыть может — замок-то на ладан дышит. — И чего ты к ней пристал! — это уже Саше, — Никого у неё нет! Пристал! Любовник... Я всё же пересилила себя и вошла. Мужчины тоже.

Они были встревожены не на шутку.

Я стала медленно собирать листы разбросанной бумаги — моей курсовой за прошлый семестр с оценкой «отлично». Один лист улетел под кровать, и я присела на корточки, чтобы достать его, но он лежал так далеко, что, дотягиваясь, я стукнулась о кровать головой. Утонув от жалости к себе, я тихо заплакала.

— Дядя Коля, что мне делать? — я растерянно разводила руками, искала защиты, помощи.

Степаныч обнял меня за плечи по-отцовски, похлопал по плечу:

— Нат, надо бы полицию вызвать, мало ли что!

— Какая полиция, дядя Коля, не украли же ничего, и что у меня красть, сами знаете. А документы на квартиру до сих пор у вас, хорошо, что у вас сейф.

Я опять начинаю плакать, но теперь от того, что полиция может раскопать, что я не доложила об огнестреле. Получается, я сама себя загнала в ловушку. А что мне тогда было делать?

— Нат, ничего, ничего, не плачь, дочка, уберём всё, а дверь заменим — ни одна сволочь не откроет. Сашк, что стоишь, помогай убирать.

Я сразу не заметила, что от матраца что-то отвалилось. Это что-то, видно, было прикреплено скотчем к низу матраца и оказалось тонкой чёрной папкой с кусками уже пожелтевшего скотча.

На первой и единственной странице мелким почерком было написано:

«Он вошёл в мою жизнь непрошено, о моей любви не скорбя...»

Я подумала: «Какие-то стихи», — и положила папку в сумку.

Вытерла слёзы и твёрдо проговорила:

— Мужчины, не надо, я сама.

Но они не послушались и поднимали с пола разбросанные бумаги вещи.

А я, первым делом, запихнула в шкаф свои трусы и лифчики.

— Куда это? Я никуда не поеду, вот ещё! — объявляю я, когда Саша, берёт меня за руку и ведёт к выходу из квартиры. Они со Степанычем против, чтобы я осталась в таком настроении, в таком раздрае одна в разгромленной, многострадальной однушке.

Я лукавлю, очень лукавлю, потому что одной страшно, и потому что... так хочется побыть с Сашей.

— Поедет она, дядя Коля, поедет, — смеётся Саша, — да, Наташ? Поживёшь у меня недельку, Степанычу нескучно будет, а дверь мы заменим. Идёт?

Я только развожу руками. Идёт. Выбора у меня нет.

Пока я переодевалась в свой любимый тёмно-серый брючный костюм, собирала кое-какие вещи, чтобы взять их с собой, несколько раз останавливалась. Что-то очень сильно мучило меня. Я сомневалась, правильно ли поступаю, что вот так, запросто, еду в дом к малознакомому мужчине, пусть он даже друг Степаныча, и очень нравится мне. Но вдруг, кто-то ещё встретит меня там, дома у Саши. Я ведь не знаю о нём ничего. Я видела, как он переживает за меня, но и только? Я молча оглядывала свою маленькую квартирку, да, без ремонта, да, с выдавшей мебелью, но здесь мне было хорошо, здесь я хозяйка. Слово «было» больно отозвалось в моём сердце. Было. Пока незваные гости ночью не ворвались в мой мир, пока они не потревожили мой покой. А что дальше? Я же не смогу постоянно бегать. В моей душе всё же теплилась надежда, что они больше не придут, что они забыли обо мне, что моя помощь им не понадобится. Что им тут делать? Красть нечего, а документы хранились у Степаныча в сейфе.

Вот эта самая помощь, проще говоря, незаконное оказание медицинской помощи меня угнетало сильнее. Я не понаслышке знала, какое наказание получали врачи, оказывающие такие услуги. А может, не эта причина беспокоила меня сильнее? Я боялась, что в доме у Саши я просто окажусь лишней.

«Нет, я не поеду, это неправильно. Лучше останусь дома, и будь, что будет», — решила я.

Рука стала доставать вещи из сумки, а душа была не согласна. Разум помогал руке, а душа восставала.

Задумавшись, я не слышала, как вошёл Саша. Он, наверное, понял моё состояние, онс отражалось на моём лице.

Я хочу ему сказать, что я остаюсь. Что я не должна, что так неправильно.

Но выговорить ничего не смогла. Его лёгкое прикосновение к моим плечам заставило меня вздрогнуть. Но ни его проникновенный взгляд, читающий мои мысли, ни теплые объятия — ничто меня не успокаивало.

Мне просто надо было выговориться, а Саша молча ждал, когда я начну. В маленькой комнате повисла тишина. Я высвободилась из его рук и продолжила вынимать из сумки вещи.

— Расскажешь? — стоя напротив и буравя меня взглядом, начал он сам.

Я вынимала вещи, а он складывал их обратно.

— Что рассказать? — я не знала, что он хотел услышать. Я старалась не смотреть на Сашу, мне казалось, что он читал мои мысли. — Ты кого-то боишься, так? — он больно бил вопросом, казалось, что он уже знал ответ на свой вопрос.

— Так, но это тебя не касается. Это мои проблемы, и тебя они меньше всего должны волновать. Зачем тебе проблемы чужого человека. И потом, тебя, наверняка, ждут дома. А я своими проблемами не хочу тебе портить жизнь, — я что-то совсем зарাপортовалась, не замечала, что твержу одно и то же слово.

— Проблемы, проблемы... Не находишь, что ты повторяешься?

— Я не знаю, как ещё сказать. Геморрой? Осложнение? Да, как не назови — всё равно проблема.

— Но дело ведь не только в этом? — его взгляд опять проникал внутрь меня и читал мои мысли.

— А в чём?

— В том, что я хочу узнать, чего ты боишься? Меня? Того, кто меня, по твоим словам, ждёт дома? Или тех, кто всё это устроил?

— Всех сразу! — выпалила я от злости. Но злилась я на себя: зачем открыла дверь. — Спасибо, Александр, но... я остаюсь.

— Это исключено. Пока меня не будет в городе, ты поживёшь в моём доме. Степаныч о тебе позаботится. Больше! Больше в доме у меня никого нет. С этой стороны головной боли не будет. А с теми, кого ты боишься, мы потом разберёмся.

— А с какой это стати ты мной распоряжаешься?

— С такой, — он, как танк, шёл напролом и таранил все мои сомнения, — что я старше, опытнее, и... ты мне очень нравишься. У?

Он говорил так убедительно, что я поверила, что так и будет, почувствовала себя защищённой, почувствовала его искренность и даже поверила, что я ему нравлюсь.

А когда он требовательно приподнял мой подбородок и поцеловал в губы, нежно, легко, чуть касаясь, я совсем сникла: я уже не могла обходиться без него, меня тянуло к Саше, как магнитом. Потом его губы легко коснулись моей шеи, он втянул в себя воздух, словно желая узнать мой запах... и поцеловал второй раз, уже более настойчиво, придерживая мой затылок, не позволяя уклониться от поцелуя. Я целовала в ответ, неловко и неумело. Его терпкий аромат буквально окутал меня, взял в плен, а колкие мурашки пробежали по моему телу, сбивали меня с толку, а я захотела, чтобы этот поцелуй не заканчивался бы никогда. Его пальцы всё крепче сжимали мою талию, моё сердце отстукивало тахикардию, а его билось настолько сильно, что я ладошкой ощущала его стук через рубашку. Потом моя рука поползла вверх, коснулась его горячей шеи, а потом щеки, а язык Саши властно проник сквозь мои зубы, а пресловутые бабочки вдруг вспорхнули у меня в животе, я попросту

струсила.

С силой отстранила мужчину от себя и, переводя дух, пробормотала:

— Стоп, Саша, стоп, мы так не договаривались. Первый раз, там, на лестнице, — ладно уж, но второй...

— Так мы и на первый не договаривались, — одними уголками губ улыбнулся он. А потом, извиняясь, сказал: — Я напугал тебя...

Он ещё не отпустил меня, шумно дышал в шею.

— Чего уж, сама виновата... только больше не делай так...

— Тебе не понравилось? — допытывался Саша.

— Мне... — я засмушалась, — мне не с чем сравнить... Да! И не смейся, — видя его широкую улыбку, воскликнула я. — И давай уж, поехали... если ты не передумал и обещаешь больше не целоваться.

Я немного приврала, так как целовалась пару раз, но те поцелуи второкурсника нашего меда, который пару раз меня провожал, а потом переметнулся к более доступной Алисе Борцовой, были не в счёт

— Уу, — не обещаю..., но обещаю подумать.

Он не дал мне ответить, что-либо возразить, только схватил мою сумку, руку и потащил к двери.

— Дверь, стой, Саша, дверь надо же закрыть!

А потом, когда ехали в машине, крутой, наверное, новой, потому что пахло новой обивкой, я, смущённо избегая Сашиного взгляда, изредка дотрагивалась до своих губ, будто проверяя, цел ли тот Сашин поцелуй. Он смотрел только на дорогу, изредка переговариваясь со Степанычем, который сидел сзади.

Потом мы оставили Степаныча у мастерской, где заказывают двери, а сами поехали дальше. Я предлагала деньги за дверь, но дядя Коля сразу отверг их, сказал:

— Потом отдашь, когда заработаешь.

Он всегда так говорил, а потом добавлял: «Куда мне одному столько денег?» У Степаныча приличная пенсия. Мне было стыдно, но поделаться я ничего не могла — отдавать долг было просто нечем.

Саша о чём-то думал. Но я не умею читать мыслей. Да и поздно уже было. Сгущались сумерки. Вдоль дороги мелькали дома, строения, потом низкие кустарники, окаймляющие шоссе.

Ехали недолго. Остановились у двухэтажного дома в пригороде.

Не выходя из машины, Саша спросил, обернувшись ко мне и задумчиво оглядывая:

— Почему не вышла? Ты же меня видела, почему не вышла там, в больнице?

— Так это был ты... а я думала, что ошиблась... — раздумчиво проговорила я, вспомнив, что тогда, в окно больницы я видела кого-то.

— А ты? Почему не зашёл? — я понимаю, почему, но всё равно спрашиваю. — А какое слово ты зачеркнул в записке?

Я догадалась, но хотела, чтобы он сказал это слово сам.

Он молчит, только хмурится, но потом с трудом произносит:

— Прости!...

От его откровенности, от тёплой и нежной улыбки, от бесхитростного взгляда на душе так легко и приятно, а главное, спокойно, что я на время забываю о Старом, о Хмуром и Женьке.

Передо мной у руля машины — другой мужчина, о котором думать гораздо приятнее. Я молча, не сводя с него глаз, потянулась к нему рукой, провела по щеке, по шее, он забрал мою ладонь в свою, приник губами к запястью, вернул к себе на щёку и мою ладонь и свою. Пару минут мы изучали друг друга взглядами, пока он не потянул меня к себе, а я не сопротивлялась: этот мужчина завораживал, лишал способности мыслить.

— Пошли? Посмотришь дом, — тихо прошептал Саша мне в ухо, а я бы так и сидела бы в машине, слушала биение сердца мужчины, внимала его аромат, запускала пальцы в его волосы, смотрела на венку на шее, пульсирующую под моим пальцем, чтобы его губы покоились на моём лбу, переходили мне на висок.

— Пойдём! — твёрже проговорил, удерживая моё лицо в ладонях и нежно, легковесно целуя в губы. — Посмотришь, как я живу, мм?

Саша берёт меня за руку, а я послушно следую за ним.

Оглядывая дом, я растерялась, но вида не показала. Растерялась потому, что не ожидала таких масштабов, а не показала вида, потому что не хотела выглядеть полной дурой, которая, кроме нашего дома, больницы и института, не видела ничего. Или не хотела смотреть — что было вернее. Я никогда никому не завидовала, потому что считала, что деньги — не предел моих мечтаний, и деньги можно заработать, нужно лишь время. А вот профессия кардиохирурга — это настоящая моя мечта.

Лечить сердце, самый ранимый человеческий орган, самый незащищённый от других болезней, от людской зависти и злобы, я готовилась все годы моей учёбы в меде.

Саша.

Думаю, мой дом понравился Наташе.

Прихожая отгорожена матовой стеклянной стеной от лестницы, ведущей на верхний этаж. Кухня, отделенная от основного помещения барной стойкой, была оформлена по последнему слову техники. Под лестницей в центре уютного уголка из мягкой мебели стол — место для приема гостей. Напротив него — домашний кинотеатр. У задней стены три

двери, одна из которых вела в небольшой спортзал, две другие были заперты: они вели в гостиную и комнату для гостей.

На втором этаже — три спальни. Вся обстановка в стиле минимализма. «Мало мебели, но много воздуха», — произнёс, улыбаясь, я.

— Да, и пыли скапливаться негде, — вижу, Наташе нравится моя берлога.

Она дважды проводит пальчиком по подоконнику, по плазме и улыбается:

— Чисто! Как в больнице!

А я смотрю на её узкие ладошки и не понимаю: как быстро эти ладошки прихватили мои яйца, крепко держат, не отпускают. Она не знает этого или, может, догадывается. Вся моя жизнь поделилась на две части: без Наташи и с ней.

Её образ преследовал меня повсюду: куда ни пойду, всюду она мерещится. И вот теперь она в моём доме, со мной, и я её отпускать не собираюсь.

Наташа сразу после ужина, утомлённая, ещё слабая после больницы, быстро засыпает в моей, кстати, спальне, а я устроился на диване.

Проснулся я от оглушительных ударов грома.

От ударов взывали сигналки машин, дрожали стены. Чёрт возьми, гроза в августе! Весь мир перевернулся. Все мне кажется, что молния в ночную грозу пытается вырваться из какого то плена: вспорет черноту неба, обдаст землю могучей волной света, но небо мгновенно захлопывает створки, и молния яростно рычит где-то за непроницаемой стеной своей темницы, чтобы снова — пусть на миг только — но прорваться светом сквозь ненавистную тьму

Удары раздаются настолько часто и грозно, что кажется, небо вот-вот обрушится на землю, а земля сойдёт с орбиты. Но среди раскатов грома слышалось что-то ещё: из спальни доносились охи и ахи. Они такие громкие, что я расслышал их даже через дверь. Громовые раскаты, оглушительной величины, и вспышки молнии, чередуются попеременно, и кажется, что мой дом вот-вот рассыплется, как карточное строение.

Вместе с охами доносится:

— Саша, Саша, я боюсь, мне страшно! Ай!

Я бросился в спальню, но Наташи на моей огромной кровати нет. Погас свет. Но вспышка молнии озаряет комнату.

— Где ты, Ната?

— Да, тут же, вот, в углу. Ай! Посиди со мной, мне страшно!

— Почему? Откуда такой страх?

— А тебе не страшно? Виталик, мой одноклассник, в восьмом классе погиб от молнии, прямо на моих глазах, на наших. Нас много было, он говорил по сотовому. А тут молния. С тех пор боюсь. Прости... я не хотела тебя будить.

— Мне тоже страшно. Но гроза пройдёт, завтра будет солнце.

— Ты обещаешь? Ты не метеоролог, — Наташа говорит, заикаясь от страха.

Натка смотрит на меня обиженными глазёнками огромными от ужаса, они переворачивают мне душу, наизнанку выворачивают. Этот пижамистый оленёнок Бемби, сама того не понимая, проникает мне под кожу. Её милое невинное лицо с золотистой кожей, без грамма косметики, вызывает дикую эйфорию.

Сажусь рядом с той, кого хочу больше всего на свете. Сжимаю в объятиях, она льнёт, накрепко прижимаясь ко мне. Она доверчиво обнимает меня за шею, вздрагивает при каждом ударе грома, ахает, прячет лицо на моей груди, а внутри меня разливается что-то

тёплое.

— Пойдём в кровать, что сидеть на полу. Иди на руки, я отнесу тебя.

Гроза немного утихает, уходит дальше, будоража тех, кто мирно спал до неё.

— Ну, что получше? Теплее, чем на полу? — улыбаюсь ей прямо в губы, не сводя с неё глаз.

Меня рвёт к ней, я не могу сопротивляться, она мне, как воздух в знойную ночь: я беру её лицо в ладони, касаюсь губ сначала невесомым поцелуем, но меня рвёт к ней ещё больше, и я набрасываюсь на её полуоткрытый рот с поцелуем:

— Нат, не бойся, не бойся, я тут, я с тобой!

Она на глазах успокаивается и даже перестаёт вскрикивать от грома.

Сладкий запах её духов, крепкие объятия, наши тела, прижатые друг к другу и слово: «Кабзда», — это всё, что когда я успел запомнить. Это я сказал себе, когда она обняла мою шею, зарылась пальцами в волосы, притягивая всё ближе к себе.

Надо, надо было прогреметь грозе, чтобы мы сорвались оба, вместе, и полетели в пучину страсти. Мой член восстаёт, и мужское начало, требует ту, что сейчас лежит рядом и вздрагивает от ударов грома, ту, чей запах, как трава-дурман, околдовывает, притягивает, от неё невозможно оторваться, избавиться, перед ней я безоружен.

Мы вместе преодолевали пропасть, разделяющую нас, не медля ни минуты, чтоб стать частью друг друга, дышать одним воздухом.

— Наташа, — прохрипел я, — всё хорошо? Не боишься грозы?

Машет: «Нет», — и тянется ко мне с поцелуем.

— Наташка, я же..., - она не даёт мне говорить, прикрывает мой рот робкими устами. Такими сладкими, горячими, нежными, влажными. Её глаза так близко, что даже в темноте я вижу их цвет, такой синий, и они искрятся.

Я обхватываю её губы, скольжу по ним своими, лижу языком, подразниваю, засасываю, прикусываю, облизываю. Сладко! Невыносимо сладко!

А запах, запах её волос, выбивает из-под меня почву.

Мой член каменеет, налитые свинцом яйца ноют невыносимо. Адское пламя вождления овладевает пахом. Яркие картинки секса мелькают одна за другой. Пульс бьётся везде. Голова идёт кругом. Пьяная дымка окутала рассудок, и на миг показалось, что всё моё существо вот-вот взорвётся.

Её пальчики блуждают по моей шее, гладят её, касаются щёк, погружаются в волосы. А я всё смотрю на неё, смотрю, перебегаю взглядом с губ на глаза, с глаз на волосы, на шею.

Я жажду наброситься на её гибкое тело и взять с такой страстью, как будто в последний раз. Оно покрыто мелкими мурашками, оно горячее, манящее, дрожит в моих объятиях, её ладошки обхватили мою шею сзади и не отпускают.

Когда оно оказывается подо мной, когда я снимаю с неё майку, а она стягивает трусики, я не помню — всё в тумане. Я мужик, не могу совладать с собой, потому что Наташа уже трётся щеками о мою грудь, а её груди — в моих ладонях. Они тёплые, упругие, желанные. Большой палец нащупал твёрдый, как горошина, сосок, и принялся его тереть. От удовольствия я даже застонал: я весь уже горел от адского желания завладеть моей Птахой.

Она не даёт мне говорить, я чувствую, как она тонет, тонет в желании, она тоже хочет меня.

Только прошептала:

— Не делай мне больно, со мной это в первый раз. Обещай быть нежным.

— Так ты!

— Да!

Моя крыша летит прочь, так далеко, и я не пытаюсь её возвращать, потому что рядом она, Наташка. Она моя, а я у неё — первый!

Её обнажённое тело, прикрытые от возбуждения глаза, разметавшиеся на подушке волосы и руки — вот она вся, вся передо мной, она отдаётся мне, вся без остатка она моя.

И пусть теперь гром гремит, сколько хочет, а я целую Наташку: её шею, её девичью грудь, плоский живот. Я только могу шептать:

— Наташшша!

Наташа.

О, Боже, как же это приятно и опьянительно!

Всё завораживает и ошеломляет: и то, как он медленно снимает майку, и то, как скользят по нему его штаны, обнажая сильные ноги, а потом... ммм, белые боксеры чётко обрисовали самый красивый член, в меру длинный и в меру полный. Я смотрю на голый торс, на уже обнажённый член, я не просто смотрю, я глазею и изнываю.

Одной рукой перебирает шелковистые пряди моих волос, другой рукой он крепко сжимает ягодицу, заставляя ближе прикинуть к нему, почувствовать тяжесть его тела. Я обняла мужчину за сильную шею, погружаясь в волшебство поцелуя. Так меня еще никто и никогда не целовал. Так нежно и так требовательно одновременно. Ощущая жар его кожи, его мышцы под своими руками, я таю, я теку, я замираю.

Его сильные руки сжимают мою талию, ласкают грудь, губы терзают соски, нежные лёгкие поцелуи на моём теле везде, его мужской аромат — как глоток воздуха. Его руки уже там, между моих ног, пальцы ищут мой бугорок, там, между губок, а внутри меня приятное, будоражащее тепло внизу живота. И бабочки! Противные милые насекомые. Чего ж им неймётся! Этот обнажённый мужчина со мной в постели — человек, которого я ждала, только он сделает меня женщиной, а моё тело умоляет, жаждет его ласки, любви, нежности.

А я вся дрожу и шепчу:

— Саша, Саша!

И опять дрожу, цепляюсь за твёрдые мышцы под гладкой кожей, извиваюсь от его ласки, первой в моей жизни, потому что он, Саша, первый, первый мой мужчина. Тело трясёт так, как будто я обхватила руками оголённый провод.

Его влажные губы прокладывают влажную дорожку к груди и снова жадно всасывают мой сосок, а я чуть ли не задыхаюсь от фейерверка ощущений и тяну к нему руки, шепчу:

— Саша!

Обхватываю сильные плечи и дышу, дышу его свежим ароматом. Его плечи такие родные, а аромат такой близкий, а он... он любимый. Любимый, Саша, Саша мой любимый. О, Боже! Он любимый, потому что всё знает про меня: на какие точки надавить, чтобы я почувствовала ещё больше трепета и незнакомого мне счастья.

Узел внутри моего живота затягивается туже, будоражащее желание наполняет всё моё тело, я хочу, хочу получить большего.

— Погладь рукой мой член, — тихо хрипит Саша, — потрогай его, тебе понравится. Он весь твой, и я тоже!

Я впервые касаюсь мужчины там, где он просит, но не только касаюсь, я смотрю. Я стараюсь выпить глазами эту чудесную картину.

Саша следит за моей реакцией из-под опущенных век. Мне радостно видеть, как я кладу

ладонь на низ живота, трогаю волосики паха, захватываю в ладонь яички, провожу ладонью вдоль набухшей плоти, обхватываю пальцами, провожу вверх, вниз, растираю по гладкой поверхности головки вязкую капельку. Услышав сдавленный хрип, я ощущаю, что у меня внизу что-то мокро.

Но я не хочу отпускать член мужчины: он такой красивый, только очень мощный, впрочем, у такого парня, он таким и должен быть. Я чуть вниз оттягиваю бархатистую кожу с головки, глажу пальчиками по обнажённой плоти, невероятно чувственной и совершенной, как на картинке в учебнике. О, господи, мне хочется дотронуться до члена губами, почувствовать его запах и вкус. Но у Саши вырывается новый стон, уже громче:

— Нат — ка, пщц...

Минуту спустя, Саша резко нависает надо мной, я ощущаю его жар, исходящий от тела, я не могу не коснуться его груди, а он раздвигает мои ноги пошире и располагается между ними поудобнее.

Я напрягаюсь: «Сейчас Это случится, вот сейчас, сейчас!»

Он, придерживая член рукой, гладит головкой по моему центру, а я дрожу и выгибаюсь от предвкушения и от страха, что сейчас будет больно. Я не понимала, как член таких внушительных размеров войдёт в меня. Но точка кипения, до которой он меня довёл, не позволяла отступать, я хотела, чтобы Саша оказался внутри меня, хотела узнать что там, за гранью наслаждения.

Он водил членом по моим припухшим складочкам, тёрся о клитор, доводил меня до иступления, и я уже стонала, стонала, хваталась за простынь, сжимала её в пальцах.

Ласки продолжались с новой силой, меня уже разрывало от желания, а Саша берёт за подбородок, впивается в мои губы, проникает языком внутрь, в мой рот, посасывает мой язык.

Большой, сильный, мужественный, Саша заставляет меня путаться в ощущениях, и я кричу:

— Сашшша! — потому что узел внутри живота разорвался, а из меня прорвался хриплый стон. Вокруг меня всё вспыхнуло, и я ощутила свой первый оргазм. Я кончила, но не понимала, как это одними ласками заставить испытать столько чувств.

Но это было ещё не всё. Главное произошло потом, когда Саша, весом своего тела вдавил меня в матрац, а головка его члена стала медленно поникать внутрь моего влагища. Медленно, но мне было страшно от новых ощущений. Я зашипела, сжалась. Саша вышел из меня, потом снова вошёл, давая возможность привыкнуть к новым ощущениям.

— Расслабься, больно? — прошипел он, не вставая.

— Немного, — сквозь зубы ответила я.

— Остановимся? — в его голосе я слышу беспокойство.

— Нет, нет, я хочу, дальше.

Постепенно он стал увеличивать темп, а я ощутила острую боль между ног вместе с новым толчком, направленным в меня. Он замер, его сильные руки стискивали меня, а губы запечатали мой рот, углубляя поцелуй.

Я отдышалась, боль постепенно уходила. А я обнимаю его шею, упираясь в неё носом, припадаю открытым ртом, пробую на вкус кожу и мне казалось, что шея Саши — моя точка опоры. Не будь её, этой точки, я бы точно убежала.

Саша.

Моя смелая девочка! Желание и удовольствие обладать ею уже приводит в экстаз. Её

глаза, распахнутые мне навстречу, ослепляют своей красотой. Синие-синие, они вспыхивают то искромётным огнём, то брызгами фейерверка.

Наши тела слиты как одно, а хочется прижаться к ней ещё сильнее.

Стеночками влагилица она сжимает мой член. От такой тесноты, от такого жаркого лона, я дурею, член покалывает, я хочу двигаться, но Наташа дрожит, стискивает мою шею, горячо дышит. Аромат ее кожи пьянит, желание бурлит, растекаясь по венам. Всхлипы срывались с ее губ при каждом толчке. Медленный беспощадный ритм доводил до отчаянья.

Сердце вот-вот выскочит вон, а её трепещет, тоже просится наружу.

— Продолжай, пожалуйста, — просит и подаётся бёдрами вперёд, обнимая ножками мои ягодицы, но ей снова больно — она морщится, впивается зубками в моё плечо, но это только кажется, на самом деле она его лижет. О, Боже! Если бы Наташа вылизала меня всего, я задохнулся бы от нереальной неги. Улыбаюсь ей, благодарно целую её в висок, чуть влажный от пота.

А я дико хочу её, никогда никого так не хотел, никогда и никого.

Снова целую её, ещё и ещё, мои движения резче и быстрее, я испытываю море удовольствия. Но семя на подходе, скоро вырвется на свободу. Она уже мягко постанывает, а потом резко вскрикивает:

— Саша, ох!

Мне так нравится её это «ох», а мои последние страстные толчки приводят к ожидаемой развязке. Я вырываюсь из неё и изливаюсь ей прямо на живот горячими потоками спермы.

Сильнейший оргазм накрывает меня.

Я пытаюсь понять: что это было, и как я ещё цел после первого секса с желанной женщиной, и вообще, где я? Фантастические ощущения, просто невероятные, такие нескоро выветрятся из памяти, если вообще забудутся.

Натка неповторимая, и другую я не хочу. А потом — послевкусие длится, длится.

Я ей шепчу:

— Натка, Наташа, ты теперь моя! Моя!

Зарываюсь носом в подушку, в её шею, дышу ей, и снова шепчу её дивное имя. Имя Наташа — мягкое такое, домашнее.

Она наклоняется надо мной и шепчет:

— Мне в ванную надо...?

— Не так быстро, полежи немного, — так не хочется, чтобы она уходила. — Как ты?

— Терпимо, но хочется ещё, — томно шепчет мне в ухо.

Наташа.

Несколько шагов — и я в душе. Несколько медленных шагов. Не хочу идти быстро, несколько раз оглядываюсь: меня так и тянет посмотреть на Сашу. Я бы часами рассматривала его обнажённое тело и любовалась. Он не Аполлон, он красивее. Аполлон из гипса, а Саша живой, горячий, трепетный, он из плоти и крови. В нём всё желанно: сильные мускулистые ноги, с твёрдыми мышцами руки, перевязанные венами, а шея! Его шея — это мой фетиш, настоящий, умопомрачительный!

Тёплые струи воды, ммм, тёплые ладони на груди, нежно сжимают, ласкают, трещат сосок. Ах! Задумалась, не ожидала! Тёплые объятия сильных тёплых рук... Саша! Спиной ощущаю его сильную горячую грудь.

— Сбежала? — жаркий шёпот в ухо, язык на ушной раковине, на мочке, горячее дыхание на шее. Выгибаю шею, позволяя целовать.

Сладкое скольжение между моих ног по губкам, по клитору, по животу, по бёдрам тёплой руки мужчины. И вода такая же тёплая. Ммм..

— Наташа! — хриплый шёпот.

Хочу перевернуться к нему лицом — не отпускает, крепко держит, погружает в меня два пальца, надавливает на клитор большим...Ммм, охх,

— Сапшшаа..

Дёрнулась, выгнулась, вскрикнула от нахлынувшей неги. В копчик упирается такое твёрдое, просто каменное достоинство. Каждое касание прошивает током, губительным, запредельным, соски горят. А я плавлюсь, как мёд на солнце и слышу:

— Моя сладкая, медовая девочка!

Прозвучавшая нежность в его голосе пробирается под кожу, расплзаясь мурашками.

Тянусь рукой вниз, себе за спину, где каменный член пульсирует так, что я чувствую, как он подрагивает.

Еле выдохнула:

— Дай, я...

Не понимает, смотрит затуманенно.

Опять прошу:

— Позволь...

Разомкнул кольцо жарких рук, сладкой истомы, я хотела другого: взять в руки член, облизать языком, попробовать капельку спермы на вкус. Но Саша сильными руками поднял меня во весь рост, губами впился в соски, целуя поочерёдно, посасывая и отпуская, чтобы перейти к шее. Я прогибаюсь от острого наслаждения, сама притягиваю его голову к груди, запускаю пальцы в волосы и млею, стону, задыхаюсь, еле дышу, а Саша наслаждается моей реакцией.

Уже на кровати моя грудь и живот снова облизаны, будто он хочет почувствовать меня на вкус, он стонет от наслаждения, я от вожделения, пытаюсь уложить на себя прекрасное тело мужчины, чтобы прервать эту сладкую пытку, чтобы начать потом вновь, но острее, сильнее, наполненнее.

Я тяну его к себе на живот, но заветный треугольник между ног, чисто выбритый, притягивает его внимание.

Поцелуй треугольника — тихий стон, языком раскрыл створки и полизал — стону уже громче, а Саша присасывается, нажимает бугорок клитора, я выгибаюсь, стону. Наконец, мне удаётся его поймать за шею, он сдаётся и вжимает моё тело в постель. Охватывает всю меня руками, лижет шею, и, наконец, закидывает мои ноги себе на плечи. Пронзительный, похотливый взгляд завораживал и околдовывал.

Первое вхождение, движение в меня вызвало бурю эмоций. Движения становились чаще, а наполненность ощутимее. Каждый миллиметр моего влагилица тесно соприкасались с членом мужчины. Движения сильнее, они достигают самой вершины.

Экстаз накрыл меня сразу! Я извивалась в сильных руках Саши, приглушённые стоны, вырываясь из горла, вторились мужскими хрипами, а мне хотелось ещё раз и ещё пережить бурю страсти и заполнения.

Наши соки соединились и вылились из меня бурным потоком.

До меня доходит, что мы не предохранялись, но я отдаюсь на волю судьбы: будь что будет. Одержимость и сумасшествие полностью владеют мной.

Саша.

Много раз в жизни мы можем обрести людей, которые завоевывают наши сердца. Мы воспринимаем это, как должное. Я настолько привык к такому положению вещей, что внимание женщин воспринимал, как само собой разумеющееся. Смазливая морда, крутая тачка, тугой кошелёк — что ещё нужно для женщин. Перед тем, как Наташа вошла в мою жизнь, я был просто обычным человеком. Но в моем сердце жила тоска. Меня везде окружали люди, товарищи по спорту, болельщики, да и болельщицы. Кому же неприятно, когда после награждения на шею вешаются самые красивые девчонки. От славы сносило крышу, но утонуть в звёздности не позволил Марат. Но я постоянно чувствовал, что мне чего-то не хватает! Сегодня я точно понял, чего не хватает. Её, Наташки. Теперь, когда она со мной, я чувствую, что моя жизнь гармонична. В моей груди появилось непонятное и очень приятное чувство, которое я не могу объяснить. Оно наполняет мою жизнь смыслом, а мои глаза — светом.

В каждый миг я благодарен за то, что она в моей жизни и в моем сердце.

Когда она улыбнулась мне, мое дыхание остановилось. Когда заговорила — я не мог двигаться из-за этого прекрасного и пьянящего чувства. А когда она коснулась моей руки — украла мое сердце.

Сегодня я почувствовал, что мне снова семнадцать, что я впервые трогал девушку, я забыл обо всём на свете, лишь чувствовал дикое биение её сердца, что отдавало в мою грудь, переключаясь с ритмом моим.

Дикая эйфория от обладания этим сокровищем парализовывала разум. Но только на время. Мне скоро тридцать: пора включать мозг. Но с Наткой это было непросто: я напрочь забыл о контрацепции. Но мне скоро тридцать, и кажется, я нашёл именно ту, с которой я хотел бы засыпать ночью и просыпаться утром, именно её я хочу видеть спящей на моей руке. Моё сердце сжимается до предела, когда я смотрю на неё, уже спящую, с соблазнительно обнажённой грудью, улавливаю лёгкое подрагивание длинных пушистых ресниц. Её ладошка покоится на моей щеке, но меня это не беспокоит, я тоже проваливаюсь в сон.

Пожалуйста, подарите автору лайк, то есть, нажмите на слово «нравится», подарите несколько слов, очень хочется знать, что чувствуете вы, когда читаете строки моей книги. Ваше «спасибо» поднимет моё настроение. Тактичная, объективная критика приветствуется.

Наташа.

Утренний свет вернул мне разум и придал смысл происходящему. Я проснулась от странного ощущения, что меня кто-то толкнул. Оглянувшись, и не найдя никого, главное, не найдя в постели Сашу, — судя по времени, он уехал на работу — поняла, что мне всего лишь показалось.

Тишина, царившая в доме, немного пугала: я не привыкла к такой тишине. Но если тихо, значит, гроза закончилась. Это меня немного взбодрило. Я с детства боюсь грозы, с момента гибели Виталика, моего одноклассника.

Гроза ушла. Но в окна по-прежнему стучал дождь. Дождь шел третий день. Серый, мелкий и вредный, непредсказуемый, как низкое седое небо. Нескончаемый. Бесконечный. Он неприкаянно стучался в окна и тихо шуршал по крыше. Угрюмый и беспечный. Раздражающий. Надоевший.

Светло-сиреневые стены спальни, серо-сливовое небо за окном навевали щемящую грусть и...пустоту. Я задавалась вопросом: почему так? Даже тёплые, почти горячие струи душа не принесли должного облегчения в душЕ. В ней поселилась неуверенность: зачем я ему, этому красавцу. Наверняка я у него не одна. Тут и спорить не о чем.

А Саша, действительно, красив, он почти совершенен. Я могу смотреть на его обнажённое тело, на изгибы, на бархат кожи часами. Он невыносимо нежен, его руки не знают грубости, хотя искусно умеют брать, сминать, завораживать. Я тону в нём до самого дна и не хочу...не желаю искать берега. Я хочу только чувствовать и слышать его голос. Я хочу, я хочу! А чего хочет он?! И надолго?! Подумай сама, надолго?!

Но он был лучше, о чём я могла мечтать. А я мечтала о прекрасном принце. Но Саша лучше, чем тот воображаемый принц. Его кожа — она меня обволакивала, его голос меня манил, его запах завораживал, его член, он так совершенен.

«Ты — мазохистка, Наташа! Женский тип, не иначе! Возьми себя в руки! Ты лучшая! И не надо принижать своих собственных достоинств!» — пыталась я себя успокоить.

Женский мазохизм. Выражается в стремлении быть бессильным, подчиненным, неполноценным, никчемным перед партнером. Он присущ как женщинам, так и мужчинам.

Но меня снова раздирали сомнения: правильно ли я поступила, что вот так, быстро, как в омут, бросилась в отношения с Сашей. Я ведь бросилась, бросилась. И нет сил выплыть обратно. Но мне так хорошо было прошедшей ночью, что я не раскаивалась за время, проведённое в постели мужчины.

И если бы не ночные гости, если бы не разор в квартире, я бы не стала торопиться, да и он, наверное, тоже.

Чтобы не подвергать опасности ставшего таким дорогим мне мужчину, чтобы не растерять оставшиеся крохи уважения к себе, я всё же принимаю решение исчезнуть из его жизни, освободить его от себя. Нам обоим не нужны такие отношения.

Мне пришла мысль, что я сама себя варю в мыслях, отравляющих моё существование.

Мои вещи так и не были разложены, они всё ещё лежали в сумке, как будто ждали возвращения на старое место. А туда возвращаться придётся и им, и мне...

Как только я собралась, приехал Степаныч. Он весело рассказывал, какую прочную дверь мне поставили, отдал мне ключ, и наконец, понял, что я ухожу:

— Нат, а ты куда?

— Дядя Коля, мне на работу и обратно. Я быстро, не переживайте. Пока, пока, — целую в щёку, вырываюсь на волю, бегу к уже пришедшему такси.

— Вот и я дома, — грустно подумала я, открыв новую массивную дверь. Степаныч не поскупился. Вот только чем отдавать? Отдавать долги надо.

Прямо в обуви прошлёпала на кухню сварить кофе. Он ещё должен был сохраниться. Пыли скопилось много....

Чтобы как-то забыться, не плакать, не стенать, надо чем-то занять себя. Чем же? Конечно, уборкой. До самого вечера я мыла, вытирала по пять раз пыль, снова мыла окна двери, полы. Но всё время вспоминала о Саше. Мысли никуда не делись, боль жгла по-прежнему, и я со всего маху от злости шлёпнула тряпку в тазик с водой. Вода фонтаном взвилась вверх и разлилась по полу. Вот, снова надо мыть. Я на корточках вытираю растёкшуюся воду с пола, а солёную влагу размазываю по лицу, всхлипываю и уже икаю. Наконец, успокаиваюсь: пол сухой, лицо тоже.

Осмотрела комнату: ни пылинки. Чисто как в палате реанимации, только кого здесь реанимировать... Меня?

Действительно, усталость взяла своё, я надеюсь быстро уснуть, свернувшись калачиком под одеялом. Но... вторая подушка..., куда деть вторую подушку, и зачем вообще я её достала? Для кого она предполагалась? Я со злости отшвырнула подушку на пол. Пол чистый, ничего, завтра подниму.

Саша пришёл только поздно вечером. Он даже не пришёл, он просто ворвался. Сквозь сон я услышала громкий стук в дверь. Кто-то тарабанил несколько раз. Кто-то проигнорировал звонок домофона, как в прошлый раз? У меня развивается паранойя. От страха запотели ладони, по спине пробежал холодок. Внутри всё оборвалось, когда я представила, кто может стоять за дверью. Взяла в руки телефон, но вспомнила, что сегодня уронила его в чашку с водой, и он до сих пор не высох. Я кралась в прихожую, сдерживая дыхание, чтобы по малейшему шороху себя не выдать, как будто меня кто-то мог увидеть через дверь или слышать.

Взглянув в глазок, я, наконец, вздохнула, просто выдохнула облегчённо.

— Что так громко? — я больше не нашла, что спросить у врывающегося в квартиру Саши.

— Наташа, почему ты ушла? Тебя кто-то обидел? Я? — в его глазах металось непонимание.

Он пытался поймать мою руку, но я спрятала обе за спину, скорее потому, что боялась просто броситься ему на шею: настолько рада я была его появлению. С приходом Саши все мои сомнения, терзавшие меня, показались такими надуманными и неправдоподобными. Но признаться, что я всё же сбежала, я не смогла.

— А я-то думал... — разочарованно проговорил он, присаживаясь на край кровати. — Приеду домой, меня встретит Наташа, а она... просто сбежала... ну, почему, что не так? Я тебе звоню, звоню... Почему не доступна?

— Для тебя я доступна, — объятия Саши приводят меня в равновесие, я больше не спорю с собой, — телефон не доступен, он утонул...

Саша.

— Сашка, бл*ть, и ты таким хочешь ехать? Даже и не думай! Где тебя таскало всю ночь? Ты же знал, что тебе в поездку! Опять бабы? Ты же, кажется, завязал, или это твоя

синеглазая спать не давала?

Это Марат разоряется, увидев меня полусонного утром в офисе.

— Мар, надо ехать, там две машины почти с нуля. Их надо брать, иначе уйдут, — я пытаюсь его убедить, хотя спать, действительно, хочется: уснуть смог только под утро. С Наташей точно не уснёшь.

— Ну, те, на хрен, поеду сам! — Мар — отзывчивый малый, моя персональная наседка, он держит наш бизнес в кулаке да и меня, кстати, тоже.

Марат уехал вместо меня, а я уснул прямо за столом, положив голову на руки. Но сначала вспоминал Наташу.

Проспал до обеда. От неудобной позы болела шея и спина.

Серое от туч небо и унылая погода совсем не располагали к хорошему настроению. Под ложечкой нудно сосало от голода. Я решил пообедать, но сначала позвонил Наташе, а в ответ — звенящая тишина. Я недоумевал: что могло случиться? Так хотел услышать её звонкое «да», но телефон молчал, как убитый.

А потом подумал: «Что она от меня хочет? Разве плохо нам было?» Но ведь это я про секс, а разве за этим она ко мне ехала?

Но как только вспомнил про секс, вспомнил Наташины прелести — в штанах стало тесно. Кое-как дотерпел до вечера. Вернулся Марат, что-то мне говорит, а я киваю из вежливости, вроде как понимаю, о чём он мне говорит. Он догадался:

— Короче, вали домой, с тебя сегодня работник хреновый! Бери себя в руки, иначе получишь по шее.

Дома — тишина и ни души. Млять... И за что, спрашивается...И долго мне за ней бегать? Чувствую, что придётся, долго и сколько скажет. И вприсядку, и вприпрыжку, потому как ни одна не вызывала такого жгучего желания постоянно видеть, трогать и обладать.

Но она не понимала, что имеет дело с Волком. Моя кликуха не только по фамилии, она по моей сущности. Маленькая Птаха будила во мне зверя. Догадывается ли она, насколько сильно я её желал?

В те пять дней пребывания её в больнице, когда Птаха меня продинамила, кстати, круто, я всё ждал: позвонит, позовёт. Не звала, не звонила, а я ей подыграл. Создал иллюзию ответного равнодушия, вернее хотел создать, а сам, как дурак, часами простаивал под окнами палаты, высматривал её в окне, и опять надеялся, что позовёт, но в ответ игра в молчанку.

Но теперь, после ночи, которая до сих пор будоражит кровь в венах, а стояк больно упирается в ширинку при одной только мысли о ней, о Натке, такого удовольствия я ей не предоставлю. Она будет моя, во что бы то ни стало!

Синеглазая девчонка, чистая, тёплая, светлая, с искренностью в глазах и в сердце, которой она, казалось, была пропитана, сама того не подозревая, заставляла меня вспомнить давно забытое слово «любовь». Ни одной женщине даже с модельной внешностью я его не изрёк. Нам, детдомовцам, пацанам и девчонкам с израненной душой, с изуродованным шрамами сердцем это слово никогда не доводилось употреблять.

Моей синеглазке за несколько дней удалось залечить раны и зарубцевать шрамы.

— Наташа, что случилось, почему ты уехала? Я волновался. Поедем домой?

— Я вообще-то дома... — лепечет, а в глаза смотреть не решается.

— Скажи, — пытаюсь взять за руку, спрятала обе за спину, — что происходит?

«Никуда ты от меня не денешься, Пташка!» — руку не дала, а просто так смотреть на неё не могу, хочу потрогать, подхватываю под попку и прижимаю к себе.

— Нат, расскажи, что тревожит? М? — шепчу, потому что её близость сводит меня с ума, я слегка поцелуем касаюсь её губ, потом ушка, шеи.

— Саш, ты психолог? — наконец-то улыбнулась. А руки уже на моей шее, рисуют ей только известные узоры, колдуют в моих волосах.

— Не то чтобы, но выслушать могу и хочу, особенно тебя, Нат. Тебе у меня не понравилось? Тогда будем жить здесь, у тебя. Мне нравится. Чистота, уют, что ещё надо?

Она недоумекает от моего наглого предложения.

— Ты сможешь жить здесь?! — глаза удивлены и в них смешинки. Щекой прижимается к моей, небритой. — Не говори глупости.

— Так, — отпускаю её и снова наглею, — покормишь?

— У меня только макароны и сосиски... Будешь? — она не верит, что это моя любимая еда ещё с детства.

Макароны и сосиски... Когда-то мечтал об этой пище. Конечно, съел, пили чай с печеньем, смотрели друг на друга. И так тепло стало на душе, будто всегда жил в этой комнате, потому что рядом она, Наташа. Сидит напротив и улыбается, а я жую, мне нравится всё, абсолютно всё в этой маленькой квартире.

После душа завернулся полотенцем ниже пояса, прилёг на её кровать, а она смотрит, улыбается и при этом краснеет:

— Ну, как? Мягко? — задумчиво покачивает головой.

— Иди ко мне, солнце, я скучал! — шепчу, не хочу спугнуть атмосферу тишины и покоя. А на полуторке, действительно, мягко.

Но ведь ты к другому привык: к деньгам, простору, к комфорту, даже удивительно, как ты у меня здесь вписался, — Наташа не хочет ко мне приближаться, так и стоит в отдалении и смотрит недоумённо, будто я пришелец с Марса.

— К чему я привык? Ты даже не знаешь, к чему, — у меня всё внутри сжалось от мысли, что когда-то давно таких макарон нам просто не хватало вдоволь, а сосиски видели по праздникам. Теперь у нас с Маратом еды много, а вот тогда... — Наташа, я из детдома.

Наташа тихо вскрикнула:

— Ах! — и горестно прикрыла рот ладошкой, а на глаза набежали слёзы. Она тихо приблизилась ко мне, села рядом, обхватила меня за шею и затихла. А меня опять сдавила мысль, что хочу с ней, только с Наткой, поделиться тем, чем никогда и ни с кем не делился. Её хрупкое тело в моих объятиях, сдавленное дыхание, слёзы, упавшие мне на плечо, её непосредственность, лёгкость в общении, без жеманства, без лишней суеты меня притягивали, как магнитом.

— Хорошая моя, не надо слёз, — я тяжело вздохнул и поцеловал её в лоб, как ребёнка. Я чувствовал, что всё, что касается меня, что хранилось у меня внутри, ей небезразлично.

— Саша, я... — её голос дрожал, и слышны были всхлипы. Наташа кусала губы, не сводя с моего лица немигающего взгляда.

— Не надо меня жалеть, со мной всё было не так уж плохо, — всё-таки вспоминать свою жизнь было нелегко, как казалось.

Наташа

Саша рассказал мне о своём детстве в детском доме. Он вывернул для меня себя наизнанку, не опасаясь, что я правильно всё пойму и приму как своё, личное, родное.

В детский дом он попал в годовалом возрасте.

— Как в годовалом? Какая мать откажется от уже годовалого ребёнка? Она пила? У неё тебя забрали? — сквозь слёзы спрашивала я. Я уже примостилась у него на плече, мне так на нём уютно!

— В документах об этом ничего не сказано, — грустно отмахнулся он и положил кисть руки на глаза, будто прячась. — В документах нет ничего. Но потом я узнал, что она умерла при родах, когда рожала меня.

— А отец, ты искал его? — я не могу поверить, чтобы отец навсегда отказался от сына и не дал хотя бы весточки о себе.

— Нет, да и зачем, меня до шести лет хранила няня Арина Максимовна. Она, как сейчас помню, всегда держала меня за руку. Никого не держала, только меня. Я сначала думал, что она моя мама. Я даже звал её так. Но потом оказалось, что она только няня. Пацаны завидовали, что я её любимчик. Когда один из них сказал, что у нас тут нет мам, а Арина — няня, я с ним даже подрался. Помню, как я плакал тогда. Я и помню-то себя с шести лет. Но Арина опекала меня и потом. Бывало, затащит к себе, засунет в рот конфетку и строго прикажет: «Жуй здесь и молчи!» Помню её чуть шершавые руки и такие добрые глаза. Погоди, они же были синие, Наташ, как у тебя, представляешь!

Саша склоняется надо мной и нежно касается губами уголков моих глаз.

— С Маратом познакомились там же. С первого класса сидели за одной партой, — продолжает он, очерчивая взглядом моё лицо. А я поглаживаю его обнажённую грудь, рисую пальчиком на ней какие-то узоры.

— А потом на моё счастье, в детдоме появился Степаныч после увольнения из погранвойск.

Саша замолкает, а я тереблю его:

— Ну, а дальше... И что ты всё время ворочаешься, тебе неудобно?

— Я завтра продолжу, а сейчас... — он накрывает мои губы жадным поцелуем, резко стаскивает с меня пижамные штаны, я не успеваю даже охнуть.

Полотенце, до сих пор прикрывающее Сашу ниже пояса, летит на пол, к подушке.

Он прижимает меня ещё крепче к своей груди и на миг замирает. На миг, на один.

Потому что потом забываем обо всём, мы в плену страсти, мы растворяемся друг в друге.

Губы впиваются в губы, языки ласкают друг друга. Мы целуем друг друга жадно, до дна, до боли, до спазмов мыслей. Теперь слова не нужны, зачем они, когда есть чувства.

Нет, одно слово всё же есть:

— Сашаа!

Оно повторено сотни раз. А в ответ получено:

— Наташа, Натка, Наташшша!

Его горячий рот ласкал мою шею, язык дразнил мочку уха. Жаркое дыхание Саши опаляло мою кожу, и от сладостного ощущения близости дорогого мужчины я уплывала на

волнах томительного блаженства, чувствуя, как моё тело тает в его сильных теплых руках. Мой крик восторга пронесся по комнате, сливаясь с рыком мужчины, когда наши тела соединились. Я стонала и изгибалась, устремляясь ему навстречу, с каждый его сильным глубоким толчком уносясь все дальше в мир блаженства. Его ритм, сильный и жёсткий, затоплял шквалом удовольствия, и вместе с ним выливались все накопившиеся в ней эмоции, превращаясь в маленький ураган.

В этом сладком экстазе слезы текли по моим пылающим щекам. Но это были не слезы боли или обиды, а слезы наслаждения. Удовольствие обладания красивым телом Саши охватывало меня целиком, проникало во все поры. Моё тело впускало его в самые свои заветные уголки. Переживания становились все острее, и, закричав от непереносимого блаженства, я почувствовала, как распадаюсь на кусочки, на атомы, сливаясь с телом любимого мужчины, поглощая его. Ощувив его извержение внутри своего естества, я взлетела еще раз, чувствуя, как Саша содрогается на мне, до боли стискивая моё тело, а перегибаюсь так, что кажется, хрустнут позвонки.

Утро следующего дня было более приветливым. Сквозь разрывы туч и серых облаков робко пробирались лучи солнца. Они осветили комнату через незашторенные окна.

Под моей щекой мерно билось сердце... моего мужчины. Теперь я в этом точно уверена. Я целую его в сосок, провожу по нему языком, радостно прижимаюсь к обнажённому телу, скольжу ладонью по животу, цепляя пальчиками волосики паха. Саша сразу просыпается. Он крепко сжимает меня в объятиях и притягивает к себе, нежно целуя в щёку и не позволяя встать. Я чувствую его сильные мускулистые руки, их шёлковая кожа скользит у меня под щекой. А на бицепсе кожа ещё нежнее. Я целую её и снова трюсь щекой.

— Ммм, кошка... — не выдерживает Саша. Ему нравится, и он улыбается белозубой улыбкой. Плавающий взгляд карих глаз, нежные прикосновения. — Ещё чуть-чуть, Нат, минутку, — целуя в ухо, невесомо дразня своим касанием, промурчал он.

— Кофе? — в ответ шепнула я.

— Угу! — разомкнул руки со вздохом, — я бы так и провалялся с тобой целый день в постели! Но надо работать. Нат, завтрак будет?

Быстрый душ привёл меня в равновесие, несмотря на то, что спали мы мало.

Саша выполз на кухню только на запах омлета, гренок и кофе, уже одетый в брюки и рубашку и с влажными волосами.

Я не смогла не дотронуться до тёмной от влаги макушки. Подумала: «Какой же он красивый! И мой» — и сердце забилось чаще.

Во время завтрака я старалась на него не смотреть, ковыряла вилкой в омлете и улыбалась — в противном случае — сразу брошусь к нему на шею, и уже тогда точно на работу он не пойдёт. Но я понимаю: он должен. У них много дел с Маратом. Деньги с неба не каплют.

— Что ты хочешь на ужин?

— Ужинать будем в ресторане, согласна?

Ещё бы не согласна, если я там никогда не была. Я много, где не была, куда меня водил Саша. Только для этого пришлось обновлять гардероб. Короткое васильковое платье из плотного шёлка с кружевными рукавами и кружевом по лифу, пара туфель в цвет и комплект нижнего белья под платье — это всё, на что у меня хватило целой зарплаты фельдшера скорой помощи. Но я не пожалела. Платье очень подошло к моим глазам.

«А деньги-то ещё остались!» — закрываю я подальше от соблазна свой кошелёк

Наташа

Вот уже почти месяц я живу в раю. В моём персональном и невыдуманном.

В доме Саши я всё-таки освоилась. Прислуги здесь не было, да и я не понимала: зачем она нужна. Только женщина лет сорока, очень добрая, но не слишком разговорчивая, приходила раз в неделю убираться. Ее седые короткие волосы были убраны под платок, иногда на её лице застывало выражение тихой грусти. Она становилась серьезна и молчалива. В конце концов, я сама полностью погрузилась в ведение домашнего хозяйства. Я решила исправить интерьер дома, который отличался некоторым аскетизмом. На полках, столах и прочей мебели располагались только самые необходимые в хозяйстве вещи. По отсутствию всяких там сувенирчиков, вазочек, картинок и прочих милых вещиц, которые так обожают представительницы женского пола, можно было определить, что в квартире живет одинокий мужчина.

Свободное время от книг по медицине, а я их покупала часто, надо было куда-то девать.

Друзья, знакомые — все остались там, в другом мире. В свой новый мир я не хотела никого пускать. Мне отчётливо врезалась в память фраза какого-то умного человека: «Счастье любит тишину». А мне так хотелось хотя бы маленького счастья с самым красивым, милым, родным для меня мужчиной. Иногда приезжал дядя Коля, наш общий друг Степаныч. Саша целыми днями много работал и приезжал домой поздно вечером. Поэтому я, отыскав в указанном месте деньги, решила заняться излюбленным развлечением домохозяйек — шопингом.

Однажды Саша, вернувшись домой, застал меня, когда я заканчивала уборку: чистота — это моё второе я. Вытерев руки о передник, я выпрямилась, пытаюсь привести себя в божеский вид: платок съехал на ухо, волосы выбились из-под платка, одна штанина поднялась вверх, но он, обратив внимания на мой внешний вид, весело рассмеялся и заключил меня в объятия, целуя в шею:

— Наташка, ты сейчас такая потешная! И зачем ты затеяла уборку? Есть же женщина для такого дела! А ты отнимаешь у неё хлеб!

— Ничего я не отнимаю, — мне тоже весело стало, — я только на сегодня освободила её.

Саша заметил, что дизайн претерпел некоторые изменения: на диване красовались яркие подушечки, в тон обивке, на столах — кружевные салфетки и замысловатые вазочки, на полках — забавные безделушки. На одном из кресел лежал пушистый плед, под ногами тут и там расположились симпатичные коврики и плетеные циновки. Впрочем, только гостиной я не ограничилась. На кухне тоже добавилось множество различных вещиц, сразу дающих понять, что там хозяйничает женщина. В спальнях на стенах заняли свое место картины с изображением пейзажей, а по полу были разбросаны всевозможные пуфики.

— Нравится? Я старалась, — мне необходимо было его одобрение.

Саша в знак одобрения снова зажигает свою улыбку, радостную и такую милую. А мне становится страшно, что эту улыбку он мог бы дарить другой, что другая, не я командовала в этом доме. И тогда у меня больно сжимается сердце, а внутри поселяется холодок, такой противный и мерзкий.

Я чувствую каждую его клеточку, каждая его клетка будоражит меня. Я люблю в нём

всё, я им дышу и не могу надыхаться.

— Наташа, мы не предохраняемся, — он щурится и внимательно рассматривает меня, приподнявшись на локте: ждёт моей реакции.

А я, нежась от эйфории пережитого секса, негромко произношу:

— Ну, и что... я хочу ребёнка, но только, только от тебя, хочу маленького Сашу, с такими же глазами, во всём на тебя похожего. Но, к сожалению, сегодняшние пары не скоро получают долгожданный результат. А мне уже скоро 25 стукнет. С тобой...или без тебя, мы не можем заглянуть в будущее, я буду рожать, если беременность всё-таки наступит.

— А почему это без меня? — он несколько обижается, но потом твёрдо заканчивает: — Только со мной! Только! Мой сын никогда не будет безотцовщиной. Забудь, пожалуйста, слово «без тебя».

А я всегда мечтала о таком мужчине, который решит хотя бы часть моих проблем, станет надёжным плечом, другом. Я люблю просыпаться с ним по утрам и смотреть на него спящего. Обожаю смотреть, как он бреется, умывается, а потом фыркает. А я беру полотенце и вытираю его насухо, в ответ он целует меня.

Только в последние дни я чувствую, как он устаёт, как приходит с работы злой, но злость на меня не выплёскивает. Он только как-то смотрит по-другому, и это немного пугает меня, потому что я не понимаю. Мне не нравится то, чего я не понимаю.

И я не знаю, где он провёл эту ночь. Сколько бы я ни звонила: абонент был не доступен. Предположения были, что они с Маратом заканчивали ремонт новому клиенту. Но почему ночью?

Глава 6.2

Наташа.

Прошёл месяц, и мне нужно появиться в институте.

День начинается отвратно. Я о чём-то задумалась и забыла про уют: сожгла Сашину рубашку. Звоню ему, хочу спросить, где он, но как назло рассказываю о рубашке.

— Выкини! Зачем её было гладить! Мне некогда.

Это вместо «здравствуй»! Отключил телефон, ничего ни сказать, ни спросить не успела. Проглатываю обиду, вызываю такси. Приехало с опозданием.

Потапов Игорь Владимирович (ведёт первичную специализацию по чистой хирургии) встречает меня плохими новостями:

— Наташа, тут такие дела...

— Что случилось, Игорь Владимирович?

— Семёнов тебя опять забрал на курс, он просто не передал твои документы.

— Я что — вещь? Как это он меня забрал? А вы, вы вот так отдали? Вы ж хвалили меня.

— Наташа, я с ним ссориться не хочу. Мне не нужны такие проблемы. Я человек маленький, а с ним... ну, сама знаешь. Короче, сама с ним договаривайся.

Расстояние по коридору между двумя кабинетами я пролетаю со скоростью мухи.

— Руслан, Николаевич, это что за хрень, зачем я вам? — прямо с порога, вот так неуважительно, потому что догадываюсь, почему Семёнов не отпускает меня.

— Наташа, ну, что за выражение! Ты образованный человек!

— Не лечите мозги! Руслан, короче, зачем я вам? Я, кажется, всё сказала. Ну, не люблю я вас, не люблю.

— А что там Волк? Как у него дела? Как тебе с ним? — ехидство и ядовитый взгляд Семёнова мне отвратительны.

— А вы откуда знаете? А... вы знаете! Ну и отлично! И это не ваше дело.

Я потом подумала: откуда он знает, я ни с кем не делилась. Нас видели пару раз вместе мои бывшие сокурсники — и всё.

— Это неважно, да дело не в этом.

— А в чём? — меня уже трясёт от его наглости.

— В тебе. Ты мне нужна. У тебя талант. А его надо развивать. Да ты и сама это знаешь. Ну, что тебе эти грыжи?

— Но дело ведь не в грыжах?

— Нет, в тебе, я уже сказал. Короче, как ты говоришь: либо я, либо никто в каком хочешь смысле. Да, и у Платонова тебе придётся платить за первичку. Сможешь?

Вот это сюрприз! Я стою, молчу, потому что онемела: я должна заплатить за первичку, а денег нет. У Саши просить я не собиралась, потому что всего в жизни я добивалась сама, своими силами, не надеясь ни на кого — так воспитала меня моя мать.

Вот так в одночасье рухнули все мои мечты, да и хирургом в Москве мне не устроиться: без первичной специализации меня никто не возьмёт, причём без опыта работы.

— Ничего, я разберусь, я сама найду, где пройти первичку, они меня не загонят в угол. А пока пойду работать.

С этими мыслями, со страшной, раздирающей душу обидой я выхожу из родного меда, с

которым прощаюсь навсегда.

В таком раздразе я приехала в дом Саши. Неожиданно услышав музыку, поняла: хозяин в доме.

Я поспешно открыла дверь и вошла. Из прихожей сразу просматривалась кухня.

О Боже!

Я забыла, что надо дышать. Чья-то сильная рука сдавила мне горло и не отпускала.

За кухонным столом сидели четыре человека: две девушки, Марат и...Саша. Марат своей соседке что-то рассказывал, она весело смеялась.

А Саша...

В тот момент мне хотелось крикнуть:

— Стоп! Фильм снят! Спасибо всем! — так я пыталась взглянуть на всё происходящее как бы со стороны.

Но, к сожалению, это было не кино: Саша внимательно слушал свою соседку, положив ей руку на плечо, но, как только я появилась на пороге, его рука тот час поползла вниз, на задницу девушки, а потом вверх, сдавливая грудь. Она томно улыбалась, готовая вот-вот выпрыгнуть из глубокого декольте.

И всё это при мне, и всё это на публику.

Нет, не так: как будто меня не было.

Как будто это была не я, а часть интерьера.

Хорошо хоть не трахались прилюдно.

«Интересно, он спит с ней? Так же ласкает её, как меня, доводя до исступления? Такой же ласковый или немного грубый?» — эти вопросы сводят меня с ума, а ревность, медленно, но верно сковывает всё тело, отравляя своим ядом настолько, что мне становится трудно дышать. Как он её называет в постели? Птаха или птичка? Хочется соскочить с места и врезать им обоим по оплеухе. Я в ужасе смотрела на мужественное лицо бывшего любовника и на самой себе испытала смысл выражения: «оцепенеть от ужаса».

И это как пощёчина, яркая, хлёсткая, действует на меня отрезвляюще. Хлёстко и больно, до жжения во всём теле.

Я осознавала, что я той девушке не соперница: у меня не такая пышная грудь, не такие длинные ноги, возможно, я не 90х60х90. Но любят только за это? А как же душа? Нежность? Преданность?

«Скажи хоть что-нибудь, — умоляю я его про себя — Все что угодно, только не сиди с таким безразличным отстраненным видом».

Я почувствовала, как кинжал, вонзается в меня и проникает еще глубже, проворачивая и расковыривая рану.

Как поступить в данной ситуации? Я не представляла.

Орать, истерить, обвинять и рыдать не имело смысла.

В горле пересохло. Я облизываю высохшие губы.

Огромный, жгучий, режущий болевой ком появился где-то в области грудины и медленно поднимался к горлу.

Мне бы уйти, мне бы убежать, не оглядываясь, улететь, исчезнуть, но внезапная слабость растекается по телу, ноги отказываются слушаться хозяйку. Капли пота выступили на лбу. Я стояла, прислонившись к стене, и умирала. Мой взгляд словно прилип к этой паре, мне бы отвести взгляд, но его будто приковали.

Глядя на этих двоих, ощущаю тошнотворное омерзение. Вот она потянулась к нему за

поцелуем, но он подставил для поцелуя только щеку, а сам всё время смотрел на меня.

И всё это на публику.

И всё это для меня.

Как будто говорил: вот, мол, и тебе замена, незаменимых у нас нет.

А я в ужасе смотрела на его лицо, черты которого в это время стали более грубыми, жестокими. В потемневших, почти черных глазах Волка зияла пустота.

Он же меня своим взглядом сжигал и наблюдал: сгорела ли я до пепла или надо ещё добавить огня, чтобы уж наверняка.

А я горела, как на костре сгорает грешница, вокруг меня всё полыхало и вспыхивало, языки пламени злобно лизали моё тело, готовые проглотить меня заживо.

Девушка ладонью пыталась повернуть его голову к себе, но он отбрасывал её руку и не сводил с меня глаз, полных ненависти и злобы, но вместе с тем какой-то неопределённости и растерянности.

Боль в груди росла, она перешла в левую лопатку, как при прединфаркте: как будто кто-то предательски ударил меня сзади врасплох, когда я не ожидала.

Мне бы присесть, боль бы утихла, дыхание выровнялось бы, сердце перестало бы колотиться и отдаваться в виски нестерпимой болью, но стула в прихожей не было.

«Почему я не умираю? — сверлила меня одна мысль. — Умереть бы сейчас и не видеть, как он вколачивает в меня осиновый кол ненависти и злобы. Умереть бы сейчас, как умерла моя единственная подруга Даша Анисимова. Пусть живёт, пусть развлекается в своё удовольствие. Вот только за что? За что мне всё это? Почему Саша так быстро предал меня, почему он предатель? Вот так просто...»

Наконец боль ослабла, и я смогла полноценно вздохнуть. Раньше я не могла этого сделать, потому что боялась, что боль усилится. Со мной до сих пор такого не случалось, но я интуитивно понимала, что для моего состояния нет медицинского обоснования.

Такое состояние именовалось — растерзанная... в клочья... любовь.

Они все четверо просто сидели и смотрели на меня. Я молчала, и они не проронили ни слова.

Я у стены — они за столом.

Я одна — их четверо.

С ними... мужчина, которого... я... боготворила, которым жила, дышала, любила...

Я вдруг очнулась: мы собирались подавать заявление в ЗАГС. И что бы тогда могло произойти? Он бы бросил меня у дверей ЗАГСА?

Наконец Марат произнёс:

— Сашка, ей, кажется, плохо. Смотри, бледная какая.

Марат увидел, а Волков?

— Пришла, только настроение испортила! — капризно пропела девица, та, что, рядом с Сашей.

— Заткнись, и пошли вон обе. Спектакль окончен, — прорычал Волк, ничуть не напрягаясь и всё ещё испепеляя меня.

Но девицы пока не стронулись с места.

Спектакль. То есть, то, что я умирала — это был спектакль.

— Маратик, дай ей воды, — прошебетала другая девица. — Умрёт на пороге, что нам с ней потом делать.

Марат встал, молча, и принёс мне стакан воды. Я его залпом выпила. Мне стало легче.

Но мои руки задрожали, стакан полетел на пол, хрупкое стекло не выдержало — он разбился на мелкие части.

— Ты что? Сонная? — произнесла какая-то девица.

— Хм, Суки вы! Волков, помнишь там, на мосту ты ругался? Так вот, вы — такие же суки! — я всё же нашла в себе силы, чтобы им в лицо сказать эти слова. В ответ мне — гробовое молчание. Очевидно, потому, что мои слова были правдой.

Меня там, у стены, просто распяли. Но за какие грехи?

Слёз не было, только глаза горели, словно их потёрли перцем.

Я уже собиралась уйти, но вспомнила, что надо собрать хоть какие-то вещи и забрать ключи.

На автомате я прошла в комнату, не глядя, побросала кое-какие вещи в сумку. Взгляд упал на васильковое платье. Я его сама покупала, решила захватить и его, но оно не умещалось в сумку.

Я вышла из спальни и направилась к выходу. Все четверо были на месте, только Волков больше не трогал девушку, он смотрел отрешённо в сторону.

Платье мешало мне — руки занимали сумки, и я бросила его на стол, прямо на еду и бутылки:

— Кому-нибудь пригодится!

Я даже не предполагала, что девицы станут его рассматривать.

— Какое платьице! — проворковала одна.

— Оно ношеное, ууу, — разочаровалась другая.

Краем глаза я заметила, что Волков выхватил платье из рук девушек, и я услышала звук разрываемой материи.

Не знаю, зачем он это сделал, вероятно, со злости.

Я, больше не проронив ни слова, пошла к выходу. Больше мне здесь делать было нечего.

— Постой, — пытался остановить меня Марат, — я тебя отвезу.

— Да пошёл ты, заботливый! — после всего, что произошло мне его забота — поперёк горла. И мне никого не хотелось видеть, тем более Марата.

— А вы что сидите, я сказал, пошли отсюда, — это Марат провожал девиц.

Никто, конечно, вслед за мной не бежал. Все было до смешного цинично, безжалостно, бессердечно и от того еще более нелепо.

Лишь несколько слов долетают до моего уха:

— Я верил тебе, а ты! Я поверил! Эх!

Появилось жуткое желание уснуть и не проснуться, только чтобы вытеснить из головы предыдущий эпизод. Всего несколько минут — и разрушена судьба. Все: мечты, надежды, вера в людей и в счастье. Растоптаны чувства, разбито сердце, растерзана душа. Даша..., она так же мучилась тогда, когда ей разбил сердце Глеб Некрасов, красавец, мажор... Чтоб его! Мне именно сейчас вспомнилась моя Дашка.

— Извините за беспокойство, продолжайте веселиться! — выплёвываю я им на прощанье, а потом именно Сашке: — Пока, Волков! Не кашляй! Будь, если сможешь!

Волков.

— Я верил тебе! Я поверил, а ты! — ору я вслед уходящей, плюнувшей сквозь зубы прощальные слова Наташке, да и что ещё она могла сказать.

— Что сидите, пошли отсюда, рты разинули! Понравилось? интересно? — ору на девок, а они выдают:

— А деньги?

— За что? За сиськи? Нате, берите, только выметайтесь, — кидаю на стол ничего не значащие для меня купюры. Жизнь рушится, никакие деньги не помогут.

Шлюхи уходят, а я мечусь из угла в угол, как затравленный волк среди красных флажков. Ищу выход, а выхода-то нет. Нет! Нет!

Марат сидит на том же месте и вертит в руках клочки разорванного платья.

А я всё мерил, мерил шагами собственную кухню, как измерял прошедшей ночью контору СТО, где мне одна за одной в воспалённом мозге рождались картины: вот Наташка ссорится с отцом, что-то ему доказывая, я даже вижу, как яростью горят его глаза; вот она бросает в лицо ему деньги, возможно, предназначенные для её первички, она сама мне говорила, что ей обязательно её проходить; вот Наташка надевает специально старое пальтишко, назло отцу оставляет хорошие вещи, хлопает дверью и разъярённой фурией бросается на улицу. Вопрос: из-за чего произошла ссора? Млять... квартира... Наташка сама мне говорила, что живёт в квартире матери Графа. Это самое веское доказательство, что они поддерживают отношения. Наташка — сильная натура. Она будет стоять до последнего, если ей это нужно.

Я распахнул настежь окно, мне было нечем дышать. А может, и правда, нечем. Вернее, нечем. Мой мозг сверлит одно слово:

СУКИ СУКИ СУКИ СУКИ

— Ну, а платье-то зачем порвал? Мешало тебе оно? — бурчит Марат.

— Достал ты с этим платьем, выкини!

— Я-то выкину, а ты выкинул Наташку. Выкинул! Эх, Волк, такая девчонка! Вот, скажи, по-другому, по-человечески нельзя было? Обязательно мордой об стол?! Я предупреждал: сломаешь ты её, и себя тоже. Так и вышло. Какие же мы, Сашка, суки! Мы настоящие суки, слышишь, Волков! Мы сами от таких защищались там, в детдоме. Одни били нас, малолеток, а другие стояли и смотрели. — Марат рванул клочок ткани, и он разорвался, разлетелся на двое. — А теперь мы такими же стали...

— Слышу, не ори, Марат, и не рви ты мне душу, самому тошно, сам знаю, что суки! Только теперь ничего не поделаешь! Я сам всё разрушил... Ничего не собрать... — я мечусь, как в клетке. Я, наконец, осознаю, что натворил и какая предо мной разверзлась пропасть. — Но тут, — я снова открыл чёрную папку и бережно достал единственный лист, хранившийся там, — чёрным по белому написано, что она его дочь! Натка — дочь Графа! Почему она молчала? Она меня обманула! Обманула! — кричал я, разрывая собственное сердце, — Она, как змея, заползла в моё сердце. Она живёт в квартире бабки, матери Графа! Это доказательство побивает все твою защиту! Я никому так не верил, как ей! Целый месяц меня за нос водила! Она с этой папкой никогда не расставалась, значит, знала, что она его дочь. А может быть, даже давно знала, но скрывала, значит, обманывала... значит... Когда я

прочёл письмо её матери, меня полоснуло так, словно без наркоза острой бритвой мне вскрыли зарубцевавшиеся раны. Те раны, что были два года назад. И потом, этот разгром в её квартире, наверняка это было предупреждение для неё: вот мол, если не одумаешься, не вернёшься к отцу — будет хуже. Марат, как мне было думать тогда, когда я своими глазами увидел признание матери Натки?

Я понимаю сам, что мечусь из одной крайности в другую. Мне бы успокоиться, обдумать на трезвую голову, но омерзение от предательства дорогого мне человека разъедает душу серной кислотой.

— Допустим, скрывала, — Марат хотел докопаться до истины, — ну, скрывала... не хотела тебе говорить, что дочь вора. Но два года назад она подстроила нам аварию? Она держала тотализатор? Она угрожала семье Светова? Она сделала из Светова предателя?! Млять, Волков! Ты сам-то веришь в это?! Это всё он, Граф, отец её! И что, она должна ответить за грехи отца?! сейчас не тридцать второй год, и не тридцать четвёртый, а ты — не Берия! Понял? Гад, ты, Волк, и я гад! Но я гадом быть не хочу и тебе не дам! Завтра иди и вымаливай прощение, сегодня остынь и проспись. Ты мне прошедшую ночь спать не давал...

Марат бьёт меня по самому больному, он пытается достучаться до моей совести, до моего отравленного сознания, и только теперь, теперь, на пике взрыва моего самолюбия, до меня вдруг доносятся отголоски того, что я натворил.

— Ты думаешь, простит?... — я хватался за маленькую призрачную надежду. — Как можно простить суку? Она не простит, и я бы не простил, а ты? Суку прощать нельзя!

Я рванул на себе рубашку: мне стало душно, пуговицы, как горох, тут же рассыпались по полу.

Я кожей почувствовал, что жизнь дала трещину, всё, что создавалось ценой каждодневных усилий, трещит по швам. Судьба нанесла новый удар под дых, надо подниматься и идти дальше, но как?

В глазах она, Наташка, стоит и молчит, смотрит и будто умирает. Умирает, но молчит! Ни звука, ни слова, ни крика. Лучше бы орала, разбила бы что-нибудь, крушила. Орать, истерить, обвинять и рыдать — не в её привычках и правилах. Она стоит, прислонившись к двери, и не может проронить ни слова.

Каскадом волосы, перекинутые за плечи, тонкая шея. В лучах заходящего солнца прозрачный пух на коже светится и играет. А я вспоминаю ночи, проведённые с ней. Как целовал каждую ложбинку на теле, как скользил пальцами по изгибам и вниз, как прижимал округлые бёдра, как закидывал на плечи ножки, как входил в сладкий плен её естества.

Эти воспоминания вызывают стон и ярость. Ярость на себя самого, но тогда я думал, что я прав, что я поступаю правильно, когда затевал весь этот спектакль. Я всё сам устроил: позвал в гости девок, на которых мой хрен не стоял, написал Марату, чтобы пришёл.

Он меня чуть не прибил, когда узнал, что я затеял.

— Я прав! — кричал я ему. — Она только строит из себя праведницу, а на самом деле...

— Что на самом деле? — Марат мне не верит, а я ещё больше злюсь и на него, и на Наташку.

Когда я прочитал это чёртово письмо с признанием её матери, так уж получилось — оно случайно из папки выпало, по сердцу резануло настолько больно и глубоко, словно всё случившееся два года назад, когда мы с Маратом могли бы погибнуть, и остались живы просто чудом, произошло только вчера. Настолько всё тогда пережитое нами прочно вошло в память, засело, въелось, не хотело уходить, как не бейся.

Два года назад, когда мы ещё участвовали в гонках и были на пике славы, нам сам Чёрт был не брат. Мы гордились своими успехами. Гонщики — народ лихой, но были люди, которые просто наживались на нашей лихости. О тотализаторе за нашей спиной мы узнали не сразу: только тогда, когда нас подставил Светов, наш механик. Он всегда был для нас своим парнем, но только и всего. Но мы были одной командой, и он ни разу нас не подводил. А тут...

Едва был объявлен старт, я почувствовал — что-то не так с машиной.

— Марат! Что с машиной? Рулевая! Где Светов? Млять...

Мой крик тонет в скрежете разваливающейся на части Porsche. Мы по очереди вылетаем из машины, лобовое стекла разбито в клочья: Марат на проезжую часть, ему повезло больше, если это можно назвать везением, он всё же успел сгруппироваться. Мы тренировались, как покидать машину во время аварии. Меня же выбрасывает на ограждение, кажется, что моё тело ограждение перерубит на двое. По счастливой, по очень счастливой случайности я не долетел до ограждения, но поребрик, ограждающий проезжую часть, сделал своё чёрное дело. Досталось двум моим ребрам и левой руке. Переломы закрытые — мы легко отделались, потому что не успели набрать скорость на старте.

Эксперт, осмотревший машину, дал заключение: «Рулевая выведена из строя ещё до старта. Причём, намеренно и так ловко, что вы и ста метров не смогли бы проехать. Вас убить не хотели, хотели лишь попугать ну, или просто убрать с гонок».

Кто изувечил нашу машину, мы поняли сразу — Светов. Больше никто к ней на шаг не подходил: она для нас святая святых, да и не принято толкаться у чужих авто.

Но сказать в открытую, что в аварии виновен Светов, нам попросту не дали: Мару подбросили записку: «Откроете рот — пожалеете. Не только вы, но и Светов».

Мы поняли: тотализатор. Нас проиграли. Очевидно, на экипаж другой машины кто-то поставил кучу бабла, и им надо было, чтобы гонку выиграли именно они.

Светов потом пришёл сам. Нет, не каяться, пришёл рассказать правду:

— У меня не было выхода. Меня заставили. Они долго на меня наседали, а у меня двое детей. Двое! Кто бы их стал кормить, если бы меня убили или покалечили?!

— Даже так? — Мар отказывался верить, но я поверил сразу.

— А ты думал как? Граф шутить не любит. Он авторитет, местный воротила. Пока они не пригрозили похитить детей, я сопротивлялся. Вам и во сне не приснится, какие там крутятся бабки, а он держит весь тотализатор. Весь! Только прикиньте: сколько заездов, процентов, какой должен быть выигрыш. А вас я убивать не хотел, поэтому сделал так, чтобы рулевая отвалилась на старте.

— Аркаш! А как ты собирался жить дальше? Тебя теперь ни в один экипаж не возьмут! — я сочувствовал ему, но злость была сильнее сочувствия, мне самому хотелось его тогда придушить, жаль, что рука загипсована и рёбра ныли адски..

Светов тогда ушёл из спорта, я долго залечивал рёбра и рану обиды, а нас потом так плотно обложили — мы едва попадали в пятёрку. Рука ещё долго болела. Экипаж развалился, и нам просто поставили условие: либо работать на Графа, либо катитесь подобру-поздорову. Что значит работать на Графа, знали многие: это значит служить пешками в его подпольной букмекерской конторе.

Из депрессии, охватившей тогда обоих, и Мара, и меня, вытаскивал Степаныч. Судьба нас так перетряхнула, что разом поменялись все приоритеты.

Степаныч тогда рубанул с плеча:

— Хватит! Мужики вы или красные девки! Вам скоро по тридцать, а у вас за душой ни копыя!

Так мы начали жить заново, организовали бизнес, но Степаныч и тут оказался умнее: все мастерские мы на всякий случай решили записать на его имя — так было безопаснее. Мало ли что. Мы стали сильнее, свободнее и ни от кого не зависели.

А теперь это ненавистное имя снова всплыло. И на ком! На Наташке! На женщине, которую любил и верил безгранично.

Мне тогда хотелось рвать и метать, крышу рвало бешено, в хлам, до безумия. Хотелось мстить, мстить, мстить. Ему, его дочери — мне без разницы. Главное — я жаждал отмщения.

Но как получилось на самом деле — я мстил ему — отомстил себе.

Но что бы ни случилось — нужно стремиться вперёд. Если тебя втоптали в грязь, измарали душу, ты останешься в грязи, жалея себя. Сильные люди поднимаются и идут дальше, выстраивая свою жизнь заново. Я считал себя сильным человеком, но как оказалось зря. Потому как по-настоящему сильный человек не стал бы мстить слабому. А я нашёл в броне Графа слабое место и решил поквитаться с ним через Наташу.

Но тут я крупно просчитался: месть бумерангом вернулась ко мне самому. Я понял: Наташу мне не забыть, не вытравить из своего сердца.

Выехал на трассу. Марат орал:

— Куда, придурок, права отберут! Ты пьяный!

А мне по хрен: хочу, чтобы в хлам, чтоб забыть к чёртовой матери, что я натворил. Хочу разогнаться и на бешеной скорости влететь в фонарный столб. Я остановился, сердце колотится, машина ревёт — я газую, газую, двигатель вот-вот разлетится в щепки, как только что в щепки разлетелась вся моя ублюдочная жизнь.

Руки сами крутят руль по направлению к Наташиному дому. Зачем, зачем я туда еду? Что я ей скажу? Какого потребую объяснения? И смогу ли я подняться на этаж и переступить порог квартиры ещё вчера ненавистного мне человека, смертельно ранившей меня женщины, а сегодня растоптанной мною... За предательство? Но почему тогда я бешусь, почему я сегодня разуверился в своей правоте? Почему меня гложут сомнения? Почему я не поговорил с ней? Бл*ть! С кого спрашивать? Кто ответит на все мои долбаные вопросы?

Ммм, но почему тогда я задыхаюсь, по-че-му! Почему сердце пытается выскочить через брешь, пробитую невидимым кукловодом, который до сих пор не отпускает нити, он дёргает за нити, а мы... как гуттаперчевые куклы, корчимся...

Корчимся, как марионетки.

Корчимся.

Корчимся!

Рука...нога...туловище...

Как подумаю, что мой дом пуст, что там только ветер и пустота, нутро переворачивается, и ноет, противно, надрывно ноет внутри. Хочется орать:

— Наташаааа!

Вернись, обмани, соври, я поверю, только не молчиии!

Не молчи!

Ударь — как я тебя!

Только вернись!

К утру я немного очухался, алкоголь выветрился, и до меня, наконец, доходит
ЧТО Я НАТ — ВО — РИЛ!

Наташа.

Такси подобрало меня почти сразу.

Уже там, в машине, я ощущаю себя бесчувственным роботом. Железкой. Без чувств и без души. Молодой парень таксист мне что-то говорит, зачем-то улыбается, а я только назвала ему свой адрес.

А я снова вспоминаю Дашу Анисимову, красавицу, жгучую брюнетку, хохотушку. Мы с ней подружились с первого курса. Она была не чета мне: единственная дочь из богатой семьи, Дашка всегда одевалась по последней моде. Но с родителями отношения её не ладились. Ей всегда не хватало душевного тепла её матери, отец же постоянно в разъездах, времени дочери тоже не уделял. Когда она влюбилась в Глеба Некрасова — она будто летала — как ей казалось, он стал её теплом.

«А я, Даш, я ведь тоже люблю тебя!» — мне становилось обидно, что она меня как-то отдалила.

«Натка, ты же подруга, единственная причём, а он... он любимый!»

" Я не про то, я понимаю, что он твой любимый... я про тепло...не забудь обо мне, когда он тебя кинет. ты же знаешь, какая за ним тянется слава!"

А после этот её тёплый любимый оттрахал Авдееву Аню прямо в аудитории, она стонала, а Немцев, сволочь, снимал их на видео, через щель, что у пола и двери. Как он это сделал — до сих пор непонятно, потом это видео показал Даше и признался, что давно её любит. Так, типа, хотел раскрыть её глаза на Глеба.

Глеб тогда сказал Даше: «Это был лишь случайный эпизод».

Это-то стало последней каплей — Дашка наглotalась снотворного и больше не проснулась. Эпизод. Случайный. А сколько было неслучайных?

А я? Я тоже для Волкова эпизод? Вот это похоже на правду.

В квартиру вошла на автомате, без чувств, без эмоций, словно это была не я, а серая бесформенная субстанция, заполнившая мою оболочку.

Судя по скопившейся пыли, я здесь давно не была. Но серой массе чистота ни к чему.

Посмотрела на кровать: те же простынь, одеяло, подушки, что были тогда... Я их просто побросала на кресло. Спать на той постели, где... я не смогла. Улеглась просто на матрасе и вырубилась. Как механизм. Нащупала рычажок и выключилась.

Просыпаюсь, когда уже во всю светит солнце, и я не могу понять, почему я так долго спала.

Оглядываюсь вокруг: о, Боже, — сколько пыли! Есть хочется так, словно не ела целую неделю. Выручают меня мои дорогие макароны с подсолнечным маслом, потому как больше нет никакого и вообще ничего нет. Но есть кофе. Этого мне будет вполне достаточно, потому что идти в магазин, нет никакого желания, да и некогда: надо приниматься за уборку.

События вчерашнего дня сначала в моей памяти, как будто стёрты, нет той остроты, но боль... она не ушла, и ощущаю себя волчицей, брошенной, одинокой, с полинялой шерстью, со сточенными зубами, хочется выть на луну, выть, выть, до боли в горле, до хрипа. Хочу кричать во всю мочь:

— За что? за что? за что? почему он так со мной, в чём причина?

Но вокруг тишина. Она ответа не даст, потому что нет ответа. Ни у неё, ни у меня. Ни у кого.

Я тру, тру, тру эту пыль, а она не кончается. Мне надо стереть не только пыль, но и все воспоминания о Саше. Я замираю на месте, забываю, что надо тереть, мыть, вымывать. Очнулась, поняла, что я на том же месте, и грязи не убавилось. Продолжаю уборку, но заняты только руки. В голове опять навязчивые мысли. Но мне надо, надо забыть все, что произошло. Мне надо вырвать эту любовь из сердца. Будет больно, будет плохо, но это необходимо.

Я изо всех сил, но пока безуспешно, пытаюсь вышвырнуть из своего сознания одурманивающую боль. Иногда мне кажется, что жизнь потеряла всякий смысл. Но я всё же надеюсь на то, что время лечит.

Я должна научиться жить без него, научиться быть счастливой, чего бы мне это не стоило. Доказать себе, что я не умру без него, без Волкова. Тем более после того, как он унизил меня в присутствии этих шлюх и Марата и причём здесь они: он меня просто унизил, растоптал, сломал, как надоевшую игрушку. Нас больше нет, и никогда не будет. Он не любил меня никогда, если б любил, то не вынимал бы сердце.

Быть может, я приписала себе права, которых не имела? Я считала, что владею тем, чем овладеть невозможно? Я хотела получить звезду с неба, а она недосягаема?

Я бросаю уборку, зарываюсь в подушки с головой, чтобы ничего не слышать, удалиться от этого жестоко мира.

Только к вечеру следующего дня я всё же заканчиваю уборку, победила пыль, грязь, но саму себя не победила.

Я не ем вторые сутки: подхожу к столу — меня воротит от одного вида еды. Только кофе, кофе, горький, крепкий, чтобы хоть как-то сбить депрессию кофеином.

Но голод не тётка. От двух суток голодания — попа опала, штаны спадают, живот провалился. В холодильнике —мышь готовит петлю, чтоб повеситься. Пришлось идти в магазин.

Возвращаюсь с пакетами, полными еды, не уверена, что смогу что-то съесть, — тяжело, однако, но кто-то (я не смотрю ни на кого, смотрю лишь себе под ноги, задумалась) хочет забрать у меня мою ношу.

— Эй, какого чёрта! — я вздрагиваю от прикосновения и меня обволакивает дорогой парфюм, защекотав мой нос.

— Идёт, по сторонам не смотрит, а если бы воры! — бормочет Волков себе под нос, не глядя на меня, как ни в чём не бывало. Он в тёмных джинсах, светлом джемпере и чёрном коротком пальто нараспашку. На минуту его голос заставляет меня забыть, где я, и что между нами происходит, но только на минуту.

А пакеты уже у него в его сильных руках. Я смотрю то на пакеты, то на него... и ничего не чувствую... внутри меня образовалась пустота, брешь, яма. Или мне это кажется...

Но я чувствую его запах, вижу цвет... его долбаных глаз... От которых мир уходит из-под него и голова кружится. На щеках щетина, немного больше, чем лёгкая небритость. Понятно, почему.

Неужели снизошёл красавец, чтобы навестить меня, грешную?!

Но иду за ним, молча поднимаюсь по лестнице, облизывая сразу пересохшие губы... а у двери моей, новой, ещё куча каких-то пакетов.

— А это что? Чьи это вещи? — отодвигаю ногой, они войти мешают.

— Твои... ты забыла...

— Своё я всё забрала, только книги мои у тебя. Привёз?

Наконец, смотрю ему прямо в глаза. Лицо осунулось, глаза впали... и это всё за двое суток... Да, уж... Наверное, трахались всю ночь... Да, ладно, мне не жалко чужого хрена. Чужого не жалко... Слово «чужой» больно колет, противным холодком поселяется внутри и не хочет уходить.

Мы уже ругаемся посреди моей кухни, я выкладываю продукты, кладу их на стол.

— Привёз я твои книги и подарки. Это же подарки, Наташа. Почему ничего не взяла? В чём ты ходишь? — смотрит на мои потёртые джинсы, на полинялую майку. Мне незачем было наряжаться: продуктовый магазин рядом с моим подъездом. Он это знает, он это видел, но так уколел!

А мне так обидно стало, что он весь такой красивый, в модной одежде, а я... Я даже бросила пакет с продуктами на пол.

— Да, пошёл ты, Волков, на хрен! Ишь ты, не нравится ему! Я тебя не звала! Не нравится — не смотри и убирайся! А подарки свои можешь подарить своей шлюхе и себя ей подари... мне чужого не нужно. Слышал? Чу- жо- го! Выметайся! — смахиваю слёзы, выступившие от обиды. — Подумаешь! Я бедна! Но зато я честна! Не как некоторые! Пошёл вон!!! Здесь тебе не рады!

— Хорошо! ты моего не хочешь! Так своё возьми! Вот, ты забыла кое-что! Нехорошо разбрасываться дорогими сердцу реликвиями!

Он мне протягивает какую-то чёрную папку.

— И это не моё! — я кидаю папку, не глядя куда: на стол, на пол — мне без разницы.

— Ну, и дочь! Ото всех отреклась: от матери, от отца! — в его глазах я вижу ехидство.

— От кого я отреклась? Что ты несёшь? — обливаю тем же ехидством. Что он мне — то и я ему. Ненавижу!

— Скажешь, не читала? Врёшь! не надо разыгрывать передо мной сцену! Я не верю! Хреновая из тебя актриса!

Он злится, лицо даже покраснело от гнева. А я не могу понять: чего я не читала, и почему я актриса.

— Ладно, Волков, прочту! Прочту, чтобы только тебя успокоить! Вот, смотри.... беру.... читаю! Доволен? Вот, сажусь на стул, всё для тебя, Волков!

— Ладно, Волков, прочту! Прочту, чтобы только тебя успокоить! Вот, смотри.... беру.... читаю! Доволен? Вот, сажусь на стул, всё для тебя, Волков!

О, Боже! Господи, дай силы!

«Он вошёл в мою жизнь непрошено, о моей судьбе не скорбя...» — те самые стихи, та самая папка, чёрная, я вспоминаю. Когда читаю дальше, меня начинаешь трясти, как во время лихорадки. Зубы отстукивают дробь, но я читаю, глаза бегают по строчкам, а бумага жжёт ладони:

«Наташа, я не знаю, дойдёт ли до тебя когда-нибудь это письмо. Молю Бога, чтобы дошло.

Я часто начинала его писать, потом рвала, начинала всё снова, писала, прятала, доставала, рвала. Это последнее, его я оставлю. Оно о твоём отце, Графском Вячеславе Сергеевиче, его кличка — Граф. Он страшный человек.

Он вошёл в мою жизнь непрошено, о моей судьбе не скорбя

Точно так, как было со мной...

Он просто взял меня за руку и сказал: пошли. Я покажу тебе сладкую жизнь.

Он был красив и статен, он притягивал, как открытый огонь. И я полетела, полетела, словно бабочка или мотылёк на этот огонь, не заботясь, что он не согреет, а опалит, спалит дотла.

Сначала моя жизнь мне показалась сладкой: одежда, побрякушки, вкусная еда. А потом она стала горькой, такой горькой, что меня воротило от одного его вида.

Страшнее этого человека не было, ужаснее я не видела.

Его руки по локоть в крови. Окровавленную одежду он просто выкидывал и надевал новую. А меня лихорадило, трясло от чужой крови на его одежде, но я молчала. Он убил своего двоюродного брата, Самсонова Романа, когда тот хотел забрать меня у него. Забрать, как забирают вещь. Я вещь! Никогда этого себе не прощу! И ты меня не прощай, дочка!

Я молчала и тогда, когда он велел убить тебя. Наташа, дочка, я молчала! Ты едва зародилась во мне. Он просто бросил на стол деньги и сказал: «Ты знаешь, что делать». Он не поверил, что ребёнок его. И я поплелась в больницу, нет, я поползла, как червяк, ведь он бессловесный тоже. О, ужас!

Не знаю, какой знак свыше уберёт тебя и меня. Убить своего ребёнка я не смогла, несмотря на страх. И теперь я счастлива, что ты есть у меня.

Денег было много, он не поскупился на твою смерть. А я применила их на нашу с тобой жизнь. Где мы спрятались, ты догадываешься. Говорят: «Хочешь что — то спрятать — положи на самое видное место». Так поступила и я. Дом матери Вячеслава стал для нас последним приютом.

Наташа, я не могу больше молчать, а сказать тебе не решаюсь. Надеюсь, что когда-нибудь ты это прочитаешь, а я молю Бога, чтобы это не было поздно. Прошу тебя, детка, бойся этого человека, обходи седьмой, десятой дорогой. Он сломал мою жизнь, сломает и твою.

Прости меня, ДОЧЬ! Пока у нас всё хорошо, и Вячеслав нас не нашёл, я просто думаю что не искал, а может, сидит. На него давно ведут охоту, но он хитрый. Он такой хитрый! Но

ты не его дочь, а только моя! Твоя фамилия — от твоего деда, отца моей рано умершей матери».

Письмо падает, оно летит из рук, плавно приземляется на пол.

— Мммм, ууу, — меня скрючивает, мне хочется выть, выть, выть... Меня моя мать хотела убить, оставила жизнь, но сейчас наповал убила. — Саш, уйди, пожалуйста, уйди... уйдиии, я никого не хочу видеть...

Я чувствую себя соринкой, которую засасывает в водоворот, холодный, страшный, беспощадный. Я захлёбываюсь, я тону, я падаю на самое дно.

Этого не может быть, это неправда, это чья-то злая шутка. Как она могла так поступить со мной, как? Сначала Саша, потом она, сколько они будут меня мучить, я не хочу, я ничего не хочу, хочу, чтобы меня все оставили в покое. Никого, никого не хочу видеть!

Истерика, настоящая, страшная, жуткая, дикая, сбивает меня с ног. Я лежу на полу, обхватив живот руками, пытаюсь унять режущую боль... меня крутит, мне больно, больно, больно!

Я хочу спрятаться, чтобы никто меня не нашёл, но где? Саша встряхивает меня за плечи, что-то кричит, я вырываюсь, он ударяет меня по лицу. Это приводит меня в чувства...

— Нат, прости, но так было нужно, чтобы остановить твою истерику. Выпей воды! Выпей!

Мои зубы стучат о стакан, вода проливается, но несколько глотков я всё же смогла сделать.

— Да уйдёшь ты или нет! Я одна хочу остаться!

Он растерян, я вижу в его глазах боль и сострадание. Чью боль? Его? Мою? Я ничего не хочу выяснять, мне сейчас самой до себя.

Я встаю, открываю двери и хочу выпроводить нежеланного гостя.

— Уходи, Саша, пожалуйста, не надо мне ни подарков, ни жалости, ни сочувствия. Я тебя прошу лишь уйти!

— Наташ, ты чего кричишь, — на пороге вдруг появляется дядя Коля, — что случилось? Сейчас соседи сбегутся.

— Дядя Коля, пусть он уйдёт! Я не хочу от него ничего!

— Саш, ты Натку обидел? — сосед не понимает, что произошло.

Горный Николай Степанович всегда был рядом, я не помню, с каких лет он опекает нас, не могу понять, почему. Я помню, как он смотрел на мою маму, но она словно не замечала его. Он для неё был только друг семьи. А бабушка, Клавдия Фёдоровна, вздыхала и грустно покачивала головой. Почему она грустила? Зачем вздыхала?

Когда мамы не стало, он пропал, не помню, надолго ли, потом снова приехал. Больше уже надолго не уезжал. Он всегда был рядом, радовался моим успехам, помогал материально, но возврата денег не требовал никогда. А когда я пыталась вернуть хотя бы часть, он делал вид, что принял, но потом эту сумму я находила в той же шкатулке, где всегда хранились деньги.

Николай Степанович — бывший военный, пограничник, говорили, что даже какой-то начальник, я, к своему стыду, не спрашивала, а сам он не делился. Так мы и жили, пока не появился Волков. На беду мне появился. НЕ на радость. Радость от прожитых с Волковым дней затмила беда. Сначала одна: обида, измена, теперь другая — я дочь бандита по кличке Граф.

Вот теперь он пытается узнать, обидел ли меня Волков. Рассказывать, что обидел?

Зачем? Пусть это останется на совести Саши. Но мамино письмо он увидел сам, оно лежало на полу. Поднять его, взять в руки я не смогла.

Он читает, и его лицо мгновенно становится каменным, непроницаемым. А я умоляю:

— Дядя Коля, порвите его, выбросьте, сожгите, сожгите, чтоб и пепла не стало, не стало ничего! Я не хочу!

Мне кажется, что если сжечь это письмо, то уйдут боль, обида, не будет предательства Саши. Не будет ненавистных мне слёз. Но плачу.

Я плачу, и плачу! Я плачу по счетам матери. Моё будущее — его нет. Нет для меня и любви. Вон он сидит, смотрит и молчит. Как смотрит? Не могу понять, потому что плачу.

— Саша, ты из-за этого меня бросил? Из-за этого так жестоко? Почему ты так жёстко со мной? А в общем-то, ты прав. На что тебе меченая? У меня теперь во весь лоб: дочь бандита! И мне от этой метки вовек не отмыться и не избавиться, я словно прокажённая. И ты прав, что указал мне моё место! Таким, как я, не место рядом с тобой!

Я не хотела жаловаться, у меня вырвались эти слова вместе с болью утраты. Утраты моих иллюзий о счастливой жизни, о Саше.

Сашка молчит, он только сжимает кулаки, сдвигает брови, но зато разоряется Степаныч:

— Что ты сделал? Что ты с ней сделал? Бросил? Сашка! Какой же ты! Этому я тебя учил? Ты ж мне как сын был! Я ж тебя с малолетства...

— Степаныч, — наконец взрывается Волков, — а тебе ничего не говорит кличка Граф? Вспомни, вспомни! Что со мной, с нами было тогда!

— Когда? — Степаныч недоумённо поднимает брови.

— Два года назад, вспомни...

— А Наташа при чём? Объясни!

Сашка сбивчиво, горячась, перескакивая с одного на другое, рассказывает события двухлетней давности

Глава 7.1

Сашка сбивчиво, горячась, перескакивая с одного на другое, рассказывает события двухлетней давности. Я узнаю, как Граф, мой отец, держал тотализатор, как Светов подстроил аварию, рискуя жизнями друзей, своей и двоих собственных детей.

— Я до сих пор чувствую, как рулевая летит в чёрту, как нас кружит по трассе, кружит, как в вихре, мы столкнули одну, машину, другую, и это всё на старте! Слава Богу, что на старте, иначе вы не разговаривали бы сейчас со мной!

Степаныч слушает, слушает, слушаю и я, и мы почти одновременно кричим с разницей в местоимении:

— Я тут причём?

— Причём здесь она? Наташа причём? Крышу сорвало? — кричит Степаныч, стискивая кулаки. — Отомстить захотел? Кому, гад, кому? Такой же сироте, как ты сам? Или волчья натура твоя грёбаная заговорила? Сколько я с ней бился, не переделал! Выметайся на хер, не для тебя эта девушка! Я доверил тебе Натку, думал, пара будет что надо. Двое сирот, красивые, умные, чего не жить. Наташа с образованием, чистая, скромная, не то, что нынешние девки. А ты? Издеваться? Не позволю! У неё нет настоящего отца, нет! и никогда не было! Ты у меня мог спросить? Или у тебя вместо сердца мотор ржавый, а вместо мозгов — что? Я хотел быть ей отцом, но Нина не захотела. Чёртов ты Волк! — дядя Коля, защищал меня, как собственного ребёнка.

А я вижу растерянного, побитого, жалкого Волка. Красивого, сильного, но жалкого и потерянного. Его гонят два близких человека. Куда он пойдёт?

Я даже перестала плакать, глядя на такого растерянного Сашу, глаза которого мечутся, он стискивает зубы.

Господи, как же мне его жалко! Сердце сжалось от вида такого Саши. Всегда сильный, спешащий на помощь, жертвующий собой... Не понимаю, когда в нём произошли такие перемены. Вчера — чёрствый, бездушный, сегодня — жалкий и потерянный, неприкаянный волк.

Я метнулась к нему, защищая собой от гнева дяди Коли:

— Дядя Коля, куда он пойдёт? Не гоните его. Не надо. А я... я забуду обиду, постараюсь забыть. Я постараюсь забыть всё!

Волков ошарашен, он закатывает глаза:

— Ты можешь простить суку? Наташ?

— Какую суку? — Степаныч не понимает.

Но тут кто-то ему звонит, и он выходит. Слава Богу!

— Саш, ну зачем ты вспомнил? — я тороплюсь, мечусь взглядом на Волкова и на дверь попеременно, иначе Степаныч вернётся, а я неспею переговорить с Волковым, — не надо всё рассказывать дяде Коле, пусть это останется между нами, пусть всё будет похоронено. А ты не обижайся на него, я правда, не знаю, что вас связывает, но это ваши дела. Я не хочу, чтобы ты уходил вот так, обиженным.

Я говорю, говорю, быстро, чтобы успеть, но мечется не только моя мысль, но и я сама. Приход Саши, его рассказ, его сомнение в собственной правоте, его потерянность, жалость к нему, всколыхнули во мне ещё живые, но болезненные чувства. Ещё накануне я целовала его, любила, любовалась каждым жестом, каждой улыбкой, каждым изгибом его тела,

мужественной фигурой. Теперь, когда он всё разрушил, я чувствовала и свою вину, только не понимала, в чём она.

— Со мной всё будет хорошо, — продолжала я, сжимая кулачки, потому что не знала, куда деть свои руки, — а тебе лучше уйти и не порочить своё имя. Связь с дочерью бандита испортит твою репутацию. Не надо тебе пачкаться. А вчера ты был прав, так мне и надо, а я... я не пропаду. Только прошу об одном: не рассказывай никому о моём отце. Хотя я и не знаю его, но мне всё равно стыдно, поверь, очень стыдно. Иди, пока Степаныч не вернулся...

Но дядя Коля возвращается именно на моей последней фразе.

— Что там про Степаныча? И кто сука?

— Я не трус, и никуда не уйду! — Сашка опять рвётся в бой. А я не понимаю: зачем? Кому это нужно? — Это я сука. Я вчера стал последней сволочью.

Мои руки произвольно сжимаются вместе. Я закрываю уши ладонями и сильно сдавливаю: не хочу вспоминать, не хочу, но Саша уже признаётся во всём.

Он рассказывает дяде Коле, исповедуется, что он прочитал письмо моей матери, что разозлился, подумал, что я намеренно скрываю от него правду, что я так мщу Графу, и что спланировал, заставить меня ненавидеть его, как он ненавидит Графа. То есть, то, что я видела — всего лишь фарс. Жестокий, злой, продуманный.

Я больше не смогла выслушивать его признание. Оказывается, те девки приглашены были специально, чтобы сделать мне как можно больнее.

— О, Боже, и за что только я тебя полюбила... Ты хотел, чтобы я возненавидела тебя? Так знай: у тебя получилось! — у меня больше не было слов.

Если вчера я как-то, хоть как-то могла оправдать Волкова, то после его признания, что он всё сделал намеренно, он всё спланировал, чтобы отомстить мне и моему призрачному отцу, я была просто раздавлена.

Правда оказалась намного страшнее того, что мне показали вчера. Мне захотелось спрятаться, забиться куда-нибудь в уголок, чтобы не слышать и не видеть никого. — Перестань, перестань говорить, я больше не хочу, ничего, ничего не хочу! Дядя Коля, уведите его, пожалуйста!

— Но я же не знал! — проревел Волков. — Я по-другому думал, Наташа!

— О, Боже... — простонала я.

Степаныч сделался совсем мрачным и понурым. Он только проговорил еле слышно:

— Когда же просмотрел, что в тебе такая сволочь родилась, Саш?

Он встал и ушёл к себе. А Волков прошёл к старому, уже не раскладывающемуся дивану, растянулся на нём во весь рост, его ноги упёрлись в подлокотник, и замер. Вслед за Степанычем вон из квартиры бросилась и я, лишь на ходу прихватив шапку и пальто. Я выбежала на улицу и, не разбирая дороги, быстрым шагом уходила прочь. Мне хотелось укрыться, спрятаться в темноте, хотелось одной пережить свою боль, вытряхнуть из головы надсадные мысли о том, кто я на самом деле. Мне казалось, что я уходила от невзгод, но осознавала, что они следовали за мной по пятам, как моя тень, что сейчас преследовала меня неотступно. Все мечты, надежды, вся моя жизнь рухнула, разбилась, как стекло об асфальт, её не собрать, и если даже попытаться, то острыми краями порежешь руки, целое море крови вытечет безвозвратно, и её не влить назад, сколько не лей.

Холодный ветер лизал мои мокрые от слёз щёки, я их даже не вытирала. «Пусть текут, — думала я, — быть может вместо них появится хоть какое-то просветление».

Но боль, засевшая так глубоко, по-прежнему не уходила. Одна боль сменяла другую: я с

красным дипломом оказалась не у дел, благодаря прихоти Руслана, как дура влюбилась в Волкова — отомстил, бросил. Мать, единственный родной человек, с того света прислала насмерть ранившее меня послание. Может, последовать примеру Анны Карениной?

НЕТ! НЕ ДОЖДУТСЯ! НЕ СЛОМЯТ! Я живая, и я им всем докажу, кто такая Наташ Волкова!

Резко поворачиваюсь кругом!

Теперь уже твёрдым шагом возвращаюсь домой. Ни фиги! Я ещё поборюсь!

А с Сашей... С ним-то как мне бороться?... Я же люблю его... У него не получилось, не вышло заставить меня ненавидеть его. Эта боль выкручивает мне руки, а тело скручивается, как тряпка во время стирки...

Её крутят, крутят, не замечая, что вот ещё один виток — и она порвётся или уже порвалась.

мысли о расставании с Сашей я снова плачу, плачу и плачу, расплачиваюсь своим разбитым сердцем за иллюзию счастья. Его больше не будет. Я это знаю твёрдо, наверняка знаю!

— Мама, — шепчу, вытирая солёную влагу со рта, — мам, забери меня к себе, мне плохо, так плохо, что не хочется жить.

Пожалуйста, подарите автору лайк, то есть, нажмите на слово «нравится», подарите несколько слов, очень хочется знать, что чувствуете вы, когда читаете строки моей книги. Ваше «спасибо» поднимет моё настроение. Тактичная, объективная критика приветствуется.

Глава 7.2

— Мама, — шепчу, вытирая солёную влагу со рта, — мам, забери меня к себе, мне плохо, так плохо, что не хочется жить.

Но мама молчит...Как может она с того света помочь мне? И никто, ни одна живая душа мне не поможет.

В любви только двое решают. Двое, но не одна...

Но я уже перед своим подъездом. Старушка — соседка с третьего этажа выносит мусор.

— Наташ, что мёрзнешь? Поздно, иди домой, милая. Иди, иди, замёрзнешь, заболеешь, сейчас болеть нельзя — дорого. Лекарства не купишь — дешевле помереть.

Я молча слушаю речь соседки: «Ну, вот, и она о смерти. Да нет же, она жалеет меня. Нашлась одна живая душа, которая пожалела чужую девочку».

Я уже поднимаю руку, чтобы открыть дверь, как в кармане пальто оживает мой телефон.

Трясущимися, замёршими руками я принимаю вызов какого-то незнакомого номера.

— Наташа, добрый вечер, Потапов, узнала?

Я здороваюсь в ответ, и боль от того, что он меня не принял, немного притупилось.

— Наташа, я смалодушничал, извини меня, но обстоятельства сильнее. Хотя я нашёл для тебя выход: в городской больнице на приём нужен врач-хирург. Иди и не раздумывай.

Я слушаю его, не перебивая, пытаюсь унять сердцебиение от радостной вести.

— Спасибо! Большое! Вы меня очень выручили!

Он кладёт трубку, а я ещё слышу гудки отменённого вызова.

Наконец, мой чёрный мир начинает приобретать хоть какие-то светлые краски.

Возвращаясь домой, я даже не думала, что... Он не ушёл! Серьёзно? Захотелось улыбнуться, но улыбка выходит печальная, горестная что ли...

Не знаю, о чём он думал, я не трогала его, он молчал, и я не проронила ни слова. Я прилегла на кровать, но мне опять мешала подушка. Вторая. Я понесла её Саше. Как-то так захотелось трахнуть его этой подушкой по его красивой башке, но...

— Возьми подушку и плед. Холодно.

Жалко же...Хоть он и гад.

— Спасибо.

Подушку взял. И больше ни слова — ни он, ни я.

Волков.

Если бы мне кто-нибудь сказал, как чувствует себя человек, провернувший себя в мясорубку судьбы, а потом из этого месива сложил себя снова, я бы рассмеялся. Такого никогда не было ни с кем, потому что вообще не могло быть. Теперь я точно знаю — может. Я сам провернул себя острыми жерновами, провёртывал ещё и ещё, пока не получил однородного фарша.

Прокрутил.

Вопрос: как себя собрать обратно, и стоит ли собирать, лепить нового Сашку Волкова. Идеального собрать не получится, как ни старайся. А с изъянами...Но все ли так безупречны? И для кого себя собирать? Была девушка, ради которой хотелось жить, но я сам разрушил наши отношения, испоганил всё, что возможно и невозможно. Был друг и почти отец, Николай Степаныч Горный, он со мной с десяти лет. Со мной и с Маратом.

Горный после увольнения из войск пришёл к нам работать завхозом. Я потом спросил: «Почему?» Оказалось, из-за жилья — завхозу при детском доме давали небольшую комнату.

На вопрос: почему уволился так рано, — долго не отвечал, но потом в минуту откровения, рассказал сам, за что уволили и как.

«К нам на заставу приехал проверяющий. Начальник погранзаставы был в отпуске, а я оставался за него. Проверяющий — полковник, а я — майор. Ниже по званию.

Этот полковник, охочий до женского пола, решил порезвиться с нашей поварихой. Она в крик. Скромная была женщина. Крик слышали, позвали меня. Полковник же, как к нему подступить. Я не сдержался и заехал ему пару раз, как полагается, в морду.

А дальше, сам понимаешь: «По собственному желанию, в народное хозяйство или под суд, выбирай». Выбирать не приходилось. Под суд идти за эту гниду желания не было. Вот так и не дослужился я до подполковника. Немного оставалось. А жаль».

Марат в наш детдом попал позже, его семья погибла в ДТП.

Меня и ещё одного пацана загнали в туалет, началась драка. Тогда ещё я слаб был, щенок. Заходит пацан и так небрежно:

— Ну, что? Справились с сопляком? Нет? Тогда я его себе забираю, он под моей защитой. Он со мной! Ясно? Кому не ясно — прощу во двор, и один на один. Идёт?

Марат был крупнее нас всех, домашний ребёнок, не из голодного детского дома. Его все сразу бояться стали или уважать, кто знает точно.

Таким образом, у нас сложился своеобразный союз — я, ещё щуплый пацан, и Марат, которого внешне не изменила даже скудная еда детского дома.

А потом Николай Степанович забрал нас обоих под свою опеку, так, чисто теоретически, уж не знаю, чем именно мы ему приглянулись.

Он всегда был рядом, его советы, твёрдый армейский характер и какая-то отцовская привязанность к нам, ко мне особенно, сделали из нас нормальных пацанов. Мы не курили, алкоголь всегда был под запретом, тем более наркотики. Только спорт и автомобили. Именно Степаныч отвёл нас в секцию автоспорта.

И вот теперь всё полетело к чёрту. Я всё испоганил. Но тогда я на сто процентов был уверен в своей правоте. Не знаю, каким местом я думал, но не головой, это точно.

Но что сделано, то сделано. Теперь вставал вопрос: как исправить, как восстановить дружбу, как вновь завоевать доверие Натки. Другую женщину я просто не хочу: ни стояком, не сердцем. Наши пути только-только сошлись, мы стали близки друг другу, при мысли, что мне придётся отпустить Наташу, мои душа и сердце корчатся в агонии.

«Я так хочу тебя увидеть, Я так хочу тебя прижать,

Я так хочу тебя обнять, И долго — долго целовать!

А мы расстались ненадолго — Всего лишь месяц... или год?

Одна минута словно вечность, А вечность — жизнь наоборот!

Один гуляю под дождём, И тяжелеют в небе капли,

С ними всё переживём, Оставляя в сердце сабли...

Один люблюсь на закат,

И в сердце вновь приходит буря;

Один лишь твой наивный взгляд,

И вновь твоим навеки буду!

Ночь спускается на плечи,

Сабли в сердце как ножи;

Сон, увы, уже не лечит,
Он лишь больше всё крушит».

Вот, дошёл до того, что стихи в голову лезут. Они, конечно, так себе, но суть в них...

Наташа.

Как цунами, как вулканическая лава сметают всё на своём пути, так же точно, с такой же быстротой, с такой же скоростью разрушилось всё, чем я дорожила, к чему шла и стремилась, что любила и лелеяла.

Остались лишь пепел и грязь. Жизнь раскололась на до и после.

Во мне по-прежнему живёт одинокая волчица, отбившаяся от стаи, брошенная на растерзание стихии. Эта стихия унесла нас в противоположном направлении друг от друга. Мы как две утлые лодочки, захваченные штормом, пытаемся выплыть, но надежды на спасение всё меньше и меньше.

Когда Саша смотрит на меня, я вижу в его глазах тоску, боль, сожаление, раскаяние. Но легче мне от этого? Нет. Мне нелегко, когда Саша приходит, молча укладывается на диван, если бы не приходил, было бы, наверное, ещё тяжелее. Но он приходит снова и снова.

«Зачем? Зачем ты приходишь, почему ты молчишь?»

Скажи хоть слово, попроси прощения, я не деревянная, я способна чувствовать, смогу понять! может, смогу простить, хотя простить — великое искусство. Скажи, почему так больно тебя любить?

Почему не поговорил, почему сразу обвинил? Мы бы вместе разобрались, кто кому кем приходится. Где была твоя мудрость? зачем ты одним выстрелом ранил нас обоих?

И до какого состояния ты довёл нас обоих и наши отношения? Кто ты мне теперь? Друг? Враг?» — хочу сказать, спросить, прокричать, но я молчу. Молчу, потому что боюсь его ответа.

Боюсь, что не придёт, тогда меня снова скрючит боль безысходности и одиночества.

Но время лечит. Оно изумительный доктор. День ото дня я осознаю, что произошедшее вместе переживать легче. Наверное, и Волков пришёл к такому же выводу, потому и спит все ночи на старом диване, хотя в его просторном доме — шикарная, просторная кровать.

Однажды он задержался, и я испугалась, по-настоящему, до слёз, и как же я обрадовалась, когда в замок вошёл ключ и раскрылась дверь. Я еле сдержалась, чтобы не броситься к нему на шею, не спросить, где был, почему задержался. А ведь только сегодня хотела поменять замки, начать строить жизнь без него!

— Дядя Коля, я хочу поменять замок. Поможете? — начинаю я сразу, едва войдя в квартиру соседа.

Хозяин её между тем погрузился в глубокие размышления, словно решал какую-то важную задачу.

— Зачем? Не сходи с ума, у тебя отличный замок, с секретом, его хрен откроешь!

Но видя моё унылое состояние, он обнимает меня за плечи, смотрит в глаза и с сочувствием продолжает:

— Достал? Где же он спит?

— На диване, — я готова уже заплакать от заботливого тепла во взгляде Степаныча, от тепла его рук. Я прихожу к нему и жалуюсь, как отцу, понимая и досадуя, что он не отец мне, а мой отец, тот человек, кто меня зачал, — нелюдь, которую по какой-то причине ещё носит земля.

— Наташа, дочка, прости его! Он запутался, но он нормальный парень, найди в себе силы простить! Знала бы ты, как Сашка с Маратом страдали тогда!

За эти недели, что тянулись целую вечность, мы обменялись лишь парой фраз, несколькими взглядами. Сколько их прошло? Две? Три? Я потеряла счёт. Порой казалось, лучше бы он не приходил, поскольку находиться с мужчиной в однокомнатной квартире, на расстоянии полутора метров и не прикасаться к нему, к тому, с кем совсем недавно проводила горячие ночи, кого целовала до умопомрачения и так же любила, было просто невыносимо. Невыносимо не дотрагиваться губами до его лица, не очерчивать его губы, брови.

А он, паразит, будто нарочно устраивает дефиле в одних только боксерах, испытывая моё терпение, в квартире холодрыга — а ему нипочём. Я борюсь, сражаюсь со своими мыслями, от которых хныкать хочется. Широкие плечи, как и размах спины, крепкие ягодицы, бёдра, мощные бицепсы и икры на ногах. И только белые боксеры совсем чуть-чуть прячут его достоинства, просвечивая тёмные волосы паха!

Мерзавец! Гад!

О, Боже! Дай мне силы!

Меня ведёт, становится вдруг резко жарко, но я либо ухожу на кухню, пока Волков не уляжется, либо отворачиваюсь лицом к стене, чтобы не лицезреть это буйство мужского тела. Зажмуриваюсь, трясую головой, чтобы выгнать из неё образ этого нахала. Безрезультатно! Мысли о Саше тут же наполняют меня.

Хотела позвать, приласкать, взъерошить волосы, пробежать пальчиками по шее, положить ладонь на грудь, послушать, как бьётся его сердце. В такие моменты мне кажется, что моё тело живёт отдельно от души, истерзанной ржавыми ножницами, он вся в

рубцах, каждый из которых кровоточит, исходит последними каплями моей крови.

Саша.

Почему я не ушёл из квартиры Натки? Я просто не смог переступить через порог, потому что знал: если я уйду, это будет конец, и тогда вся моя жизнь полетит к чёрту. Не будет ни Натки, ни счастья. Такую девчонку, я теперь осознал точно, больше не найду, а её, её запросто уведут, если только она сама этого захочет. Но захочет ли? Это меня и грело, что не захочет или захочет, но не сразу. То есть, у меня всё-таки есть ещё время вымолить прощение. В эту ночь, на жёстком диване, который я не променял бы на самую мягкую и удобную кровать, я много думал, перемалывал себя сквозь жернова мясорубки, которую сам же и создал. Внутри меня всё горело, сжигая меня, оставляя на губах привкус пепла, пепла меня самого.

Хотелось на коленях преодолеть эти несколько метров, разделяющих меня и Наташу, повторяя стократно:

— Наташа, прости, прости, прости меня, Наташа. Прости, девочка моя. Я виноват, виноват, но ты же добрая, великодушная, ты можешь простить даже ту боль, что я, идиот, причинил тебе.

Не знаю, спала ли она, но я всё время смотрел только в том направлении, где стояла её кровать, где Наташа, свернувшись в клубочек, тихо посапывала. Я ещё не научился различать её дыхание, когда она спит или притворяется.

Под утро я всё же приблизился к ней и, присев на корточки, смотрел на неё спящую. Но скольких усилий мне стоило не прикоснуться к её волосам, к губам, к плечу, к талии. Как она красива даже в домашней одежде! В ней нет ни вычурности, ни показухи. А как она умопомрачительно пахнет! Ресницы спящей девушки чуть вздрагивают, она облизывает розовым язычком свои пересохшие ото сна губы. Я смотрю на неё и не могу наглядеться. Потом всё же пришлось отпрянуть назад: Наташа перевернулась во сне, а я побоялся, что она проснётся и просто выгонит меня вон — нечего смотреть на спящую.

В это утро я поклялся себе: буду спать на этом жёстком диване, буду вымаливать прощение, но домой без Натки не вернусь. Сколько бы времени мне не понадобилось.

Я желаю её, всю её, до кончиков ногтей на её чудесной ножке, желаю так, что теряю разум, каждый день, когда возвращаюсь к ней по вечерам, стремлюсь вернуться, как можно позже, чтобы раздеться, лечь и попытаться уснуть. Меня скрючивает в узел рядом с ней, но я добровольно иду на это. Просто невозможно не прикасаться к ней. Или даже прикоснувшись нечаянно, принимая хлеб, тарелку, вилку, зная, что продолжения не будет. Самый лучший выход из этой ситуации — просто забыться во сне, по крайней мере, до утра я буду спокоен и не наброшусь на неё со своим, уже хроническим стояком. Так продолжается вторая неделя. Начинается третья, потом проходит и она.

Твою же мать! Что она делает! Выходит из ванной в халатике на голое тело и напевает. Груди под халатиком колышутся. Ну, это уже издевательство чистой воды, провокация, я же не железный!

Наташе не надо идти на ночном дежурстве, мы ужинаем вместе, как тогда, у меня в доме. Но дом давно забыт, и вряд ли Наташа туда вернётся. Ну и пусть. Пусть не возвращается, зачем нам дом, где живёт столько боли, её и моей. Моей тоже: когда я прочитал то письмо, мир перевернулся, мне было очень больно. А здесь, в маленькой квартирке, тихо и уютно. Радости пока нет, но она будет, я точно знаю, будет.

Вот и сегодня мы молча поужинали: Наташа прекрасно готовит. Её голубцы — просто

объединение. Я всё же поблагодарил:

— Спасибо, очень вкусные голубцы!

— Тебе добавки?

— Пожалуй, таких я ещё никогда не ел!

И всё больше ни одного слова. А мне так хочется с ней поговорить, но я молчу, и она молчит тоже. Хрупкий мир — лучше хорошей войны, а наш мир так неустойчив, что его может разрушить одно слово, сказанное невпопад или в сердцах сказанная фраза. Для меня главное — чтобы не гнала от себя, чтобы каждый вечер я мог хотя бы её видеть.

Наташа.

Радует только одно: меня по рекомендации того же Потапова взял на работу его друг, главный врач городской больницы. Я уже две недели веду приём в качестве хирурга и мне, наконец, стали доверять ночные дежурства. Проще сказать: я на подхвате, то есть ассистирую и только. Есть перспектива роста, то есть, скоро допустят до операционного стола. Меня это радует: хоть что-то в моей жизни движется в хорошую сторону. В будущем обещают бесплатное прохождение первичной специализации. Пусть Семёнов теперь останется с носом.

Конец октября. Холодно. Моё старое пальто почти не греет. Я, кутаясь в шарф, медленно бреду по улице, ёжусь, но идти домой не хочу, Саша приедет позже. Интересно, где он ставит машину.

Поднялся сильный ветер и заморосил дождь, потом усилился. Он тихо барабанил по крыше и стекал по стеклу, превращая мир за окном в размытое пятно. Потоки воды смывали пыль с деревьев и тротуаров, журчали в водостоках, на проезжей части то там, то здесь образовались огромные лужи. И те, кто пытался проехать по ним, поднимали в воздух фонтаны брызг. Ледяным струями вода текла за шиворот проходим без зонтиков, и они ёжились от холода.

На пути встречается бутик верхней одежды с красивыми пальто в витрине. Захожу, чтобы посмотреть осеннее пальто, старое давно ждёт встречи с новым. Хочу хотя бы посмотреть, во что одеваются приличные люди, — мне грустно, что моих денег ни на одно пальто в том бутике всё равно не хватит. Ценники... Мне так понравилось осеннее пальто, выполненное из высококачественного материала практичного темного оттенка. Модель средней длины с длинными рукавами, потайной застежкой и округлым вырезом горловины, оформлена контрастной отделкой. На ощупь оно такое мягкое. Я его хочу примерить, но продавец меня останавливает:

— Стойте, стойте, это пальто отложено и оплачено, посмотрите другие, — извиняется продавец. — Молодой человек, ну, что же? Вас долго приходится ждать! Забирайте пальто, иначе отдам этой девушке!

Я медленно оглядываюсь: Саша. Я надеваю своё старое пальто, опять заматываю шарфом шею. Становится не по себе: Саша кому-то купил пальто... И почему именно в этом бутике? Ладно... Это его право... Но почему так паршиво? Ведь я сама не подпускаю его. Меня до сих пор гложет обида.

— Это пальто для моей девушки, — говорит он продавцу, — она перед вами. Отдайте ей.

Вот, гад, в какие условия меня поставил! Настроение сразу меняется. Он купил мне пальто. Меня не спросил, выбрал сам, но оно такое красивое! А деньги? Это слово меня выбивает из равновесия, потому как их мало у меня. Я закатываю глаза и всё же принимаю

пальто в подарок.

— Примерить не хочешь? — прикусывая нижнюю губу, негромко произносит Саша, беря меня за плечи. — Давай! Хочу убедиться, что я не ошибся.

— Опять подарок? Купить меня хочешь? — шиплю я в ответ.

Он прячет улыбку. Ну, что с ним делать?

В подъезде останавливаюсь, чтобы дождаться Сашу, медленно идущего следом, чтобы спросить: как долго мы будем находиться в подвешенном состоянии. Мне неудобно принимать такие дорогие подарки от друга, который меня попросту кинул... Но грусть в его глазах, какой-то нездоровый блеск останавливают меня. Мне кажется, что он нездоров.

Я тоже устала: вчера — ночное дежурство, оперировали какого-то полковника с перитонитом, сегодня — приём в поликлинике. Я нарочно изматываю себя работой, чтобы придя домой, упасть на постель, уснуть и ни о чём не думать.

К нам, в нашу захудалую больницу с перитонитом привезли какого-то важного военного. Я недоумеваю: почему к нам? В Москве есть больницы побогаче. Оказалось, они с главврачом давно дружат.

— Наташа, будешь ассистировать, быстро мойся, — командует мне главврач.

Полковнику за пятьдесят, но он выглядел неплохо.

Операция прошла хорошо, наш главный — отличный хирург. Я понимаю: вот у кого учиться надо, а не у наших теоретиков типа Руслана.

Мечта о кардиохирургии уходит в небытие.

У меня теперь другая цель: стать настоящим, хорошим хирургом, а какого профиля — потом будет видно.

После операции в ночные дежурства я обязана осматривать всех больных, а вот полковника смотреть одной мне как-то страшно. Но и с этим страхом я справилась: в виппалату захожу смело. Обнажённый мужчина, прикрытый одной лишь простынею, с катетером в боку — пока для меня больной, каких много.

Одно меня смутило — медальон на груди с английской S, его не разрешили снять даже во время операции — закрыли стерильно и только.

Саша.

Сегодня вечером Марат снова мне задаёт вопрос: где меня искать в случае чего.

— Дома...

— Не понял, у кого дома? У тебя, у Наташи?

— Мар, ты всегда понимал меня с полуслова. Чувствовал меня что ли. А сейчас не хочешь понять? Или не можешь? Мой дом там, где живёт Наташа. Это же очевидно!

— Поезжай, поезжай, бедолага. Вы, действительно, сейчас должны быть вместе, иначе за всеми обидами вы просто потеряете друг друга.

я еду, я снова еду домой. Пусть квартирка мала, но там моя Наташа. Я точно знаю, что она моя. А она мне нужна, как воздух. Когда подъехал к дому, света в квартире Наташи не было: наверное, рано улеглась спать — устала после дежурства.

Возвращаюсь промокший, продрогший: шёл дождь, а я колесо менял на обочине: где-то пробил покрышку и шину.

Вхожу в квартиру крадучись, чтобы не разбудить Наташу, но она, услышав еле слышимый стук двери, встрепенулась, подняла голову, села в кровати.

— Тебя поливали из шланга? — неприкрытый сарказм меня ничуть не обидел.

— Там дождь, слышишь, стучит по окну. Колесо проколол, пришлось заменить на запаску.

— Да ты мокрый насквозь! Быстро раздевайся и ванну, потом чай с мёдом и живо в постель, не хватало только твоей простуды.

Чёрт! Как же приятна даже такая забота и её командирский тон! Ради этого надо было в одежде искупаться где-нибудь в проруби.

Молча раздеваюсь. Брюки грязные, блин... Утром почищу, невпервой... Надо бы купить машину-автомат, но не знаю, как к такому подарку отнесётся Наташка.

Независимая!

В поздний этот серебристо-опаловый час конца октября спал весь дом. Я тоже вроде как заснул после всех процедур, предложенных Наташей.

Когда она спиртом натирала мне грудь, убирая в сторону цепочку, скользя ладошкой по коже, изредка взмахивая ресницами, но в глаза ни разу не посмотрела, я думал: вот момент, когда можно поговорить, окончательно расставить все точки над И. Но из-за опасения, что сделаю только хуже, разрушу наш хрупкий мир, промолчал, лишь твёрже сжал кулаки, чтобы вытерпеть муку касаний её тёплых ладошек и не сжать в объятиях. А так хотелось вымалывать, повторяя одно слово: «Прости!»

Степаныч твердит: «Проси прощения! Иди на контакт первым! Видишь, какая она упёртая, другая давно уж сдалась, а Наташка вся в мать: будет есть чёрствый хлеб, но помощи не попросит».

Мне никогда не снились кошмары. Сны приходили, но не такие, как в этот раз. Те сны я забывал наутро.

Не знаю, что там отложилось в подкорке, но мне опять приснилась тонущая Наташа.

Я чётко видел огромную чёрную яму, глубина которой просматривалась даже на расстоянии. В реале так не бывает, глубину просто так посмотреть невозможно. А эту глубину я видел, но мало того, в этой яме тонуло тело Наташи. Именно тело, потому что

глаза её были закрыты, а руки свободно вверх поднимала вода. «Наташа, — кричу я ей, — Наташа!» Пытаюсь схватить за ногу, но она выскользывает. Я уже лёг на край ямы, в чёрной воде ищу, как зацепить Наташу, цепляю за руку, но та тоже скользит, а Натка продолжает падение вниз, на дно. Я всё же кричу: «Наташа! Не уходи! Наташа!» Сердце бухает в горле, от этого я не могу кричать громче. Самое страшное, что я не могу осознать, что это всего лишь сон, а не явь. Мне показалось, что у меня остановилось сердце. Но вдруг я кожей почувствовал чьи-то руки, и они толкают меня, пытаются разбудить. Только в этот момент я понимаю: это всего лишь сон, а Наташа стоит рядом и держит меня за плечи, и я слышу голос:

— Саша, что с тобой, я здесь. Да проснись же ты! Тебе что-то приснилось?

— Ты тонула, — прикрывая глаза от ужаса и от того, что до конца ещё не проснулся, я прохрипел сдавленным голосом: сердце по-прежнему колотилось где-то в горле. — Ты тонула, а я не спас тебя. Нат, прости меня, слышишь, прости!

Я цеплялся за её горячие руки, за её проникновенный взгляд, умолял о прощении, а она прижимала мою голову к сердцу, которое стучало так же быстро, как моё.

— Ты весь мокрый! Заболеешь, давай я тебя вытру. Простить тебя...я попробую, если только ты мне поможешь, я не сумею одна.

Наташа заботливо вытирает мне лицо, грудь, шею, а я тем временем, дышу её ароматом свежести и топлёного молока и прижимаюсь щекой к её щеке. Близость Наташи перекрывает мой ужасный сон, и я впиваюсь в её губы своими голодным, давно ожидаемым, ненасытным поцелуем. Я с восхищением замечаю, как рождаются в ней эмоции, загораются синим огнём, как её дыхание учащается. Наташа пытается освободиться от моего захвата, но тщетно, я слишком долго ждал её тепла, её горячих губ. Она упирается ладонями мне в грудь, словно оттолкнуть хочет, но сил в её руках я совершенно не чувствую.

Наташа.

Я так устала сегодня, просто валилась с ног. Уснула, едва коснувшись подушки. Сквозь сон услышала крик, подумала, что я в отделении, но меня кто-то зовёт по имени, а не по имени отчеству, поэтому, перевернувшись на другую сторону и потеплее укрывшись, я решила, что мне показалось. Но зов повторился знакомым голосом:

— Наташа, Наташа! Не уходи!

О, Бог мой, это Саша кричит. Слетаю с кровати, толкаю легонько — ничего не выходит: мечется по подушке, хватаю за плечи, могучие, сильные — как давно не прикасалась, трясусь сильнее, зову:

— Саша, Сашенька, проснись! Что с тобой?

Открывает мутные ото сна глаза и снова закрывает. Что же с ним? Понимаю, что ему снится кошмар, он весь мокрый от выступившего пота. В комнате холодно, отопление пока не дали — заболеет, лечи его!

— Волков, проснись же ты, наконец!

Глажу ладонью по лбу, по щекам..... любимым. Поцеловать что ли его, как спящего красавца? Может, поможет?

Открывает глаза: наконец-то.

Господи, это же невыносимо дотрагиваться до него! Но я преодолеваю себя, заботливо вытираю его лицо, грудь, шею. Но в этот момент опять всё всколыхнулось в моей памяти, хочу ненавидеть его, но... у меня это вряд ли получится, но так продолжаться наша жизнь не может, я не могу, я только надеваю маску, что всё хорошо, на самом же деле мне без Саши

безумно плохо.

Я задумалась всего на минуту и тут же почувствовала, как он меня начинает целовать. Дыхание перехватывает: он так близко, и я уступаю его нежности и моей щемящей тоже. Тысячи всех земных сил притягивают меня к его влажным губам с опаснейшей скоростью. Мой срыв равняется катастрофическому бедствию, но всё, что я знаю, что ни одна часть моего разума не считает это неправильным.

Я целую его — действительно, набрасываюсь — измученная и утомлённая вечными опасениями и предостережениями. И любое внезапно вспыхнувшее противоречие моментально отправляется ко всем чертям — я хочу целовать Сашу так, словно он единственный воздух на всей этой невзрачной планете, и мне плевать, как далеко это зайдёт.

Саша.

Я целую её опять, весь отдаюсь поцелую, с трепетом прикасаюсь к нежной коже щеки, проводя по ней большим пальцем, продолжая путь к её тонкой шее с тыльной стороны.

Её тело тут же призывно отзывается на ласку, она подаётся мне навстречу, её рот приоткрывается, а я тону в синей дымке её взгляда.

Меня уже трясёт: то ли от холода, так как я весь мокрый, то ли от пережитого сна, но скорее всего, от долгожданной близости Наташи. Наташа дотрагивается до моего лба губами:

— Температуры нет! Ложись на мою кровать, а я тебя сейчас потеплее укурую. Тебе бы нужно майку привезти из дома, цепочку с медальоном я положила на стол, не забудь завтра, — произносит дрожащим голосом, а я в нём больше не чувствую ни обиды, ни боли, ни безнадёжности.

Огромное стёганое одеяло из бабушкиных закровов спасает меня от холода, но не от озноба. Я всё ещё отстукиваю зубами чечётку.

— Ложись со мной, я буду хорошо себя вести, — обещаю я, всё ещё не справясь с ознобом и с тем, как минуту назад я всё же поцеловал Наташу.

— Я сначала должна тебя посмотреть.

— Как врач? — решил я на шутку.

— А...ты, как хочешь? — не глядя мне в лицо, Наташа проговорила в сторону так тихо, что я еле уловил смысл её слов.

— Я сначала должна тебя посмотреть? — говорит прерывисто Наташа, задерживая дыхание.

— Как врач? — решил я на шутку.

— А...ты, как хочешь? — не глядя мне в лицо, Наташа проговорила в сторону так тихо, что я еле уловил смысл её слов.

Как хочу? Хочу поднять её на руки и уложить с собой в постель. Хочу слышать её стон и своё имя. Я делаю, как хочу я, и как она хочет. Она только шепчет мне на ухо, когда нас обоих согревает бабушкино одеяло, а мы греем друг друга, согреваем друг у друга души и сердца:

— Помоги мне выплыть. Поможешь?

— Я сделаю всё, чтобы ты стала счастливой, Наташа, только не отторгай меня, мне без тебя тоже не выплыть.

Эти слова прозвучали, наверное, с опозданием, но мне самому хотелось в них по-настоящему верить. Может, поверила и она, моя Птаха. Как давно я не называл её так.! Всё правильно, так и нужно.

Наташа приближается ко мне сначала робко, я тяну к ней руки, а она, делая два быстрых шага, оказывается в моих объятиях. Наташша!

Теперь я целую её губы нежно-нежно, боясь спугнуть ростки чуть зародившегося доверия, едва-едва касаясь влажных губ. Без похоти, без прихоти, без нажима. Она откликнулась, качнулась навстречу, обвила руками шею, поглаживала её ладошками, выдохнула в рот мне:

— Саша!

Она очень давно его не произносила так именно, как я хочу, как люблю. А в глазах — мятеж, но и доверие. Наташа! Солнце моё, страсть моя! Был бы я поэт!

И тогда я делаю то, о чём мечтал: захватываю её губы властно, ласкаю языком до тех пор, пока наши языки не сплелись, не встретились для глубокого поцелуя. Объятия становятся крепче, поцелуи дольше, дыхание прерывистее, надо отдышаться, но неутолённая страсть не позволяет сделать лишнего вдоха или выдоха.

Хмель от поцелуев растекается по телу, по всем членам, страсть требует: «Действуй, вонзись, заставь стонать, извиваться, гореть».

Наташа так тесно ко мне жмётся, что жар её тела чувствуется даже через пижаму. Я приподнимаю её край и стаскиваю через голову. Соски мгновенно реагируют, становятся твёрдыми, дразнящими. Я их сосу, захлёбываясь от страсти, вызывая стоны моей Птахи, жадно, но бережно стаскиваю её грудь обеими руками. Мой член вибрирует от самого легчайшего прикосновения, хочу погрузить его ей так глубоко, чтобы она закричала от наслаждения. Ната стонет, вцепившись пальцами в мои тёмные волосы. Её стоны — музыка для меня, моя песня. Мои трусы и беленькие трусики Наташины мгновенно летят на пол.

Наташа касается моей рельефной груди, проводит ладонью по плоскому животу, по бёдрам, я чувствую, как от мощного прилива страсти перехватывает дыхание. Она отвлекает меня от своей груди, теперь она ласкает меня: обводит языком контуры моих губ, лижет их, легко дразня, прихватывая зубками. Я захлёбываюсь от теплоты её дыхания, нежный ротик манит попробовать его на вкус. Но девушка уклоняется от поцелуя, она что-то задумала.

Ммм, она целует мою шею, пульсирующую жилку, приникает к мужским соскам, теревит их язычком, прокладывает влажную дорожку до ямки живота, а мне больше не выдержать такой сладкой, обезоруживающей пытки: я слишком долго ждал этого момента. Мммм, Наташкааа! Если я сейчас же не возьму её — меня просто разорвёт на части.

Я рывком кладу её на лопатки и накрываю её своим телом. Дольше прелюдии я не смогу вытерпеть, потому что зверски хочу войти в её жаркое влажное лоно. Я слишком долго ждал этой минуты. Мой член сам раздвигает её набухшие складочки и скользит по клитору, врываясь по самые яйца в любимую дырочку.

Наташа сразу же стонет, я поцелуюем пью её стон. Я начинаю медленно двигаться внутри неё, но из объятий так и не отпускаю.

— Быстрее, Саша, — не говорит — стонет моё сокровище. И я увеличиваю скорость, мой член звенит от перенапряжения, яйца шлёпают о её промежность, я снова вырываю её стон, не один, не два — их целый шквал. Наташа выгибается, руками цепляется за гредушку кровати, она вся у меня на ладони, её груди колышутся от моих толчков. Я мощно толкаюсь, врубаюсь, толкаюсь членом, достаю до самой матки... млять, как же охренительно, как охеренно вкусно.

— Ещё, пожалуйста, — стонет Птаха, и в тот же момент она выгибается настолько, что грудь её превращается в дугу, Птаха кричит от оргазма, кричит, я делаю толчок, ещё, ещё и выливаюсь ей на бедро. Презервативы забыты в пальто.

Наташа обхватывает мою шею, прячет своё лицо, мы оба потные, но мне нехолодно. Я ещё там, в той сладкой сладости, куда нас занёс экстаз.

— Ну, как? Сладко трахать графскую дочь? — доносится до меня после недолгого молчания, словно из подземелья, когда Наташа резко отстраняется от меня и переворачивается на живот.

Я охренел.

— Что? что ты сказала, Наташа? — я потряс головой, пытаюсь прийти в себя и понять: не почудились ли мне эти слова.

— Ты всё слышал, — она говорит в сторону, на меня не смотрит.

Я приподнимаюсь на локтях, мне надо посмотреть ей в глаза. Мне надо знать, что скажут они. Я беру её за подбородок, поворачиваю к себе, но тщетно: она закрывает их.

— Наташа... ну зачем ты так? Мне казалось, что мы помирились. Зачем ты?

— Ты думал, что всё так просто? Взял, поиграл, выбросил, как ненужную вещь... снова взял. Поиграть больше нечем? Где твоя бойкая девица? Я до сих пор не могу опомниться, не могу забыть, успокоиться, наконец. Ты наказал меня за грехи, которые я не совершала. Я — дочь Графа. И где он? Где? Под кроватью? Или в шкафу?. Я не знаю, как он выглядит, если до сих пор ещё жив, а не умер или не убили.

Я окончательно охреневаю. После такой огромной бочки мёда меня ждала ложка дёгтя! Она всё перечеркнула.

— Так зачем ты сейчас легла со мной? Пар спустить или, может, пожалела? Мне не нужна жалость, мне нужна ты со всеми потрохами и твоими тараканами. Но, видно, тараканов придётся из твоей прекрасной головки выбить, чтобы они не мучили ни тебя, ни меня. Этим я сейчас и хочу заняться!

Наташа.

— Больше ты меня не тронешь, я не позволю!

В такую минуту выяснять отношения, ссориться я бы не решилась, но какой-то чертёнок

сейчас руководит моими эмоциями. Может, сам дьявол?. Вселился в мозг — не выгонишь! Кто же поймёт женщин, когда в них вселяется бес или просыпается коварная сущность, выуживает из памяти все обиды и запреты?

Я пытаюсь спрыгнуть с кровати. Хочет он вытрахать моих тараканов! Угу! Как бы не так! Ты вряд ли ещё восстановился, милый! А я успею убежать! Успею, Волков, успеваю!

Не получилось! Сашка меня перехватывает и притягивает к себе, я больно ударяюсь затылком о его плечо, ойкаю, — мозги вышиб! но мне с ним не справиться.... да и хочу ли я справляться?..... Не хочу анализировать.... я подумаю об этом завтра, сегодня не хочу. Не буду!

Бросаю взгляд вниз — о, как я ошиблась: его ствол уже наготове. Ммм, какой он: большой, с крупными вздутыми венами! Какой он!

Всё происходит мгновенно. Саша делает ко мне одно движение — и я уже на лопатках. Справился! Толкает меня, вжимает в матрац, мы застываем на мгновение, а после летим в бездну оба сразу на полной скорости. Всхлипываю, потому что эмоции захлёстывают, схожу с ума от его близости, забываю обо всём, что произошло между нами! Голова идёт кругом, я вижу, как загораются его глаза, как ходит кадык, и напрягаются мышцы.

Ммм! Сашка!

— Сашша, — цепляюсь за его шею, чувствую, как меня трясёт в его руках.

— Ни слова больше! — качает головой, набрасывается на мои губы, словно дикий и голодный волк.

Я задыхаюсь, отдаю всю себя до последней капли, отвечая на огненный поцелуй. Кусаю его губы так же, как он мои. Поцелуями мы пожираем друг друга до боли, до изнеможения, пытаюсь причинить не то боли, не то наслаждения, выплёскивая всю тоску и ненависть. Волков рычит мне в губы, зарывается в волосы длинными пальцами, снова присасывается к губам, смотрит в глаза и тяжело дышит мне в ухо, покусывая мочку.

Я не могу произнести ни слова, ни даже звука. Я вся в его власти!

ВСЯ!

Он переворачивает меня на живот. Я прогибаюсь, подставляя ему себя, он обхватывает мои бёдра и вжимает уже возбуждённый, эрегирующий пах.

А меня уже разрывает от возбуждения и, кажется, что я полностью растеряла мучающие меня мысли и теку, как голодная кошка. Я трусь о его восставший член, сама пытаюсь его вобрать в себя.

Сссашшкаа!

Член скользит по моей промежности, резко врывается в меня, заставляя вскрикнуть, но не от боли, а безграничного, безумного, невыразимого наслаждения. Саша замирает на миг внутри меня там, глубоко, а после, тяжело дыша, начинает вбиваться сильными, размеренными толчками. Полностью выходит и входит вновь, ускоряя темп. Мне немного больно, но эта боль тут же забывается от дурманящей волны эйфории. Его запах дурманит, а грубость сжигает меня до основания. Сейчас я узнаю нового Сашку, таким он предстаёт впервые, но нравится мне не меньше.

Нравится! Очень!

Волков жадно сжимает мою грудь, а я запрокидываю голову и дрожу всем телом от того, что он то сжимает соски, то ласкает, даря немного нежности, то стискивает грудь, продолжая вбиваться в меня. Слышны характерные шлепки наших разгорячённых тел. Всё происходит в бешеном темпе, быстро, без передышек, потому что если мы остановимся и

потеряем этот безумный ритм, то придём в себя, а я не хочу возвращаться в себя, в ту, прежнюю. Я не могу сдержаться, вскрикиваю, протяжно стону. Саша, держа меня за бёдра, хрипит, заглушая мои стоны:

— Ещё? Ещё?

— Дда! дда! дда! — повторяю я после очередного оргазма, и сама, поддаваясь его грубым толчкам, требую, чтобы брал меня ещё сильнее, грубее, чтобы чувствовать его до конца, до последней его клеточки, потому что он мой, только мой, и я его никому не отдам.

Он снова яростно дышит и рычит мне в ухо:

— Попроси меня, попроси, произнеси моё имя!

Он одной рукой с силой надавливает на спину, не позволяя подняться, а другой обхватывает моё бедро и натягивает на себя, управляя мной, ускоряя темп, бешено трахая, тяжело дыша. А я снова кричу, набрав побольше воздуха в лёгкие:

— Саша, Саша, ддаааа!

Меня снова накрывает оргазм, какой-то по счёту...Мы вместе доходим до точки кипения, растворяясь, сгорая в общем безумии.

Сашка хрипло стонет, а я судорожно сжимаю его член внутри не только стенками влагалища, но и всеми мышцами, и даже бёдрами. Я чувствую, как член пульсирует во мне, ощущаю, как вновь и вновь по телу катятся горячие волны, бешеные судороги, меня на секунду отрывает от этого мира, я где-то в прострации, на седьмом небе, если такое бывает.

Я стискиваю стенки влагалища, не хочу выпускать, когда Саша выскальзывается из меня и с рычанием изливается мне на бёдра. Снова на бёдра...

Саша ещё лежит на мне, упираясь одной рукой в гредушку, а другой крепко прижимая меня к себе. Я еле дышу, он тяжело дышит, потом приподнимается вместе со мной. Мы стоим на коленях, мы дрожим оба. Саша обхватывает меня сзади за плечи и, пытаюсь отдышаться, обдаёт жарким дыханием мою шею.

Потом два обнажённых тела, насытившись друг другом, неспешно валяются на бок и замирают.

После некоторого молчания Саша произнёс:

— И так будет каждый раз, когда в твоей милой головке зашевелятся тараканы. Кстати, как они там?

— Пока молчат, — ухмыляюсь я, довольная, расслабленная, но и порочная, похотливая кошка. Минутами кажется, что у меня вместо ногтей — острые когти, и мне так жаль, что я их раньше не выпустила.

— И за что я люблю девушку с тараканами? — пытается острить он.

— Любовь отдельно от тараканов, — острою и я.

Мы оба обессиленные, взмыленные, как после напряжённой скачки, впрочем, так оно и было. Мне кажется, что в этой скачке мы, наконец, преодолели барьер обиды, молчания и непонимания. Но мои тараканы снова меня атакуют, рвутся наружу: слёзы снова душат меня и мне просто необходимо ему высказать:

— Сашка! — проговариваю, преодолев набежавшие слёзы, — какой же ты дурень! Зачем нам нужны были те испытания? Если ты всё равно не ушёл, а я тебя не прогнала... нет... не отпустила?

Сашка больше не оправдывается, он обнимает меня, гладит по волосам и, проникновенно глядя мне в мокрые от слёз глаза, словно сто лет не видел, снимает робкие слезинки губами, прижавшись щекой к моему виску, проговаривает с тяжёлым вздохом,

идушим из самых недр его груди:

— Я понял, что я дурак, но ещё я понял, что без тебя меня просто разорвёт на части. Ты моя половинка, и если тебя от меня оторвать, то я точно сдохну. И это не просто красивые слова, это то, что вот здесь — в сердце.

Он берёт мою руку, целует пальчики, кладёт её себе на грудь, туда, где гулко бьётся его сердце. Мне не надо больше никаких доказательств, потому что я ясно вижу его горячее сердце у себя на ладони, и оно становится общим: оно перекачивает и мою кровь тоже.

Мы две половинки единого целого с общим сердцем, которое я выбрала, а я выбирала сердцем.

Идти в душ нет сил и не хочется, хочу сохранить хотя бы на время на себе свой пот, смешанный с потом и спермой Волкова. Моего Волка! Моего!

Саша.

— Доброе утро, сладкая! — шепчу ей утром, после нашего бурного примирения.

Не слышит, не реагирует. Делаю ещё одну попытку разбудить Нату, потому что не могу спокойно смотреть на её припухшие ото сна и наших поцелуев губы. Я губами прищипываю её ухо и посасываю мочку. Улыбается.

Не могу больше ждать: стягиваю одеяло, обнажая полностью. Вид пышной груди вырывает у меня стон, рот слюной наполняется.

— Наташша, хочу тебя! — скулы сводит от желания. Я целую её грудь, живот, иду к гладенькому лобку, раздвигаю её ножки и люблюсь открывшейся мне навстречу киской. Целую нежные складочки, лаская их языком, Наташа сонно улыбается и блаженно шипит:

— Развратник, мм!

Сдвинуть ножки — даже не мечтай! Я шире раздвигаю ноги и немного посасываю клитор. Я съесть её хочу, вкусную, сладкую девочку. Всасываю клитор, люблюсь дырочкой и медленно ввожу внутрь палец. Как она быстро и остро реагирует! Наташа запускает пальцы в мои волосы, стонет, шире разводит ноги, приглашая меня войти снова. Веду языком вверх, вниз, как голодный, всасываю клитор, обвожу языком, двигаю пальцем и чувствую, как она сжимает его и течёт.

Милая, сладкая, удивительная! Не могу терпеть больше: утренний стояк готов к действию. Как я терпел всё это время без неё?

Накрываю её собой, подхватываю под согнутые колени, а член сам себе пробивает путь, он уже захватил самое сладкое лоно.

Всего несколько движений, несколько, но я уже готов, а Натка стонет, вцепившись в мои кисти, мечется головой по подушке, стонет, почти кричит, громче, громче, подхлёстывая меня, и наконец выгибается, дрожа всем телом.

— Сашша!

Я тыльной стороной ладони вытираю бисеринки пота с её лба, с подбородка, целую сладкие губы. Я всё ещё не могу поверить, что гроза прошла, и мы снова вместе.

— Наташа, посмотри на меня, ты на меня совсем не смотришь, — голова Натки лежит у меня на руке.

— Вот, смотрю... — улыбаясь, поворачивается лицом ко мне.

— Послушай, я хотел поговорить, но ты всё время убегаешь, а я сказать хочу! — негромко проговорил я, пальцем дотрагиваясь до её губ, чуть надавливая, вынуждая её приоткрыть для поцелуя. — Я подло поступил, сам знаю, что обидел, сильно, но я не предатель, я не изменял тебе ни с кем, и это правда. С этой стороны ждать беды не придётся. Давай забудем, что тогда я натворил, начнём сначала. Я люблю тебя, поверь мне! — закончил я, касаясь её губ своими, склоняя голову и проводя носом по её нежной коже щеки.

Голенькая, распластавшаяся на мне... ммм, с ума сойти, Наташа, целующая мою шею, — награда за искренность моих слов.

Я просто не мог не сказать этих слов здесь и сейчас, чтобы больше никогда не возвращаться к страшным дням, когда я был без неё. Жить и знать, что Наташка рядом, что все недоразумения позади — счастье для меня. А ошибки мы все исправим, если только будем вместе.

Натка уткнулась мне в шею и шепчет:

— И я тебя!

Уфф! Наконец-то!

Наташа.

Сегодня 4 ноября. Мы с Сашей радуемся каждому прожитому вместе дню. Мне очень жаль тех дней, когда мы были в ссоре.

Саша однажды мне сказал: «Давай попробуем создать семью».

Но я уверена, что нет такого понятия, как «пробные семьи». Семья является семьей и не определяется свидетельствами о браке, документами о разводе или об усыновлении. Семья создается в сердцах и единственное время, когда она становится «нулевой», — когда созданные связи в сердце сокращаются. Но, даже ненавидя данные связи, эти люди по-прежнему будут вашей родней, потому что все, что вы ненавидите, всегда будет с вами.

— Саш, почему ты перестал носить тот медальон? — спрашиваю я между прочим утром за завтраком, изредка отхлёбывая горячий кофе. Отставляю чашку — не люблю горячий, да и губы болят немножко. Если Саша начнёт целоваться — его ничем не остановишь! Впрочем, есть одно средство! Гм!

— Ты же видишь: он не подходит к цепочке, да и что в нём толку? — Саша лениво мажет хлеб маслом, кладёт сыр, наливает себе кофе.

— Ты кашу съел? Понравилась? — Саша не любит кашу, но я хочу, чтобы он правильно питался, хотя бы утром.

— Кашу-то я съел, кстати, очень вкусно! И что тебе сдался этот медальон? Няня Арина тоже меня доставала: носи — не снимай. Больше не буду.

Он загрустил...

Но меня гложет, я хочу разобраться, откуда у него и полковника Самсонова одинаковые медальоны.

После завтрака я уселась на диване, Саша тут же пристроился: лёг, вытянул ноги и положил голову мне на колени. Я тереблю его волосы и выдаю в раздумье:

— Саш... а я видела второй... такой же...

— Ната, забудь о нём... и тебе точно показалось.

Саша только отмахивается, а потом грустит. Он, резко поднимаясь с моих коленей, ерошит волосы.

— Наташенька, тебе показалось, такого второго нет. Забудь о нём, — Сашка меня обнимает, а мне так тепло в его объятиях, я предвкушаю, каким будет этот выходной. Целый день мы будем с Сашей вместе! Но тайна мучает меня.

— Саша, ну, что в самом деле происходит? Почему бы тебе не сходить и не спросить, откуда тот медальон у полковника Самсонова?

— Нат, — он сажает меня к себе на колени, нежно целует в висок, тихо произносит: — Зачем нам полковник? Разве нам плохо вдвоём? Ты да я — это наша семья.

То, что Саша считает нас семьёй, меня очень радует. Я счастлива, наконец, я счастлива. Обида потихоньку тает, она почти забыта.

Но медальон так и не даёт мне покоя.

Сегодня выходной у всех и у меня, что очень редко случается. Я надеюсь, что мы куда-то сходим — в кои-то веки выдался свободный день.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Внезапно раздаётся стук в дверь, я открываю, и нате вам — здравствуйте!

Марат!

— Саша, тут Марат..., - кричу я от порога, — И он ранен...

— Как ранен? — Саша уже в прихожей, внимательно рассматривает друга. — Мар, что случилось, кто тебя? Заходи! Наташа, давай аптечку! Кто тебя? Лариска накосячила?

Красивое лицо Марата было обезображено: бровь рассечена, под глазом синяк, на скуле — свежая ссадина.

Я за рукав пальто, которое тоже пострадало — рукав был надорван, веду Мара в комнату.

— Марат, не сопротивляйся, садись, я полечу тебя! — наконец-то Мар усаживается.

— Кто на этот раз? — Сашка начинает допрос. — Я ж тебе говорил! Не та эта женщина! Ты такой мудрый мужик, но постоянно наступаешь на одни и те же грабли!

Похоже, Саша знает, кто отделал Марата. Но я прерываю его:

— Ты его потом поругаешь, Сашенька, а сейчас Марату нужна помощь!

— Я его ещё и бить стану, чтобы он головой думал, когда баб... прости, Ната, женщин выбирал, а не тем, что между... короче, вы поняли. Он, тот, хотя бы жив? Ты сильно его отделал?

Я догадалась: Марат застал Ларису с кем-то...где-то...

— Да жив он, маленько хуже выглядит, чем я... но, кажется, я ему ничего не сломал... Нат, вот ты, как женщина, скажи, что надо сделать нам, например, мне, чтобы женщина не изменяла?

— Ты ничего не должен делать, ей самой надо было разобраться, кого она больше любит и, вообще, любит ли. И что в тебе ей нравится сильнее — ты сам или твой кошелёк. А где вы познакомились? По-моему, это тоже важно. Саш, а ты как думаешь? Что бы ты ответил Марату?

— Я ему сто раз говорил то же самое! Мар, почему ты только утром заявился? Всю ночь пил? Вроде не особо пахнет...

Саша сидит напротив друга и тоже морщится, когда морщится Марат, если я нечаянно задеваю рану, но я тут же дую на болячку. Марат улыбается: — «Как маленькому!» А я всё чаще ловлю себя на мысли, что между Сашей и Маратом установилась связь, но не генетическая, нет, скорее духовная — они же не братья по крови. Но настоящим братом, родным может стать человек даже с другой группой крови, если он рядом с тобой по жизни. Вот так, как у Саши с Маратом.

Марат вкратце, под давлением друга рассказывает: — Задержался на работе, пришёл, там она на коленях...отсасывает, бл...Я ему в морду, её за волосы, вышвырнул обоих.

Я в недоумении: как вообще такое возможно? А как же любовь? Она есть? Была?

Теперь не знаю...но вот тут — Марат показывает на сердце, — болит. Марат принял душ, извинился, захотел уйти, но мне так стало жалко этого неприкаянного мужчину, красивого, умного, доброго...

— Саш, куда он пойдёт, пусть у нас посидит, я вас накормлю обедом.

Но во время обеда Марат всё время морщится. Я подумала, что невкусно или пересолила — Сашка вроде тоже морщится, глядя на друга.

— Невкусно? — мне обидно. — Поняла! Скула болит? Саша, а ты почему морщишься? Я тебя не била!

Обстановка разряжена: мужчины непринуждённо улыбаются, а я люблюсь обоими: Саша и Марат чем-то похожи.

Но теперь морщусь я — отпила слишком горячего чая. Тут же, глядя на меня, Саша тоже болезненно сморщился, забирая мою кружку. Мне непонятно, хочу возмутиться, но вижу: Сашка переливает мой чай в другую кружку:

— Теперь попробуй! Нормально?

Я не нахожу слов, только улыбаюсь: Саша заботливо быстро остудил мой чай.

Но в дверь снова стучат, и Марат мгновенно подрывается:

— Сейчас Степаныч тоже будет меня воспитывать, я уйду, Сань, поеду домой, вечером отзвонюсь, со мной нормально, не переживай.

Мне приходится вновь открывать дверь, Марат вышмыгивает, здороваясь на ходу, пряча «боевые» раны.

Глава 9.1

В дверь снова стучат, и Марат мгновенно подрывается:

— Сейчас Степаныч тоже будет меня воспитывать, я уйду, Сань, я поеду домой, вечером отзвонюсь, со мной нормально, не переживай.

Мне приходится вновь открывать дверь, Марат вышмыгивает, здороваясь на ходу, пряча «боевые» раны.

На пороге появляется... тот самый полковник в больничной одежде, а следом — Николай Степанович.

— Товарищ полковник, что-нибудь случилось? — я в недоумении. — Вам разве разрешили вставать?

Я медленно пячусь назад и, наконец, до меня доходит, что внезапное появление полковника Самсонова вовсе не случайно. Медальон. Вот в чём причина...

Самсонов достаточно привлекателен для своих лет, статный, высокий. Сложен он прекрасно: с широкой, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными стройными ногами. Вот только лицо мне его кажется каким-то чересчур суровым.

Он никогда не улыбался, а его тонкие губы всегда были сжаты в тонкую полоску, оставляло неприятный осадок. Я немею от происходящего, смотрю на Сашу — он тоже крайне удивлён, но только хмурит брови и в упор, с некоторой неприязнью смотрит на Самсонова.

Полковник церемониться не привык, он сразу проходит и присаживается на наш тщедушный диван, заставляя его скрипеть от своего веса.

— Товарищ полковник, — наконец нахожусь я, — как же вы? Вы сбежали из больницы? Что-то ещё сказать мне не дают, потому что Самсонов своим зычным голосом произносит:

— Здравствуйте всем, мне надо поговорить с сыном.

Я раскрываю рот... Этими словами он вгоняет всех, нет, я смотрю, только меня, в ярковыраженный ступор. Я просто немею при этих словах и перестаю двигаться. Саша — сын Самсонова? Теперь все пазлы головоломки, наконец, сошлись.

Саша смерил полковника едким взглядом и отошёл к окну, но мало того, он поворачивается к нам спиной и молчит. Смотрю вопрошающе на Сашу. Я подхожу к нему, трогаю за локоть, чтобы он сам мне что-то объяснил.

— Саша, — повторяет полковник, — я должен тебе всё рассказать, так сказать, информация из первых уст, сегодня ты должен выслушать меня.

— Наталья, — обращается он ко мне, — не могла бы ты...

Саша не даёт ему закончить:

— Наталья останется здесь, товарищ... полковник, ей тоже необходима информация из первых рук. А я вам ничего не должен.

Я всё же порываюсь уйти, но Саша меня обнял за плечи и не отпускает. Степаныч тоже ушёл бы, но его что-то держит, что — мне пока невдомёк.

— Ну, так, — значит, так. Мне скрывать нечего.

Полковник Самсонов начинает рассказывать, он исповедуется перед сыном, которого сам двадцать семь лет назад оставил в детском доме номер два...

У меня на миг останавливается сердце, я перестаю дышать от такого признания. Для

Саши, очевидно, это не новость, но и он бледнеет, и его объятия становятся крепче, но я не пытаюсь освободиться, я понимаю, что он за меня держится как за опору. Я прижимаюсь к нему лбом, а он сдерживает дыхание, потом прерывисто дышит. В какой-то момент его начинает потряхивать, я это чувствую, потому что тесно прижата к нему, он часто дышит, но молчит. Он тоже слушает, возможно, то, что уже знает, а может быть, и нет.

— Саша, твоя мама, Екатерина Волкова, умерла при родах. Я виноват в её смерти: слишком поздно доставил её в роддом. Ты неправильно лежал у неё в животе, попкой...

— Ягодичное предлежание плода, — поправляю я.

— Да, да, правильно, — соглашается Самсонов и продолжает свою печальную повесть. — Мне бы раньше её отвезти, но... служба, да и она не хотела, всё тянула, вот и дотянула... Большая кровопотеря, у нас в захолустье её спасти не смогли.

— В каком захолустье? — Саша недоумевает.

Полковник отвечает, называет место службы, которого, вероятно, и на карте нет.

— А потом... за тобой, маленьким, ухаживала бездетная соседка, она не отказалась... Больше некому было! А ведь я военный, каждый день от рассвета до заката — служба. На гражданке тогда совсем завал был. Как ты думаешь, что я тогда пережил? — Самсонов рвёт сердце себе и всем нам. — Маленький сын, молока нет, смеси доставали всем полком, бл... простите. У меня никого из родных, у Кати тоже... Год промучился, да мучился разве — я выживал и ты тоже. Мне пришлось! Пришлось отдать тебя в детский дом. Думал — на время, а получилось вон как.

— Наташа, ведь я не первый раз приезжаю, не первый! но сын родного отца знать не хочет, ни разу не захотел выслушать. Не может понять и простить. Степаныч, скажи ты хоть, подтверди, что я говорю правду. В глазах Наташи и Сашки — я изверг, который бросил своего сына. Возможно, так оно и есть, но я всегда был в курсе твоих дел. Арина мне писала, присылала фото, когда я... впрочем, это... не могу сказать. Потом мне писал Степаныч, я благодарен капитану за всё: что не оставил, присматривал, заботился. Николай, скажи... Не я заботился о тебе, не я кормил, одевал, обувал, но... я защищал тебя!

— На хрен мне была такая защита нужна? Мне отец нужен был! А не призрачный воин из сказки няни! — Сашка не выдерживает, срывается на крик. — А соседка-то и за мной, и за тобой ухаживала? Мать, значит, в гроб, а сам к соседке под бок? Почему ты меня сразу не отдал в дом ребёнка? Руки бы освободил! И я не верю тебе, а подарки твои я раздавал пацанам. С глаз долой, чтобы ничего о тебе не напоминало.

Глаза Самсонова ещё больше темнеют и становятся непроницаемыми.

— Саш... — Степаныч наконец подал голос, горестный, горький, болюющий, — а я? Я вроде, тоже считал тебя за сына... А отцом не стал?

— Ну, вот, дядю Колю расстроил, Саша, — мне теперь и Степаныча жалко. — Дядя Коля, по какой-то доброй воле свыше вы стали заботливым отцом для Саши и для меня. Так случилось, и вычеркнуть вас из своей жизни нам просто не удастся. И вы, дядя Коля, сейчас зря обиделись, сейчас Саша не про вас, а именно про Александра Александровича. Так ведь, скажи, Саша!

— Вот он, — Сашка кивает на Степаныча, — меня спас, и каким ты меня сейчас видишь — только его заслуга. Горный спасал меня, вытаскивал изо всех передрыг, а не Самсонов.

После этих слов в тишине были слышны только мои всхлипы. Я повернулась к Саше лицом, прижалась к нему, пряча слёзы. Я оплакивала маленького Сашу, младенца, оставшегося сиротой при живом отце, Александра Александровича, рано овдовевшего,

потерявшего молодую жену, мою маму, так рано ушедшую. Сашка тихо гладил по моим волосам. Угрюмей его я не видела. Я, выросшая с мамой и бабушкой, обласканная с детства заботой двух женщин, а потом оставшаяся без материнского тепла, глубоко понимаю Сашину боль и обиду. Он рос сиротой при живом отце, который не сумел превозмочь утрату любимой женщины, не сумел заменить Саше обоих родителей. И сколько бы полковник не пытался оправдываться, оправдания ему нет, но всё равно мне его жалко.

Мне казалось, что в мою квартиру внесли гроб, только чей он, я не знаю, но мне всё равно так горько, так больно, так горько и больно, что слёзы сами просятся наружу, грозясь перейти в водопад.

— Саша, прости отца, пожалуйста, — прошу я своего упрянца, — иначе... иначе мы в ссоре.

Я хочу переупрямить гордого Волка, понимаю, что давлю на него, а он мне в ответ с лёгкой усмешкой:

— Шантаж? Наташа? Он того не стоит...

Но я чувствую, что его глаза потихоньку теплеют, и в них загораются добрые искорки. Вот только к кому они полетят?... А мне так хочется, чтобы хотя бы Саша обрёл семью, родную, настоящую, в лице хотя бы одного отца.

Но Саша по-прежнему хмурится и молчит. Я знаю, что он может молчать долго — на себе испытала, но только сейчас не тот случай, хотя я его понимаю: вот так сразу ответить он просто не сможет, потому что боль потери или предательства, пусть даже имеющих очень важную причину, уйдёт не сразу.

— Он подумает, — отвечаю я за него, и кажется, он благодарен мне, что не ему приходится произносить эти ничего не значащие слова.

Глава 9.2

Саша по-прежнему хмурится и молчит. Он стискивает зубы и ни слова.

Как только за гостями закрывается дверь, Саша с глухим стоном бросается на постель и замирает, уткнувшись лицом в подушку. Ту самую, которая была для меня лишней, а теперь на неё кладёт голову самый нужный, любимый, самый родной человек на свете.

У меня от беспомощности сердце обливается кровью: я не знаю, чем помочь, как успокоить дорогого мне человека, что сделать для того, чтобы обручи боли перестали сковывать его душу.

Вечереет. Я уже и душ приняла, застелила часть кровати, нарочно, чтобы Саша поднялся и позволил застелить вторую. Но он не двигается, но не спит, он надрывно вздыхает.

Я наконец, не выдерживаю:

— Саша, скажи мне, что болит? Чем я могу тебе помочь? Не молчи, скажи мне, милый!

Он резко переворачивается и почти кричит, по-мужски кулаком ударяя в грудь:

— Здесь, здесь болит!... Зачем он пришёл? Кому нужна его исповедь? Тебе? Мне? Мне не нужна, и тебе, я думаю, тоже.

Ему больно, и у меня душа болит от его боли.

Наконец, он встаёт, медленно раздевается, а я слежу за каждым его жестом, за каждым моментом, я им люблюсь. Свет от настольной лампы тускло освещает моего мужчину, голого, горячего, живого, желанного, любимого, родного. И опять он на меня не взглянул, разворачиваясь ко мне спиной окончательно и направляясь в сторону ванной.

Я была просто не в состоянии оторвать глаз от его спины. Широкие плечи, как и размах спины, крепкие ягодицы, бёдра, мощные бицепсы и икры на ногах. Меня ведёт, стало вдруг резко жарко, хотя он ещё не включал горячую воду... Ага, вот теперь включил! Я иду за ним сразу же.

Замечательно!

Я задохнулась от болезненного желания.

— Тебе помочь? — голос срывается до хрипоты. Я неотрывно смотрю на Сашу голодным взглядом. Его кожа выглядит совершенно гладкой и практически зеркально глянцево под тончайшим слоем живой воды. Боже, его пенис и мошонка даже в спокойном состоянии будоражат моё сознание своими размерами.

Он этого порыва ждал от меня: тут же переступает ванну, поднимает меня за талию и — мы оба в ванной.

Я в шёлковой пижамке!

Он теперь стоял почти впрытык, источая тонкие ароматы мокрых волос и горячей натянутой на упругих мышцах кожи. Я ощущала его физическую силу.

— Наташа, что бы я без тебя делал!? — его голос тоже хрипит. Мы просто стоим под струями душа, целуемся, скользим влажными губами по губам друг друга. Больше ничего не нужно. Только соприкасающиеся друг к другу тела, мне так — его грудь, к которой можно прикоснуться, поцелуи милых, любимых губ, а между поцелуями моё имя: — Наташка, милая, Наташа!

— Наташ... помой меня...помоешь?

Часто читаю фразу: «Мы слились воедино.» Хочется спросить: «Телами? Или душами?»

Телами слиться несложно, а вот душами — гораздо труднее.

Саша, действительно, много думал, сам или со мной, изредка делясь эмоциями. Полковник приходил ещё раз, и ещё. Мы пили чай, разговаривали вчетвером.

Марат после того случая как-то отстранился — я не спрашивала почему. А потом мы с Сашей встретили его с девушкой, сероглазой шатенкой, довольно-таки симпатичной. Оказалось, что у Марата появилась новая привязанность, новая пассия, как сказал потом мне Волков.

В конце концов Саша сдался, и их общение с Самсоновым стали более тёплым. Саша стал его называть батей, а тому и этого шага было более, чем достаточно. Но я осознаю: Сашка просто сдался.

Полковник всё время осматривал мою конуру, но не критиковал, вероятно, от Степаныча знал мою историю. Он просто смотрел и о чём-то задумывался.

— А квартирка-то маловата, а, Саш?

— Нам хватает, — Саша отвечает с вызовом, пытаюсь защитить меня от дальнейших расспросов. Саша не отходит от меня, я чувствую его тепло и защиту. Он то обнимет меня, то просто положит руку на плечи. А мне так уютнее, спокойнее что ли. Была бы моя воля, я ни на минуту не расставалась с ним.

— Да, знаю я, что у тебя есть дом, и почему вы тут живёте — тоже знаю, — не успокаивался полковник, а я испугалась: он обо всём в курсе, и про моего отца тоже.

Я вскрикнула:

— Саша! — и обернулась к нему. Полковник всё знает!

— Сашка тут ни причём, это я виноват, обижайся на меня, — раскололся Степаныч.

— Наташа, — начал меня успокаивать отец Саши, — я не чужой вам. А быть в курсе жизни сына — моя святая обязанность.

У меня мгновенно рождается мысль: он только В КУРСЕ жизни сына. Но хватает ли этого сыну? По обязанности. Слова полковника неприятно режут слух

Мои щёки пылают от стыда, в глазах слёзы появляются.

Полковник замечает их первым:

— Ну, будет, будет, ты же не виновата! И... вытри их, вытри... — он потешно показывает, что я должна вытереть слёзы.

— А почему вы, Александр Александрович, именно теперь решились на откровенный разговор с сыном? — меня с первого визита полковника мучает этот вопрос.

За него отвечает Саша, сильнее притягивая меня к себе и касаясь губами макушки:

— Ты до сих пор не поняла? На тебя расчет был. На твоё влияние.

Самсонов хитровато улыбается:

— Но не только поэтому: на пенсии я, дети, хочу осесть здесь, в вашем городе, поближе, так сказать, к сыну... Саш, — он просительно смотрит на сына, — кончай воевать, а?

— Я не воюю с тобой... отец, — он называет Самсонова отцом... а после скидывает взгляд, наблюдая реакцию полковника. Тому явно понравилось новое обращение, и он довольно растягивает губы в улыбке. Но всех заставляет насторожиться новая фраза Волкова: — Почему ты не дал мне свою фамилию, отец, тебе придётся ответить. Я жду. И почему мама не взяла твою фамилию тоже?

— Ты и об этом мог догадаться, сын... — полковник вздыхает и отрешённо смотрит в сторону. — Это фамилия Кати, мамы твоей, единственной женщины в моей жизни! А я однолюб... Я ни разу больше не женился. А мама... я не помню.

Этой фразой: «Я однолюб» — было высказано всё: боль утраты жены, боль её потери и

сына младенца.

— Не мог я тогда справиться с потерей Кати и с тобой малышом. Я знал, на что иду. Жаль, Арины нет, она бы подтвердила, сколько я присылал писем, звонил, ну, а деньги... причём они... любовь деньгами не измеришь.

— Я видела у вас шрам на спине... — мне хотелось узнать откуда он.

— Вы все умные, догадайтесь, — хмурится Самсонов, — 1992, Таджикистан. Большего сказать не имею права.

— Да ты где только не был, — махнул рукой Степаныч. — Лучше бы я тогда в Афган ушёл... — это он про себя вспомнил.

— Дядя Коля, не говорите ерунду, кто бы нас Сашей тогда опекал? Вы на гражданке сделали больше! — я горячусь, я знаю, что я права. — Дядя Коля! Вы практически выпестовали двоих птенцов! Саша, скажи!

Гости уходят, а мне на память приходят слова полковника: «Я однолюб».

Я готовлю постель и размышляю вслух:

— Удивительно, нечасто встретишь человека однолюба...

Саша мне ничего не ответил, но подошёл сзади, обнял за плечи, сцепив кисти рук у меня на груди и поцеловал в шею... Мне захотелось сглотнуть, но в горле, казалось, что-то перемкнуло, как от какого-то заклинившего спазма.

— Такого человека ты видишь каждый день, сейчас, в данный момент, он у тебя за спиной, обнимает и целует тебя в шейку. М?

— Сашка, — вздыхаю я, прижимаясь щекой к его сцепленным кистям, — я так рада! Ты не представляешь! — чувствую его тело под пальцами и ладонями, как напрягаются и твердеют под этой тонкой гладкой кожей тугие волокна мышц.

— Саш, а когда отец ещё к тебе приезжал? Ты никогда мне об этом не рассказывал.

— Приезжал он! Раз в пять лет! Он, видимо считал, что этого достаточно! Приедет — вспомню, что он отец, уехал — я тут же забыл... Ни разу не пригласил к себе, ни разу толком не поговорили... Да я и не уверен, что захотел бы с ним говорить... Чужой он, Нат... И сейчас он чужой... И я сомневаюсь, что он просто так появился в нашем городе... А про маму он ничего не рассказал...

Я улыбаюсь: Шерлок Холмс! Он везде ищет тайну, даже там, где её нет.

Наташа.

Прогноз погоды обещает потепление, но на улице по-прежнему холодно, и даже подмораживает. Под шинами внедорожника утром похрустывает ледок.

— Я за тобой сегодня приеду пораньше, — говорит мне Саша прямо в губы, целуя на прощание, поодаль от здания больницы. Он так смотрит... от его карего взгляда по телу проносится целая стая мурашек, а низ живота наливается сладкой болью, и это после сегодняшнего утра, когда мы так ярко просыпались. Наша интимная жизнь с каждым днём становится всё ярче и искромётнее.

— Сегодня какой-то необычный день?

— Наташа?! — он удивлён, и кажется, не понимает... — Ладно! Не сейчас! Я напоминать не буду!

Я по-прежнему теряюсь в догадках... Я даже пожимаю плечами, а потом силюсь вспомнить, что же сегодня за день. Уф! Наконец-то!

— Сегодня мой день рождения! Я вспомнила! Кошмар! Вот это я заработалась.!

И тут же с заднего сидения Саша достаёт огромный букет алых роз, аккуратно упакованный, их двадцать пять. И от того, что Волков не забыл о моём дне рождения, если я и сама не вспомнила, от этого огромного букета, — мне неважно, сколько там роз, мне важно, что Саша заранее его купил, он думал обо мне, я чувствовала себя самой счастливой на свете. Пусть мы живём в самой скромной квартире, пусть до работы добираться далеко и ему, и мне, но с милым рай и в шалаше, а с таким милым Сашей — особенно.

— С днём рождения, любимая!

Эти слова проникают мне в самое сердце, я даже немного теряюсь. А он смотрит на меня проникновенным взглядом и ждёт, что отвечу я.

— Спасибо, любимый! — отвечаю я, склонившись к нему, целуя в шею. — Ты очень любимый, Саша.

После, встретившись взглядом, я вижу в его глазах: насколько любима я.

— Какое-то неподходящее место мы выбрали для признаний, ты не находишь? — Саша шепчет мне в ухо и снова целует.

— Какая разница, если мы любим друг друга!

Я понимаю, что после таких признаний должны последовать жаркие поцелуи, но мне хватает и нежных, лёгких, и любящего проникновенного взгляда.

Я выхожу из машины с огромным букетом в руках, провожая взглядом Сашу, который медленно-медленно уезжает, помахав рукой мне на прощание, а я воздушным поцелуем в ответ.

То, что происходит вечером, не поддаётся никакому описанию моих чувств и эмоций.

— Куда ты меня привёз? — я не понимаю, почему мы после ресторана, где вдвоём отмечали мой день рождения, Волков привёз меня не домой, а к дверям чужой квартиры.

Мы посидели совсем недолго. Поужинали — и только. Вино прихватили с собой: Саша за рулём. Мы быть может, посидели бы ещё, но за барной стойкой неожиданно для меня появился Руслан. Он нас заметил сразу, мне показалось, что он насторожился, и его хищный взгляд не без интереса блуждал по нам. Краем глаза я заметила, как он что-то выпил, потом снова опрокинул рюмку, как его лицо передёргивала злость. Он отворачивается к бармену,

видно ещё просит выпивку. И чем я ему не угодила? Ушла молча, без скандала. Моя мечта забыта, я, наконец, счастлива, но до моего счастья ему дела нет, как и мне до его. Да и никогда не было. Но неприятный осадок всё же остался. Сашка ничего не знает о притязаниях Руслана, ему не надо это знать. Свои боль и разочарование я оставила в прошлом. «Стерпится- слюбится» — это не про меня.

Сославшись на усталость, но даря Саше улыбку, я попросила его поехать домой. Он купил ещё какой-то еды, вина, я не рассматривала: настроение, с которым я ехала в ресторан, было испорчено, но мне не хотелось, чтобы это заметил Саша.

— Ну, наконец-то!

— Что? Не понимаю? — невинная улыбка тут же отразилась на моём лице.

— Там, в ресторане, ты как будто о чём-то невесёлом думала, а сейчас снова светишься. Что тебя беспокоило?

— Ничего особенного, я думала, где же твой отец и дядя Коля, а потом вспомнила, что никому не говорила о своём дне рождения. Мы можем их завтра пригласить, как ты считаешь? — судя по выражению Сашиного лица, уловка мне удалась. Вспоминать о Руслане мне не хотелось. Не тот случай.

— Конечно, можем, я даже знаю, куда!

— Саша, а куда ты нас везёшь? — я только увидела, что мы едем в другом направлении.

— Сюрприз! Он тебе понравится, я уверен!

Саша захватил мою руку себе в ладонь и привлёк к своему лицу. От этого лёгкого прикосновения, от тепла его карих глаз, я почувствовала, что я растворялась в тепле объятий своего счастья.

Я больше не беспокоилась, куда мы едем. Центральная трасса, в салоне машины звучит музыка, а у меня замирает сердце: с этим мужчиной я готова ехать даже на край света. Мимо проносятся огоньки машин, в салоне витает аромат одеколона Саши, который всегда кружит мне голову. Саша останавливается на светофоре, поворачивается ко мне, смотрит невероятным взглядом. А я жадно впитываю каждую его чёрточку, люблюсь профилем, сильными руками, широкими плечами. Его ладони на руле автомобиля — само совершенство. Как он ловко перехватывает руль, как уверенно ведёт машину, поминутно глядя на меня.

Саша заметил мой заинтересованный взгляд, истолковал по-своему:

— Хочешь порулить дам?

— Нет, это не моё!

— Тогда о чём ты думала? У? Расскажи! Я знаю: ты представляла меня голым? Мм? — он смеётся собственной шутке.

— Саша! — возмущаюсь я, но он и меня рассмешил.

— Признайся! Представляла?

— Я всего лишь любовалась, как ты управляешь машиной!

— Ну, я же гонщик!

— Знаю!

— Нат, признайся, я тогда тебе понравился? — он по-прежнему не унимается, но я догадываюсь, что Саша просто развлекает меня.

— Когда тогда?

— Я вспомнил нашу первую встречу. Помнишь, ты меня клеила?

— Я на тебя не смотрела, меня интересовала только твоя нога! -

— О, так ты всё же помнишь! Нат, ну, ответь, я понравился тебе?

— Волков, какой ты самоуверенный!

Мы весело смеёмся.

Мы молчим, наслаждаясь музыкой и поездкой. Говорить о чём-то совсем не хочется, в машине витает какое-то предвкушение, и от этого на душе тепло и сладко. Снова светофор. Саша, обхватив мой затылок пальцами, тянет меня к себе и целует, впиваясь жадно сладкими губами.

— Сашка, зелёный... — я пальцем показываю на светофор.

Мгновенье — и мы трогаемся с места.

Мне мало этого поцелуя — хочу ещё и ёрзаю на сиденье — меня одолевает прилив эндорфинов.

Саша сворачивает куда-то: я туманно вижу остановку, за ней лесополосу.

— Я не выдержу больше, — хрипит мой мужчина. — Иди ко мне, солнце!

Саша отъезжает дальше от руля на сиденье, освобождая пространство, и тянет меня к себе, потом снова возвращает своё кресло на прежнее место и снова хрипит:

— Нет, лучше назад.

Я всё поняла: он хочет меня здесь, в машине, и я тоже хочу — низ живота уже стянут, и меня нужно срочно заполнить Сашей. В меня словно чёрт вселился. Мы оборачиваемся друг к другу — было б можно, мы взглядом съели друг друга. Окинув меня затуманенным страстью взором, надолго зависая в районе груди распахнутого настежь пальто, он хрипит:

— Что на тебе? Юбка!

Его низкий голос с лёгкой сексуальной хрипотцой вызвал дрожь во всём теле.

— На мне-то юбка, а на тебе штаны!

Мы, как два самых похотливых существа, впиваемся друг в друга пальцами, губами, ртом...Ммм, сладко, пошло, но одновременно сладко. Язык Саши выделяет что-то невообразимое, отчего у меня перехватывает дыхание и выступают слёзы, а я не пытаюсь скрыть громкие стоны.

Голова кружится от поцелуев, от плотоядия.

Сашка в мгновенье перебирается на заднее сидение, спускает брюки вместе с бельём, а во взгляде похоть и непреодолимое желание. Он тянет меня за собой: на заднее сидение и в омут вождления и страсти.

— Саша, ох, — передо мной во всей красе его «младшенький». Я облизываю пересохшие губы, впиваясь взглядом в демона-искусителя: он мой, я хочу его, хочу и точка. Меня бьёт крупная дрожь, у Саши сбивается дыхание.

К чёрту всё, хочу его! Прямо сейчас. Не даст — возьму силой! Мокрые трусики холодят кожу, заглушая жар под ними.

Обдавая мужчину горящим взглядом, получая в ответ столько же жара, беру в руки член и забываю — где я, что со мной происходит. Мир сужается до одного предмета. Это было самое вкусное лакомство. Я лижу его, посасываю, проходя пальцами вверх-вниз. Самый вкусный из мужчин постанывает, закрывает глаза, доходит до рычания:

— Натка, что же ты со мной делаешь!?

Всё его состояние было у меня как на ладони: он страдал, умолял, наслаждался, требовал, его глаза то горели лихорадочным светом, то становились мутными омутами, в которых тонуло сознание.

— Глубже, Наташа, — хрипел мой вкусный мужчина.

Я обводила языком головку, сосала быстрее, нежнее, глубже. Я хотела съесть его, но Саша, не выдержав сладкого обладания, подтянул меня под подмышки вверх, стянул вниз мои колготки, отодвинул в сторону мои трусики, и я потерялась в реальности: его каменный член пронзил меня до крика наслаждения.

— Мокрая! Моя! Моя девочка!

Его слова, как в тумане. Его язык во рту вытворяет кульбиты, отдаёт мне свой язык, наши языки сплетаются. Одной рукой Саша придерживает мой затылок, другой помогает мне насаживаться, удерживая меня за бедро и направляя движения. Я уже растворяюсь в наступающем наслаждении, сладкие судороги скручивают моё тело, внутри меня член растёт, дрожит, пульсирует, заполняя меня спермой. Саша стонет, его рычащий голос где-то там, в ласковом тумане.

— У меня есть салфетки, — только это, на большее не хватает сил ни у него, ни у меня.

Очень трудно возвращаться в реальность, когда рядом мужчина, которого боготворишь. Но надо...

— Лучше скажи, куда мы едем? — я снова спрашиваю, когда Саша вырубивает на асфальт, весело подмигивая мне. Весело ему! А я, испытав блаженство от нашей близости, отвечаю счастливой, довольной улыбкой.

Хитрая улыбка не сходила с его губ — он окончательно меня заинтриговал.

— Идём? — сказал он и коснулся губ осторожным лёгким поцелуем, когда мы приехали к какому-то дому, одной рукой держа пакеты с едой, а другой обнимая меня за плечи, приглашая в подъезд.

— Кто здесь живёт? К кому мы приехали, Саш? Они ждут нас? — я оставалась в недоумении.

Саша же продолжал хитро улыбаться:

— Ждут, ждут, пошли!

В лифте он нажал на цифру пятнадцать.

— Саш, к кому мы приехали? Что за тайна? — допытывалась я, но хитрец только улыбался и привлёк меня к себе, целуя в лоб.

— Заходи, добро пожаловать домой, Наташенька! — его улыбка стала ещё шире, когда Саша сам открыл дверь квартиры напротив лифта.

— Ничего не понимаю, Волков, объясни же, не мучай! — я вошла в чужую квартиру, а Саша сказал — домой. — Пока не объяснишь, я дальше не двинусь!

Глава 10.1

Я осматриваю просторную прихожую: зеркальный шкаф-купе, встроенные светильники, искусственная зелень.

— Мы дома, Нат, это наша квартира! — повторил Саша, крепко обнимая, целуя лицо и губы. — С днём рождения, родная, а это наш тебе подарок — надеюсь, понравится.

— Не понимаю, Саша!

Саша наконец-то перестаёт меня целовать, но из объятий не отпускает. Да мне особо и не хотелось. В подарок квартира... Меня сильно смущает цена подарка. Я не привыкла пользоваться чужой добротой. И горький опыт предыдущего переселения до сих пор отзывается неприятным жжением и спазмом в горле.

— Саш... а может, мы останемся в той, в моей? — я шагаю пальцами по груди мужчины, раздумывая над их решением квартирного вопроса.

— Ты же не хочешь жить в моём доме? И я согласен... Но твоя квартирка слишком мала, отец прав.

— Отец? — вопрошаю я — я заинтригована..

— Да, и отец, и я, и ты, надеюсь, тоже, — Саша нежно гладит меня по волосам, прижимая мою голову к своей груди. — Нат, мы с отцом решили обменяться: он будет жить в доме, а мы здесь. Здесь уютно, тебе понравится!

А я смотрю на Сашу и думаю: мне будет уютно там, где есть он. Может, я тороплюсь, но Сашка для меня самый родной, понятный и близкий. Красивый, притягательный, как солнечное тепло. Рядом с ним всегда именно так: тепло, хорошо и безопасно.

— Ты поблагодарил его за это решение? — целуя в губы любимого мужчину, прошептала я.

— Конечно! Ты потом рассмотришь квартиру, а пока... давай всё же отметим по-настоящему твой маленький юбилей, но только вдвоём, гостей я не звал. Мне не хочется сегодня шума: счастье любит тишину... День без тебя был ужасно длинным, а ночь коротка. Давай выпьем вина, и... — коротко сказал мужчина, но его обволакивающий голос, переполненный мягкой уверенностью и здоровым убеждением, говорил больше, чем слова.

Но Сашиним планам пока не суждено сбыться — в дверь позвонили, и на пороге... О. Господи, чем же их угощать: Марат с девушкой, дядя Коля и полковник Самсонов...

Я в замешательстве и Саша, кажется, тоже.

— Хеппи бёзде, Наташа! — Марат уже тянется ко мне с поцелуем в щёку. — Хотели зажать такое событияи?

Марат в своём репертуаре: с ним всегда весело, он всегда душа компании. Может, поэтому он так часто меняет девушек. Слава Богу, что Саша в этом смысле от него отличается. На этот раз Марат выбрал девушку намного моложе себя. Мне кажется она совершенно юной. Интересно, сколько ей лет? Стройная, изящная, как статуэтка балерины, с непринуждённой грацией. Большой, пухлый рот, испуганные глаза оленёнка Бемби делали её похожей на ребёнка. Каштановые волосы, достигающие до плеч, глаза серого цвета...но, как она облизывает пухлые губки, её многообещающий взгляд... блин. Почему меня это злит? Интересно, западёт ли на неё Сашка?

Я отгоняю от себя эту мысль, тем более подходит Степаныч.

Дядя Коля тоже меня смущённо поздравляет с праздником, он всегда смущается, а

сейчас особенно. «Как тебе тут?» — он шепчет мне на ухо, будто чувствуя, что я здесь не в своей тарелке. А потом вслух: — С днём рождения, дочка.

Я целую его в щёку, принимая поздравление, вытирая свои слёзы о его уже немолодую кожу щеки.

— Ну, ну, сегодня ты должна веселиться, дочка.

Он и раньше меня так иногда называл, но сегодня это слово звучит как-то особенно трогательно.

Саша, увлечённый гостями, не замечает этой сцены между мной и дядей Колей. Гостями или гостьей? А я прижимаюсь щекой к простой клетчатой рубашке Степаныча, умиротворённо шепчу только для своего дорогого...крёстного. О, господи, он же меня крестил! Вот неблагодарная!

— Спасибо, тебе, крёстный!

— Ну, вот, вспомнила, наконец! Саш, а я ведь вам обоим крёстный!

— Как это? — я недоумённо вздёргиваюсь, бросаю взгляд на Сашу, который о чём-то спорит с Маратом, подспудно надеясь поймать Сашку с поличным. Неужели я такая ревнивая?

— Было дело! — Саша виновато, но весело вспоминает случай: Марат, помнишь, я тогда провалился в прорубь? Мы тогда на спор с пацанами решили перепрыгивать проруби, Мар, ну, ты же должен помнить!

— Да помню я, как Степаныч тебя сначала вытянул на половину, а потом макнул ещё раз! А как потом он тебе вломил тогда, ты тоже помнишь?

Мужчины смеются над прошлым, а мне становится жаль, что я этих двух дерзких, весёлых парней тогда не знала, не участвовала в их проказах, в детских шалостях. Мама вечно была занята на работе, а бабушка меня всегда ограждала от детей во дворе. Мне тогда было непонятно, теперь-то я знаю: так женщина оберегала меня, но тогда мне не хватало детских забав. У нас всё всегда было по-взрослому.

Саша почему-то хмурится и смотрит на полковника. Возможно, тоже о чём-то вспомнил. Полковник тоже слегка нахмурен, он не подошёл ко мне и не поздравил. Он в нашей компании смотрится, как генерал на свадьбе: по принуждению, но не по воле чувств. Когда он вошёл и поздоровался, то сразу сел в кресло на кухне и оттуда обозревал, словно с пьедестала. Я не обиделась, но мне вдруг стало как-то не по себе. Настроение спас дядя Коля.

— Марат, — дядя Коля переключается на Мара, — у тебя новая девушка или мне кажется? Познакомь нас!

— Знакомьтесь, это Лариса! Лар, это Наташа, Николай Степанович, а Сашку ты знаешь.

Дядя Коля, а потом и Сашка, заражённый смехом Степаныча, начинают хохотать, да не просто, а до слёз! Полковник даже не улыбнулся. Заметил ли это Саша?

— Ну, чо вы ржёте!?! — Марата не смутить ничем, — ну, да, Лариса! Что делать, если мне это имя нравится!

Марат приобнял девушку за плечи, я думаю, ей сейчас это очень нужно было: ещё минута и она расплачется.

Я решаю: надо спасти девушку.

— Лариса, вы мне поможете накрыть стол?

— Конечно, — взор девушки просветляется. — У меня для вас есть подарок. Вот! Я сама испекла для вас пирог! Нравится?

Она раскрывает коробку с пирогом и сражает всех шедевром кулинарии. Мужчины любят желудком! Молодец, Бемби. Отличный приём захомутать Мара! И всё равно мне её жалко. Может быть, я дура, и после Мара она перекинется на Сашку, (я это чувствую своей пятой точкой), но такие глаза... почему-то от неё я жду подвоха.

Но ужин проходит мирно. Закуски и вина хватило всем — в конце концов, это не свадьба.

Как только все сели за стол, Бемби, ох, нет, Лариса, поддёргивает юбку повыше, вроде бы ей неудобно сесть, но тем самым обнажает стройные бёдра, вызывая на себя улыбочивые взгляды мужчин (даже полковник улыбнулся). А Сашка? Боковым зрением, я в роли исследователя, наблюдаю его реакцию, пережёвывая салат из морепродуктов. Саша яростно режет отбивную из курицы. Задело? А я инстинктивно одёргиваю юбку ниже. То, что у меня выше колен, увидит только один мужчина, а не четверо! Вот! Сашка и это заметил и ухмыльнулся довольный собой.

— Как вам мой пирог? Оцените, Наташа! — щебечет Лариса.

— Очень вкусно, спасибо, пирог пришёлся очень кстати — мы не ждали гостей, да и такую вкуснятину я не умею готовить!

Надо же похвалить девочку, пусть она и Бемби.

— Тебе и не надо! — вставляет свои пять копеек Сашка. — Кто-то умеет готовить, а кто-то лечит людей. И я уверен, Нат, что ты осилишь приготовление такого пирога. Я могу тебе даже помочь!

Вот как! Раздражён милый!

От выпитого вина девочка совсем захмелела: она раскраснелась, расстегнула лишние пуговицы. Марату это не понравилось, по глазам видно, однако молчит, замечаний не делает.

Мужчины и вовсе заняты едой и разговорами. Степаныч сыплет анекдотами из армейской жизни.

— Что всё про армию, расскажите что-то другое, — прощebetала Лариса. Никто из присутствующих не обратил внимания на её реплику. Но разговор перешёл на погоду, на фамилии гонщиков, пока Степаныч и полковник не засобирались уходить.

Разошлись уже поздно. Полковник, молчавший весь вечер, как будто вести беседу с людьми не его уровня, будто это ниже его достоинства, всё же спросил у Саши:

— Как тебе квартира?

Сашка, не глядя ему прямо в глаза, бросил:

— Нормально, и спасибо.

Неподдельной искренности, теплых рукопожатий, родственных чувств по-прежнему не было. Самсонов, пробормотав «до свидание, спокойной ночи всем», вышел из квартиры первым, а я подумала: может, он жалеет об обмене? Но как только я попадаю в объятия Саши, эта мысль тут же улетучивается.

Мы вдвоём убираем кухню: Саша молча моет посуду, я вытираю тарелки, но он вдруг не выдерживает:

— Эта Бемби ещё покажет Марату!

Я хихикаю: он угадал мои мысли?

— Нат, ну, правда, что он в ней нашёл?

— Ты злишься, что она на него запала, а не на тебя?

А что мне ещё было сказать?

— Нат, я патологически брезглив! Поэтому женщины, которые только что слезли с чужого хрена, меня не интересуют! — отвечает намеренно грубо, ясно давая понять своё отношение к ней, продолжая перебивать тарелки.

— Она довольно-таки красивая, каштановые волосы, пухленькие губы, — меня понесло.

— Да, и когда она их сложит вместе, то нетрудно прочитать: «Ну, трахни меня или дай отсосать!»

— Ты не справедлив, милый! — меня смешит его последняя фраза. Я, отложив полотенце, обнимаю Сашу за талию сзади, прижимаясь щекой к тёплой и надёжной спине. — Ты же ел её пирог! А теперь ругаешь.

Саша, не отпуская моих рук, поворачивается ко мне:

— Нат, да я не на неё злюсь, хотя и на неё тоже. Марат! Он на те же грабли наступил. Эта Лариса — копия той, первой. Но ты знаешь, как они расстались. Ой, ладно, пусть сам разбирается! — Саша сокрушённо машет рукой и отправляет меня в душ, сам до конца убирает посуду. — Пстой, Нат! — останавливает меня на полдороги, кладёт мне ладони на плечи, губами прижимаясь к моему лбу, — а ты всё-таки красивее!

Ну, как его ревновать!

Глава 10.2

Слова... Слова — это хорошо, но часто достаточно лишь пристального взгляда любимых глаз, лёгкого прикосновения, тёплого, умиротворяющего дыхания рядом... Но чтобы только знать, что он любит, и ты для него единственная, что никакой другой женский образ не посещает его, когда он рядом с тобой... А слова... это всего лишь жалкая оболочка...

Саша мне сказал: «Ты всё таки красивее». А мог бы по-другому выразить свою мысль, например: «Ты красивее всех». А мог бы совсем ничего не говорить. Женщина любит ушами. Но это ни разу не про меня. И не про него тоже. Мы редко говорим о любви, но и я, и он твёрдо знаем, что он для меня, а я для него — воздух, второе дыхание, второе сердце, нет, половина одного целого. Одна любовь на двоих, одна боль на двоих, страсть, разделённая поровну.

Тёплая вода душа льётся на моё тело, на мои волосы, на ноги, на плечи так же, как льются мои мысли. Тёплая вода согревает тело, мысли о любимом греют душу. Налила на ладонку гель... Ууу! Мужской аромат. Жидкое мыло пахло цветами — его и возьму. Гель оставлю Саше.

В белой и уютной ванной есть всё необходимое, чтобы помыться и согреться. Белый халат, белые полотенца — то, что надо.

Одним полотенцем подсушила волосы, вторым обернулась под подмышками, выхожу из ванной, а в квартире мёртвая тишина. Саша, опершись о подоконник на кухне, не то о чём-то думает, не то смотрит в своё отражение в окне. Каким словом остановить поток его мыслей? Он так далеко отсюда, так глубоко в себе, что не слышит звук закрывающейся двери, не оборачивается, не чувствует моего приближения. С ним раньше такого не было ни разу: едва меня увидев, он сразу улыбается, а сейчас стоит и мрачно не то думает, не то смотрит на ночную улицу. Я знаю, его беспокоит, бесит, мучит поведение отца. Что сказать? Как привлечь его внимание? Какое слово подобрать? Мужчины — они на самом деле такие чувствительные. Ранимые. Это мы, женщины, можем позволить себе рыдать в три ручья, оплакивая и настоящее, и надуманное горе. Они молчат. Держат в себе.

Его сейчас лучше не трогать — он должен сам в себе разобраться, нужно ли ему, чтобы отец вторгнулся в его жизнь, на его территорию.

Двадцать с лишним лет полковник не мог найти с сыном контакт. А теперь на что он надеется? И эта квартира — это откупление вины перед сыном? Слова «откупление» нет, есть «искупление», но слово очень подходит к «подарку». Подарку, который ждал Сашу двадцать с лишним лет?

— Саш, я освободила ванную, извини, что долго, — в мёртвой тишине квартиры мой голос как инородный звук.

— Да? Хорошо, я сейчас, ты иди, ложись, я недолго, — и всё, ни поцелуя, ни прикосновения, обошёл меня, глядя в пол, и скрылся за дверью.

Что значат эти слова? Да ничего! Мне не нужны слова пустые, ничего не значащие, мне нужно чувство, а если его нет, то и слова не помогут, они — пустая оболочка. Да есть, чувства, есть! Но они скрываются под огромным слоем обиды, боли непонимания.

Я иду в чужую спальню, сажусь на чужую кровать, она конечно, больше и мягче, но... Если бы Саша не вышел из ванной в полотенце на бёдрах — он там недолго пробыл — я бы наверное, оделась и ушла: настолько сильно на меня давили стены чужой для меня

квартиры!

Он заполнил собой всё пространство и принёс запах свежести душа, его волосы, немного растрёпанные, слегка поблёскивали влажностью, на шею падали капли воды.

— Саш, что случилось, почему ты такой мрачный?

— Нат, мне здесь не нравится, меня гнетут мысли.

— И мне.

— На меня стены давят.

— И на меня тоже. Саш, поедem домой?

— Нат, у нас волосы мокрые. Давай утром.

Я стянула с себя полотенце, обнажённую грудь скрывает только полумрак спальни, промокнула краешком капли, упавшие на шею, собрала влагу с кончиков его волос. Сглатывая возникший в горле ком, Саша поправил белоснежное полотенце, закреплённое на его бёдрах, горячим дыханием с чуть уловимым стоном он сокрушил все мои мысли, когда выдохнул:

— Ты мой воздух, Наташка!

После этого признания я ещё острее понимаю, насколько этот мужественный, сильный и красивый мужчина нуждается во мне, в моём тепле, в моём участии.

Капельки воды ещё сверкали в полутьме на его прекрасном теле, заставляя меня забыть, зачем у меня есть лёгкие, забыть печали и муки, забыть, где мы с ним находимся.

Я рывком отбросила полотенце, и волосы упали мне на плечи, холодя спину и плечи.

Саша лишь минуту медлил, жадно оглядывая меня и от восхищения покачивая головой.

И вот он, мой любимый мужчина! Я вдыхаю аромат его тела — его запах трудно словами выразить.

Его тёплая ладонь медленно скользит к затылку, сжимает в кулак волосы, да так, что кожу будто обжигает, а меня настигает дикая, страстная эйфория, а карие глаза не отпускают мой взгляд ни на минуту, они — магнит. Саша ищет в моих глазах любовь, надежду на моё понимание. Я могла бы сказать, прошептать, проговорить: «Я понимаю, Сашенька! Как никто понимаю твоё состояние!» Но зачем слова, когда есть чувства!

Я медленно провожу руками по его груди, прессу, любуюсь им всем, его уже эрегирующим членом. Но Саша жарко обнимает меня, жадно, сплющивая мои губы, целует мой рот, проникает вглубь языком, заставляет меня стонать и прижиматься крепче. Он жадно целует меня, облизывая всю, каждый мой миллиметр, мне мало поцелуев, хочу, чтобы он всю меня облизал, вылизал, откусил, пожевал, испробовал на вкус. Я направляю его губы, погружив пальцы в его волосы, на шею, на грудь, на живот, на пах и ниже. Его руки везде, их с нетерпением ждут мои груди, обе. Он терзает их губами, руками, пальцами, перекатывая соски-горошины, прищипывает слегка, вырывая мои стоны, крики, всхлипы. Я кусаю его плечо, какая-то необузданная первобытная дикость берёт во мне верх, я снова прикусываю его кожу, потом вылизываю, как животное, зализывает рану.

Я царапаю ему спину, всё сильнее прижимаюсь, когда его пальцы в моём влагище, на моих складочках, на клиторе, меня уже всю трясёт от того, что у меня там много эрогенных точек, он все их знает и теперь творит чудеса, от которых я кричу, выгибаюсь. Его шершавые подушечки пальцев обводят клитор, ласкают, сжимают его, перекатывая, а у меня трясутся ноги, хочу сделать движение, но Саша сильнее стискивает мои бедра. Оргазм накатил на меня, как девятый вал. Нет, пожалуй, десятый. Я в оцепенении, в блаженстве, в отрешении от целого мира.

А губы! Его губы теперь мои! Они мне принадлежат, я засасываю их обе всем ртом, потому что мне их всё равно мало, потому что они горячие, сексуальные, притягательные.

Он берет меня так, как ему в данный момент нужно. Страстно, грубо с каким-то диким голодом. А я отдаюсь ему, позволяя делать со мной все, что хочет. Сильно сдавливая, не позволяя глотнуть воздуха, вынуждая дышать только им.

Он мой воздух.

Его губы дарят безумное наслаждение, граничащее со сладкой болью. Кажется, что мы делаем это в последний раз, и Саша это понимает. Он на секунду отрывается от моих губ и заглядывает мне в глаза, топя в бездне своих темных глаз, словно убеждая в чем-то, пытаюсь донести все глубоким взглядом.

Саша.

Хочу её, всю хочу! от макушки до пяточек! И к чёрту всё: и квартира, и полковник! Главным в моей жизни для меня теперь была лишь она, в её день рождения и всегда, каждую минуту.

Она — мой воздух, моё второе дыхание. Несколько минут назад я задыхался, стены давили на меня, но пришла Наташа — и стены раздвинулись, расширяя пространство.

Она, я и то, что происходит сейчас, в эту минуту. Главное — это безумие, этот взрыв в голове, мурашки по коже, дрожь по всему телу. В моих объятиях моя женщина, она останется моей, что бы ни случилось. Любимая, желанная, та, с которой я хочу засыпать и просыпаться каждый день, ощущая рядом её тепло. Она — моя богиня, русалка, вышедшая из пены с мокрыми волосами. Они ещё влажные и холодят кожу, разгорячённую от страсти.

Я наслаждаюсь её гибким телом, оно меня сводит с ума. Обхватываю руками — горячая... Вот бы всю её, всю обнять. Жаль, что рук не хватит. А так хочется сразу почувствовать её всю. Я ныряю пальцами туда, где горячо и мокро. Для меня! Наташа всхлипывает от неожиданности и, запрокинув голову мне на плечо, подаётся чуть назад, жадно насаживаясь на мои пальцы. Она хочет меня, точно хочет... И теперь уже всё по-настоящему: ярко, до сладкого озноба, скользит в горячую тесную малышку член, заполняя её до отказа, присваивая, обозначая моё право на неё. Тесно, жарко, сладко!

Она ёрзает мне в такт, прижимается к члену пахом, сжимает мои тугие ягодицы, зовёт к себе, пока я, захлёбываясь от желания, засасываю в рот её тугие груди, тереблю горошинки, ставшие камешками от желания, пока снова с глубоким стоном не вхожу во влагалище во всю длину обезумевшего от желания члена. Ритмично изгибаясь в пояснице, я продвигаюсь всё дальше, глубже в трепетное лоно.

И не было слаще для нас ничего в мире. Она с радостью принимает в себя мою плоть. Натка твердит: «Хочу! хочу!» Стонет, извивается, впиваясь ногтями в мою спину, но мне не больно, я забываю обо всём на свете, помню только её. От её стонов у меня мурашки по спине и кровь до головокружения резко отливает от головы... крепкая попка, осиная талия, прогиб в пояснице... Бля-я-ять... Голые ноги, с розовыми пяточками, распущенные волосы по спине...

Моя эрекция заполняла её всю, там... всю. Стеночки влагалища ощущали мою плоть как собственную, ладони порхающими движениями гладили спину, ягодицы, бедра желанного мужчины. Как охеренно думать, что я для неё — желанный. Наши губы, влажные от слюны, скользили друг об друга. Не было радости радостнее этой. Ничего и никого не существовало для нас в эти минуты счастья. Презерватив в сторону — на хер нужен, если она моя, а я её.

Я, не жалея себя, отдаюсь ей полностью, шепча: «Хочу, хочу! Возьми! Твой!» Каждое

движение отдаётся ещё большим, уже почти невыносимым возбуждением. А потом взрыв, и мы распадаемся на миллиарды искр, сплетаемся в узел, нас не оторвать друг от друга, послевкусие от оргазма вызывает судороги обоих тел. Пресыщенность от наслаждения поработает нас обоих. Презерватива нет, да что там... Здравого смысла нет! Мне слишком хорошо, чтобы думать о правильных вещах.

Она прижимается лицом к моим мокрым волосам, она счастлива, и я счастлив. Я хочу, чтобы это чувство единения и родства никогда не заканчивалось. Собрав последние силы, сжал её в своих объятиях: не отпущу, не отдам, загрызу любого...

Неужели это я и я способен так любить? Да! Она моя половинка! Нам охренительно прекрасно!

Наташа улыбается, она в моих объятиях, дышит в грудь мне. Её распущенные длинные темные локоны спадают на плечи ещё влажными завитками. Лицо хоть и уставшее, но все же не лишено природной красоты. Приподнятая грудь вздымается, Натка ещё не отдышалась, мы дышим в унисон, одним воздухом.

Несколько минут покоя ей не помешает. Примостила ладошку у меня на груди, подложив под щёчку. Сопит? Соня! Моя соня уснула, буду спать и я: «На новом месте приснись невеста жениху». Очень интересно, кто приснится: гадать не надо, моя невеста сладко спит у меня на груди, а мне уже не кажется эта квартира чужой и холодной.

Проснувшись утром, я всё же понял народную мудрость, что утро мудренее вечера, и сегодня не так уже болит сердце.

— Не грусти, Сань, — бормочу я себе, — вся жизнь впереди! Но только с ней, с Наткой, другой мне не надо! Что она со мной сотворила? Своей любовью и страстью Наташа вылепила другого Сашку или сделала лучше того, прежнего.

— Доброе утро, Птаха моя! — прошептал я, когда Наташа открыла глаза. — Выспалась? Мы уезжаем или остаёмся?

— Доброе утро, милый! — от её взгляда, лучившегося любовью, на душе и светло, и покойно. — Саша, я думаю, нам нужно остаться, твоему отцу надо дать ещё один шанс.

Соглашаюсь: ещё один, но последний.

назад и в мыслях такого бы не допустил, сейчас же мне очень хочется оказаться рядом с ней и внушить веру, что так всегда будет: сегодня, завтра — всегда. Оказывается, я уже привык делить постель на двоих, не усну, если рядом не сопит Наташа, не закидывает на меня свою ножку, забыл, что такое самоудовлетворение — удовлетворения никакого, только больше злости. Мне теперь элементарно необходимо обнять Наташу, вдохнуть её запах, запустить пальцы в волосы, в конце концов, просто посидеть вместе на кухне, послушать её рассказы о больных, об их историях жизни: они у всех разные, за всех моя Натка переживает. Я не могу смотреть спокойно на её переживания о чужих, по сути, людях.

— Наташенька, что грустишь? — сегодня вечером Натка особенно грустная.

— Саш, я не знаю, как помочь Марии Васильевне Кузнецовой. Понимаешь, её сын не пускает мать в её собственную квартиру. Её завтра надо выписывать, а ей некуда идти.

— Как не пускает? А кто хозяин квартиры?

— Она хозяйка. Но сын — алкоголик, привёл в дом какую-то женщину, довёл мать до гипертонического криза. Пока мать лежала в больнице, он выкинул все её вещи, соседка собрала, у себя хранит.

Моя родная чуть не плачет.

— Завтра разберёмся и сыном, и с матерью. Надо найти участкового, чтобы вправил

мозги этому придурку. В крайнем случае, выселят. Успокойся, родная. Я сам найду участкового.

— Правда? Поможешь?

Чтобы следующим вечером глаза любимой не наполнялись грустью, я нашёл участкового(адрес взял в больнице), выселили ублюдка — к той самой женщине ушёл. Надолго ли... посмотрим. По крайней мере бабуле Кузнецовой есть куда возвращаться.

Последние слова ему от меня он, по-моему, запомнил, потому что струсил:

— Обидишь мать ещё раз — получишь срок, участковый проследит.

Наташа.

Мягкими крупными хлопьями падал снег. Тяжелые облака затянули небо, закрывая собой луну и звезды. На улице стояла непроглядная тьма.

Хрупкая девушка, шла по ледяной заснеженной равнине след вслед за молодым мужчиной. Его ноги утопали в снегу. Но он не сдавался. Он проторял дорогу для девушки, которая шла после него, надеялся, что так ей будет идти легче.

Но снега было столько много, а идти приходилось так далеко, что девушка выбивалась из сил.

Она падала, поднималась, шла снова, а конца этому пути не было.

— Где мы идём, почему в некоторых местах просматривается лёд? — через силу, выпуская пар изо рта, спрашивает девушка у мужчины. Он красив, силён, высок, строен, черноволос.

— Когда-то... — он делает шаг и останавливается, чтобы подождать девушку и хоть немного отдышаться, — здесь какое-то начальство от переизбытка ума приказало построить искусственное море. Представляешь, сколько здесь народа утонуло? Сейчас оно постепенно мелеет, некоторые места заросли камышами, поэтому в сильные морозы покрывается льдом. Осторожнее, иди вслед за мной, лёд не везде крепок, можно провалиться.

Девушка выслушала и подумала: «Искусственное море — создано рукотворно, оно затапливает города, сёла, оно из слёз людей. Кто остановит реки людских слёз? Кто? Ведь должен же быть хоть один человек на земле, кто хотя бы попытается остановить поток горьких людских слёз? Как его найти? Где отыскать? А может, не надо искать, а самой попытаться?»

Мужчина и девушка начинают движение вновь. Она никак не может отделаться от мыслей об искусственном море.

Действительно, не везде на поверхности озера девушка видит снег. Кое-где оно было затянуто тонким прозрачным слоем льда, как стеклом из горного хрусталя, под которым застыли лазурные воды, манящие, затягивающие в свою глубину. И где-то вдали посередине всего этого великолепия виднелась мужская фигура, больше похожая на призрака, чем на человека. Ноги девушки сами ступили на хрупкую поверхность и пошли, она побежали туда — к нему, потом почему-то вернулась и встала, о чём-то задумавшись. Она знала, что это он. Она почувствовала приближение беды, исходящее от этого призрака.

Потом вдруг девушка проваливается под лёд, и теперь сквозь прозрачную толщу льда она пытается кричать, она снова зовёт... Сашу! Неумолимый леденящий холод пронизывает тело девушки, и она не может пошевелиться. Мужчина, сидя на корточках, пытается кулаками разбить эту толщу, он стучит, стучит, он в панике, под рукой нет ничего, чем можно было бы разбить лёд, от его ударов по льду замысловатыми линиями разбегаются трещины, превращаясь в паутину...

— Саша! помоги мне!

Я просыпаюсь далеко за полночь

— Опять забыла ночник включить, — шепчу я, чтобы не разбудить Сашу, очнувшись в холодном липком поту. Меня трясёт, теперь я слышу свой голос и начинаю чувствовать что-то тёплое, почти горячее — потом понимаю: тело! Плечи! Шея! Саша!

— Наташа, это я его включил. Ты кричала во сне. Это сон, а я, вот он — рядом!

— Мужчина-призрак! Кто он?

— Нет никого! А ты дома, и я с тобой!

— Опять тот же сон...Ммм, голова, как чугунная. А в этой квартире холодно, зря мы сюда вернулись.

Начинается утро последнего дня ноября, светает, но меня не отпускает мучительное ломящее предчувствие надвигающейся беды.

Этот сон меня совсем обескураживает.

— Наташа, — дядя Коля, немного смущаясь, и как-то вдруг таинственно, проговорил в трубку, — тебя Сашкин отец хочет видеть. Говорит, что есть разговор.

— Пусть приходит, мы живём в его квартире, ему рады всегда, я пока на приёме, скоро освобожусь.

— Нет, разговор касается только тебя.

— И что он мне хочет сказать?

— Сама узнаешь, приезжай в перерыв ко мне.

— У меня не будет перерыва, я часа через два заканчиваю приём и приеду.

Эти оставшиеся два часа никак не проходили. А больные всё шли и шли, все в основном с травмами от падения. На улицах было скользко, а хозяйственники, как всегда, не суетились. Хирургия временно превратилась в травматологию. Да чтоб вас!

Часть 2. Глава 11.1

Саша

— Наташа, Наташенька, солнце, я дома! Прости, что задержался, ты нормально добралась? Я, вообще-то, приезжал, опоздал всего на минут пять, но ты уже уехала... Нат, а ты где?...

Не снимая обуви, иду на кухню и кладу букет из алых роз на стол. А где коробочка? В очередной раз любуюсь кольцом, представляя, как оно будет смотреться на пальчике у Наташи: из белого золото с тремя небольшими бриллиантиками — скромно, но очень красиво. Надеюсь, ей понравится. Кольцо уже несколько дней ждало Наташу, а сегодня я окончательно решил: хватит ждать, пора закрепить наши отношения — хочу семью, настоящую, со штампом в паспорте, хочу видеть Наташу невестой, женой, матерью наших детей, сделать для неё всё возможное и невозможное. Но это я хочу, а что скажет Наташа, но я уверен, что она не откажет. Меня вообще удивляло, как ей мало надо от меня, женщины в первую очередь зовут в Загс, предъявляя права на мужчину, на его будущее. А моей Наталье от меня, кажется, ничего не надо... Наадо! Мою любовь, мою нежность, привязанность она, по-моему, очень ценит.

Начинаю ей звонить, но тщетно: абонент не отвечает, оставьте голосовое сообщение.

Какое, на хрен, сообщение, она же не на Луну улетела. Снова звоню в больницу: ушла час назад, заходила за сумкой, потом попрощалась, сказала: до завтра.

У меня начинается мандраж.

— Степаныч, привет, Наташа не заходила? Вот сейчас её нет у тебя? А в её квартире? Посмотри, это же не трудно! Что говоришь? Была и уехала? Зачем приезжала? Проведать? Хм... И где же она теперь? Хорошо, подожду...

У Степаныча голос какой-то не такой. Тревожный что ли... Понятно. Ему Наташка как родная. И мне стала такой родной, что эти минуты ожидания для меня превращаются в вечность, в вечность страшного, изнуряющего, высасывающего кровь и мозги ожидания. Почему мне так тревожно?

Меряю квартиру шагами, подхожу к окну, прислушиваюсь к каждому звуку, но Наташа пока не появляется. Тревожно сосёт под ложечкой.

Проходит, час, два, три...

Сердце почувствовало неминуемую беду. От безвыходности — голова кругом.

Что-то где-то стукнуло. Бегу по коридору, даже не снимаю пальто с вешалки, выбегаю в подъезд, потом на улицу, с пятнадцатого этажа, перескакивая ступеньки, забывая о лифте, — никого, видно, показалось. На секунду меня охватывает ощущение приступа удушья, делаю осторожно вдох. Я ж мужик, млять, а веду себя как баба... женщина. Наташе не нравится слово «баба».

Какой-то чёрный джип трогается с места, я не успеваю до него добежать, не успеваю постучаться в окно, но он сам останавливается.

— Мужик, тебе чо надо? — какой-то амбал грозно надвигается на меня, а мне по хрен.

— У меня невеста домой не вернулась...

— Ты чо? Нет у меня твоей невесты, — он, похоже, проникся моей тревогой. — Не дрейфь, мужик, вернётся. Если любит — вернётся.

— Можно, я сам осмотрю машину? — сумасшествие...блин.

— Смотри!

Машина пустая.

— У тебя...движок постукивает... слышишь? — проговариваю на автомате. — Извини, брат, спасибо...

— Я и сам слышу, вот еду к Марату...

— И к Волкову... — я ощущаю себя сдувшимся шариком.

— Ну, да... так я поехал...

А меня снова одолевает чувство тревоги, которое увеличивается до геометрических размеров. Я обхватываю себя руками — холодно... снова потерянно смотрю на дорогу.

Вернувшись в квартиру, бесцельно брожу из комнаты в комнату, хватаю халатик Наташи, и...млять... Я плачу? Первый раз в жизни — последний раз плакал в детстве. Слезы текут по щекам, я вытираю их халатиком Натки — он ещё сохранил её запах.

В полиции отрезали: не родственник? однофамилец? заявление о пропаже подать не можете, и по правилам ждите трое суток, по моргам, больницам звонили?

Ё же мать! Как трое? Что я потом найду? Замороженное изуродованное тело? У вас же есть сводки по происшествиям, посмотрите!

Ухожу ни с чем... Уже взялся за ручку двери, дежурный кричит:

— Эй, мужчина, стой! Вернись! Ты Волков Александр? Гонщик? Дай автограф! А я состряпаю заявление, прости, не признал сразу. Но только ночь на дворе, приходи утром, поговоришь со следаком, расскажешь как, когда пропала твоя Наталья Волкова. Хорошо хоть фамилии одинаковые... Сразу не поймут, а потом дело никто прекращать не будет... Гражданский муж, говоришь? Фото давай.

Он говорит, пишет, опять задаёт вопрос.

Телефон Наташи не отвечал ни утром, ни в полдень, ни вечером.

Следак, уже пожилой мужик, задавал каверзные вопросы. Я отвечал на автомате:

— Нет, не поссорились, любовника нет, я её единственный мужчина, да, точно знаю. Точно! Мы любим друг друга, нет, не ревновал, потому что не к кому, работает врачом в больнице, государственной, нет, не частной. Родителей нет, сирота...

Не орал, хотя хотелось съездить в морду ленивому следаку. Сразу видно: до пенсии дорабатывает.

И тут меня клинит: родителей... Но пока эту мысль следователю не озвучиваю, зачем, пока надо позвонить полковнику и Степановичу. И Марат говорит: «Давно бы уже отца подключил, что топтаться на одном месте».

Работа не клеится.

Следак звонит:

— Звонков о выкупе не было?

— Какой выкуп? Она сирота! Я не бедный? Откуда им знать? Следили? Нет, она не говорила.

Меня клинит опять: а может, следили? Она не замечала? Иначе бы пожаловалась... Ещё этот сон... Мужчина — призрак... Меня снова убивают догадки...

Снова ночь на дворе. Первый день зимы, снега мало, а мороз хлещет немилосердно. В квартире снова тихо, тихо и тепло. Но меня трясёт от озноба. Я мужик, не могу справиться с нервным состоянием тревожного, безысходного ожидания. Беру подушку Натки в руки, вдыхаю её запах, запах Наташи и топлёного молока. Она моется гелем для душа с таким ароматом всегда одним и тем же. Он впитался в каждую её пору.

Закрываю глаза, хочу на время забыться, но в памяти всплывают яркие картинки: ветер треплет её волосы, она уворачивается от него, ладошкой поправляя выбившиеся пряди, поднимает руки, чтобы захватить волосы резинкой, оголяя плоский живот, блузка поднимается выше джинсов. Волосы не слушаются, Натка их снова собирает. Несколько капель дождя непонятно откуда взявшейся небольшой тучки попадают ей на лицо. Наташа бежит ко мне в беседку, а подхватываю её на лету....

Звонят! Рву с места:

— Наташа! А, это вы... В каком морге?... Понял... Подъеду...

Пожалуйста, подарите автору лайк, то есть, нажмите на слово «нравится», подарите несколько слов, очень хочется знать, что чувствуете вы, когда читаете строки моей книги. Ваше «спасибо» поднимет моё настроение. Тактичная, объективная критика приветствуется. Если вы зайдёте на мою страницу, то найдёте "отслеживать автора". Для меня это очень важно.

Глава 11.2

Оказывается, раньше про ужас я ничего не знал: сейчас же мне показалось, что меня окунули в кипяток, ошпарили и резко вытащили, но боль ещё не накрыла, а я в шоке.

К машине я не шёл — полз. К моргу не ехал — тащился...Следователь сообщил: найдено тело женщины, подходящее под описание...

Руль еле держу, руки трясёт мелкой противной дрожью...В глазах пелена...Сердце сжалось до боли, булжником давит в груди — теперь я осознаю, что такое — больно. В это мгновение я падаю в пропасть, стою на коленях перед судьбой и раболепно молю её о снисхождении.

— Ну, выдержишь? Женщины выдерживают... — следак смотрит на меня с сочувствием... — понимаю, молодая ещё...Заходи.

В холодном помещении морга — несколько трупов, чьи они — мне без разницы...Я закрываю глаза и открываю, пытаюсь унять режущую боль.

— Она?

Врач, патологоанатом, приоткрыл простыню, освобождая лицо убитой молодой девушки, чем-то похожей на Наташу.

— Нет, кажется, не она, — у меня ещё теплится надежда, что это тело не моей Наташи. — У неё родинка вот здесь, чуть выше плеча, с горошину. Есть?

— Нет, родинки не имеется. Значит, это не ваша пропажа. Ещё помнишь приметы?

— У неё глаза синие. Размер ноги — 37.

— Нет, у этой девушки — все 39. А глаза... кажется, карие.

— ФФууу, — я сползаю спиной по дверке соседнего холодильника, — Не она! Маникюр есть? У Наташи ногти короткие, им не разрешают, она хирург!

Вспоминаю ещё одну деталь, боюсь ошибиться, а вдруг это она, моя Натка.

— Уу, этой наращенные ногти, правда одного нет...Хирург, говоришь, молодая, наверное, я о такой не слышал. Посмотри ещё раз на внешность. Конечно, изуродована маленько...

— Нет, это не она, волосы крашенные. Наташа никогда не красилась.

НЕ ОНА!

Теперь я могу выдохнуть.

— А что с этой девушкой...?

— Парни из следственного рассказывали: возвращалась из клуба, выпила, её перехватили почти у её дома. Два ножевых — и девушки нет.

Я ещё больше убеждаюсь: это не Наташа. По клубам в одиночестве она не ходит, тем более алкоголь на дух не переносит.

Теперь мне верится больше, что я её найду, свою Птаху, птицу канарейку, какую угодно, но только чтоб улыбалась мне, дышала, касалась ладошками моего лица, целовала. Я бы отдал сейчас всё, чтобы почувствовать её тонкие руки у себя на груди, чтоб и мне посчастливилось подхватить её на руки, прижать к себе и не отпускать никогда, пусть даже гром гремит, пусть земля рушится.

Я помню, мне никогда не забыть каждый миг с ней рядом, каждый стон и смех её. Радость в глазах, её дрожь, когда мы сливались в один организм, доверяя друг другу самое ценное — любовь нашу.

Я совсем не верю судьбе. Эта тварь не раз меня бросала, разбивала в дребезги, потом снова собирала, чтобы ударить в тот самый момент, когда я меньше всего жду удара. Но я перед ней ни разу не встал на колени, и не потому что горд, а потому что упрям, потому что всегда буду идти до конца и если упаду, то буду ползти. Когда и ползти не смогу, то стану цепляться зубами, жрать землю, но дойду до своего грёбанного конца.

Договариваемся с Маратом встретиться в клубе.

— Марат, почему в клубе, мне сейчас точно до клубов...

Всё равно еду: хоть посмотреть, как развлекаются люди, хотя б на минуту отвлечься от гнетущих, съедающих душу мыслей.

Сидим с Маратом у барной стойки. Какая-то девица присаживается мне на колено. Ни хрена се...

— Тебе чего? Вина, водки, коньяк?

— Морозов, ты меня не узнал? Я же Ксюша! — щебечет уже пьяненькая шлюшка.

Марат заржал, а мне так стало противно от чужого прикосновения чужой пятой точки..

— Что ж вы, твари, трётесь по мужским коленка, а потом вас родители по моргам разыскивают...

Девица фыркнула, встала с моего колена и упорхнула.

— Марат, пошли отсюда, мне здесь ещё хуже. Что ж, поеду к полковнику... Хотя какую-то помощь попрошу — самому не найти, а следствие топчется на месте.

— Ты где? — утром, ещё одним утром без неё, уже хочется орать: «Где ты, Птахааа?», — звоню Самсонову.

Ответил сразу, будто ждал звонка, только непонятно, откуда знал, что я позвоню.

— Здраваться не приучен? — осаживает он меня. — Дома я, приболел... Приезжай.

Подъезжаю к своему бывшему дому, холодает. Уже сейчас чувствуется приближение зимы. Несколько маленьких пташек расселись у кромки льда и на кусте. Кучевые облака на небе сменила тусклая серая пленка. Тепла совсем уж не осталось. Снега мало, если и выпадет, то снежный покров неустойчивый, от чего и погода кажется особо холодной. Посохшую траву приминает мокрый снег. На воде образуется тоненький ледок. То дождь со снегом вихрем крутит, то просто мелкой изморосью непрерывно льет весь день, а то и солнце выглянет немного и тут же спрячется за линию дождя.

Я, кутаясь в куртку, вхожу в свой бывший дом без сожаления: он так и не стал для меня родным. Может, сказывается детдомовское детство, где всё общее, или общага института, после первого курса которого меня забрали в армию, в казарме тоже всё было общее.

Но самое главное — здесь нет Наташи.

Этот дом я купил — не строил.

— Ну, здравствуй, коли хочешь, — а у него Степаныч. Каким ветром? Адъютантом заделался что ли?

Тот не выдерживает, не здоровается в ответ, сразу с места в карьер:

— Натка не нашлась? Пропала! Третьи сутки пошли. Что говорят в полиции?

— Да что они скажут? — вместо меня отвечает полковник. Он в бешенстве. Нарезает шаги по кухне, где они недавно чаёвничали, блин. — Сбежала сучка...

— Чтоооо? Как ты её назвал? — кулаки сжались сами по себе. — Как ты назвал мою Наташу? Ох, не был бы ты моим отцом и был бы помоложе! Я всё понял: мне здесь делать нечего, пока... пол — ковник!

— Стоять! — орёт, срывая голос до кашля.

Пожалуйста, подарите автору лайк, то есть, нажмите на слово «нравится», подарите несколько слов, очень хочется знать, что чувствуете вы, когда читаете строки моей книги. Ваше «спасибо» поднимет моё настроение. Тактичная, объективная критика приветствуется.

Степанович.

— Я вот что думаю, товарищ полковник... А твой ли сын Сашка? М?

— Не знаю... Мой!.. — орёт, что ему несвойственно.

Его обычный тон — поставленный, командирский... Но мной-то много не покомандуешь — так «командану» — мало не покажется. Но я пока... пока сдерживаюсь: жду, когда он выскажется. По-моему, он на пределе, поэтому орёт и на Сашку, и на меня.

— Ни хрена не понял... Твой иль не твой?

— Мой, как оказалось... Этот... уб... поганец жизнь мою перевернул.

— А я, старый хрен, тебе поверил... Ну, поехал я....

— Пстой, капитан... ты же только приехал... пстой... — полковник всей ладонью трёт глаза, устало проводит по небритым щёкам. Я оборачиваюсь и жду, что он всё-таки хочет сказать, если скажет что-то дельное — послушаю, а если начнёт снова нести чепуху про Наташу — плюну ему в рожу, и пусть делает со мной, что заблагорассудится. Я больше не желаю быть для него посыльным и принеси-подай. И так уже терплю целую неделю его властный характер и на старости лет стал предателем Сашки и Наташи. Но другого выхода у меня не было: о пропавшей в тот же день Натке, о том, что по этому поводу думает Самсонов и его начальство, мне надо было узнавать из первых рук. Мне он всегда доверял, возмущался даже, как кадрового офицера погранвойск списали из-за придурка, который по морде получил. — Капитан... не горячись... Пойми, тогда невозможно было сделать тест на отцовство... Это сейчас... сдал, получил за неделю результат.

Я тогда не поверил Кате. Ревновал её ко всему, что движется. А тут замполит на неё глаз положил... Она даже уезжала, а приехала с животом... С животом! Пятый месяц беременности! Замполита к тому времени перевели, иначе бы мне точно сидеть... Её я не обижал... но и жить с ней по-прежнему у меня не получалось... пропадал на службе, а она дома одна, беременная, городок маленький, все про всех всё знают... Мне людям в глаза смотреть было стыдно, казалось: все жалели меня, но в глаза никто не скажет, что я рогоносец... А Катя стоит на своём: не изменяла, рядом не сидела! И ты знаешь, Николай, ни разу не заплакала при мне...

Я потому и опоздал везти её в роддом, что дома редко появлялся. Катя и перед смертью не сказала, чей сын Сашка, я думаю, потому что мстила за то, что я ей не верил. А сын-то оказался мой... Так как я сам себя наказал, никто наказать не сможет. И как мне жить с этим фактом, что я по своей воле отказался от сына. Я иногда забывался, думая, неважно, от кого Сашка, главное — он сын Кати, тогда и приезжал. Он так похож на Катю...

— Полковник, — перебиваю его, потому как слушать его исповедь мне противно. Противно! Млять! С огромным желанием сейчас дал бы ему в морду, чтоб этот урод захлебнулся своей же кровью! Он хочет пробить меня на жалость, получить оправдание, но оправдания ему я не нахожу. Но в руках всё-таки себя держу, только никому не понять, чего мне это стоило. — Послушай сюда, Александр Александрович, я не поп, чтобы мне исповедоваться, вот это всё теперь не имеет значения, сейчас важно то, что ты! зная! что Саша — твой сын, не захотел помочь им с Наташей! Ты, видно, задумал их разлучить? Так? Говори честно, чего уж теперь скрывать, коли Натка пропала.

И что же я услышал, старый дурак!

— Это не самое главное!

Я даже присвистнул! Кровь отливает, а потом снова, возвращаясь к вискам, пульсирует, нанося удар за ударом. Млять!

— Что может быть важнее человеческой жизни, полковник?!

— Тебе ли не знать, Николай! В любом деле возможны издержки...

Это что-то новое! Бл...! Моя Наташка — издержка! Я её пестовал с малых лет, крадучись, чтоб не дай Бог, не узнала Нина, дарил подарки, уговаривая Клавдию соврать, что мол денег подкопила и купила сама платья, сапожки, выл от горя, когда не стало Нины, по вечерам встречал Натку из школы, оберегал, как мог, даже от Сашки, пока они по случаю не встретились сами, а он — издержка!

В морду что ли дать? Вряд ли поможет! Я еле-еле овладеваю собой:

— Что же, по-твоему самое главное?

— Тебе этого не понять. Ты нашёл себе дело на пенсии. А я пока нет.

— Не понять, говоришь? Ну, всего тебе, а я пошёл — понимать! Сука ты, полковник. А Сашке о твоих проделках я расскажу, не сомневайся. Ты можешь закрыть мне рот, если только пристрелишь.

— Ты не посмеешь! Это гостайна! А ты — офицер!

— Посмею!!! Посмею, сволочь! С гостайной я распрощался давненько, и теперь я никто. Я даже не офицер запаса. Я пенсионер! Такие как ты меня в моё время лишили всего. Я тоже тогда в восемьдесят пятом стал издержкой. Меня выкинули, как собаку, на обочину, как ненужный хлам! И никто не стал разбираться, за что я съездил тому полкану по морде. Но я нашёл в себе силы не скурвиться, не жаловаться на жизнь. А я всю жизнь хотел носить погоны. Родине хотел служить, защищать пацанов, таких вот, как твой Сашка, от таких как ты, полковник. Чем для вас они были? Пушечным мясом, издержкой?

А потом одумался: защищать можно и на гражданке, только поэтому согласился работать завхозом в детдом. Всё, полковник, всего тебе...Больше не приезжай и не звони. Моя дверь для тебя закрыта.

— Заткнись, капитан! Я тебе душу открыл, а ты меня жизни учишь!

— А есть ли она у тебя душа-то, полковник?

Много лет назад.

— Катя, я хочу, чтобы ты взяла мою фамилию. Чем она тебе не нравится?

— Нравится, но... я бы хотела сохранить то небольшое, что мне осталось от родителей.

Ты же сам изучал дело об их гибели.

Родители Екатерины Волковой погибли по вине пьяного водителя Камаза, но почему-то странно было, что отец Кати умер не сразу — его добила монтировкой, которую обнаружили тут же.

Катю привезли в детский дом сразу же, потухшей, поникшей четырнадцатилетней девочкой.

Саша Самсонов, пятнадцатилетний юноша, высокий, уверенный в своей красоте, умный, порядочный, но одинокий и властный, сразу же взял её под опеку. Ему было годом больше, но школу она закончили одновременно.

Большие глаза Кати глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка шурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен. В восемнадцать она расцвела пуще прежнего. Девушка с ясным и искренним сердцем, у неё ни одно чувство не бывает вполнину. Вот почему, полюбив впервые, она не может этого скрыть и не знает, что же ей теперь делать.

Едва Кате исполнилось восемнадцать, Александр повёл её за руку в Загс. Быстрее окольцевать, присвоить, заявить на неё права. А ей, бедной, надо было бы бежать, не оборачиваясь, ни разу не оглянувшись, ни ещё учась в школе, ни когда ждала его по выходным из военного училища, ни когда уже молодая семья приехала к месту службы Александра Самсонова, лейтенанта. Александр Самсонов патологически ревнив — как не ревновать такую красавицу, и пусть у неё за плечами лишь техникум связи. Этого достаточно, чтобы её в военном городке, как жену офицера, удалось устроить в отделение связи.

Он не закатывал сцен ревности — он убивал её своим жутким и жёстким молчанием.

Катя, не выдержав прессинга мужа, спрашивала ангельским голосом, нежно целуя его:

— Саша, в чём я на этот раз провинилась?

Тогда его сердце оттаивало, но ненадолго.

Но когда Самсонов заметил, как на ЕГО Катю посматривает замполит, — крыша окончательно съехала. На празднике ко дню Защитника Отечества замполит Вербилов пригласил Катю на танец. Этот танец окончательно решил судьбу Кати потому только, что замполит непозволительно тесно прижимал Катю во время танца, а Катя непозволительно весело ему улыбалась.

Но Катя по-прежнему оставалась ласковой с мужем. А Самсонов упорно не верил в неповинность Кати. Одна и та же мысль не давала покоя:

«Его, а не меня она целовала, шептала ласковые слова в постели, ему а не мне готовила завтраки, идеально, как положено в армии, гладила брюки, рубашки». Кругом, куда бы Самсонов не посмотрел, он видел глаза Вербилова, мысленно раздевающие Катю, его рожу, нагло ухмыляющуюся при встрече.

Катя не выдержала ревности мужа. После очередной ссоры, когда он гневно выкрикнул: «Шлюха!», Катя уехала. Знала ли о беременности? Знала. Поделилась ли с мужем радостной

новостью? Нет... не получилось найти подходящего момента. Дальняя родственница, у которой два месяца гостила Катя, спросила:

— Муж пьёт?

— Нет, что вы!

— Гуляет?

— Нет, не знаю.

— Бьёт?

— Нет, ни разу.

— Что же тебе тогда надо? Ну, а ревнует — любит, значит.

Вернулась, терпела, не ради себя, ради ребёнка... Самсонов дома только ночевал, Катя только тогда вздохнула...

Полковник Самсонов.

— «Всего тебе»! — Самсонов мечется по дому Волкова, нигде не находя успокоения. — А что у меня есть? Не спросил? Я б ответил, хотя и было б больно: ни-че-го! Двухкомнатную квартиру кинули в зубы! Звезды не дали! НЕ угодил! Не заслужил! Не оправдал надежд! А что я мог сделать в той ситуации? Граф лёг на дно, ни один крот не смог проникнуть в его логово! Ни одного намёка, где его можно найти. В конторе твердили: пора на покой, выработался, освобождай место тому, кто помоложе. А дело Графа сдай в архив, если что выплывет, дадим знать. И надо же было тому случиться, чтобы тот самый замполит Вербилов, из-за которого вся наша жизнь сломалась, стал моим начальником! Такого даже в кино не покажут! Злая насмешка судьбы! Я подумал: может, мстит? Не похоже, его тогда вовремя перевели, а иначе... Вот тогда бы было за что мстить. О Кате никогда меня не спрашивал и о ребёнке тоже, вроде как их нет. Чёрт!

Чёрт! И зачем я ввязался в это дело? Знал ведь, что всё глухо, но моя проклятая гордыня, привычка доводить все дела до конца, обида, что рано выперли на пенсию, толкнули меня на этот шаг.

Самсонов ходит по дому, поочерёдно заглядывая в комнаты.

— Вот, даже у Сашки такой домище! Кризис, бл... Реформа... Столько всего произошло, а они уцепились за Графа! Да что там говорить, я сам за него уцепился — хотел звезду...

Он завидовал сыну. Его молодости, успешности, предприимчивости. Завидовал. В его, Самсонова, молодость все были другие, понятные, солдаты ходили по струнке, и он тоже ходил по струнке. Подъём, отбой. Всё по команде. Личного времени не было. Солдаты от казармы до столовой передвигались строем и с песней.

А этому поколению всё достаётся легче. Захотел — пошёл служить, не хочет — откосил.

Что за порядок? К старшим нет уважения (к нему, то есть). И эта, Бемби, кто её так назвал... Только за деньги! Но как отсасывает, какие сиськи! Чем он хуже Марата? Старше? Но умнее! Мудрее! Вот, от сына домище достался!

От сына! Не от отца к сыну, а от сына к отцу! Млять! Он молодой, но хоть чего-то добился в этой жизни... а я?

Самсонов подходит к столу в кабинете. На нём конверт. Полковник берёт его в руки, но снова кладёт обратно... Ему страшно... Полковник не был трусом, но то, что в том конверте 99, 9 — его убивает. Там 99,9, а он... предатель, трус, убийца. Ржавчина ревности разъела его сердце, но умер не он, а любимая женщина... по его вине. И сын... Много раз Самсонов воскрешал в памяти образ Кати.

Тогда в роддоме, когда он привёз её полугрупп, с едва различимым пульсом, в крови, он кричал:

— Спасите жену! Я знаю, в первую очередь спасают женщину!

Спустя час или больше из операционной вышла врач, и уже по её уставшим глазам, по её скорбному выражению лица Самсонов понял: Кати больше нет.

— Мы сделали всё возможное, но слишком поздно... Ребёнка спасти удалось, у вас сын, если хотите вас к нему пропустят.

Только первая часть фразы отложилась в его мозге, вторую он не смог воспринять чётко.

Его обезумевший от горя взгляд блуждал по облупившимся стенам больничного коридора, по давно не крашенным рамам окон, и в то время, когда женщина-врач ждала от него ответа, он вдруг произнёс безжизненным голосом:

— У вас везде такая разруха? И в операционной тоже? — тем самым обвинив врача.

— Ищи в себе разруху, парень! Где ты был, когда твоя жена истекала кровью? Знал ли ты, что она сама не смогла бы родить? Почему не привёз хотя бы за неделю? Твоей жене было показано кесарево, чего вы ждали? Чуда? Ягодичное предлежание плода не предполагает чуда.

Что он тогда смог бы ответить?

Что ревновал, не верил, что оставлял одну, что убивал безразличием в то время, когда Катя нуждалась в нём, как ни в ком больше?

Самсонов не смог рассказать, потому как не считал себя виноватым. В смерти Кати повинен только он, только что родившийся ребёнок. И конечно, врачи.

Тогда, в девяносто втором, в Таджикистане он ничего не боялся, но пули не искал, смерти не искал тоже, и она, падла косая, обходила его стороной. Добивала тупость начальства. Как везде. Как по пословице: «Ты — начальник, я — дурак.»

Но годы брали своё: стал осторожнее, хитрее, изворотливее. Как все.

Он сам стал начальником.

Но если 99,9 — то он правильно поступил, когда после рассказа Горного ухватился за последнюю ниточку, как подобраться к Графу и как оградить Сашку и его самого тоже от такого «родственника». Двух зайцев — одним выстрелом.

Наташа сначала ему очень понравилась: умная, красивая, с хорошей профессией, семейный врач — это же здорово!

Стал спрашивать о ней Степаныча, а тот, простая душа, всё ему выложил, негодуя на Сашку и защищая Наташу. Горный просил для Наташи защиты, а получил... штык-нож в спину. Ну, что ж, издержки! Они есть везде! Война сделала Самсонова совсем другим человеком, там он огрубел, очерствел, оскотинился, люди для него стали сродни мусору. Он понял одно — система. Её не переделать. Обстоятельства. Их не изменить. Изменил своё к ним отношение.

Самсонов снова и снова методично жмёт кнопку какого-то аппарата, ждёт, когда дисплей загорится зелёным. Разочарованно вздыхает. Известить прежнее начальство о своём очередном промахе он не может... Неизвестно, чем для него обернётся несанкционированное мероприятие. То же начальство загребёт себе его лавры. Что скажет Сашка? Забудет, найдёт другую пока молодой. Отец поможет. Он же, Самсонов, забыл! Или нет? Ревность, бл..., карьера, бл..., одиночество... Может, это самое главное? А? Самсонов?

— ПОЧЕМУ НЕТ СВЯЗИ? В контору не пойду!

А мать неправа у Натальи...Фамилию другую дала... Фамилией пыталась спрятать дочь, а место проживания неправильно выбрала. Кто теперь подтвердит, что не было сговора? Квартира-то матери Графского!

Самсонов продолжает ходить по комнате, периодически посматривая на дисплей.

Можно было пойти на поклон к тому же Вербилкову, сделать запрос со спутника. Но тогда лишишься погон, хотя вряд ли, он пенсионер. А вдруг? А стыдно? А Сашка? Они не пощадят и его, не то что Наталью.

Постепенно к полковнику приходит осознание: «Ничего не было, не было письма матери, Наталья не дочь Графа, Графа пусть контора ищет. А Наталью? Он её никуда не посылал. Договора не было. Она всего лишь похищенная. Почему? Пусть сами разбираются. Подставлять Наталью — значит подставлять сына. Ему ещё жить ой, сколько, зачем ему такое пятно?» Полковник жмёт на «выкл» и...медленно шествуя, идёт в душ. Так же медленно раздевается. Наслаждаясь тёплыми струями воды, поглаживает член..., дронит... он ещё не стар. Старый конь борозды не портит...

Полковник, сволочь, где твоя совесть? Где твоя честь офицера?

Он вряд ли ответит.

Глава 12.1

Наташа.

Я прихожу в себя от промозглого холода, не понимая, откуда он, и почему я замерзаю. Я, сидя на пне недавно спиленного дерева, плечом и головой прислонена к кирпичной стене. Стараюсь вспомнить, что произошло, но помню только запах эфира и прикосновение к моим губам ткани, очевидно, пропитанной тем самым эфиром. Разлепила глаза и ужаснулась: я в каком-то сарае из красного кирпича, а рядом были свалены лопаты и грабли, видимо, оставленные ещё с осени. Стала вспоминать, что происходило, когда я вышла из больницы: мимо проходила женщина, потом я остановилась...Посмотрела в своё отражение в стекле... больше ничего не помню...

Я стала кричать и звать на помощь, но никто не приходит, уже охрипла от крика, замёрзла до посинения, руки и ноги совсем одеревенели. Моё тонкое пальто совсем не греет, ботинки тоже, они на тонкой подошве. Тёплых брюк в моём гардеробе никогда не было. Что-то на ресницах мне мешало смотреть, что-то присохшее или примёрзшее я ощущала и на лбу. Попробовала отлепить, поскребла немного — под ногтями собралось что-то коричневое. Может, кровь? Но откуда она? Кто-то был ранен, и его кровь на меня попала? Потрогала лоб ещё раз — нашла царапину с запёкшейся кровью. В груди стало ещё холоднее от страха, ведь это могла быть кровь Саши. Но когда я выходила из больницы, я была одна, Саша ещё не подъехал, но нельзя было исключить, что они подстерегли и его, и теперь он, возможно, раненый лежит где-нибудь и умирает. Слезы сразу же брызнули и потекли на щёки, я вытирала их, и мои ладони чуть окрасились в коричневый цвет: наверное, и щёки тоже были испачканы кровью. Безумная, безутешная, безысходная тоска по Сашке сковала меня по рукам и ногам. Мы были счастливы, но так недолго. Моё горемычное сердце рвалось к Саше, к нему одному. Осыпаю себя проклятиями, что согласилась на такую авантюру, что можно было позвонить Саше сразу же после разговора с полковником, и он бы приехал, прилетел, пришёл пешком, но не дал бы меня в обиду. А если они вооружены? Если бы Саша пострадал из-за меня? Нет, я правильно сделала: его смерть я не смогу пережить — тогда только вместе с ним туда, откуда не возвращаются. Моя миссия только начинается, а я уже умираю со страха. Операция ФСБ под названием «Дочь» запущена. Ни связи, ни явок один жучок в серье, которую...aaa! Потеряла! Где? Когда?

КОНЕЦ!

Мне!

Никто не узнает даже, где меня закопают.

Надо срочно, во что бы то ни стало отключить и мозг, и эмоции, чтобы выбраться из сарая, но — самое главное — вырваться живой из лап Графа.

Оо! Неет! Вот она! Колется за воротником пиджака.

Так! Нормально, вставила серёжку в ухо! Не потерять бы её ещё раз!

Проверила надёжность застёжки. Постукивая себя по плечам, ногой о ногу, пытаюсь согреться.

И тут дверь немного приоткрылась, совсем чуть-чуть, видно, навесной замок, и из щели мне кто-то протискивал старый тулуп. Он упал мне прямо к ногам. Потом ещё один и ещё. Целых три тулупа, зачем они мне?

— Кто здесь? Кто, помогите, откройте, мне холодно!

— Наташа, тише, не кричи, всё зря, сейчас протисну валенки.

— Кто вы? И почему вы мне помогаете?

— Нат, это я, Жека.

— Какой Жека?

И тут я вспомнила мальчика, которого я лечила, там, у себя, ночью. Вспомнила и тех двоих, Хмурого и Старого.

— Женя, это ты? Я вспомнила. Выпусти меня, я замёрзла!

Валенки протискивались с трудом, но и они, наконец-то, оказались в сарае.

— Женя, почему я тут? Кто меня похитил? Граф?

— Ну, считай, что он, только его сейчас нет, это Хмурый выслуживается.

— Где сам Граф??

— Ждём сегодня вечером, ты потерпи, У меня ключа нет, Хмурый его не выпускает из рук, сволочь, он скоро уснёт, и я тебя выпущу. Это даже лучше, что ты здесь, пьяный Хмурый — хуже маньяка. Поняла?

— Женя, Саша, он жив?

— Тебя одну привозили, я не знаю.

— А кровь на мне чья?

— Моя, Нат, — вздохнул Женя, — я пытался тебя отбить, но Хмурый, сволочь...

— Позвони Волкову, скажи, где я, пожалуйста, — моё сердце застучало от радости, что Саши здесь нет, и кровь не его.

— Наташ, здесь нет связи, телефон мёртв. Всё. Я пошёл, я тоже типа наказан, потерпи. Граф скоро приедет.

— Женя, почему ты мне помогаешь? И зачем они меня похитили? Почему держат здесь?

Но ответа больше не последовало, видно, Женя уходит и оставляет меня в одиночестве, а мне кажется — просто замерзать.

От холода я не могу даже плакать.

Тулуп и валенки меня немного согрели. Зачем мне три тулупа, я потом сообразила — один сверху, другой — под попу, а третьим укрыла ноги, снова садясь на пенёк. Нет, лучше встать — сидеть ещё холоднее. Из кучи садового инвентаря тяну лопату — остальные с грохотом падают. Лопатой я пробую выбить кирпич, но ледяная ручка больно жжёт пальцы. Где перчатки? В сумке. А сумка? Не знаааую! А там телефон, вероятно, мёртвый. Обжигая руки настывшим деревом ручки, я всё же пытаюсь выбить кирпичи, новая постройка не поддаётся, тогда я стала колотить дверь, но свежее дерево лишь крошилось, и только. Сколько я сижу уже в этом сарае, я не представляю.

Наконец, дверь отворяется — это снова вернулся Женя:

— Выходи, быстрее, я тебя дома спрячу!

Но выйти мне не пришлось, потому что следом за Женей, из-за его спины, появляется пьяный Хмурый: он шатается из стороны в сторону и орёт:

— Малой, ты чо? Я тебе щас бошку оторву!

— Хмурый, Старый приедет, он же тебе яйца вырвет!

Женя пытается спорить с пьяным, но тут же получает кулаком Хмурого в глаз. Я кричу, пытаюсь выбраться из сарая, но тулупы сковывают мои движения, я путаюсь в них, едва не падаю.

— А ты, целка, чо орёшь? Хочешь на волю? Плати! Раздвинь ноги, тогда выпущу!

Он надвигается на меня, скалится похотливо и делает характерный жест, для чего я должна раздвинуть ноги. Но я успеваю схватить лопату — живой не сдамся, я его либо убью, либо покалечу, тем более он шатается, и перевес сил на моей стороне.

От убийства меня спасает трель автомобиля по ту сторону забора. Трель раздавалась настолько настойчиво, что всем стало ясно, что вернулся хозяин. Меня это несколько обрадовало, несмотря на то, что тешить иллюзией почти не приходится: не за тем меня похищали, чтобы вот так сразу отправить обратно.

Женя, прикрывая рукой ушибленный глаз, бежит к воротам, чтобы открыть их, он опять не думает о своей боли. Я это замечаю, и Хмурый, наконец-то, умеряет свой пыл.

А я так и стою с лопатой в руках. Меня начинает трясти только сейчас, когда Хмурый отступает, а в ворота медленно вкатывается БМВ, и свет фар ослепляет. Я вынуждена отвернуться от яркого света. Я слышу, как тот, кто приехал орёт во всю глотку:

— Хмурый, бл... ты кого привёз? Кто эта курица?

При свете фар он видит только женщину в тулупе и в валенках, но не видит лица.

— Курица? Ты погляди, какой товар, Граф! В целости и сохранности! А чтоб не испортилось мясо — хранил на холоде!

Он пьяно скалится, довольный своим трофеем.

Моё сердце сделало смертельную петлю болезненного перебоя вначале под рёбрами, потом в горле.

— Я мясо!? Хмурый!? Я мясо? Гад! Тварь, сам ты мясо!

Я хватаюсь за лопату и черенком со всего маху наношу удар по плечу или по голове — мне всё равно. Хмурый, поскользнувшись, падает, а я холодею от страха: я убила человека, пусть бандита, но он из того же мяса, как он говорил. Мне бы посмотреть, есть ли пульс, но одеревеневшие ноги, не трогаются с места.

Из-за спины говорившего выходит другой мужчина... Так Граф не один! Его сопровождает... ВОХХ! Руслан! Подлец! Подонок, мерзавец, сволочь, Иуда!

Так вот оно что?! Профессор, мать его!

Я чуть не упала от неожиданности увиденного! Проём двери спас меня от падения. Я открывала рот, чтобы выплеснуть на Руслана проклятия, но гнев душил меня настолько, что я не смогла произнести ни слова.

А этот подонок подходит к Хмурому и трогает пульс на его шее. В свете фар мне отчётливо видны его шевелюра и длинные пальцы, которыми тот проверяет пульс:

— О, Наталья, да ты его убила! Добро пожаловать в штат доморощенных киллеров! Браво!

— Ты... врёшь! Он жив! Ты нарочно...

У меня наконец-то появляется голос, но сознание мутнеет, мутнеет... Меня медленно затягивает воронка тьмы.

Пожалуйста, подарите автору лайк, то есть, нажмите на слово «нравится», подарите несколько слов, очень хочется знать, что чувствуете вы, когда читаете строки моей книги. Ваше «спасибо» поднимет моё настроение. Тактичная, объективная критика приветствуется.

Глава 12.2

Саша.

У меня в детстве был случай: с дуру ума мы с пацанами стали перепрыгивать подтаявшие проруби. В какой-то момент я проваливаюсь, и меня тянет под лёд, барахтаюсь под водой в агонии от нехватки кислорода, запаниковал. Благо, тогда выбираться мне самому не пришлось, меня быстро вытащили из воды. Но, наверное, в силу возраста я бы вряд ли задумался о моральной стороне дела и поддался бы инстинкту самосохранения. Сейчас я так же задыхаюсь, тону в пучине боли, ненависти. Захлебываюсь ей, давлюсь. Внутри все горит огнем от удушья. Вот только инстинкт самосохранения — сука, спит. И жить сил нет, и умереть не получается.

Я вылетаю из дома, злость закипает, не знаю, как я не разбил дверь этого долбанного дома.

— Марат! Ты где? Я к тебе еду! — нёсся по трассе, забывая об ограничении скорости, хер с ним, со штрафом.

Марата застал в СТО на окраине.

— Мар, я ни хрена не пойму! Я который день разыскиваю Натку по больницам и моргам, а эти старпёры даже ухом не ведут. Мало того, Самсонов мне кидает предьяву: говорит, сбежала сучка! От кого? От меня? От него? Я ни хрена не понял! Если от меня — мы не ссорились, так хорошо было у нас, как никогда не было. Или он к ней клинья подбивал? Так я его уничтожу, закопаю, млять, не посмотрю, что полковник! И потом Наташа бы мне сказала, и мы бы разрулили ситуацию. И почему там отирается Степаныч? Раньше я за ним не замечал такого почтения к чинам!

— Да уж, — Марат разводит руками, — вопросов много — ответов 0. Я вот что думаю: надо вспомнить всё, что до этого происходило. Давай подумаем вместе, а на полковника забей. И сядь уже! Я тебя таким никогда не видел, даже когда мы едва не погибли, ты так не бесился!

— Тогда дело касалось только меня, а теперь моей Наташки. Я как подумаю, что она где-то лежит... Нет, об этом я не буду думать, она живая!

— Живая! — Марат ещё больше утвердил меня в моей мысли. — Ты должен верить! Мысль-то она материальна, не будем думать о плохом, давай лучше вспомни, что происходило с ней или с вами до этого.

— Ты прям как следак... ладно, давай вспоминать...

Я продолжал ходить по конторе и вспоминал. Мы с Маром переворошили всё, но ничего странного на ум не приходило, кроме разора в квартире Наташи и письма матери. Матери... Родители... Если это Граф забрал Наташу... Но зачем? У меня уже мозги плавятся.

— Сань, куда ты поедешь? Опять один... Едем лучше ко мне, — Марат — настоящий друг, пытается хоть чем отвлечь меня от гнетущих мыслей.

— Но... твоя Лариса... я не хочу мешать...

— Какая там Лариса! — Марат встаёт с кресла и, вздыхая, идёт одеваться. — Лариса у мамы! Для Ларисы я оказался запасным аэродромом. Денег ей показалось мало! Так что я опять холостой, да и женатым никогда не был, сам знаешь.

— Марат, поедем ко мне, ну, то есть, в квартиру Самсонова, вдруг, — я всё же надеялся на чудо, — Наташа вернулась.

Но чудо не случилось.

Мы расположились на кухне. Марат обвёл взглядом кухню, оценивая интерьер.

— Я думал, полковники живут богаче! А тут так, ширпотреб! Хотя мебель новая. Пожадничал полковник. Саш, — он встал на носки, пытаюсь разглядеть что-то. — ООо, да тут камера! О как!

Волна запредельной ярости окатывает меня девятым валом!

Когда Самсонов появился в квартире Наташи, я понял, не сразу, конечно, но впоследствии догадался, что он появился неспроста. Несколько лет назад Степаныч проговорился, что полковник служил в конторе, тогда он ещё не был полковником. Оттуда и ушёл на пенсию. Но, понятное дело, бывших не бывает. Меня сначала немного смутило, что он предложил обмен. Какое ему дело, что мы с Наташей не живём в доме. Сегодня не живём, а завтра можем переехать, не вечно же Натка будет помнить мой облом. Да уж, тогда я круто обломался, стыдно вспомнить, но Наташа, добрая душа, меня поняла и, кажется, даже простила.

А тут ещё её день рождения, и я не мог не порадовать любимую девушку.

Сегодня меня будто ударило током: то, что Наташа пропала, я им не говорил, сам пытался искать, сам обзванивал больницы, морги, помогал лишь Марат. Без него мне совсем хреново было. Я намеревался подключить Степаныча, но дома его не было, а после я не мог думать ни о ком, кроме Натки.

Но я не проверил тогда всю квартиру на наличие жучков и видеокамер. В этом была моя роковая ошибка. Да и мысли такой не было! Мммм... Разорвал бы! Зубами загрыз!...Да и мог бы я тогда думать о каких-то жучках, если рядом была она, моя Птаха! Какие на хрен жучки! Я не ждал от родного отца, если только он отец мне, во что я не поверю, пока не увижу доказательств, такого вероломства.

Жучков не было только в спальне и санузле. Хорошо хоть так. Других камер я не нашёл — на этом спасибо: иначе Наташкина попка соблазнила бы полконторы, млять.

После ухода Марата я просмотрел несколько дисков, потом не знал, куда деть себя и свою эрекцию. На первом диске, что из кухни, несколько раз появлялась обнажённая Наташа ну, и я, естественно. Я впиваюсь взглядом в каждое её движение, в каждую чёрточку любимого лица, представляю, как бы сейчас впился в это тело пальцами, губами, языком, чтобы кожа к коже, до влажной испарины, до пошлых хлюпающих звуков.

Я раздеваюсь до гола, ладонью поглаживаю член, я знаю, знаю...мой член — ей жутко нравится, она порывалась мне сделать минет, но тогда мне надо было иметь её всю... Пусть даже одетую, пусть не рядом, но только бы знать, что Наташа, жива, что она дышит, ходит по земле, пусть... неет! С другим я её увидеть не могу!

Говорят, за любовь можно отдать всё... Ради любимого человека можно поменять себя, перевернуть жизнь... Но как кому-то можно отдать любимую?

Вскакиваю, жму на «стоп», Птахи нет, а такое удовольствие пошло на хрен.

Слава богу, забот хватало, чтобы загрузить себя настолько, что от усталости валился с ног, и сил на какие-либо размышления просто не оставалось, даже если мысли порой, как партизаны, норовили прорвать мою оборону. На работе чувствовал себя, как на иголках, сводило челюсти, скрежет зубов, наверное, слышал даже Марат. Я оттягиваю время, не могу поверить, что это он, мой отец, следил за Наташей и «вроде сыном».

— Сань, хватит мучиться! Садись и поезжай к нему! Пусть объяснит, с какой целью и когда прослушка установлена.

Марат прав, хватит медлить, хватит самому искать объяснения этому дерьму.

Еду к Самсонову, отцом его назвать — язык не поворачивается. Ну, на хрен... не было отца — и такой на хер нужен. Квартиру Самсонова я закрыл, еду с намерением бросить ключи ему под ноги, когда всё же нашёл в себе силы приехать к нему.

Едва вошёл в дом — это что за хрень? Какая-то девица впечаталась в меня: хватаю за волосы — оп-на — Бемби! П...ец!

— А ты чего тут, сука, делаешь? Марат, мля, знает о твоих пристрастиях? Шалава, язык проглотила?

Бемби оттолкнула меня — и дёру! На меня накатывает охеренный ржач! Вплоть до истерики!

— Ты совсем охерел? — я в ауте — картина маслом!

Меня выворачивает от мысли, что этот старый мужлан трахает женщину Мара, а она так запросто перед ним раздвигает ноги. Может, не за просто, а за деньги? Мар шлюху подцепил? А она старого полкана?

Грязь! Грязь! Болото! Это не Марата — меня вываляли в грязи, в зловонной яме!

— Сбавь тон и подумай, с кем разговариваешь!

— Тебе сколько лет? Или старый конь борозды не испортит»? А ты не забыл продолжение: и глубоко не вспашет? Ты совсем ох...ел? Она же с Маратом!

— Уже не с ним!

— Ты не мог подцепить другую бабу? Тебе не всё равно, кому платить или ты только дрочишь на неё?

Мляять!

Я в бешенстве, а он молчит, только ноготочки рассматривает! Онемел что ли? Новоявленный Обломов! Млять! А как похож! Высокий, в домашнем тёплом халате (замёрз. бл...ть), перехваченном в талии поясом, в тапках на босу ногу, вижу, что штанов на нём нет, на шее косынка. Чем не Обломов?

Ну, так — так так! Пи...ец моему терпению!

— Договор об обмене мы не составляли, — бросаю ключи этому старому псу под ноги, — забирай назад свои метры и отдавай мои. И вот это тоже! — я выкинул из кармана провода, жучки и камеры. Диски оставил себе — они мне нужнее, на них Наташа. А он их не получит, даже если станет требовать или пытаться. Но, я думаю, он не решится.

— Сашка, стой, не горячись, выслушай меня! Подумай сам: зачем тебе эта женщина? Зачем ты бесишься? Да, это я наставил прослушку, но это было необходимо! Я ждал, что кто-то засветится из её окружения. Она не та, кем кажется!

У меня в голове вдруг всё перемкнуло, нормальных слов не было, только мат, отборный, крутой, как ругаются бомжи, алкаши или гопники.

— Мляять, — я всё же не выдержал. — Ты это сейчас мне говоришь? И вполне серьёзно?

— Выбирай слова, перед тобой отец! — он, этот грёбаный полковник, напомнил мне о родственных связях.

— Не получается! Да и какой ты, на хер, отец! — я впал в бешенство. Такой ненависти, такой злобы я не испытывал ни к кому и никогда. — Приехал-уехал? Я не просил тебя приезжать, и не позволю вмешиваться в мою жизнь! Не позволю! Но я отвечу тебе, зачем

мне эта женщина! Она — моя жизнь, и другой я искать не собираюсь, всё, что мне нужно, я нашёл! Она та — кем кажется, и Наташа не кажется, он есть! Не тебе о ней судить! Не тебе приказывать мне, что делать, с кем жить и кого любить! Ты перепутал жизнь и армию. Натя-два здесь никто не ходит, и я не буду жить по твоей команде. Ты же не знаешь, какая Наташа, почему ты решил, что можешь её судить, и о каком окружении ты говоришь? Тебе что-то известно? Аа, я понял, ты намекаешь, что Натка вернулась к отцу? Так вот херушки! Она его не знает и не знала никогда! Я отвечаю! А ты можешь думать всё, что хочешь, но тебе меня не переубедить! И на хер ты связался с этой подстилкой? Седина в бороду — бес в ребро? Как я после этого буду смотреть в глаза другу? Или и Марат тебе не угодил?

Я сейчас на током взводе, что от меня лучше держаться подальше. Меня реально штормит от злости на этого новоявленного Обломова. Он и меня пытается обломать, переломить, сломать. Но херушки!

Наконец и он раскрывает рот:

— Сашка, твоя Наталья у Графа.

— У тебя нет никаких доказательств, — я твёрдо проговариваю каждое слово отдельно. Но эмоции стихают, от всей этой нервотрёпки я устал до чёртиков. — Когда будут — позовёшь. И ещё — ты мне больше не отец. Отец никогда не стал бы подглядывать за сыном и его женщиной. Предположим на минуту, что ты прав, и Натка у Графа, то почему они не трогают меня? Я не говорю про бизнес, на мне ничего нет, но физически давно бы устранили.

Наконец, я всё сказал, а полковник слушает и молчит, и мне непонятно: у него выдержка железная или ему нечего сказать?

Но он, бля, заронил в моё сердце искру сомнения. И тысячу «а если» буравят мои мозги: если я тогда был прав, а Наташка, действительно, сбежала от отца — эта мысль ещё греет — не ушла — сбежала. Теперь он просто силой захотел её вернуть назад: дескать, погуляла — и хватит, показала свой характер — и баста. Знает ли Граф о нашей связи — наверняка, тогда бы я на его месте... Что бы я сделал? Я не на его месте. А ничего он мне не сделает: я ниш — благодаря мудрости Степаныча. Я всего лишь мастер, организатор выставок машин старого образца. Мы находили такие раритеты в гаражах пенсионеров — закачаешься. Доводили их до блеска, до такого состояния, что можно сесть за руль и поехать по улицам города. Пенсионеры оставались не в накладе — и мы, естественно, тоже.

Что делать? Говорить ли Марату о Бемби? Как к ней кликуха привязалась!

Выбросив ключи Самсонову, я перебираюсь в квартиру Наташи: здесь было легче переживать разлуку и боль.

В ней ничего не изменилось: всё та же выдавшая виды мебель, светлые в цветочек обои, шторы с выцветшими на солнце узорами. Даже запах тот же, только нет здесь моей Птахи.

Я с тоской оглядываю каждую деталь. Даже запасные ключи висят на прежнем месте. Зачем-то их беру в руки, сжимаю холодный металл и чувствую, как сжимается сердце и кружится голова. Я снова шепчу: «Наташа! Где ты?» — а в груди разрастается тупая ноющая боль. Вроде терпимо, и можно пережить эту боль, если стиснуть зубы покрепче, но она, сука, ноет и ноет, не отпускает. Она растёт, сдавливая грудь в тиски, и снова дышать нечем. Холодный воздух из раскрытого окна немного охлаждает мои лёгкие и грудь.

Лишь на четвёртые сутки пришло смс с неизвестного номера: «Наташка жива. Воюет с Графом».

— Мммм! — из горла рвётся толи стон, толи рык, толи рёв. — Наташка! Как же мне

добраться до него? Куда идти? Бежать, ехать? Куда?

Мне чудится, что мир завертелся, чёртово колесо со скоростью реактивного самолёта. Чтобы не упасть, я грохаюсь на диван, тот самый, моё временное пристанище во время шторма.

Наташа.

Я не то просыпаюсь, не то прихожу в себя. Но чувствую, что подо мной мягко (кровать, наверное) и вокруг тепло, но глаза разлеплять боюсь: меня страшит то, что могу увидеть.

— Ну, ну, открывай глаза, принцесса. Я же вижу, что ты очнулась.

Прикусываю щёку изнутри, чтобы не закричать от ужаса: я слышу голос Руслана. Но почему его? Мне бы сейчас всё равно, чей голос слышать, но только не Семёнова: я снова боюсь услышать, что я убила человека.

Всё же я нахожу в себе силы: открываю глаза и тотчас отползаю к стене, прижимаясь к ней спиной:

— Руслан Николаевич, почему вы здесь?

— Вот и помогай после этого людям. У тебя был обморок, ты не беременна? — он ехидно улыбается, чувствует себя хозяином положения. Но мой вопрос так и остаётся без ответа: он либо ловко ушёл от него, либо не понял, что я хотела услышать.

— Руслан Николаевич, вы не ответили! Что вас связывает с...хозяином этого дома?

— А ты мне не ответила! — он вскакивает и, выбросив руку вперёд, больно стискивает мой подбородок, хищно буравя взглядом. — Ты беременна? Твой обморок...

Я отрицательно машу головой, он разжимает пальцы:

— Нет. Вы не удосужились узнать мой диагноз?

— Нуу, подумаешь, загиб матки. Это такая мелочь...

— Вы всё знаете обо мне! — меня душит бешенство. — Всё, хватит болтать, Руслан. Я хочу видеть того, по чьему приказанию я была похищена! Больше ни с кем вести разговоры я не намерена. Мне нужен Граф!

— Какая смелая, подишь ты! Граф сейчас отдыхает, ему не до тебя... С тобой я желаю побеседовать.

Он пересаживается со стула, на котором сидел, ко мне на кровать и протягивает руку, а меня трясёт и от страха, и от ненависти. Не удалось уговорить выйти за него замуж, так он решил меня просто похитить! Я кусаю губы и ору, что есть силы:

— Аааааа!

В тот же момент из-за двери (тяжёлой, наверное, потому что открывается плавно и бесшумно) появляется Женька.

— Наташка, чо орёшь? Он ничего тебе не сделал?

— Женя, — я вскакиваю с места, волосы растрепались, — Женя, прогони его, я не хочу его видеть!

Женя — единственный, у кого я могу попросить защиты, не знаю, почему, но он стал моим ангелом-хранителем здесь, в логове дьявола.

Убедившись, что я цела, обращается к Руслану:

— Руслан, тебя Граф зовёт. Пойдёшь? А с Наташкой я посижу. Уж я не обижу.

— Вообще-то, её никто не собирался обижать, я только хотел пульс проверить. А ты сторожишь её по приказу Графа или по собственной инициативе?

Откровенный, полный ненависти взгляд Жени на Руслана, мне говорит о многом.

А пошловатенькая полуулыбка Руслана говорит о том, что он ко мне пересел вовсе не из-за пульса.

С облегчением выдыхаю, когда Руслан уходит, а я спрашиваю Женю в надежде, что он ответит мне на вопрос:

— Жень, а что тут делает Руслан? Никогда бы не подумала, что у него ТАКИЕ связи...

— Он лечит Графа... У того вишь, сердце стало шалить. Что там с ним я точно не знаю, я ж не доктор.

— Женя, милый, скажи, как мне отсюда выбраться? Помоги, пожалуйста... я домой хочу, и мне завтра надо в больницу, у меня больные, Женя!

Я умоляю Женьку, но чувствую, что мои мольбы и просьбы ему не выполнить: он и сам тут на птичьих правах, вон как Хмурый отделал его — Женин синяк под глазом и покрасневшее глазное яблоко у меня вызывают тревогу и опасение, как бы глаз совсем не заплыл гематомой.

Поэтому я встаю, всхлипывая, с кровати, вытирая ладонью нос:

— Давай я посмотрю твой глаз, лекарств, конечно, нет, но хотя бы есть чайная заварка? Это ерунда, конечно, но хоть что-то.

— Всё нормально, не надо, на мне как на собаке. А тебе, Нат, придётся здесь пожить.

— Если не надо лечить, тогда и ты убирайся!

Женька молча выходит из комнаты, минутное затишье, а потом до меня доносится голос Руслана: он, очевидно, стоял за дверью.

— Её обыскали?

— Ты, чо, Руслан? Это же Натка! Граф прибьёт, если кто-то её коснётся!

Ах, вот оно что! Руслан — подонок, но очень осторожный!

Рывком открываю дверь (и правда, тяжёлая, но деревянная):

— Иди, обыскивай! Вот мой пиджак, вот пальто, штаны снимать? И где моя сумка? — меня трясёт от предательства Руслана, от страха, что найдут жучок. Но нападение — самая лучшая защита. — Жень, внимательно осмотри мои вещи, и сейчас же пошли оба вон!

— Наташ, да чо там, я тебе верю, это Руслан заморачивается. А в сумке нет ничего. Её уже смотрели.

— Неет, ты посмотри! — кричу я с вызовом, — И чтоб ни одна тварь не переступила порог этой комнаты. Только Граф!

По выражению лиц Руслана и Жени я делаю вывод: я победила!

Но Руслан... вот же гад! Прощупывает длинными пальцами складки пиджака, пальто, все места, где, по его мнению, можно было что-то спрятать.

— Что теперь? Брюки, трусы? Лифчик? ты говори, Руслан! Не стесняйся!

Я касаюсь застёжки брюк, но надеюсь из последних сил, что мне их снимать не придётся. Когда Женька бубнит:

— Эй, эй, не надо ничего! Граф не оценит твою инициативу, Рус! — я с облегчением выдыхаю: пока я победила.

Как только за Женей закрывается дверь, я слышу звук закрывающегося замка, я подхожу к окну: мне необходимо узнать, где я, куда меня привезли и есть ли решётки на окнах. Решёток не было, но в тот момент, когда я взялась за ручку ставни, чтобы впустить хоть немного свежего воздуха, поскольку в комнате становится неимоверно душно, я увидела охранника, проходящего мимо на пару с собакой. Но охранник не смотрит на окна, а я тут же отпрянула от окна.

Но и то, что я увидела, меня обескуражило: дом находился не то в лесу, не то в роще. Очень уединённое и мрачное место. Пасмурное небо склонялось до самых вершин деревьев,

что подходили почти до самой изгороди, но не из колючей проволоки, как я себе представляла, а из высокого металлического штакетника. Если бы мне даже и удалось бы выбраться из дома, перелезть через забор я не смогла бы: перекладин, к которым крепился штакетник, я не увидела.

Тоска от безысходности, от незащитности перед неизвестностью, от того, что меня никто и не думал выволять из плена, хотя серьга была на месте, а в ней, по словам Самсонова, вмонтирован жучок или что-то такое, передающее сигнал. И вот теперь-то я по-настоящему ощущаю себя той самой волчицей, пойманной, пленённой и посаженной в клетку из металлических прутьев.

Но пока поджимать хвост я не намеревалась, пока во мне теплилась надежда, что скоро зазвучат сирены, а мигалки спецмашин осветят окружность, дверь откроется, а на пороге я увижу крепкого спецназовца в бронежилете.

В итоге, я стала осматривать комнату. Вполне обычная спальня с дорогой на вид мебелью коричневого цвета. Всё коричневое. Как в квартире Самсонова. Его подарок нам вышел боком.

Внимание привлекли стены, выстроенные то ли из целых брёвен, то ли из половинок, но так тщательно обработанных, что называется «ни сучка, ни задоринки». Я даже потрогала их пальцем.

В комнате чисто и тепло, но эта новая мебель, красивые стены, мягкая постель с новым покрывалом, хрустальная люстра под потолком — всё чужое, противное и неприятное, и мне моя маленькая квартирка милее стократ. Я чувствую себя песчинкой, уносимой ветром вглубь пустыни, откуда мне не выбраться никогда. От мысли, что мне отсюда не выбраться, сердце сжимается так, что кажется, перестает биться.

— Сашка! Саша! Я к тебе хочу! Я хочу домой! — истово шепчу я и не потому, что я боюсь быть услышанной кем-то, а потому, что даже свою боль я оставляю только себе, она моя. Боль, страдание от разлуки с любимым — это всё, что у меня осталось, и я ни за что ими не поделюсь.

Судьба, что мы тебе сделали плохого? Почему ты к нам так неблагоприятна? Жестока так почему? Или ты бьёшь только тех, кто слабее? Кто не может дать сдачи?

Из нас двоих слабее я, но и Саше от судьбы тоже перепало. Может, это я его заразила неудачами? Хотя- вряд ли, это же не инфекция...

Я снова себя ругаю, что согласилась на такую авантюру. Моя миссия только начинается, а я уже умираю со страха. Ни связи, ни явок, один жучок в серьге.

Операция «Дочь» плавно переходит в операцию «Невеста».

Полковник, старый идиот, не мог просчитать. Он там в безопасности, только моя голова положена на плаху. А он не царь и не Бог, и он подчиняется приказу свыше, где многое проплачено высокопоставленными чиновниками, среди которых запросто может оказаться крот.

Наступает ночь. Но кроме Жени, приносившего ужин, ко мне никто не приходит. Я отказываюсь от ужина, но Женька твердит: «Тебе будут нужны силы! Ешь!»

Он что-то знает, поэтому так говорит, и я съедаю всё принесённое овощное рагу и бутерброд с сыром. Голодовка в мои планы не входила. Щас им! Пусть сами голодают!

Женя снова молча уходит, он куда-то смотрит, но я не понимаю: смотрит и смотрит... что такого... Мой мозг упорно не хочет принимать действительность: он судорожно ищет во всём происходящем какой-то подвох, но пока не находит.

Наступает ночь. Первая ночь не дома. Снова ночь без Сашы. Первая ночь в неволе, в плену!

Я нередко слышала о похищениях, но оказаться похищенной неизвестно для какой цели...это могло лишь присниться в кошмарном сне.

Кошмарный сон... О, господи...Это значит тот сон был вещим? Я тону?

Тупая боль ударяет в место солнечного сплетения, оно ноет, ноет, скручивая кишки в тугой комок. Как жить в неволе? И разве можно в неволе ЖИТЬ?

А по щеке сначала скатывается одна слеза, потом другая, потом образуются два ручья... Я протестую против реальности уже рыданием...Но мой мозг внезапно выдаёт слова Дашки Анисимовой:

— Ну-ка, вытерла сопли, подобрала слюни, нацепила маску стервы — и вперррёд!

Так она однажды мне сказала, а сама? Сама почему не вытерла, не подобрала, не нацепила?

Смогу ли я без соплей, без слюней стать стервой, если я даже не знаю, как ей быть?

Смогу! Научусь! Они не увидят мою уязвимость и слабость, чего бы это мне ни стоило. Да, судьба дала пинок под зад. Держи удар, Наташка!

Но окончательно меня, в общем-то, слабую женщину, добивает факт, что меня здесь держат два человека, два отца: мой и Сашкин.

Мою память снова буравят события, произошедшие в день похищения, они вызывают отвращение, спазм в желудке, хочется выть и биться о стену. Только толку от этого?

— Наташа, за тобой следят! — огорошил меня полковник, как только мы присели в гостиной у Степаныча, а тот оставил нас двоих. Мне это совсем не понравилось. Я несколько побаивалась Александра, отца Сашы.

— Как следят? Кто? Если вы знаете, что следят, то должны знать кто. Но откуда вы осведомлены о слежке? Вы тоже за мной следите? Или за нами?

Этими вопросами я выплеснула на Самсонова своё недоумение, свой липкий страх за себя и за Сашу. Скорее, прежде всего за Сашу, потому как мне-то нечего терять, кроме своей жизни, конечно, второй жизни у меня точно не будет, а если пострадает он из-за меня, то именно я буду виновата, но такой вины я не прощу себе никогда.

— На все твои вопросы у меня один ответ: да! Но это вынужденный шаг, и ты сама должна догадаться почему. Я знаю содержание письма, и ты в курсе этого, более того, я знаю, что Граф жив и здоровствует, сволочь.

От этого известия я будто приросла к стулу.

— Поэтому вы нас переселили? — догадалась я.

— И поэтому тоже, — полковник сидел прямо передо мной, на его лице не отпечатались ни одна эмоция, а я чувствовала себя, как на допросе в его конторе. Какой? Я точно не знала, но нетрудно было догадаться, какую контору интересуется Граф.

— Что вы хотите от меня, полковник? — я решила не ходить вокруг да около, мне был нужен прямой ответ.

— Если они следили за тобой, значит в скором времени тебе надо ждать гостей оттуда, от твоего...сама знаешь. Нам нужно, чтобы ты часть проблемы взяла на себя.

— Кому это вам? Какую часть, и в чём, собственно, проблема? Хватит говорить намёками, не лучше бы сказать прямо: Наталья, мы хотим устроить ловлю на живца. А тот самый живец — ты. Так? Только я не уверена, что вашу инициативу одобрит ваш сын. Или его мнение вас не интересует? Вы за этим приблизились к нему? Чтобы через Сашу получить ко мне доступ? Вы зря затеяли такую канитель. Проще бы было просто запереть меня в моей квартире и ждать, пока не придут гонцы от Графа.

Паранойа преследования снова поглотила меня. И если Саша меня защищал своим теплом и опекой, любовью и нежностью, то полковник отдавал меня живьём в пасть тигра. Я снова почувствовала мерзкое дыхание смерти: внутри похолодело и сжалось. Мне хотелось кричать, что я хочу получить ответы на все мои вопросы. Неужели это так сложно? Зачем нагнетать и без того уже нервную ситуацию?

— Ты слишком резка, Наташа, но в уме тебе не откажешь, — тон полковника по-прежнему был резок и не предвещал ничего хорошего. — Но ты просто обязана оказать нам помощь, пусть даже не врачебную. Ты военнообязанная, отказываться не имеешь права. Но мы всё сделаем для того, чтобы ты не пострадала.

— А вы наивно полагаете, что он сам за мной придёт? — я нашла в себе силы удивиться.

— Это бы было самое простое, но боюсь, что тебе придётся отправиться к нему, в его логово.

— Да вы... вы... — я не находила слов, — вы в своём уме? И потом, как же моя работа? Что я Саше скажу? И вообще, вы собираетесь его посвящать в свои планы? или он уже в курсе? Нет, он не знает! Я верю Саше!

Я сегодня что и делала, так только задавала вопросы, на которые мне никто не отвечал.

— С работой разберёмся, а Сашка...ему пока ничего не надо знать. Он просто наломает дров по своей горячности, и, зная, как он любит тебя, прошу тебя помолчать. Будешь подписывать договор о неразглашении? Или на слово тебе поверить?

— Ещё и договор! Ничего я не буду подписывать, и не стану я выполнять ваш приказ, я не ваш сотрудник! — меня взбесило то, как безапелляционен полковник, но, похоже, он не оставлял мне выбора: он знал, на чём меня можно подцепить: я дочь криминального авторитета, если он даст ход моему делу, то меня ни одна больница не примет на порог. Я не спускала глаз с полковника: говорят от пристального взгляда человеку становится не по себе. Не тот случай. Самсонов выдержал мой взгляд, лишь пару раз я заметила, как дрогнули уголки его губ, точно он пытался сдержать ухмылку. Ему, что, весело? У меня колени дрожат, а он ухмыляется!

— Наталья, — явно ухмыляясь, проговорил полковник, — ты допускаешь совершенно детские рассуждения. Будет договор, нет, какая разница? Ты сама понимаешь, идти придётся. — Он держит паузу и резко выдаёт: — Тебе дорога жизнь будущего мужа? Если я даже спрячу тебя, они примутся за Сашку. Ты сама-то понимаешь это?

От сознания грозящей катастрофы пыл сопротивления пропадает, и я сдаюсь. По телу тут же следом прошлась холодная волна.

— Всё, хватит, — это врывается и взрывается Степаныч, — хватит мучить девочку! Я сам пойду! Задействуй меня, полковник, а её оставь в покое! Если бы я знал, что ты затеваешь, ноги бы твоей у меня здесь не было!

— Капитаан! Ты не понял? Мы не знаем, где его логово! Ни один подсадной его не обнаружил! — полковник от возбуждения начинает расхаживать по комнате. — Если бы

было так просто, я ни за что не побеспокоил бы Наталью. Кого вы из меня сделали? Иуду? Я сам не понимаю, чем это чревато? Но Наташу он не тронет, я на все сто уверен. Дочь же... У Наташи спрячем GPS, по нему выйдем на логово. И всё! Вот, — он вынимает из кармана бархатную коробочку и достаёт из неё серьги из жёлтого золота с камнем, похожим на сапфир, — в одну из серёг вместо камня вмонтирован датчик. Но это на всякий случай. Может, они и не появятся. Наташ, мы должны попробовать. Мы не можем понять, почему не зафиксировано ни одного интернет соединения и ни одного звонка.

— А что он натворил? — я подавлена натиском Самсонова, у меня в голове хаос.

— Что? Ладно, Наташ, к чему тебе? Меньше знаешь... — он отмахивается от вопроса. Снова!

Я на всё согласилась, даже на то, чтобы проникнуть в компьютер Графа и скачать информацию, хотя не представляла, как вообще это возможно будет сделать от слова совсем. Попрощавшись с дядей Колей, как в последний раз, сама вставила новые серьги о стразами имитацией сапфира. На вопрос: когда хотя бы примерно за мной придут, — мне ответа опять не дали.

— Дядя Коля, если что-то со мной, передайте Саше, что я очень любила его. И до смерти любить буду. Но это на всякий случай. Так ведь, полковник? А ведь вы не любите Сашу!... Прощайте! Крёстный, Саше пока не надо ничего рассказывать, где я, я не хочу, чтобы и он из-за меня пострадал. Он слишком горяч и любит меня. Пусть сначала свыкнется с мыслью...

Слёзы, немое рыдание... Силы покидают меня, не давая закончить фразу.

— Наталья, — горячится Степаныч, — ты никуда не пойдёшь! Я не пущу! Я за тебя отвечаю! Полковник, оставь мою девочку в покое! Это не женское дело воевать с бандитами!

Степаныч мечется между мной и Самсоновым, пытаюсь достучаться до каждого, но тщетно: я растеряна, погружена в мысли о Саше, а полковник неприступен в своей правоте и власти.

Я медленно бреду к автобусной остановке, мне надо вернуться в больницу, там моя сумка с ключами и там будет ждать меня Саша. Ему пока не надо знать, где я была, и какой груз на меня взвалил его отец. «А отец ли он?» — меня одолевают сомнения. Разве настоящий, любящий отец позволил, заставил бы страдать единственного сына? В том, что Саша будет страдать без меня, я даже не сомневаюсь. Он любит меня, я знаю это твёрдо. И он знает, как я люблю его. От одной мысли о Сашке меня бросало в жар. Я с каждым днём становилась всё одержимее этим мужчиной, теряя голову, растворяясь в нём. Я каждую секунду думала о нём, вспоминала его прикосновения и ласки. Я сама себя доводила до состояния невыносимой ломки по нему. Волков стал моим собственным, индивидуальным наркотиком.

Но во мне ещё теплится последний лучик надежды, что никто за мной не придёт, не появится, чтобы отравить мою жизнь, сломать её, что не рухнет то, к чему стремилась, создавала многие годы.

Полковник — страшный человек.

Он вошёл в мою жизнь непрошено, о моей судьбе не скорбя...Ещё один страшный человек... Для него люди — опилки. А как же Сашка? Что он скажет ему, чем оправдается, если меня не станет? Противный ужас сжал моё сердце, что всё будет: и небо, и люди, и Саша... только не будет меня.

И тут я взрываюсь, колочу кулаком по подушке, по новой наволочке:
Я БУДУ! БУДУ! БУДУ! НАЗЛО! ВОПРЕКИ! Я НЕ СДАМСЯ!

Но пока я знаю, что это всего лишь слова, которыми я сама себя ободряю, а что покажет время...

Я будто проваливаюсь в тревожный сон. Мне снится тьма, рассеивающаяся каждый раз, когда возникает образ мужчины в чёрном. Я не вижу его целиком, только глаза, иногда кривую ухмылку. Чувство страха просочилось даже сюда, где нет реальности, только сновидения. Нет ни звуков, ни красок, только запах сырости, давно не проветриваемого помещения.

Утро настигает меня очень быстро, возможно, потому что я мало спала... Голова раскалывается, а у меня — никакой таблетки. Надо спросить у Женьки, надо вылезать из липкой, вязкой дремоты. Я в той же одежде: тёмно-синий облегающий джемпер, в тон ему брюки, и они не мнутся. Другой одежды у меня нет и, по всему видно, будет нескоро. Я пока спокойна, хотя под ложечкой тянет — я не дома.

Пока спокойна, до тех пор, когда почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Тяжёлый, давящий взгляд ощутила кожей, даже не проснувшись, как следует. Лежу с закрытыми глазами в позе эмбриона, надеюсь до последнего, что тот, кто смотрит, уйдёт, не дождавшись моего пробуждения. Но он не уходит, ждёт, хрипло, голосом Старого, ночного гостя в чёрном, произносит медленно, растягивая гласные, при этом тяжело дышит и подкашливает:

— Здравствуй, Таша, хорошо спала?

Я понимаю, что притворяться спящей бессмысленно, титаническими усилиями привстаю и сажусь на кровати, опустив ноги на пол. Напротив меня в кресле — грузная фигура, толстые пальцы перебирают чётки.

От присутствующего на меня снова веет могильным холодом, как тогда, ночью. Мне жутко, страшно, весь его вид — опасность, тёмное лицо, под глазами мешки, борода в поллица, изрядно поседевшая, голова без каких-нибудь признаков волос. Если бы этот брутальный мужчина встретился мне при других обстоятельствах, то он бы мне, наверное, показался симпатичным, но мне знакома его сущность, я знаю, кто он, что он Граф, что он хотел моей смерти ещё тогда, в утробе матери, и эта встреча с ним ничего хорошего мне не сулит. У меня снова пропадает голос, в горле ком и першение.

— Меня зовут Наташа, и можно воды? — хриплю я, еле выдавливая слова, всё же наивно надеясь, что меня выкрали по ошибке, меня никогда и никто так не называл, но я понимаю — чушь! Всё они знали, и ошибки нет.

— Какая разница! Можно подумать, что две буквы что-то решат.

Мне показалось, или он веселится? Но воды приносит — она тут же в графине. Какой заботливый! Я пытаюсь найти в этой грузной фигуре что-то хорошее и не могу.

Вода помогла мне — голос вернулся, вернулась решимость: мне надо защищаться, мученицу изображать я не собиралась, тем более перед вроде бы отцом. Но как страшно! Страшно-то как! Чтоб он сдох! Мне надо защищаться, а дрожь не унимается! Злость! Она мне в помощь! Меня разозлило то, что я «мясо», что у меня отобрали даже моё имя, мясу имя не положено.

— Вот именно — две буквы! Но они решают многое: я думаю, вы ошиблись и пригласили не ту. Я пока употребила слово «пригласили», потому что ваши подручные совершили кражу ни в чём не повинной девушки, а потом оставили замерзать в холодном сарае. Вы сами это понимаете? Я прошу вам эту ошибку, и жаловаться никому не стану, вы же знаете, я умею держать слово, но только за это вы отвезёте меня туда, откуда забрали.

Разойдёмся миром, вы забудете обо мне, а я о вас.

Но моя тирада его опять развеселила (и правильно, такую ерунду могла придумать только загнанная в угол) он криво ухмыляется.

— Смешная девочка! А смелая какая! Я ещё тогда заметил, что смелости тебе не занимать! А чем тебе не нравится имя Таша? Так вот, запомни, что я тебя буду так тебя звать, и нет никакой ошибки, ты та, кто нужна мне! Я редко совершаю ошибки, не развожу драму и тебе не советую. Если мне кто-то нужен — от моего предложения редко, кто отказывается.

По мере того, как он говорит, — с его лица пропадает улыбка, оно каменеет и становится непроницательным, как той ночью. Хочется уйти, спрятаться, спастись.

Но он не на ту напал! И пусть я давала клятву Гиппократа, и пусть его главная заповедь: «Ни словом, ни делом не навреди больному» — но у меня из арсенала есть только слово, и я им воспользуюсь: оно больнее ранит. Я встала, выпрямилась, вздёрнула подбородок, поправила волосы, стиснула зубы и процедила, глядя ему прямо в глаза:

— Долго? — по-моему, я его сбила с толку.

— Что долго?

— Долго вы будете меня так называть?

— Долго! Ты сомневаешься?

— Дайте ваш пульс!

— Ещё повеселить решила? — но руку даёт.

— Часы есть?

— Зачем часы? Аа! Понятно...

— Так вот, у вас 130 в минуту, кашель и одышка, так что недолго вам меня так называть! Ясно? Если я ошибаюсь, обратитесь к Семёнову! Он подтвердит!

Он несколько растерян, в его тёмных глазах, в волчьем взгляде появляется нездоровый блеск, он снова кашляет, но гораздо сильнее. Всё-таки он сбит с толку, но только на мгновение.

— Твоя мама, Наташа, — шипит он, нервно сглатывает, едва ощутимо дрогнула рука, — была умной женщиной, но она кончила плохо, ты — всё, что от неё осталось, поэтому, хочешь ты или нет, но ты будешь жить здесь! Пока я не решу, что с тобой делать дальше! Я сказал!

Как только он закончил эту фразу, я захлебнулась от...негодования? От злости? От обиды? От всего разом! Глухая боль в душе, холод безысходности. Выгорел страх, сейчас мне не хотелось огрызаться и плакать. Потому что в этом не было никакого смысла. Так зачем же лишний раз показывать свою уязвимость и слабость? На меня очередной волной накатывает злость. Злость — это хорошо! Злость заставляет меня двигаться вперёд, доказывая себе, что я не тряпка, что ты ещё что-то можешь: если тебе пока не закрыли рот тряпкой с эфиром или просто кляпом.

— Вы решили! Вы сказали! Да кто вы, собственно, такой, чтоб решать за меня, где мне жить и что делать? — в меня вселяется бес, и ему всё равно, кто перед ним. — Я вас знаю как Старого.

— Будто ты не знаешь! Довольно притворяться! Я Графский Вячеслав, да будет тебе известно, и твой отец!

Как в сказке! Или в фильме «Сирота казанская»! Хочется спросить: «Где Фоменко, а Дуров где?»

— Так вы и есть Граф?!

— А что тебе не нравится — да, я Граф, а ты будешь Графиней, — уголки его губ трогают улыбка, но тут же пропадают, и он резко заканчивает: — и это не обсуждается! Я сказал!.

— Вы — Граф, а я, значит, Графиня, — я обходила его вокруг, оглядывая с ненавистью и иронией, боясь расхохотаться прямо ему в лицо от слова «графиня» — не оценит. А он восседал напротив в кресле, теребя в руках чётки. Весь его облик: массивное лицо, крупный нос, борода в пол-лица, лысый череп, широкие дородные плечи, низкий, хриплый, явно прокуренный голос, — мне ненавистен. И как же иначе? — Это значит, что я — графиня? Ха-ха три раза! — нервный смешок и ненавидящий взгляд. — И много у вас таких...графьят или графинчиков?

— Ты — единственная моя дочь!

— Дочь, говорите? А не пошли бы вы, ваше сиятельство!.. Никогда я не буду вас считать своим отцом! Родной отец не станет приказывать похитить родную дочь и бросить, как мясо, на мороз. И Графиней я никогда не стану, понятно? Я — волчица! Запомните! Волчица я! Я Волкова Наталья! Если я ваша дочь — предъявите бумагу, где это написано: результат анализа ДНК — теста! Есть такой?

О! Как просто быть стервой! Тем более другой Наташки он не заслуживает, а меня понесло на метафоры!

Я не боялась этого человека, быть может, потому что увидела его заинтересованность во мне. Не интерес, а именно заинтересованность, я зачем-то ему была нужна. Здесь, в этой глуши, конечно, ему необходим врач, но только ли за этим он выкрал меня? Если нужен врач, то есть Семёнов, но Руслан не живёт здесь, тогда я нужна как сиделка...

— По ходу, нормального базара ты не понимаешь! Хорош кидаться красивыми словечками! Волчица она! Графиня, волчица — всё это детские тёрки! — Граф, как только я запросила подтверждение отцовства, перешёл на сленг. — Спетлять захотела? Так вот знай — у тебя не получится! А эта хренова бумага будет, Руслан привезёт, она уже готова. И открой шкаф: там, в шкатулке — цацки, тряпки на вешалке — всё для тебя. К вечеру готовься, у меня будут гости, Хмурый придёт за тобой, когда понадобится!

— Как... Хмурый?!!! Я ж его убила!!! Руслан сказал! Уфф!

Я тут же села...

Я ожидала всего, только не такого развития событий. Липкий страх и тревога снова заполнили моё бедное сердце, которое переполняли неподъёмная тяжесть и безнадёжная печаль.

Я не убила Хмурого...Мне бы радоваться надо, что я не убийца, но...что теперь мне ждать? Он меня теперь точно пристукнет...прибьёт и даже не поморщится.

Граф захохотал. Откровенно, зычно, оголяя золото зубов.

— Ну, Рус! Как он тебя! Жив Хмурый! Да я наказал его за самоуправство. Его никто не просил оставлять тебя на холоде. Ты сама с ним посчиталась, так что вы квиты!

Его слова вызвали отвращение и протест. И злость на ситуацию и на себя, что так глупо вляпалась: промолчи я тогда — сейчас не было бы этого ужаса. Но еще больше, на этого мерзкого типа — Хмурого.

— Теперь он убьёт меня?

— Да кто ж ему даст?

— Он вас спрашивать не будет! Бросил же он меня в сарай без вашего ведома. Вы

дождётся — он и вас убьёт.

Он на минуту задумался. От моего нахальства округлил глаза и наклонил голову:

— Следи за базаром! Детка! Хмурый — настоящий кореш, мы не один пуд соли съели. Да чтоб он меня?

Мне прекрасно известен главный принцип этики Гиппократата — «non posse» — не навреди больному. Но почему Графу можно вредить людям, а я безропотно от него должна терпеть издевательства? Только эти выродки о таком учёном слышать — не слыхивали, поэтому я продолжаю гнуть свою линию, пока меня не заткнули, несмотря на то, что Графа хорошо бы запереть в клинику Руслана и не выпускать три-четыре месяца:

— Как мне кажется, в борьбе за власть все средства хороши. Вы скоро умрёте, а он встанет на ваше место, а надоест ждать — так он вам подушку на голову по пьянке, с пьяного — какой спрос. Он ещё и наркоман! Проверьте его вены!

И хотя ни один мускул не дрогнул на его лице, но Граф закатил глаза и гневно на меня посмотрел.

Я поняла: я его достала! Я добила того, что Граф теперь не спустит глаз с Хмурого. Пусть злится. Если бы ему надо меня убить — убили бы сразу. И если он знает, что я его дочь — меня никто пальцем не тронет. А он сам?

Болезненно-мучительное чувство тревожности так и лежит на сердце колючим комом.

Совершенно дурацкое ощущение — находиться на пороховой бочке из-за прихоти Графа иметь подле себя дочь, о которой он...не знал? Он не знал! Я сама ему себя подала на блюдечке! Но я — личность! И я буду бороться, по крайней мере, до тех пор, пока меня не вынесут вперёд ногами. Личность я...Хм...Была! Когда-то! До тех пор, пока в мой опустевший и осиротевший дом ночью не пришли три чёрные тени. А может, две? Женька на сто процентов к ним не подходит. Но тогда почему он служит им? Чёрт!

Ситуация накалена до предела, у Графа периодически дёргается веко, мне кажется, что я нахожусь на раскалённой сковородке, и меня медленно поджаривают, но меня спасает Женька — он принёс завтрак. Граф, набычив голову, выходит из моей комнаты. Впрочем — это его всегдашнее состояние, он и правда, похож на быка или, скорее, на буйвола.

На прощание Граф изрыгает слова вместе со злостью:

— Разговор ещё не окончен! Насчёт вечера я подумаю, вот — Женька может тебя привести!

— Я сказала: не выйду! Я не хочу стать ни Сонькой золотой ручкой, ни Манькой облигацией.

— Кина насмотрелась? У меня на тебя другие планы! И переоденься! Вон сколько барахла!

— Краденое?

— Нат, там этикетки! — встревает в разговор Женька. — Ну, чо ты? Мы ж не гопники, а честная братва.

— Выы? Честные??? Жень, помолчи уж! Честные они! Оставил завтрак — выметайся Иди — служи господину, а я без слуг обойдусь!

Женька смотрит обиженно, но показывает куда-то взглядом. Я пожимаю плечами — не понимаю, мол.

Потом Женька молча поднимает тарелку с омлетом и пальцем показывает что-то. Я смотрю — там ключ. От комнаты? Здорово! Значит, я могу закрыться и не впускать никого! Но почему молча? Бинго! Нас слушают! Или идёт запись? Ничего себе! Я жму ему руку и знак благодарности и показываю на уши — он кивает в ответ.

Тогда в моей квартире я не рассмотрела, каков из себя этот молодой, двадцатилетний парнишка. Теперь я смотрю на него и не могу понять: почему такой молодой, привлекательный парень втянут в эту банду? Что его тут держит? У него могли быть такие красивые дети, а он убивает других людей, чтобы у них детей не было или они остались сиротами. Но у меня в голове не укладывается, я не верю, что Женья, молодой, добрый, красивый, безусый, он вряд ли даже бреется, такая у него нежная кожа, способен убить. Он настолько заботлив, обо мне по крайней мере, что мне кажется, что Женю тут что-то держит, и он не участвовал ни в одной разборке. Но тогда откуда та рана? Кто и когда его подстрелил?

Я не перестаю задавать себе эти вопросы ни в душе, ни за завтраком, ни после, когда сижу у окна и в который раз провожаю глазами охранника с овчаркой.

Нет, я уверена, он не убийца: такие чистые, светлые голубые глаза не могут принадлежать хладнокровному убийце. Но Женья, как назло не заходит, и поговорить мы не

можем, если в комнате установлена прослушка, а если камера? Вряд ли. Женька бы предупредил. Почему он обо мне так заботится? Неужели лишь из-за той помощи? Неравноценно.

Голова скоро лопнет от мыслей. А впереди ещё целый бесполезный день. Делать нечего, читать нечего. Хох! В шкафу нашла книгу... Надо же... Достоевский «Идиот». Эту книгу, вероятно, Граф для меня купил, а для себя, наверное, прикупил «Преступление и наказание». И «Идиота» пусть забирает. Ещё одна книга. «Война и мир» Толстого. Библиотека прямо-таки.

Я люблю Наташу за ее любовь к людям, эмоциональность, человечность. Но зачем она изменяет Болконскому с Анатодем Курагиным? Наташе не свойственна нравственная рефлексия, глубокие раздумья о смысле жизни. «Она не удостоивает быть умной», — замечает Пьер. А надо бы! Рушится мир, война на пороге, а у неё любовь, видите ли, а Болконского что ж, не любила? Да ещё и сбежала с Курагиным! Я злюсь на себя, а переношу злость на Ростову и на Толстого: зачем он позволил умереть Андрею. Неужели писатель не предполагал счастья Андрея и Наташи? А я? Обрету ли я счастье с Александром Волковым? Наташа стала примерной женой и матерью. А я? Нет, так нечестно! Судьба, сволочь, повернись лицом ко мне, а не задницей! Я ж не Каренина! Да и поезда тут не ходят. Кто-то из героев сказал: «Главное жить, главное любить, главное верить». Мне кажется, что эти слова сказаны именно для меня. Только почему так трудно даётся счастье? А легко оно кому-то далось? Настоящее, полноценное, чтобы счастье — счастье!

Мысли о Ростовской немного отвлекли от суровой реальности, и от безделья я заинтересовалась гардеробом, который Граф назвал тряпками, и вскоре убедилась, что все три платья, очевидно, для меня купленные — на самом деле тряпки: грязно-розовое, с какими-то воланами, тёмно-зелёное, примерно, сорок восьмого размера, и чёрное, усыпанное пайетками, половина которых осыпались. Были ещё джинсы и белая блузка, но джинсы длинные, а блузка мятая — утюга, естественно, нет — опасаются, что я кого-то прибью им.

К гостям Графа я не собиралась идти, но переодеться во что-то надо: я вторые сутки в одной и той же одежде.

Утюга нет, а ножницы? Есть! Мне бы просто подвернуть джинсы, но я тупыми ножницами пытаюсь обрезать длину. Смех и горе!

Когда примерила — оказалось, что одна штанина короче другой, да и края неровно обрезаны. Чёрт! Так только бомжи одеваются. Ладно, потом подверну. Примерила блузку — ужас, мятая.

Но в дверь стучат, отвлекая меня от моего занятия.

— Руслан Николаевич, почему вы? Я Женю ждала!

У Руслана от моего прикида округлились глаза:

— Наташа, что это? — он еле сдерживает смех.

— Одежда! Непонятно? Бомжегато, неправда ли? Выйдите, я переоденусь в свои вещи. К гостям я не выйду: не хочу и не буду, так и передайте своему другу. Спросите у него: зачем я здесь? Когда меня отпустят? Я устала от заточения! Вы — мой педагог, помогите мне! Вы ведь можете! Зачем я училась — чтобы стать пленницей? Вам ли не знать, как я училась, вы меня сами хвалили! Красный диплом! Его выкинуть?

Я задавала прямые вопросы, а Руслан молчал. Все вопросы для меня остались открытыми. Я плакала и вытирала слёзы обрезками джинсов. Он взял у меня из рук кусок

джинсовой ткани и протянул руку вытирать мои слёзы ладонью, но я отстранилась — она чужая, он молча достал платок, источающий аромат свежести, и протянул мне — я не взяла — он был чужой. Вторым куском ткани вытерла слёзы и отошла к окну, подальше от чужого человека. Он обо мне заботился? Ему стало стыдно? Наверное! Он, одетый с иголки, в дорогом костюме, в белоснежной рубашке с двумя расстёгнутыми на шее пуговицами, и я — в одежде из секенхенда. В чужой. Мне было плохо — здесь всё чужое. Они чужие и я им тоже чужая, инородная, но зачем-то необходимая.

— Наташа! Если бы тогда согласилась... ничего этого не было бы, — мне кажется, или он сожалеет?

— Так меня вы украли? Вы решили меня наказать, что я вам отказала? В этом причина?

— Одна причина тянет за собой другую, Наташа, — Руслан говорил с сожалением и всё происходящее ему самому не нравится.

Руслан больше ничего не успел сказать. А меня раздирало любопытство: что это за другая причина, но в комнату вошёл Граф:

— Что так долго? А это что? Наталья, ты откуда взяла эту дрянь?

— Из шкафа, Вячеслав! — Руслан вмешивается. — Какой дурак купил эти тряпки? Я же говорил, не надо её сюда привозить!

— А куда? К тебе? Не рано ли? Девушка до свадьбы должна жить в доме отца, я так понимаю.

— Кто покупал эти вещи? Ты не мог сказать мне, я бы сам купил.

Граф отвернулся, не давая ответа. А Руслан ухмыльнулся, продолжая ходить по комнате, держа руки в карманах. Он догадался, и я догадалась тоже: кто-то из прислуги. Мне даже страшно стало, что я надевала вещи, которых касался... Хмурый. Но вряд ли... Хмурый, очевидно, не стал бы выполнять таких поручений — ему отводилась роль посерьёзнее.

Они выясняли отношения при мене, как будто меня не было рядом или я неодушевлённый предмет.

Я не выдержала:

— О какой свадьбе вы говорите?

Но никто из присутствующих на мой вопрос не ответил, он так и повис в воздухе.

Граф только махнул рукой отрешённо и вышел, за ним последовал Руслан, даже не оглянувшись ни разу.

Они оставили меня без ответа, неизвестность меня повергла в ужас: я не хочу здесь оставаться, но и замуж за Семёнова не хочу, но кому из них важно моё желание — они всё решили за меня. Я всего лишь предмет мебели, а кто будет спрашивать стол или стул, чего он хочет. И зачем я сегодня должна была наряжаться? Почему Руслан был при параде? Может быть он приехал на помолвку??? На нашу?

К чёрту! Никакой помолвки! Никакого замужества!

Я подбегаю к двери, запираюсь на ключ, срывая с себя это страхолюдьё — чужую одежду. Я снова загнана в угол, и мне отсюда не выйти. У меня сейчас тот самый период в жизни, когда в одной точке пересеклось всё самое чёрное, и я сражаюсь с ним в одиночестве.

Я снова надеваю свои брюки и свитер. Они мои. Я решаюсь пойти к Графу и потребовать ответ: какие у него на меня планы. Я больше не могу жить здесь и томиться в неизвестности.

Выходя из своей комнаты, в тишину коридора, я удивилась: почему нет ни души? И где

же гости? Никого. Я притаилась. Но как только я сделала шаг, раздаётся голос: меня передёрнуло, я перестала дышать, стараясь потом выровнять дыхание.

— Успокойся, Рус! Будет тебе твоя клиника.

— Когда? Ты, Граф, не треть, ты половину хапанул! И Наташа...зачем тебе обязательно нужна эта свадьба? Зачем ты задумал Наталью светить? Ты не подумал, что твои конкуренты воспользуются этим? Ты пригрел неизвестно откуда взявшуюся дочь, под тебя будут копать, и неизвестно, что накопают или придумают. Смотри, Вячеслав, как бы это не сказалось на твоём бизнесе, зачем тебе скандал, тем более накануне операции. Ты очень долгое время проведёшь в больнице. Сначала...

— Ладно, я всё понял, — Граф не дал Руслану закончить фразу. — Я подумаю над твоими слова, возможно, ты прав, а как там очередь?

— Продвигается, на сегодняшний день ты уже десятый.

— Как десятый? Сколько ещё можно ждать?

Они разговаривали где-то в другой комнате, но в тишине их голоса я отчётливо слышала. Послышался звук отодвигающегося стула, я попятилась назад, юркнула обратно в комнату, и снова затаила дыхание. Сердце опустилось до самого желудка.

Что делать? Бежать! Лучше замёрзну, где-нибудь на дороге, но замуж за Руслана не выйду! Не выйду! Нет! у меня есть Саша, я его люблю, замуж за нелюбимого не выйду! Нет! Лечь в постель с нелюбимым Русланом? Нет! У меня есть Саша! Саша! Как же я без тебя? А ты без меня? Как? Нет! Лучше замёрзну! Лучше смерть, но только не за нелюбимого! Нет! Бежать! Пусть я замёрзну! Но если бежать — мне будет жарко. И при чём здесь клиника? При чём здесь я? И что за очередь?

Глава 13.4

Мысли мечутся в моём воспалённом мозге, а я мечусь по комнате, как волчица по клетке.

Из распахнутого в ту же минуту окна меня обдаёт морозный воздух. Где моё пальто? От него мало толку — но хоть что-то. В шкафу пальто не было, значит, его забрали. Всё предусмотрели! Хорошо хоть ботинки оставили!

Но выпрыгнуть из окна и не наделать шума, у меня не получается: ветром звонко захлопнулась рама, а я больно ударилась коленом о выступ на стене и громко ойкнула. Но пока на этот шум никто не среагировал: охранника с собакой на, моё счастье, не было. Огляделась: огромный дом выстроен из деревянных брёвен, но мне некогда рассматривать строение — надо ещё добежать до изгороди, пока меня не хватились — а там ещё предстояло перебраться через металлическую изгородь с острыми, как пики, наконечниками. Может, где-то есть лаз? Я перебегаю расстояние от дома до забора, я уже почти добежала, но в ту же минуту раздаётся крик:

— Наташка, куда ты? Стой! — это Женькин голос меня зовёт из окна моей комнаты, но я уже бегу вдоль забора в поисках места, где между металлическими стержнями пошире расстояние, чтобы протиснуться и не застрять. Я почувствовала глоток свободы, и Женьке меня не остановить, если только не пристрелит, конечно, но он не станет стрелять: я это точно знаю.

Оглянулась на секунду: Женька прыгает из окна и бежит за мной, тут же слышу собачий лай и её хриплое рычание в беге.

Собака меня настигает быстрее. Я зажмуриваю глаза, жду — сейчас она меня разорвёт, если охранник её не остановит.

— Анжела, Анжела, фу, это свои! Свои, нельзя! — это не охранник, это Женька кричит, подбегая к нам: ко мне и собаке.

Чувствую, как собачьи лапы падают мне на плечи, а собака лижет мне щёку. Открываю глаза — собака во весь рост опёрлась об меня, но не кусает, только дышит мне в нос. Охранник прибегает следом и, остановившись поодаль, растерянно разводит руками, мол, он не виноват.

Женька хватает животное за ошейник, наши взгляды, оба испуганные, встречаются, а Женья, запыхавшись, говорит:

— Она не злая, не бойся, твой запах ей понравился, поэтому не укусила. Дура ты, Наташка, в такой мороз, раздетой побежала, не могла подождать, я бы что-нибудь придумал, а теперь Граф с тебя глаз не спустит, и меня пришьёт — я ж не доглядел.

— Женья, отпусти меня, ты же добрый, ты не похож на них! Отпусти! Скажи, что меня не догнал... Пожалуйста, Женья!

Сейчас мне уже всё равно — что со мной сделает Граф, как поступит с Женькой: я падаю на колени в снег. Рыдание от безысходности заглушает и голос спасителя, и рычание собаки, и пронизывающий ветер.

— Натрави её на меня, Жень, пусть она меня загрызёт! Я не хочу больше так жить! Но только чтоб она вцепилась мне в горло! Жень! Или сам застрели! — прерывая рыдания, говорю через раз, захлёбываясь от обжигающих слёз и морозного воздуха. Меня колотит от леденящего страха и от холода.

— Неужели я так противен тебе? — это голос не Женьки, это говорит Руслан. Откуда он-то взялся? Ненавистный голос ненавистного человека. — Жень, веди её в дом, нет, я сам, а ты отведи собаку, и смени охрану, скажи, Граф приказал.

Женя послушно уводит собаку, а Руслан, надо же, отдаёт мне свой пиджак, кутая меня в него, пытаюсь поднять меня, но я не трогаясь с места, слушаю его и вытираю слёзы, отстукивая чечётку зубами.

— Наташа, пойдём в дом, только не иди быстро, мне надо сказать тебе: я сам не в восторге от происходящего. Я не изверг, мне нужен этот брак так же, как и тебе. Но у меня нет выхода, у тебя тоже. Нам придётся пожениться, но... это будет фиктивный брак, — по его лицу пробегает тень, что сейчас он раскрывает тайну за семью печатями. Он вынужден, вынужден идти на этот шаг.

Я таращу сквозь слёзы глаза на Руслана, пытаюсь понять: не галлюцинация ли это. То, что он мне сейчас говорит, постоянно бросая взгляд на окна, никак не вяжется с Русланом, которого до сих пор знала я. У него сейчас твёрдый, почти властный голос, но с ноткой сожаления.

— Но мы должны играть.

— Но, Руслан, — до сих пор вы вели себя по-иному! Что изменилось теперь?

— Раньше у меня не было сына, Волкова.

Он назвал меня по фамилии, надо же. Кого у него не было? Я от потрясения стала плохо соображать. Сына?

— Сына? Руслан? У тебя сын? — я перешла на «ты». — Я стану ему мачехой?

— Наташа, всё потом, ты сидишь на снегу, и нас ждёт Граф. Наказанья тебе не избежать, но я попытаюсь тебя защитить. Моё условие — ты должна выторговать у него половину моей клиники, а потом передать мне. Тогда мои притязания на тебя закончатся. (Вряд ли!) Тебе не придётся становиться мачехой моего сына, тем более у него есть мать. (Я и не собиралась!) Я не люблю эту женщину, так уж получилось, но и ты отдалась другому, а мне не нужна женщина, побывавшая в постели с другим. (Как будто я горю желанием!) Зачем ты связалась с этой шпаной? (Сам ты шпана!) У него ничего нет! (Есть!) Как ты собиралась с ним жить? (Счастливо!)

Я мысленно спорю с ним, в его голосе звучит злость, а я, наконец, встаю и делаю первый шаг, но боль пронизывает ушибленное колено, я морщусь.

Они всё знают. Мне надо защитить Сашу, и мне в голову приходит, что надо соврать. Ложь во спасение.

— Это не ваше дело! Да и Волкова у меня больше нет! Вашими стараниями он от меня отказался!

— Как отказался? И при чём я?

— Не вы конкретно. Он узнал, что я имею отношение к Графу...

— А не врешь ли ты, детка?

Он мне не верит, вероятно, из-за встречи в ресторане...

Я пытаюсь идти, но колено болит, я скольжу и падаю, но Руслан вовремя меня подхватывает за талию и прижимает к себе. Я чувствую, что, несмотря на холод, он горячий, но я всё равно отстранилась:

— Я сама!

— Что с тобой?

— Всё нормально, дойду. Руслан, а мне не нужен мужчина, побывавший в постели по

крайней мере у пятидесяти женщин. Мы даже ещё не квиты: мне далеко до вас, — меня злит, что он думает обо мне, как о женщине второго сорта. — И в жёны к вам я не напрашивалась. Вы всё сами решили за меня. Ваша клиника мне не нужна. Сами разбирайтесь! Если бы не вы с вашей клиникой, — я даже не знала, что она у вас есть, — я бы сидела дома, спала бы в своей постели, и не стала бы разменной монетой между вами и Графом.

— С другим мужчиной спала бы? С Волковым? Всё, Наталья, хватит препираться, видишь, Граф уже смотрит, мы потом ещё поговорим на эту тему. У тебя нельзя, твоя комната на прослушке, но только тогда, когда в доме есть электричество. Расспроси Женьку об этом. Всё, идём! Обопрись об меня.

— Обойдусь! И это не ваше дело, с кем я сплю! На фиктивный брак я согласна! Но только на фиктивный! Спать с вами я не буду, даже не надейтесь! Я не стану вашим очередным трофеем! Мой мужчина должен быть только моим, на другое я не согласна, я сейчас это говорю, зная вас, а теперь ведите меня хоть к Графу, хоть к чёрту лысому.

Он криво улыбнулся: Граф растительностью на голове похвастаться не мог.

— Эх, Наташа, а ведь всё могло сложиться так хорошо...

— С вами? Вы не в моём вкусе.

— А ты была как раз в моём, но была, этим всё сказано. Идём. Сначала я войду один, надо же как-то объяснить твоему отцу, почему ты раздетая выпрыгнула из окна.

— Пойдите, Руслан Николаевич...

— Для тебя можно просто Руслан. Я люблю своё имя, и...твое, Наташа, тоже...любил.

Его острый взгляд потрошит меня как лабораторную мышь. Это он умеет. Он так часто смотрел на меня, я помню. На других девчонок смотрел иначе, сально что ли, а меня просвечивал рентгеном. Я не догадывалась тогда, чем я заслужила такой взгляд — попробуй, догадайся, если не знаешь, не ведаешь, что на уме у человека, тем более Семёнова.

Я ковыляю за Семёновым, он медленно идёт впереди.

Мы заходим в тепло коридора, но как ни странно, нас никто не встречает. Где же охрана? По моим представлениям, её здесь должно быть немерено. Может, они специально скрылись? Из огромного коридора выходили две двери напротив друг друга. Стены отделаны такими же полубрѣвнами, как моя комната. Руслан открывает передо мной дверь, ведущую направо, и мы заходим в холл. Куда ведёт левая? В другое крыло? А кто там живёт?

Руслан уходит в кабинет Графа, забрав пиджак из моих рук и оставив меня в просторном холле. Я впервые вижу, что собой представляет дом или резиденция Графа, криминального авторитета. Я окидываю взглядом такие же бревенчатые, покрытые бесцветным лаком, стены, увешанные с одной стороны коллекцией холодного оружия: старинные сабли, кинжалы, ножны для сабель, клинки без рукоятей, — всё то, что убивает, отнимает жизнь у человека. Сколько человеческой крови пролила каждая из сабель? Но мои размышления прерывает звук чьих-то приближающихся шагов.

Из-за угла холла выходит Хмурый и устремляет свой волчий взгляд прямо на меня, заставляя поёжиться и отойти подальше на несколько шагов.

— Не бойсь, сейчас не трону... Я нынче не в настроении, да и Граф дома...

Я вдруг почувствовала себя мелкой песчинкой, занесённой волей судьбы сюда, в чужую Вселенную, на чужой для меня берег. Вот сейчас передо мной Хмурый и он может прямо сейчас размазать меня по красивой стене холла или зарубить саблей, или зарезать кинжалом.

Огромная кованая ограда, охрана, выжидавшая нападения извне (только за все дни, проведённые внутри ограды, я так и не дождалась никакого нападения), собака, охраняющая покой своего хозяина, и вот этот урод, для которого я мясо.

А я — песчинка, не имеющая права голоса. Но песчинка ли я? А может, волчица? От этой вовремя пришедшей мысли кровь во мне забурлила.

— Ублюдок мелкий (он небольшого роста, я даже выше его), только попробуй приблизиться! У меня есть тупые ножницы, но отчистить твои яйца мне не составит труда! Я хирург, к твоему сведению!

Я не кричу, я говорю сквозь стиснутые зубы.

Хмурый набирает воздух в лёгкие, напрягается, чтобы проорать на меня какую-то гнусность (я в этом уверена), но Руслан выходит из кабинета, а Хмурый, сгорбившись, удаляется прочь. Он боится Руслана?

Теперь моя очередь держать ответ перед Графом. Перед входом Руслан мне шепнул: «Не бойся».

Надо же.

— Ну, Наташа, подышала воздухом? — Граф несколько мгновений пытается меня въедливым взглядом. Передо мной Граф-скептик, видно, что он устал или, действительно, болен. Он восседает на просторном кресле, обитом натуральной кожей, под стать ему по размерам. В просторном домашнем халате, брюках — пара к халату, в тапках в цвет — хоть картину пиши во весь рост. Собакевич, блин! Инсталляция по мотивам Гоголя! Пыжиться чего-то, а душа-то мёртвая! — Ты думаешь, я такой лох, что поверил в рассказы Семёнова? Тебя кто-нибудь бьёт, насилует, морит голодом?

— Только этого не хватало, остальное всё есть! — я поёжилась от такого пристального взгляда, тем более от него явственно исходило недоверие с большой долей угрозы.

— Что есть, Наталья? Тебя истязают, травят собаками, пытаются раскалённым железом? Что есть? Какого чёрта ты, раздетая, в такой мороз решила сбежать? Живёшь на всём готовом, никто тебя не обижает. Чего тебе ещё надо? — разговор становился не милой беседой, а скорее допросом без всяких воспоминаний о правах человека.

— Свободы! И жить так, как я привыкла!

Граф скривился, не поддержав мои доводы.

— И здесь привыкнешь! Успокойся, нечего тут мученицу изображать. Будешь умницей, и ничего плохого с тобой не случится. А сможешь взять за хобот мужика, так и вовсе будешь как сыр в масле кататься. У него бабла немерено. И мужик не старый. Как тебе такое, а? Попомни мое слово, еще благодарить меня будешь, — права человека отметались напрочь.

И добавил сально облизнувшись:

— Я ж тебе, дурочка, можно сказать, путевку в жизнь даю. А ты — бежать!

— Путёвку в жизнь! В какую? — злость вопреки страху распирает меня. Содержанкой быть? У кого, если не секрет? Ты продать меня хочешь! Вот для чего тебе нужна дочь! Знаешь, ты кто? Ты изверг, каких мало! Кто покупатель? Это мне можно узнать? — я уже приближаюсь к истерике, ещё минута — и я разревусь у него на глазах

— А ты не догадываешься? Наш красавчик!

— Ррус... — я не могу выговорить от неожиданности, я передёргиваю плечами, пытаюсь сбросить это наваждение.

— Да, да, Рус... — Руслан!

— Моя судьба решена? Я не хочу выходить за Руслана. Он...он хуже ядовитой змеи! И я не имею желания барахтаться в зыбучих песках — так быстрее погибнешь. Но вы, вы понимаете, что вы тоже погибнете? Вам осталось недолго! И тогда Руслан всё приберёт к рукам! Что тогда останется мне?

От волнения я перескакиваю с «ты» на «вы». Руслан велел играть, но у меня не получается. Когда любишь одного мужчину, а замуж велят идти за другого — это не театр, где герои женятся, разводятся, рождаются, умирают в течение действия пьесы. Это жизнь. И я, как могу, защищаю своё право на свободу, на любовь, на жизнь с любимым человеком. Но и Граф, кажется, не играет: на лбу выступает пот, он неровно дышит, пульс зашкаливает — вена на шее бешено пульсирует. Ему тоже нелегко даётся наш разговор.

— Я мужа выберу сердцем, — выбиваясь из сил в неравной схватке, наверное, веду себя, как бешеная кошка, загнанная в угол. Но как мне вести себя, когда внутри меня всё клокочет от бессилия.

— Сердцем она выберет, я тоже хочу новое сердце! А ты, дрянь такая, не сберегла свою девственность! Теперь мне придётся платить вдвое! Его ты выберешь? — он быстро вышел из себя: ноздри раздуваются, глаза сверкают от злобы.

Граф из кармана халата выдёргивает несколько фото и со злостью кидает в меня. Фотобумага ударила в лицо, в грудь. Больно не было, страшно стало: Граф Сашку теперь уничтожит. Это он умел.

— Это ты выбрала?! Его? Так вот — знай! Ты не увидишь его никогда! Он умер! Для тебя он умер! Я запрещаю тебе его даже видеть! — кричал он. — Моя единственная дочь никогда не станет женой Волка! Это сказал я, Граф! Он же голодранец! Или с милым и в шалаше рай?

Граф прокричался и выдохся. Мёртвая тишина. Слышно только, как тикают на стене часы. Я собираю разбросанные фото, складываю стопкой — их несколько, кто на них — догадаться не составляет труда, даже не глядя, и кто автор фото — не вызывает сомнения.

— Ты всё у меня отобрал, — я почти перехожу на шёпот, — ты начал ломать мою жизнь задолго до этой встречи, — я еле сдерживаю слёзы, — в одночасье рухнуло всё, к чему я долгие годы стремилась, как я тебя ненавижу! Как я ненавижу тебя! — он, кажется, меня слушает, но резко прерывает:

— Всё, хватит, Наталья, я наперёд знаю всё, что ты мне скажешь, подай лучше мне лекарство.

— Яду? Запросто! А лекарства бери сам!

— Я и без яда сдохну!

— Какое лекарство??

— Там, на тумбочке, Руслан выписал...

Я с усилием подхожу к огромной тумбе — усталость пятикилограммовыми гири висит на моих ногах, — на ней десятки препаратов, выбираю нитроглицерин. Но прежде рассматриваю, чем Графа лечит Руслан. Есть лекарства знакомые мне, но и незнакомые тоже, но я замечаю два препарата, абсолютно несовместимые, он нам сам говорил. У меня закрадывается мысль: уж не травит ли Семёнов его?

— Вот, под язык, и полежать, — не глядя на Графа, протягиваю ладонь с лекарством.

— А что одна-то? Поищи там ещё чего-нибудь....

— Тогда только яду, он все болезни лечит, разом, поскольку лекарство, чтобы у человека вдруг выиграла совесть, пока не изобрели, — моя апатия выжала из меня все страдания, все мысли, всю силу к сопротивлению. Остались только слова-жала. Оса мала, но если ужалил...!

— Иди, Наталья, ступай, отдохни и подумай над этим разговором. Ещё раз захочешь сбежать — решётку на окно поставлю!

Медленно, на негнущихся ногах покидаю святая святых этого дома, с его огромной широкой деревянной кроватью, под стать хозяину, опираясь на стулья с гнутыми спинками, в поисках выхода обвожу взглядом шкафы из красного дерева, хаотично заполненные какими-то книгами, по тёмно-коричневому напольному покрытию, очень мягкому, в отличие от хозяина. Наконец, найдя входную массивную, обитую коричневым металлом дверь, — она гладкая под пальцами — бреду куда-то, — нужного направления к моей комнате я не знаю. Апатия давит на меня, раздавливая то ли в блин, то ли в кусок того плоского металла, что на двери Графа.

Мне непреодолимо хочется спать, уснуть и не чувствовать.

Где-то за входной дверью, я слышу крики, кажется, это голос Руслана, он кому-то кричит:

— Ещё хоть раз подойдёшь к ней — мясо жевать будешь вставными челюстями, гнида!

Потом слышу чьё-то падение и мат.

Позади раздаются шаги. Чьи они? Кто это?

Позади раздаются шаги. Чьи они?

Гм, Женька, оруженосец хренов, верный холуй Графа, наблюдающий за мной двадцать четыре часа.

А может, он спасает меня?

Женька берёт меня за руку и куда-то ведёт. Мне без разницы, куда, только бы подальше от Графа и его безумия. А то, что он безумен, я не сомневаюсь так же твёрдо, что он чертовски умён: никто до сих пор не нашёл это лежбище бандита. Как до сих пор никто из его приближения не слил конторе это место на карте. Может, его вообще нет? И меня нет тоже. Но я есть, я дышу, чувствую, борюсь, наконец. Но силы заканчиваются. Цель для сопротивления становится всё более призрачной. Я кожей почувствовала, что проигрываю битву: подсечка, кувырок, обманный маневр — с его стороны. А с моей? Я так не умею, не научена... Он играет против правил, да и самих правил нет.

Мы доходим до какой-то двери. Мне бы запомнить дорогу, но я настолько раздавлена, что мозг не способен считывать информацию.

Женька открывает дверь... моя комната, снова моя клетка. Привет, я вернулась, недолго ты оставалась свободной, а я... всего несколько минут... Слёзы... Они наворачиваются сразу, как только я остаюсь одна, а мой персональный охранник, погладив меня по волосам, поделившись опечаленным взглядом, уходит, произнеся:

— Закройся на ключ.

Я затворяю окно, из которого мне снова виден охранник с собакой, с Анжелой, кажется.

Я впадаю в какое-то беспробудное оцепенение. Так уже было со мной. Когда мама умерла, было. И когда не стало бабушки. Сейчас я так же задыхаюсь, тону в шквале боли и ненависти. Захлебываюсь ими, давлюсь. Внутри все горит огнем от удушья. Вот только инстинкт самосохранения — спит. Разум, надрываясь, вопит, что нужно бороться, бежать без оглядки, не смей даже думать и надеяться, что кто-то придёт и спасёт.

Даже при свете дня комната по-прежнему выглядит неприветливо, здесь всё тоскливо и мрачно. Тяжёлая, гнетущая энергетика заставляет думать: не стоит ли дом на болоте? Возможно, осушенном. А кто строил дом???

Иногда мне казалось, что моя....Бабушкина квартирка слишком тесная: мы втроём с трудом в ней размещались, оттого и диван стоит до сих пор, но сейчас я понимаю, что это самое лучшее место на свете. Как всё-таки мировоззрение меняется под гнётом обстоятельств.

А как бы мне хотелось сейчас принять душ в моей маленькой ванной, переодеться в пижаму, укрыться бабушкиным одеялом, вдохнуть воздух родного дома и, ни о чём не думая, заснуть на своей постели и долго-долго не просыпаться.

Безумно хочется оказаться в своей квартире и...обнять Сашу, но мне этого не дано. Укладываюсь на чужую кровать — ноги уже не держат — не снимая ни брюк, ни свитера.

Но память безжалостно дублирует один и тот же недосыгаемый, желанный образ.

Моё недосыгаемое счастье.

Счастье — это лежать в родных объятиях, пока он спит, и задыхаться от любви и нежности к нему. От любви и нежности! Безумно хочется подойти со спины и обнимать его долго-долго, прижиматься щекой и впитывать его запах. Нежность — вот что самое главное

В любви.

Жизнь ведь прекрасна, когда чей-то щеке нужен твой нос.

И много человеку нужно для счастья?

Много! Целого другого человека нужно! Любимого, дорогого, единственного на свете!

Веки смежаются. Мне удаётся провалиться в сон, путаясь в мутных обрывках и круговороте мыслей о Саше. Порой казалось, он со мной всегда и в мыслях, и в чувствах.

— Наташааа... — я слышу голос.

Кто-то зовёт меня, вытягивая из сладкого плена сна. Не хочу, не надо, мне здесь хорошо. Я купаюсь в тёплых золотых лучах солнца, подставляя лицо и руки волнам летнего ветерка. Я в раю. Река. Чистая-чистая.

— Нааташшаа..

Отражение. Чьё? Любимое лицо. Так чётко! Набежавший ветерок, рябь на воде, она нарушает целостность изображения. Остановись, ветерок, дай мне ещё хоть раз посмотреть в его глаза!

Теперь он рядом, рядом его глаза, губы. Господи, как же мне приятна его близость. Полжизни отдала бы, чтобы он не ушёл. И он не уходит, он рядом, он реальный — не рябь на воде.

Его губы касаются, язык размыкает мои губы, пробирается глубже, я окончательно теряю последние крупинцы разума. Целуй меня, Саша, целуй, неторопливо, исступлённо, нежно, горячо, жарко, жгуче.

Возьми меня всю, коснись моей груди.

Я чувствую, как завожусь, как напрягаются соски, низ живота тяжелеет, мощно, жарко, горячо, сладко.

Я хочу его. Хочууу! Он мой кайф, мой сладкий бред, пусть бред, пусть, он мой наркотик, ну и пусть.

Натаашаа...

Горячая ладонь скользит по моему животу, пробирается к соскам, электричество пронзает моё тело, оно горит, живёт отдельной жизнью.

Я не могу больше терпеть его ласки: скользнув по обнажённой мужской груди, бесстыдно забираюсь к нему в ширинку и обхватываю рукой член. Он огромен, горяч, он пульсирует, сладкий мой! Он хочет меня так сильно, как и я его. Как же я его хочу! Хочууу!

Саша, возьми меня, почему ты медлишь? Ты же видишь, как мне плохо без тебя, как мне сильно тебя не хватает? Мне плохо, любимый! Ну, что же ты медлишь?! Хочу тобой наполниться, ощутить в себе хочу! Вот же я вся, бесстыдно вся раскрыта, живот вибрирует, я сейчас взорвусь от изнеможения!

Я чуть не плачу...

Распахиваю глаза... Ночь. Уже совсем глубокая ночь. Комнату освещает ярко-жёлтый лунный диск. Тяжело дыша, оглядываю своё тело и комнату. Рядом никого. Трусики увлажнились, совсем мокрые, а переодеться не во что.

В душе рождается буря, ещё немного — и она сметёт меня.

За что? Почему? Почему я? Меня за что? Смогу ли я побороть желание взорвать этот дом?! Сжечь дотла, чтобы стереть с лица даже воспоминание о нём и его хозяине?!

Я двадцать пять лет не знала своего отца. И лучше было бы, чтобы я не узнала о нём никогда. Совсем. С его появлением в пропасть полетели все мои планы на будущее, все мои мечты. Я узнала, что такое страх, насилие, кровь, предательство. Его предательство. Он

проливал кровь, он калечил жизни людей. Он двадцать шесть лет назад предал мою маму, искалечил ей жизнь, теперь принялся за мою. В моём сердце есть место только для одного мужчины. А я выбираю сердцем.

У меня и у него одна судьба. Одна судьба на двоих. Судьба-мачеха даёт под дых, ставит подножку: ползи, Наташка.

Глава 14.3

Оставшуюся часть ночи я не сомкнула глаз. Плакала, стирала трусики, снова плакала. Мне хотелось сохранить эту тишину и не нарушать её ничем. А потом уснуть без воспоминаний, отчаянного шёпота, слёз и завываний в подушку. Который час я не знаю, у меня даже нет часов в клетке, не в комнате — там обычно вешают часы. Но я кожей чувствую, что стрелки часов стоят на месте, не двигаясь ни назад, ни вперёд. Если бы чудесным образом можно было повернуть время вспять, но чудес не бывает, по крайней мере, не со мной, или не в этой жизни.

Утром впечатления немного угасли. Боль не прошла, нет, наверное, никогда не пройдёт, но она уже не так невыносима.

Стук в дверь. Женька входит как всегда с подносом.

— Убери еду, я не буду это есть... Передай Графу, что я объявила голодовку!

— Дура! Кого ты этим захотела удивить? Ему, мне кажется, глубоко пос... короче, ешь ты или нет, ему по ветру.

— Даже так? Тогда тем более, если я умру с голоду, ему меньше проблем. А почему ты вдруг со мной разговорился? Чтобы он слышал сам?

— Сейчас он нас не слышит. Генератор вышел из строя, и я не знаю, когда его починят. А если нет электричества, то и прослушка не работает. Короче! Ешь и не выпендривайся, тем более это я сам для тебя готовил.

Я мельком взглянула на поднос: яичница с колбасой, чай с лимоном и бутерброд с сыром — бесхитростная домашняя еда.

— А кто раньше готовил?

— Катька, — при этом он слегка улыбнулся.

— Из тебя клещами надо вытягивать слова? Кто такая Катька? Она повар?

— Ну, можно и так сказать. Ешь, тем более обед вряд ли будет. На сухпай переходим, пока генератор не починят.

Женька во время разговора ни разу на меня не взглянул, даже мельком, будто чувствовал вину передо мной.

— Жень, мне неинтересно знать про генератор, лучше расскажи, где мы находимся? Что это за место такое, что сюда не проходит ни телефонная связь, ни интернет?

— По всему периметру за километр отсюда стоят уловители связи, заглушки. Ты что-нибудь слышала про это? Чтобы мне позвонить, надо отъехать на километр или больше. Поняла?

— На уловители Граф не поскупился, а новый генератор у него денег нет. Так что ли? Жень? Ты мне лапшу гонишь? Или как там у вас? Вспомнила: порожняк гонишь, а лапшу вешаешь.

— Он и есть новый. Только...короче, Наташка, ешь. Мне уже идти надо, там Катьке ещё надо помочь. Она беременна.

— Как беременна? — мои глаза округлились от неожиданного признания Женьки. — Она... твоя девушка? И почему она здесь? Как вы собираетесь рожать, сколько километров от города? Её надо отвезти в роддом, отсюда есть дорога для скорой?

— Я на тебя надеюсь, Наташа, — его виноватый взгляд меня не тронул, меня больше беспокоило, когда я выберусь из этого дома.

— Сколько недель беременности? Жень, давай, говори. Какой у неё живот? Большой?

— Большой уже, сколько недель, я не понимаю в этом. Мы и у врача ни разу не были.

Нам туда нельзя, Граф прибудет, если узнает, что мы спалили его лежбище.

— Но зачем ты её сюда привёз?

— Нам негде жить, даже если снять квартиру — я не могу находиться рядом с ней двадцать четыре часа в сутки. Я к этому дому привязан канатами, блин. Чтоб он сгорел и его хозяин вместе с ним. Сто раз пожалел, что тогда... Ну тогда, помнишь? Это я из-за него пулю словил, но, по-моему, он просто меня проверял...

Женька в пылу разговора раскрепощается и выдаёт такие признания!

— Ты его тоже ненавидишь, Жень? Почему тогда служишь ему? Ты же... Нет, сбежать ты не можешь... Я всё поняла, тебя держит крыша над головой и беременная девушка. Ох, Женька! Что же ты натворил! А когда Катя родит? Как вы будете жить здесь с ребёнком? Умоляй Графа, чтобы он вас отпустил. Так, рассказывай мне всё сначала, ты не выйдешь отсюда, пока я не узнаю всё, что меня интересует.

— Спрашивай!

— Сколько охраны?

— Четверо. Живут в другой части дома. В этой части — только ты и Граф. Что ещё?

— Почему так мало?

— А зачем больше? Дом от посторонних глаз закрыт соснами. Ночью освещения не включают, чтобы с дороги не видно, да и с десяти километров не увидишь. А Графу не нужны лишние люди — разговору меньше.

— Сколько километров от города?

— Двадцать.

— Так, ладно, а от трассы?

— Десять. Ты поняла, что пешком в мороз тебе не дойти! Дура, ты, Натка, надо было подождать немного, я бы помог тебе выбраться!

Я мечусь по комнате, кусая ногти, а Женька бормочет:

— Ты хоть бы штаны надела. Почему ты в простыни?

— Твоё какое дело? Кто меня похищал? Хмурый был не один. Хотя, какая разница... блин. Кого мне ещё надо опасаться?

— Его и Графа, ну и Руса, конечно, у него к тебе свой интерес. Какой — я не знаю, но догадаться нетрудно. Ему нужна расписка Графа?

— Какая расписка?... Кто из них кому должен? — в мой мозг капля за каплей проникает осознание, что дело, действительно, в клинике.

Так, рассуждаем здраво: если Руслан должен Графу, что вполне вероятно, то о каком бабле говорил Граф? А если Граф должен Руслану, то я — это компенсация за долг. Ничего не понятно!

— Вот именно, что ничего не понятно, Нат, и вообще, думай потише.

Женька сокрушённо качает головой:

— Ты вслух говорила!

— Ладно, Жень, ты иди, а я буду думать.

— Думай, но недолго, к ночи что-нибудь придумай. Потом приду, тут есть ещё одно дело, но это потом. Дверь, кроме меня, ну и хозяина тоже, никому не открывай: Хмурый не только алкаш... он балуется наркотой... только я тебе этого не говорил. Усекла?

Я, наконец, остаюсь в одиночестве. Мне надо подумать, но сначала принять душ, от

меня, наверное, пахнет мускусом, но Женька не обратил внимания, хотя простынь заметил. А как принимать душ, если нет электричества? Чёрт! Холодной водой умываюсь, протираю шею, руки, волосы вымыть нечем, струйка воды становится тоньше, я едва успеваю набрать стакан воды, чтобы почистить зубы, как кран начинает чихать- нет напора. Да чтоб вас! А трусики? Высохли.

Я проглотила еду, принесенную Женькой, — неизвестно, будут ли ещё кормить сегодня.

Но подумать и осмыслить, переварить сказанное Женей мне не дают: на пороге Руслан с кучей пакетов. Он по-прежнему хмурится.

— Наталья, живо переодевайся и приходи в кабинет к отцу, будем его капать. У него вены ни к чёрту, а у тебя тонкие пальцы.

— Во что переодеваться? Что это?

Я разглядываю пакеты — там вещи, новые, дорогие, по-видимому.

— На чьи деньги куплено?

— Какая тебе разница?

— А впрочем, действительно, какая. От нескольких сотен долларов ни вы, ни он не обеднеете. Выйдите, я переоденусь. Хотите, подождите за дверью, я не знаю дороги к кабинету Графа.

Руслан безоговорочно вышел, а я, наконец, рассмотрела содержимое пакетов. Светлая блузка с длинным рукавом из ткани очень приятной на ощупь — почти как моя, только эта явно дороже. Ладно, выберу её. Джинсы тоже сели, как влитые, после того, как я надела белые кружевные трусики, пусть не на чистое тело, но воды по-прежнему не было. Бюстгальтер... подишь ты, прямо моего размера. Видно, Руслан не в первый раз покупает дамское бельё... В другой обстановке я бы покрутилась перед зеркалом, полюбовалась бы нежным кружевом лифчика и трусиков, показала бы Саше в таком неглиже. Ммм... За дверью ждал не он! Там стоял Руслан... Он сам продал душу дьяволу по имени Граф, а я нужна для того, чтобы я его душу выкупила. Меня не прельщала перспектива стать фиктивной женой, меня вообще не прельщала никакая из перспектив с Русланом, но, чтобы выбраться отсюда, из логова Графа, мне тоже придётся пожертвовать своими принципами и играть, я сыграю, я до конца пойду.

Вот ещё какая-то коробка, видно, обувь... Гм, туфли-лодочки под цвет джинсов. Годится. С размером угадал.

Убрала пустые упаковки, пригладила волосы, пальцами попыталась хоть как-то разобрать спутанные пряди. Расчёски не было.

Расчёска! Я даже присела... Тогда, после погрома, я не обратила внимания, что пропала расчёска. До таких ли мелочей мне было, но и потом я её не видела, а она мне нравилась удобством: с одной стороны — зеркальце, а с другой — массажка. Возможно, люди Графа за этим и приходили — хозяину нужен был биоматериал для анализа ДНК. Вот ведь, когда вспомнила.

А зачем ЕМУ нужно подтверждение отцовства?

Мне часто говорили, что я похожа на маму. Возможно, Граф решил выместить злость на той, которая так похожа на сбежавшую от него давнюю любовь. Ведь мы с ней почти одно лицо. Так? Вполне может быть.

Самсонов Роман. Второе имя, упомянутое в письме мамы. Двоюродный брат, убитый Графским.

Думай, Наташка, думай!

Я позвала Руслана. Если раньше он был для меня учителем, профессором, то теперь передо мной успешный циничный мужчина, явно не обделённый удовольствиями в жизни. Он сегодня не в костюме. Тёмные джинсы подчёркивают рельеф его бёдер, тёмно-синяя футболка с v-образным вырезом облегает спортивную грудь и плоский живот, ремень и ботинки из натуральной чёрной кожи — реально качественные и стильные вещи. Всё вместе взятое создаёт образ неотразимого мачо, недаром девчонки меда в очередь становились, чтобы...

— Я готова.

Он задумчиво обвёл меня взглядом. Безумно красивый, с глазами цвета яркой зелени. Но сердце молчит, мурашек нет, и холодно, а фраза: «Согрел бы кто-нибудь, а?»- за семью замками.

— Как жалко, Наташа, что наше тесное знакомство состоялось при таких неприятных обстоятельствах... — цедит он сквозь зубы, окидывая похотливым взглядом мою фигуру.

Он протянул руку, как тогда, в больнице, мне почему-то вспомнилось, и я инстинктивно отстраняюсь.

— Боишься меня или брезгуешь?

— Руслан...постойте, вы сейчас не о том думаете, — я сама беру его за локоть, — почему я? Другого способа нет вернуть вашу клинику?

— Я бы мог стать для тебя ближе, но... теперь поезд ушёл. Идём к Графу, заждался. И да, нет другого способа, искать его у меня нет времени — скоро вернётся мой отец. Идём, поговорим позже.

Я иду следом за Русланом, дышу его дорогим парфюмом, но мне абсолютно безразлична его цена и человек, который им благоухает.

Среди мужских ароматов я уже выбрала неповторимый для меня, недостижимый, но желанный.

Если бы Саша шёл впереди, если бы его запах я вдыхала, если бы...Он был здесь. Близкий, любимый. Закрываю, зажмуриваю глаза, прогоняя слёзы, сжимаю ладони в кулак, волю собираю в кулак.... Я иду к Графу добровольно, но по моим ощущениям — плетусь на эшафот.

— Ну, что, Наташа, правильно Руслан меня лечит? Будет толк от этих капельниц? — поинтересовался Граф, как только я начала вводить во флакон с физраствором нитроглицерин, назначенный Семёновым. Зачем он меня спросил? Я насторожилась. Хочет проверить мои знания или Руслана? Руслан молча взирал на последовательность моих телодвижений, но и бровью не повёл, услышав вопрос своего подопечного.

— От этих точно не будет вреда. Я вчера вам давала таблетку, стало легче?

— Вроде как полегчало.

— Сегодня то же лекарство, но капельно. Рибоксин тоже полезен для сердца. И я не могу судить, не зная диагноза. Я только начинаю, у меня мало опыта.

Каждое слово выдавленное, волю в кулак, изо всех сил стараюсь говорить как можно тише и вежливее: он больной, а я врач. Но мне его нисколько не жаль — он бандит, а не человек.

— У Руслана в клинике и наберётся опыта, — он говорил тихо, без нажима, куда-то подевался его командирский тон. Видно было, что этот грузный, большой человек, действительно болен: воспалённые понурые глаза, одутловатые и отёкшие щёки, высокий лоб, покрытый бисеринками пота. Симптомы вынуждали задаться вопросом: почему он лечится дома, если любая клиника за его же деньги предоставила бы целый штат врачей и медсестёр. Тем более клиника Руслана. Что это, каприз или необходимость? Или он давит на мою психику, вызывая жалость? Или просто прячется? Или он думает, что для него вторая жизнь приготовлена? Не дай, Бог! Вопросы остаются вопросами.

— Зачем нужна Руслану Николаевичу бедная родственница. Я, пожалуй, в государственной больнице поработаю... если меня еще не выгнали по статье за прогулы, — всё тот же тон, сплошной минор. — Русланчик, а ты что воды в рот набрал, возьмёшь Наташу к себе?

— Наташа не согласится, она, как сама выразилась, «бедная родственница».

Руслан понял, к чему я веду...

На этом разговор оборвался. Вернее, я его оборвала, потому что он мешал мне сосредоточиться на вене.

— Вячеслав Сергеевич, вам сейчас лучше помолчать. Можете поспать, если хотите, — так бы я посоветовала любому больному из нашего отделения. К счастью, несмотря на пробирающую меня мелкую дрожь, в вену попала с первой попытки. Я поняла, почему Руслан попросил меня прокапать Графа. Нам надо к нему хоть немного приблизиться, расположить к себе.

О, господи, мне сейчас больше всего хочется накинуть на его рот подушку и придушить, а я выражаю ему сочувствие. Единственным желанием было взять нож, всадить ему прямо в сердце и провернуть несколько раз. Проверить, есть ли оно вообще у этого чудовища.

Я настолько ненавидела его, что хотела умываться его кровью. О, я бы пила ее в захлеб, я бы в ней купалась, размазывала по коже, упивалась, как конченная психопатка, наслаждаясь его агонией. Но я притворяюсь, я вру! Не только словом, но и действием! Не только ему, но и себе. А может, так и надо? Возможно, ложь — визитная карточка стервы, её сущность? Я заверила себя, что мне сейчас стать стервой, просто необходимо. Но как же это противно, о, господи! Я никогда в жизни не притворялась, не лгала никому, а теперь каждое моё слово — ложь. Кто-то сказал: «Ври во спасение, и будет тебе счастье». Но ложь — вот она, а счастье где? Я лечу Графа, лечу зверя. В моём понимании, он не человек вовсе.

Граф заснул. Он спит, а ты сиди, обозревай его грузное тело, небритую рожу.

Лекарство по каналам так медленно движется: поступает в трубку, проходит через каплеобразователь, вновь идет по трубке и далее попадает в вену. С ума сойти! Кажется, я слышу сам звук капель переливающегося лекарства, или это мои слёзы летят прямо на пол, разбиваясь на тысячи невидимых глазу частиц.

Я не знаю, что мне-то делать: хозяин не то спит, не то дремлет. Мне бы встать, поразмять ноги... Последняя капля лекарства проползает в вену. Мне надо удалить иглу, наклоняюсь... Граф открывает глаза.

— Нужно иглу извлечь, потерпите? — минор и никаких эмоций.

— У тебя, Наташа, лёгкая рука. Мне полегчало, завтра приходи сама, не дожидаясь

Руслана.

Осипший однотонный голос только что проснувшегося человека, чуть шепелявый, недавний приказной тон сменился на ленивый.

«За каким чёртом он нужен Самсонову? Ему осталось жить два понедельника. В чём причина?»

Осипший голос выводит меня из раздумий:

— Иди к себе, я спать хочу.

— Можно спросить? Где моя сумка, там есть ножнички маникюрные, можно мне их?

Не бойтесь, ими я не смогу причинить вам вреда. Я должна следить за руками.

— Посмотри на сейфе, сверху, бери и уходи.

Хватаю любимую сумку — подарок Саши, прижимая к груди драгоценную ношу, бегу к себе в клетку.

И снова немые рыдания... я ревела, всхлипывая и вздрагивая. Выходил стресс, который тугой стальной пружиной держал меня в напряжении всё это время. Снова ручки слёз. Они капают на сумку. Растирая их руками по мягкой коже, я вспоминаю, как Саша мне её подарил со словами:

— Нат, она больше подходит к новому пальто.

Пальто нет, одна сумка пустая, в ней паспорт был... И шапка потеряна. После Сашка мне дарил много подарков, но самое дорогое — это его любовь, безвозмездная, трогательная, нежная, будоражащая, огненная.

Я снова вытираю слёзы со щеки и с сумки, в придыхании шепча: «Где ты, любимый? Ты один или с кем-то? Сможешь ли ты простить мне мои тайны? А я заранее прощаю тебя».

Легко ему любить меня, когда я БЫЛА чистая и правильная. А может это и не любовь? Снова тараканы, мысли роем... Но нет того, кто бы прогнал тараканов и успокоил мысли.

Задача усложняется: надо добыть не только долговую расписку Руслана, но и паспорт. Как? Когда? Кто поможет? Некому! Возможности для манёвра не было: Граф неотлучно находился в кабинете-спальне. Но опускать руки я не собиралась: проблемы надо решать постепенно. Главное, вывести из игры Графа: через семь капельниц (не приведи господи — десять) надо уговорить Руслана забрать его на дополнительное обследование, а там — посмотрим.

Глава 16

Сегодня даю 2 главы в угоду моим дорогим читательницам. Понимаю, что ждать устали развязки.

Саша.

— Полковник? Чего тебе надо от меня?

Десять часов утра, я только проснулся, в трусах ещё, небритый, немывтый, взлохмаченный — а у меня гости на пороге, незваные и нежеланные.

— Я ушёл из твоей квартиры. Что-то пропало? Я у тебя что-то взял? Обыскивай, если надо. Я почти всю ночь не спал, говори, что надо, и отваливай, я опаздываю.

— Здравствуй сын. Штаны надел бы, в трусах разговаривать будешь?

— Забудь это слово. И тебе дела нет до моих трусов. Задница тебе моя не нравится?

— Я бы забыл, — он продолжает, а в глаза не смотрит. Стыдно, что ли? — Но ты мне родной сын, и у меня вряд ли получится. И ты... бодайся — не бодайся, но этого факта и тебе не изменить. А мне, видно, на роду написано, терять дорогих мне людей, а потом всю жизнь раскаиваться, что ничего не сделал, чтобы предотвратить. Я тебе уже говорил и снова повторяю: Наталья Волкова у Графа, она вернулась к отцу, нравится тебе это или нет, но такова реальность.

— Ох, как трогательно! А тебе не кажется, что слова «родной, дорогой, раскаиваться» — слова не из твоего словаря.

Бормочу я, надевая лениво домашние штаны. Спросонья не разобрал, что полковник не один явился. Следом за ним приплёлся Степаныч.

— Ты нагло врёшь, Самсонов! — Степаныч не говорит — рубит, прожигая яростным взглядом, разбивая в клочья и слова полковника, и мои сомнения тоже. Я опешил.

Но звонок телефона прервал его, а я, не извинившись, принял вызов. А зачем? Не я же с утра пораньше явился к ним для разборок. Звонил Марат, он только что вернулся из поездки.

— Марат, я немного опоздаю, проспал, уснул только к утру. О Наташе ничего неизвестно. Милиция? Голяк. А тут ещё два старпёра явились, слюной друг на друга брызжут.

Я нарочно назвал гостей так и наблюдаю, как каждый отреагирует. Полковнику не понравилось, он гордо вздёрнул чисто выбритый подбородок, а Степаныч даже не заметил, будто не про него было сказано. Он морщился, потирая левую часть грудины. Через пару минут я закончил разговор, бросил телефон на неприбранную кровать, а полковник тут же подал голос.

— Тебя, Горный, сюда никто не приглашал. Твои услуги мне больше не нужны.

— А я тебе не служил никогда! — зло парирует Степаныч.

Он вошёл вслед за полковником, и я подумал, что они вместе. Но почему Горный обвиняет полковника во лжи? Степаныч отвратительно выглядит: кажется, постарел лет на десять. Всё то же серое лицо, безжизненный взгляд, под глазами чёрные тени.

— Здравствуй, Сашка. Я пришёл без приглашения, но не к нему и не к тебе. Это Наташина квартира, а ради этой девочки я готов на всё. Да, я один раз ошибся, что доверился этому человеку, твоему отцу, Сашка. Это я заметил слезку за квартирой, попросил Самсонова разузнать, что к чему, и если честно, то я подумал, что это его дружки из конторы тут ошиваются, и главное — каждый раз разные. Пришлось рассказать ему о письме Нины,

вот тут полковник и догадался, кто следит. Самсонов, ты не можешь отрицать этого! — Горный бросил гневный взгляд на полковника.

Меня уже клинит от этой неразберихи, мне надо переварить сумбур Степаныча.

— Короче, Степаныч, ты заметил слежку, рассказал полковнику, почему ты МНЕ не рассказал? Допустим, ты не хотел волновать Наташу, но лучше бы она тогда поволновалась, чем теперь.

— Я думал, твой отец вам поможет, и всё само собой рассосётся, — Степаныч выглядит жалким и поверженным.

— А разве я не помог? — злится полковник. — Я переселил вас в свою квартиру. Там вас они не нашли бы.

— Однако, нашли! — я свирепею. — Да ну вас к чёрту. Вы считаете, что это люди Графа следили? Тем более надо было мне рассказать! Я бы сам спрятал Наташу! Суки вы оба! И я вам не верю, что Натка ушла добровольно. Степаныч, ты же сам убеждал меня, что она не зналась с отцом, чёрт его побери!

— Я и сейчас скажу! Но и добавлю: я не снимаю с себя вины, но кое-кто её туда намеренно отправил!

— Ни хрена себе! И такие есть? — меня гнёт до пола: два нечужих мне человека уничтожили и меня, и Наташу. — Пстойте, я сам догадаюсь: Степанычу незачем, значит, полковник? И зачем? Хотел разом покончить и с Графом, и с Наташей, чтоб так сказать, под ногами не путалась, не порочила твоё имя, Самсонов? Так? Так вот знай: если ты не вытащишь Наташу, я тебе такое устрою! Мало не покажется! Говори, где логово Графа! Я сам туда пойду! Если бы не вы! Если бы вы не вмешались! Что Натка — дочь Графа, никто не знает, кроме вас! Мы бы уехали из города. Жили бы тихо где-нибудь. А что теперь? Где искать Наташу?

— Сашка, я думал, у него всё схвачено! Как только Наташа окажется в логове Графа — её тут же вызволят! — Степаныч убит, он едва не плачет, похоже, его тоже убивает неизвестность.

— Я не знаю, где Наташа, — признаётся Самсонов убийственным голосом, — знал бы — сказал, я вижу: ты мучаешься, и что дело запахло жареным. Но тот район недоступен.

— Какой район? — мы вторим друг друга со Степанычем.

— Не знаю, никакие сигналы туда не проходят. Там, прям, какая-то аномалия, или... стоят заглушки... Каждый квадрат прочёсывать нереально, да и никто этим не будет заниматься — не тот масштаб операции. Хотя на ней есть жучок...

— Чтооо? — рву голос и оставшиеся нервы. Закашлялся. Прямо из-под крана выпил холодной воды и плеснул в лицо. Я, наверное, сейчас похож на быка, а полковник для меня — красная тряпка. — Так, ты наверняка знал, где Наташа, почему ты мне толком не объяснил? Зачем ты мне втирал, что она сбежала? Ладно, но ты мне ответь: кого-то из приближения Графа вы взяли?

— Нет.

— Как это? Кишка тонка?

— Он сам всех раненых мочит. Трех пытались взять, но они как в воду канули, и по нашим сведениям, среди них был Граф.

— И нет никого, кто бы назвал хоть приблизительно, где искать его логово?

— Нет.

Полковник кажется искренним. Он выглядит не просто растерянным — виноватым, но

мне плевать на его раскаяния.

— С кем ты работаешь? Ты же вроде на пенсии... у тебя есть команда? Неужели ничего нет, хоть какую-нибудь зацепку дай! Он же человек, а не призрак!

— Знаю только, что Граф почти отошёл от дел, людей у него пять-шесть, больше — меньше — неизвестно. Моих людей у меня забрали...

— Тогда зачем он тебе, если Граф не у дел? Ты сам не знаешь? Или тебе лишь бы палку в отчёте твоих достижений? Или там замешаны деньги? — бешусь, потому что догадался об истинной, грязной причине исчезновения Наташи. Бл*ть! Он сыграл и проиграл, а расхлёбывать эту кашу, что он заварил, придётся Наташке. Бл*ть! Вье**ть бы ему сейчас промеж глаз — но весовые категории разные, и возраст. — А ты, Степаныч, она тебе как дочь была. Зачем тебе — то надо было скрывать? Полковника испугался? Да что же вы за люди-то такие? Если Наташа погибнет, это останется и на твоей, Степаныч, совести! Не было на свете человека, которому бы я так доверял, а ты подставил и меня, и Наташу.

Бить, крушить, орать, выть, стенать... Всё это вместе взятое — единственное желание в эту минуту.

— А ты, полковник! Я с самого начала почувствовал, что ты нам горе принесёшь — так оно и вышло. Наташа, добрая душа, меня уговаривала, чтобы я тебе дал второй шанс. Мечтала, чтобы у меня отец был, а ты мне в душу навалил! Даю тебе сутки, чтобы ты убрался из моего дома, а после я его или взорву, или сожгу, чтобы стереть навсегда следы пребывания тебя в этом доме и в моей жизни тоже. А теперь уходите оба, я не хочу вас ни видеть, ни слышать. Оба, я сказал!

— Сашка, — Степаныч держится из последних сил, его руки ходуном ходят, губы дрожат, — Наташа перед уходом просила передать тебе...

Он не выдержал:

— Сашка-Сашка! Не уберегли мы нашу Пташку, не уберёт я, старый пень, девочку мою ненаглядную!

Мужские рыдания, скупые мужские слёзы нашего с Наташей дядьки и его причитания разрывают и моё сердце.

— Дядя Коля, перестань причитать, ты зря её хоронишь! — я успокаиваю, а самому в пору вот так же разрыдаться и вытрясти душу из Самсонова, если она есть у него. Бл*ть.

— Нет мне прощенья! — не унимается старый солдат. — Я ведь как думал: Наташу в тот же день освободят, и она вернётся живая и здоровая, а оно вон как получилось. Я которые сутки не сплю, жду: вот, вот сейчас Наташа позвонит и скажет: «Крёстный, как ты — у меня всё нормально, я дома!»

Степаныч хватается за сердце и медленно оседает на пол.

— Сердечный приступ, скорее всего предынфарктное состояние. Кто поедет с больным? — скорая на этот раз приехала быстро.

— Я поеду! — обида обидой, но бросить дорогого человека я не смог.

Уже в палате я всё-таки спросил Степаныча, что Наташа передавала мне, несмотря на то, что и сам догадался.

— Наташу увезли, наверное, в тот злополучный день, когда она ко мне приходила, когда Самсонов, сука, её вербовал. А она на прощание только сказала, что любит тебя, да ты и сам это знаешь.

И лишь на пятые сутки пришло СМС от неизвестного номера: «Наташка жива, воюет с Графом, не дрейфь, Волков, всё путём, жди сообщений».

Ошибок — море, да хрен с ними. Когда ждать сообщений?

Наташа.

Сколько дней я уже здесь, в этой чёртовой клетке? Начинаю считать — сбилась. Холодно. Поёжилась, передёрнула плечами, потрогала батареи — вроде тёплые, но недостаточно, чтобы согреть комнату. Поверх блузки натянула свой свитер — немного согрелась.

Иду к Графу с твёрдым намерением потребовать хотя бы тепла и воды.

Граф ещё не одет по-настоящему, он, в спальном костюме, что-то рассматривает в ноутбуке. Но интернета же нет? Или есть? Ладно, об этом потом.

— Вячеслав Сергеевич, когда, наконец, дадут тепло и воду?

Он, как ни в чём не бывало, не обращая внимания на моё раздражение, но чуть прищурившись, проговаривает, не отрывая взгляда от монитора:

— Замёрзла? Оденься теплее — и вся недолга. А холодная вода есть, можешь даже умыться.

— А тёплая? Не мне одной холодно, я знаю, в доме живёт беременная женщина, как вы думаете, ей надо тепло?

— Её здесь никто не держит, не нравится — пусть идёт на все четыре стороны.

— Тогда и я пойду, мне не надо четыре — достаточно одной. Так я свободна?

— Ну- ну, угомонись, детка, на тебя у меня есть свои планы. А пока давай, лечи меня, где там иголки, капельницы, а я пока распоряджусь, чтобы дом протопили, я и сам замёрз. Сегодня третья по счёту капельница?

Пока я готовила растворы, Граф крикнул в открытую дверь, чтобы позвали Женю.

— Женя у вас в качестве завхоза?

— Он на все руки мастер, — отозвался хозяин кабинета, не оборачиваясь на меня.

Женя появился почти сразу.

— Женя, прибавь обороты, надо протопить дом.

Женька что-то возражает ему, но Граф успокаивает:

— На сегодня и завтра хватит, а там поглядим.

Снова капаю, снова сижу подле, в голову лезут разные мысли. Сегодня только третья по счёту капельница. Только третья! А сколько их ещё впереди! Лекарство снова медленно по каналам движется сначала в трубку, проходит через каплеобразователь, вновь идет по трубке и далее попадает в вену.

Я наизусть знаю эту схему, но вновь и вновь слеую взглядом за лекарством.

Но мой морок быстро растворяется — в кабинет Графа вваливается Хмурый.

Я не знаю, что мне предпринять: я не хозяйка ни в доме, ни в кабинете — хозяин не то спит, не то дремлет.

Хмурый вальяжно усаживается в кресло напротив, а я кожей чувствую, как его сальный взгляд скользит по моей попе — мне пришлось наклониться, чтобы вытащить иглу из вены больного. Противно! Эта сволочь называл меня мясом! Ненавижу! Его взгляд настолько грязен, что мне хотелось стереть его с себя.

— Что тебе нужно здесь? — я, наконец, собралась с духом.

Голос Графа вторит мне:

— Что тебе нужно здесь? Я же ясно сказал: к Наташе не приближаться! Руслан плохо

внушает? Почему не понимаешь с первого раза? С проверкой пришёл?

— Граф, — наконец, изрыгает Хмурый, — на хрена тебе эта девка? А чем она лечит тебя? Ты в курсе?

Я замираю: не хватало, чтобы этот подонок из меня виноватую сделал. Не выйдет!

Хмурый сыплет вопросами, а Граф, снова набычившись, выдаёт жёстко и членораздельно:

— Последний раз повторяю! Она не девка! Наташа — моя дочь, и не она меня лечит, а Семёнов. А ты пошёл на хер, не до тебя!

— Я-то уйду, только вот ты с кем останешься? Ни одна баба не заменит кореша! А братва недовольна!

Стенька Разин, блин.

— Выгони её или отдай мне, я не побрезгую!

— Что? — я не донесла стойку от капельницы до места.

— Что? — мне вторит Граф.

Резкий разворот и со всего маху, с наслаждением, с остервенением вррезала Хмурому по башке, больше опасаясь, что стойка погнулась. Хоть на ком-нибудь выплесну свою ярость!

— Тебе отдать?! Ты ещё не знаешь девчонок из меда, ссволочь!

Хмурого я всё-таки сбила с ног медицинским «оружием»: он валяется на полу, схватившись за голову. Не ожидал! А я, доведённая до отчаяния, выплёскивая злость и обиду, колочу его стойкой, вернее треногой, раз за разом нанося удары, куда придётся. Жаль мало!

— Наталья, перестань! Хмурый, поди вон! — Граф машет руками, кричит, но меня теперь не так-то просто успокоить.

— Граф, она чо? Сбесилась? Сука! Ё и (пи пи пи) нескончаемый мат. — Хмурый сначала держался за голову, но ему всё-таки удаётся перехватить стойку руками. В суматохе оглядываюсь, чем бы ещё его стукнуть, но я уже запыхалась — жду расправы: от кого придёт наказание — от него или от Графа.

— Если бы ты, недомерок, попал в переделку, когда наши девчонки дерутся, от тебя бы остались пух и перья, гадина!

Я не сдаюсь, меня трясёт от злости и оттого, что кроме меня — меня никто не защитит. Сраная жизнь! Идиотское положение!

В ответ на мою «гадину» Хмурый парирует:

— Шалава!

— Ублюдох мерзкий!

— Сама дура!

— Идиот! Наркоман недорезанный!

Неожиданно слышу:

— Встал и вышел! И чтобы без разрешения Наташи на моей половине ноги твоей не было! — я ослышалась или Граф на моей стороне?

— Граф, ты чо? Она меня нае **нула, испи**ла, а ты ей потакаешь?

— Вышел, я сказал, а про наркотики мы ещё поговорим! — Граф злобно свёл брови. От его вида и мне стало страшно: сейчас и мне попадёт.

— Граф, она брешет! Я завязал! Ты веришь этой дешёвке, а не корешу?

Хмурый, всё ещё держась за разбитую голову, вышел, шепча под нос угрозу: «Ну, падла, попадись только!»

Граф, вздохнув несколько раз, прилёг поверх одеяла. Я молча жду наказания. Руки трясутся, ноги ватные, в голове — пустота.

— Зачем ты ввязалась с ним драться? Он не из тех, кто прощает.

— За меня некому заступиться, я здесь никто, я даже не бедная родственница, я никто!

Да, я взрослая женщина, но вела себя, как обиженный подросток, я, должно быть, вовсе не имею права испытывать обиду, но она прорывается наружу слезами в уголках глаз.

— Что ты мне скажешь про Руслана?

— А что говорить? — вытираю набежавшие слёзы, пряча их от хозяина кабинета-спальни. Цепной пёс стережёт своё богатство. Меня по-прежнему трясёт.

— Есть толк в его лечении? — он склоняет голову, изучая меня, как паука, запутавшегося в его же паутине, не обращая внимания, что мне плохо, что меня трясёт, а я на грани.

— Есть, — я снова вру: лекарства только снимают боль, их используют в комплексной терапии. А целого комплекса я не вижу. — Но вы должны принимать и таблетки. Самостоятельно, по списку.

Напоминаю ему, забывая дышать от боли и унижения, еле выговаривая слова.

— Так что ты думаешь о Руслане? На мой взгляд, неплохая партия, а?

Ах, вон он о чём? А я-то дура...

Глава 17.2

— Так что ты думаешь о Руслане? — вопрос тот же, но звучит с издёвкой. Он издевается, сволочь, проверяя меня на прочность. — На мой взгляд, неплохая партия, а?

Ах, вон он о чём? А я-то дура...

— Хорошо, хорошо, я согласна!!! — слова Графа вновь возвращают меня к ненавистному разговору, и я просто не выдержала и выкрикнула. Сердце щемит и становится тошно от пронизывающего взгляда человека-паука.

— На что ты согласна?

— Я выйду за него замуж! Только поскорее!

Я уничтожена: «есть такой предел боли, когда теряешь всякую гордость».

Бегбедер о любви говорил, а я про ненависть. Они на качелях: боль — вверх — гордость — вниз...

Видно, Граф и на самом деле — хороший психолог, а роль Хмурого теперь мне понятна: он вроде тарана, который пробивает брешь в моём сопротивлении, в неприступности и доводит меня до предела.

— Я согласна! Может, тогда я освобожусь и от вашего общества, и от придурка Хмурого. Назначайте дату. Но и у меня есть условие: никого из гостей, ваших, в ЗАГСе не будет. Не заставляйте меня показывать им мою боль и унижение. Ваши игры мне осточертели! Если вам необходима массовка — поступайте, как знаете, но только без меня, реквизитом на собственной свадьбе я не буду, да и Руслану ничему лишняя огласка.

— Ладно, ладно, согласен. Сегодня он приедет, и вы всё обговорите. Есть ещё просьбы?

— Просьба? Ладно! Я не Дюймовочка, и мне недостаточно попрощаться с солнцем! Я должна быть уверена в завтрашнем дне! Мне надоело считать себя бедной родственницей, приживалкой, и содержанкой становиться я не собираюсь. Я работать хочу, на себя, а не на Руслана! Мне необходимы гарантии!

— Вон ты как заговорила! Ты не Дюймовочка, а я, значит, крот! Как быстро ты преодолела барьер! — он сначала вздёрнулся, а потом сменил гнев на милость: — Боишься остаться без копейки? Правильно мыслишь, девочка! Руслану тоже доверять особо не стоит. Мы — взрослые люди, Наташа, и я лучше всех понимаю, как устроен этот мир, где зелёные деньги ценнее наших русских фантиков. Как только вы поженитесь — у тебя будет всё! Ты будешь жить как принцесса!

— Я хочу работать! — с хищником надо быть на одной волне. А что Граф — хищник, сомнения нет. Он может быть спокойным, но через минуту свернёт шею, как цыплёнку. Моя задача — вовремя почувствовать опасность.

— Например?

— По профессии!

— Куплю тебе фармацевтический... ларёк! А что? Будешь продавать лекарства! Озолотишься! Здоровых людей всё меньше! — с ядовитой ухмылкой едко продолжает он. Откинулся назад в кресле, скрестил руки на груди, выждав небольшую паузу, немного растягивая слова сказал: — Наталья, только в память о твоей матери я не прикоснулся к тебе даже пальцем!

— Вы сумасшедший?! — другого слова я не подобрала, не зная, как выразить то, о чём кричало сердце.

— Ты неправильно меня опять поняла: думаешь, мне трудно было бы подложить тебя под горячего парня с нехилым мешком зелёных, с домом за границей, с реальным счётом в Швейцарии?

Я забыла, зачем человеку лёгкие! Вот он передо мной хищник!

— Для вас это так просто и нормально?!!!

Я открываю рот и закрываю тут же, как рыба, выброшенная на берег. Двадцать первый век! Но со времён работорговли ничего не изменилось. Я никогда не увлекалась политикой, а криминальные новости меня не интересовали совсем. Я думала, это не про меня, и спокойно росла и училась, мечтала лечить сердца людей. Но, похоже, Графом должны лечить не только кардиологи, но и психиатры!

Он хищник, он хватает меня за горло, стискивает челюсти, клацает зубами! Хищник!

— Ну, ну, я намного гуманнее, всего-то отдаю тебя Семёнову...

— Велика радость! Он же бабник!

— Не перебивай! А ты мне за это... вторую половину его клиники! Деньги — тьфу! Бумага, мусор, а это недвижимость и не хилая! Увидишь — оценишь. Ты, именно ты, возьмёшь тогда на себя управление клиникой.

— Почему вторую? А... а... первая где? — самое время прикинуться душой, хотя силы утекают, как вода в песок.

— Первая у меня уже в кармане!

— А мне тогда что? А подарите мне первую? — вот дура я, как будто он согласится. Зачем сказала? По мне психушка плачет.

— Посмотрим!

— Но я не менеджер! Я хирург.

— Научись! Ступай и поразмысли!

Я бегом оказалась в своей комнате — клетке, шепча под нос: «Зверюга! Хищник!» Он передо мной раскрывает карты! Ясно, почему! Когда убийца стягивает маску? Когда уверен, что жертва больше не заговорит! Он так уверовал в своей силе, в том, что я сломлена, что забывает об осторожности! Тело била крупная дрожь, разум блуждал, как в тумане. Дышать абсолютно было нечем, боль разрасталась, душила нестерпимо: «Подложить тебя под горячего парня».

Сволочь! Ненавижу! Никогда не смирюсь! Неконтролируемый псих!

В память о маме... Знаю я, как ты маму помнишь! А я сама по себе ничего не стою?!

Быстро закрыв за собой дверь и повернув ключ в замке, прислонилась к двери, спряталась, отгородилась от страха и боли.

Снова прокручиваю мысленно весь разговор: сколько бы я не намекала, что хочу получить от него что-то весомое, он ни разу не повёлся! Ну, где мне взять эту проклятую расписку?!

Я заплакала, пряча рыдания в подушку, прижимала к груди свою сумку, как талисман, молила кого-то. Кого? Некого. Обо мне все забыли. Было горько. И во рту было сухо и горько. Потому что что-то важное утекало сквозь пальцы. Незримые стены моей обороны рушились, разваливались на глазах, таяли, как призрачные, а сил сопротивляться всё меньше.

Однако, одна мысль, что графская жизнь — это всего лишь мыльный пузырь: дотронься до него, и останутся лишь брызги, потихоньку приводит меня в равновесие. Лечить Руслан по-настоящему его не хочет, видимо, невыгодно, и этот факт пусть останется на совести Семёнова, сам Граф из-за своей упёртости или ещё по какой причине — не лечится, а я не

собираюсь внушать «папочке», что с его деньгами любая другая частная клиника пусть до конца не вылечила, но помощь бы оказала. (Читай на Книгоед.нет) Но я не раз слышала о таких людях, которые пугались даже запаха медикаментов, а уж лежать и ждать, что вот через несколько часов или минут тебе введут анестезию, а потом какое-то время ты вообще не будешь дышать, а твоё сердце не будет работать — для таких людей страшнее пистолета. Вероятно, «папенька» из таких людей, и это несмотря на то, что он в смутные годы перестройки творил «тёмные» дела и не одному человеку закрыл глаза без анестезии.

Уткнувшись в подушку, лёжа на животе, я то проваливаюсь в поверхностный сон, то просыпаюсь, размышляя о том, почему мне сегодня так хочется спать, мучаюсь до тех пор, пока сон не завладел мной окончательно, позволяя мозгу отдохнуть от реальности, погружая в другое измерение...

Туман... Вдох-выдох... Туман постепенно рассеивается...

Какая-то комната, видимо, спальня в доме у Саши — посередине огромная кровать, та самая, где я попрощалась с девственностью, с одной стороны спит Саша: мне явственно видно его полуобнажённое тело. Я жадно рассматриваю его широкие плечи, плоский живот с едва очерченными кубиками пресса, тёмную дорожку, ускользящую под резинку трусов, белых боксеров, которые я бережно стирала, с любовью гладила, и нервно сглатываю, а в животе назревает бунт бабочек. Сильные, неутомимые ноги, слегка подёрнутые волосиками на внутренней стороне бедра, голые ступни с голубоватыми венами — непреодолимо хочу, жажду прикоснуться к ним, к животу, к его милой «колбаске» между длинных красивых ног. Она уютно покоилась в густой чёрной копне под белыми боксерами, я их сама покупала, а потом бережно стирала и гладила, а после трогала пальцами, где располагался член.

— Саша, проснись, почему ты решил остаться здесь ночевать, мы же договаривались не возвращаться сюда!

Он не просыпается.

Хочу разбудить его касанием, но как только я подхожу ближе и протягиваю руку к моей любимой «колбаске»...

Глава 17.3

— Саша, проснись, почему ты решил остаться здесь ночевать, мы же договаривались не возвращаться сюда!

Он не просыпается.

Хочу разбудить его касанием, но как только я подхожу ближе и протягиваю руку к моей любимой «колбаске», другая, женская рука с ярко-красным маникюром опережает меня. Обнажённая женщина с аппетитными формами лежит рядом с Сашей и, улыбаясь ему, поглаживает его колбаску, ту самую, что между ног под белыми боксерами, которые я...

О, господи, как он мог...

Дышать становится всё сложнее, кажется, что в лёгких почти нет воздуха и каждый вдох, словно изнутри меня колют иголки.

Лучше умереть, чем чувствовать то, что сейчас отравляет мою душу.

Саша поворачивается к женщине, обнимает, целует в макушку, привлекая к себе поближе, но не просыпается, а, склонив голову, целует её медленными, нежными, долгими поцелуями. Она не успокаивается: запускает руку под боксеры, те самые, белые, под которыми уже напрягшийся член. Я явственно вижу его размеры, ощущаю его напряжение, набухшие вены, пульсирующую головку.

Я задохнулась снова, я, стоящая подле, в ногах любовников, хочу уйти — ноги не слушаются, наклониться пытаюсь — мне что-то мешает... Живот! Мой живот похож на арбуз. Я... беременна что ли? Похоже на то... Значит, я беременна, Сашке мешает мой живот, поэтому он завёл любовницу... А я? Жалкое зрелище: потухший взгляд, взгляд жалкой, недобитой собаки, с опухшим носом, с вырванным клоком шерсти... Это я? Я! Та, другая — красивая, с аппетитными формами, с силиконовыми губками.

— Саша, Волков, проснись, посмотри на меня! Ты же клялся, что не изменишь мне никогда!

На мой зов Волков просыпается.

— Наташа? Ты откуда? Ты беременна? От кого? А мы тут с Маратом... А это кто?

Он ошалело спросонья смотрит на женщину.

— Наташа, я не знаю, кто она! Мы были с Маратом! Поверь!

— Могла бы поверить, если бы сама не увидела... И да... нет... я не беременна... а это лишь имитация.

Я пытаюсь сорвать живот, но у меня не получается — это не накладка, а настоящий живот.

— Ты обманула меня! — снова кричит Волков те же слова: я их уже слышала.

— Мы квиты, Саша, а это ребёнок мой! На тебя мы не претендуем! Ты можешь оставаться с ней, и прости меня, что не я сейчас с тобой в постели... А ты. в тех самых. белых трусах! Которые я...

Жалкое зрелище... Потухший взгляд жалкой, побитой собаки, с опухшим носом, с вырванным клоком шерсти... Это я! Я прошу прощения за измену Саши... и уйду, а он кричит, выскакивая на улицу всё в тех же белых боксерах... Чёрт! Меня зациклило на Сашкиных белых трусах-боксерах! Мы покупали ему всегда белые: сквозь них был чётко виден член. И как только Волков раздевался — я уже текла, хотела его до одури! Он брал мою руку и засовывал её под боксеры, белые, а сам, проникая под мои трусики пальцами,

ласкал мои складочки до стона в горле, и он быстро доходил до грани и стонал.

Но почему теперь в постели с ним была не я, а та женщина, аппетитная и силиконовая?
— Ты обманула меня!

Эхом вторится: обманула... обманула... обманула... обманула...

Смогу ли сделать это — уйти, убежать, скрыться, а главное — хочу ли?! Не знаю. Но чего мне действительно хочется, так это двигаться дальше, а для этого нужно делать шаги, пусть даже неправильные. Главное — шагать, бежать без оглядки от того, кто не дает дышать, от того, кто словно гвоздями прибил мое сердце к своему образу, а потом отодрал с мясом и выбросил без жалости и сомнений. От того, кто сейчас целует другую женщину и делает с ней все то же, что когда-то делал со мной. И телом, и душой, ощущая на спине обезумевший взгляд Волкова, я уйду, растворюсь в тумане...

Апноэ будит меня... Остановка дыхания... Мне кажется, что я пережила клиническую смерть от увиденного. Белые боксеры... я их покупала, стирала руками, бережно гладила... Сама отдала другой женщине его, любимого...Апн...

(Апноэ — остановка дыхательных движений. В частности, может наблюдаться при обеднении крови углекислотой, вызванном чрезмерной вентиляцией лёгких. Апноэ можно также вызвать в эксперименте сильным повышением артериального кровяного давления, возбуждающего рецепторы некоторых сосудов.)

— Апн... — пытаюсь наглотаться воздуха. Ошалелым, неморгающим взглядом понуро оглядываю комнату.

Почему мне снилось, что я беременна? Измена Волкова уходит на задворки памяти. Провожу рукой по плоскому животу — нет ничего. Только холодный пот заструился по позвоночнику, и холод пробирает до внутренностей. Боль прошивает насквозь, и во мне поднимается какое-то темное, яростное чувство.

Ещё один сон. То ли приснилось, то ли почувствовала что-то... Открываю глаза, все плывет, а я словно горю. Тону в этой грязи из похоти, разврата, бесстыдства и полной потери контроля. Гос-по-дии! Я потеряла его!

Сердце сжалось от тоскливой боли, от понимания: больше я Саше не нужна. И что, если я беременна, ребёнок ему не нужен будет.

Боль отрекошетила в горло, вызывая спазм. Как тогда... в доме Саши. Тогда я во всём винила Волкова, а он, по сути, и виноват-то не был. Если бы я раньше ему всё рассказала о ночных гостях... Он не знал о них, а я утаила правду, выходит, что только я виновата — мне и отвечать. И если даже он изменил мне на самом деле — я прошу и уйду с его пути, сколько бы ни пришлось страдать, каяться и болеть неизбывной болью по нему.

Из закоулков моей памяти снова всплыл образ Саши, а сердце забилося, как птичка в клетке, сжалось, заселяя в груди тоску. Звериную, жуткую, выворачивающую все внутренности.

Ночь отступает, сменяясь предрассветными сумерками, только тоска не уходит. Из сереющей темноты постепенно проступают неясные очертания забора и вековых сосен, в просвете которых около самого горизонта вспыхивает ослепительная каемка солнечного круга. Она еще совсем маленькая, но уже поразительная яркая.

Мучительный, однообразный, тоскливый, ещё один день плена. В комнате теплее, батареи горячие — значит, и вода есть, она мне сейчас необходима, как воздух. Быстро вымылась, экономя воду, и набрала в стакан, чтобы зубы почистить — щётки две. Для кого они?

Единственный посетитель за сегодняшний день — Женя. Приходит молча и уходит так же. Догадываюсь — электричество включено.

Я жду Руслана. Графа прокапала быстро — один флакон, ребоксин ввела в вену. Пришла молча и ушла, не проронив ни слова. И ему сегодня не до моей болтовни — в бумагах копается.

Сегодня мне придётся чем-то занять себя. Мне теперь всегда хочется спать. В чём причина? Я списываю на переутомление и на нервотрёпку. Беременность? Это невозможно! Загиб матки. Какой? «Кзади», «кпреди»? Не помню...

Напрягаю память, вспоминаю, когда были последние месячные. Кажется, они были как раз незадолго до похищения, нет, раньше. Нет никакой ассоциации — немудрено забыть в такой нервотрёпке. Но мы с Сашей столько раз не предохранялись, он часто говорил: это как конфетку сосать в обёртке, страсть поглощала все разумные мысли, да и я надеялась забеременеть. Надо вспомнить день последнего цикла. Но тщетно. Когда балансируешь на краю пропасти, ходишь по тонкому льду, опасаясь, что ещё шаг — и тебя унесёт в омут — память как испорченный телевизор с помехами во весь экран. Но самое главное — больше нет ни малейших симптомов. Нет, есть: грудь вроде набухла. Но ни запахи, ни токсикоз меня пока не мучает, и я знаю, что так бывает со многими мамочками. Ещё раз трогаю пока ещё мой плоский живот, и мне всё же кажется, что я не беременна — это плод моего воображения.

Взяла в руки томик Толстого, но едва открыла первую страницу и углубилась в чтение — незаметно для себя уснула. День Сурка продолжается.

Руслан Николаевич Семёнов. Ещё один тип хищника, по-моему. Не такого кровожадного, как Граф, но всё идёт к тому... А может, его самого в угол загнали? Но я-то каким боком к его клинике? Самый лёгкий путь для достижения цели? А я уже на всё согласна, лишь бы вывез, а там я сбегу! Не будет же он приковывать меня наручниками к двери ЗАГСА...

Но мы ни разу с ним не поговорили, а поговорить надо, для этого нужно успокоиться, побережь нервы, чтобы не спугнуть этого типахищника.

Новое утро, новые мысли, но есть вода, а я так люблю тёплые струи. И есть гель для душа — Женька вчера вместе с ужином приносил. Я до сих пор не допросила его: почему он обо мне заботится. А может, это графа приказ? Мысли не отпускают нигде, не петть же в душе. Петть не хочется — хочется выть, расколотить всю эту усадьбу, да где только взять силы. А моё хотение... Была бы щука знакомая... но тут поблизости и водоёма нет, а в душ она не проскочит...

Руслан Семёнов всё же приехал. Осчастливил присутствием, то есть. Привёз новые лекарства: транквилизаторы и статины. Приказал: внутривенно, струйно, медленно. Ладно. Выполнила назначение неукоснительно, больной уснул сразу же — он и без сибазона спал. На мой взгляд, я бы вместо пяти кубиков — десять поставила, чтобы вообще не проснулся.

«Наташа, нам надо откровенно поговорить, но не здесь, тебя здесь слушают», — прочитала я в протянутой мне Русланом записке.

Я только губами ответила: «Где?»

Он жестом ответил: «На улице».

Как ни странно, меня выпустили на улицу. Женя проводил меня нахмуренным взглядом, накинул мне на плечи куртку: «Моя» — бросил.

Я наконец-то дышала свежим воздухом. Наконец-то!

Я люблю зимнее время. Город становится похожим на фантастический мирок из страны грез. Но мы не в городе, мы оторваны от мира. Середина декабря — одно из самых восхитительных времен. Именно в декабре можно по-настоящему почувствовать вкус зимы. На солнце, время от времени скрывающемся за облаками, блестит снежок. С белого зимнего неба на землю падают искристые снежинки. Вокруг нас вырастают высокие и белоснежные сугробы, а тропинку заметает снегом. И только на сердце пасмурно и тоскливо, и даже приближение Нового года не радует — о нём вспоминать не хочется, страшно застрять здесь до праздника, хотя что-то намечилось — не зря же Руслан меня на улицу вытащил.

— Хочешь в один день потерять все? Спроси меня "Как?" — начал Руслан. Красноречив! Не к месту и не ко времени. Он положил руки мне на плечи и искренне посмотрел в глаза.

Я попыталась освободиться, но Руслан не отпустил меня. Его руки на плечах, такие теплые и ласковые. А ласка мне нужна была больше всего, но не его.

— Я вытащу нас, — пообещал он. — Только...

— Что?

— Ты должна поверить, что я не урод и не Иуда.

— Допустим.

Все его тело напряглось. Наверное, он с радостью что-нибудь разбил.

Я вновь подняла лицо, ждала продолжения.

— Как ты попался?

— Сказал же, по глупости!

Он мягко улыбнулся и провел ладонью по моему подбородку. Я всё же отошла от него подальше. Его руки, тёплые, с ухоженными ногтями, мне не были теперь противны, но они чужие, и он чужой. Бывают такие люди, которые пугали, отталкивали с первого взгляда. Семёнов холеный, ухоженный, в дорогом костюме, до блеска начищенных туфлях и четко очерченной щетиной. — Обещаю снова, — его лицо переменилось, забыв счастливую беззаботность. Он засунул руки в карманы брюк, потом вытащил одну и провёл по волосам. — Не спорь с Графом. И не сопротивляйся, — голос Руслана дрогнул. — Сейчас он сам не свой и может натворить бед. Не подталкивай его, ты вчера хулиганила. И...операции не будет.

— Хорошо...Как не будет?

— Ты не знаешь, в каком состоянии его сосуды: всю жизнь пить, курить, причём не Мальборо. Он просил трансплантацию, сошлись на шунтировании.

После непродолжительной паузы он продолжает:

— Наташа, и я в своё время был честным человеком: ни за какие деньги не согласился бы тогда лечить это быдло. Но однажды, когда они совсем обнаглели: троих с огнестрелом привезли. Ночью, в моё дежурство. Я под прицелом вырезал из них пули. После операции девочку, медсестру, забирают ухаживать за ранеными. Я, конечно, против, а она мне заявляет:

— Вы не поняли, Руслан Николаевич, почему именно к вам привозили наших раненых?

Поняла, Наташа? «Наших» раненых. Оказывается, эта матрёшка нарочно устроилась в мою клинику.

Потом сорвался огромный заказ медтехники из Финляндии. Тогда я не понимал, что это всё намеренно. Потом на таможне застрял груз из Чехии. А это огромные штрафы, неустойки. Мне самому приходилось идти за помощью к Графу. Я смалодушничал, а у него всё схвачено. Ну, потом пошло, поехало. За услуги Граф деньгами не брал, неет... сволочь... «Потом Руслан! Мы же свои люди, сочтёмся!» А как-то раз заявляет: «Мне не в лом работать бесплатно на тебя Руслан, но любой труд оплачивается». Короче, у меня образовался такой долг, такой долгище, несколько миллионов, по его словам. Откуда столько? Он документально подтвердил, что выкупил финляндский заказ. Я, дурак, согласился на партнёрство, а потом Граф потребовал половину стоимости моей, отцовской клиники. Сказал, в счёт будущих услуг. Половину! Мне негде взять столько денег, да и времени мало. Он потребовал долговую расписку, сам привёз нотариуса. Через полгода из-за границы возвращается мой отец. Он ничего не знает об этом. Он основал нашу клинику. И что я ему предъявлю? Наташа, мне либо нужна эта расписка, либо ты, но с наследством, либо...Об этом думать не хочется... Я уверен, он тебя не оставит бесприданницей. Заяви ему, что тебе нужна именно такая сумма. Посмотрим, что он тебе предложит. Но лучше всего именно та бумага, я уверен, что она у него в сейфе. Я пойду до конца. Граф позволил себе слишком многое — взял то, что годами создавал мой отец, а операция — фикция. Ты думала, мне нужен здоровый Граф?

— Ты же не решишься на убийство?

— Нет! Он сам подохнет.

— Я поняла, что твоё лечение не способствует выздоровлению. И там я видела два

препарата...

— Ты правильно мыслишь, ты всегда была самой умной студенткой, Наташа, они несовместимы. Но больной не очень заботится о здоровье: половина препаратов не тронуты. А я не настаиваю. Вольному воля, спасённому — рай, а Графскому — по его выбору, а он невелик. И он жив ещё потому, что не добрался до тех препаратов, по-моему, он вообще не принимает таблеток.

— Но он беззащитен! — во мне срабатывает закон противоречий. — Мы врачи, и жизнь пациента превыше собственных амбиций и обид.

— Мать Тереза?

— Нет!

— Тогда почему тебя это заботит?

— Руслан Николаевич, я согласна на все условия, только вытащите меня отсюда.

— И ты согласна пойти до конца? Дойди хотя бы до дверей Загса, а там посмотрим. Согласна?

— Да. А как вы усыпите бдительность Графа?

— Я бы усыпил его как бешеную собаку!

— Вы хотите убить его? Как вы потом будете жить с этим? Вы нам внушали на лекциях: врач должен быть вне политики, даже вне устоев общества, так, кажется...

— Надеюсь, что до этого дело не дойдёт. Нам главное выбраться из этого места, а там, что Бог даст. Твоё дело найти в документах Графа мою долговую расписку. Он сам, по-моему, тебе её не отдаст преждевременно.

Как я буду жить? Это никого не касается. А ты что думала? Он просто так подарит тебе свободу? Он не из тех людей. Ты никогда от него не освободишься, пока он жив и на воле. Таких людей даже тюремная решётка не останавливает. У них слишком длинные руки и обширные связи. И только я могу быть гарантом твоей свободы. Пойми это и прими.

— Ладно, я всё поняла. И я пойду, мне холодно, — блузка и джинсы — одежда не по сезону, а чёрная Женина куртка... Мне в ней некомфортно, напоминает.

— Я согрею тебя, — он попытался привлечь меня к себе. Наши взгляды встретились. Руслан неожиданно потянулся, пальцем дотронулся до моей щеки.

— Нет, — я отстранилась, делая шаг назад. — Может, и по-детски прозвучит, но я поклялась себе, что ни одна чужая рука меня не коснётся, рука чужого мужчины.

Взгляд исподлобья и лёгкая усмешка Руслана меня не смутили: я вздёрнула подбородок и ждала, как среагирует Руслан Николаевич на мои слова. Он стоял напротив, засунув руки в карманы дорогих брюк

— Надо же! Ты, правда, ещё ребёнок, Наташа Волкова! Пора взрослеть! Ладно, надо договориться, как будем действовать. Завтра я заберу больного в клинику: не дело лечить его дома, и тебе в его присутствии не добраться до сейфа. Твоя задача: найти в сейфе мою расписку, она написана моей рукой. И паспорт, твой. А там посмотрим. По результату будем действовать.

— А почему ты вдруг разоткровенничался со мной?

— А за что ты так любишь его?!

Он не поверил или провоцирует? Зря. Я держусь.

Мы обменялись жёсткими взглядами.

— Ты не ответил! То есть, вы.

— А ты? Ты думаешь, я не понял смысл твоих слов о клятве, ради кого ты воюешь. Что

сделала бы другая на твоём месте? У тебя под рукой лекарства — пара уколов — и всё. Конец Графу. А ты играешь в мать Терезу.

— У тебя тоже под рукой целый арсенал, а ты предлагаешь, нет, ты заставляешь меня убить его. Эвтаназия запрещена законом. Возможно, это и правильное ваше решение, но моё воспитание говорит, что это низко. Я не стану уподобляться Графскому, а вы как хотите.

— А кто говорит об эвтаназии?

— Вы! А про любовь... Пусть он от меня отказался, но, чтобы полюбить, нужны какие-то особые критерии?

Я сама почти в это верила: слишком долга была разлука, — а такой красивый мужчина не станет мучиться неизвестностью, и любая смазливая мордашка совсем непрочь его утешить. Ну и пусть, пусть живёт, как может, а я — как умею. Но Руслану этого не нужно знать.

— Ладно, Наташа, это всё слова, а нам необходимо заняться делом: завтра я увезу Графа, а ты ищи документы. Я даже знаю пароль от сейфа. Догадываешься?

Он усмехнулся снова.

— 5 букв — НАТКА.

Действительно, смешно.

— Иди к себе, а я загляну к больному и поеду. Завтра я заберу Графа, а на следующий день приеду за тобой, надеюсь, дня тебе хватит, чтобы разыскать документы.

— Последний вопрос: вы знали, что меня похитят?

— Знал и был против, но Графскому захотелось поиграть в отца. Как только я поставил ему диагноз, аортальный стеноз, там ещё пристяжных куча, он стал романтиком что ли, отошёл от дел... Вот только Хмурый и Женька при нём. Остальные рассосались по широким просторам малин и... Ладно. А Женька... он, мне кажется, неровно дышит к тебе...

— По себе судите? Женька обо мне просто заботится, я ему помогла однажды...

— Знаю уже... Наташа, если бы тогда ты приняла кольцо... этого кошмара с тобой не было...

— То есть, если бы я прыгнула к вам в постель...

— Постель... боюсь, что до постели бы мы не дошли... На мне уже мёртвым грузом висела...

— Галка Нефёдова?

— Откуда знаешь? Граф рассказал?

— Мы и сами знали. Вы запутались в противоречиях или нет...

— Наташ, а пойдём к тебе, там поговорим, с тобой приятно общаться. И ты замёрзла уже.

— Пойти можно, но там прослушка.

— Да спит он. И если идёт запись, то мы уже договорились. И Наташ, ты неосторожна, прежде чем колоть лекарство, читать надо. А если там двойная доза? — испытывающий взгляд Руслана меня не смутил.

— Не надо меня пугать — плавали, знаем. Сибазон выпускается в таблетках или 1 мл раствора для инъекций содержит диазепам 5 мг. А я вколола один.

— Откуда такие познания в фармацевтике?

— Я колола их ещё бабушке.

Тут дверь открылась и высунулась физиономия Жени.

— Наташ, заходи уже, — он бросил хмурый взгляд на Руслана, — он тебя заморозит

скоро.

Это рассмешило Руслана:

— Видишь, как заботится! Я ж сказал: он к тебе равнодушен.

Мы воши, а я всё думала: почему обо мне так Женька заботится. Он на расстоянии чувствует что ли меня? А если мы с ним родственники? Ответа нет, как и на все предыдущие.

— Ладно, Волкова, иди уже, а то твой адъютант съест меня живьём.

Руслан снова широко улыбнулся: его веселила собственная острота, только мне было совсем не до его шуток. Он уезжает, а я остаюсь. Но если сейчас он меня заберёт то, всем станет только хуже: и мне, и ему, и Жене, и Саше. Саша в приоритете, конечно.

Руслан рисковал. Он по жизни был игроком, но не в карты и не в рулетку. Он часто играл людьми. А они им. Так получалось. Среди людей его круга его называли не иначе, как Игрок или Игрун, вероятно, потому что он повторял часто: «Что вы хотите? Вся жизнь — игра». А знакомство с доступной девушкой он начинал со слов: «Поиграем, детка?» Но ещё с юных лет он помнил наказ отца: «Сын, в этой жизни деньги решают всё!»

Сначала он играл в чувства. Девочки в баре, студентки в мединституте. Он был красив, обаятелен. Заполучить красотку на ночь ему не составляло ни малейшего труда — его красота не спасала мир, она открывала перед ним все сердца глупеньких барышень и двери модных салонов. Для игры в чувство ему нужно было только тело, молодое, красивое, желательно, чистое. Не шлюхи и не проститутки. Зачем они? Чистых хватало. На одной он споткнулся. Наташа Волкова его отшила сразу. Он не расстроился. Нефёдова Галина отлично справилась с заменой. Но и на ней он споткнулся: отец Нефёдовой, банкир недавно открывшегося банка (неизвестно на чьи деньги) пригрозил: не женишься — по миру пуцу. Тогда и появился Графский со своей претензией. Или раньше. Неважно. Важно то, что Граф именно тогда потребовал оплату за труды его «праведные». Но и тогда звёзды сошлись: Графского беспокоило сердце, Руслана — его бизнес. Долговая расписка — и дело в шляпе, но не для Руслана. Половина стоимости клиники — это не фунт изюма. Нефёдов не стал помогать будущему зятю — он тоже был непрочь заполучить лакомый кус — клинику Семёновых. В приоритете оставался Нефёдов, но до поры, пока будущий тесть не откажется решать проблемы Руслана. А он не откажется — будущее дочери и внука ему дороги. Галина отказалась удалять беременность, как итог, у Руслана теперь есть наследник.

Руслану, начавшему играть по-малому, теперь приходилось играть по-крупному, в несколько ходов: успокоить отца, вернуть клинику, отделавшись от Графского, жениться на дочери банкира Нефёдова, обрета наследника и деньги тестя. Для решения этой многоходовой головоломки он выбрал беспроектный вариант: Наталью Волкову. На свою голову. Строптивость девчонки помножилась на упёртость Графа. Ей похрен мотивы Графа и интересы Руслана. «Бессеребренница, блин. И чего он решил, что Наталья — его дочь?» Руслан подыграл — любой каприз за ваши деньги, они, как известно, не пахнут. Любовница из Центра установления отцовства за ураганную ночь безудержного секса, в подарок — колечко, и — картина маслом. Бубновый интерес Графского удовлетворён. Дело осталось за малым — уложить Графа в клинику, типа на обследование, вывезти Волкову — и в ЗАГС. Развод можно устроить быстро. Если она найдёт расписку — то до его дверей. Это даже лучше — проблем меньше. Ох, были бы деньги, да побольше! А что там планирует Графский — Руслану неинтересно. Но Графский тоже планировал. Но как говорится: человек предполагает, а Бог располагает...Мдаа.

В разговоре с Наташей он не был до конца искренен: почему-то именно он в криминальных кругах был известен под кличкой Красавчик-лепила не год и не два. И всё потому, что он помнил канон отца, что деньги решают всё. А вот как купить любовь и преданность, отец, к сожалению, и сам не знал и сыну не поведал. Столкнувшись с характером Наташи ему бы понять самому, без отцовской заповеди, что не всё в жизни, даже в такой дерьмовой, покупается и продаётся. Но, вероятно, вместо сердца у Руслана — счётчик для пересчитывания «зелёных денег».

Наташа.

Следующего дня я ждала с замиранием сердца. После разговора с Русланом долго не могла заснуть. Сяду в кровати — появляется резь в глазах, уляжусь на подушку — сон пропадает, а в голове роятся разные мысли. Сказываются нервное напряжение и переживания. Периодически прислушиваюсь к своим ощущениям: даже в такой ситуации беременность от любимого человека для меня — счастливый билет с моим диагнозом, что бы врачи не говорили и не обещали. Но пока всё тихо: ни тошноты, ни головокружения.

Утро начинается со стука в дверь — она у меня всегда заперта: опасаясь Хмурого. Стук в дверь Женькин — как пароль: два бодрых стука. Только Женя сегодня невесел. Завтрак, как обычно, яичница и кофе. Прошу чай — он хмурится.

— Жень, тебе чая жалко?

— Нат, сегодня ночью такое было, блин!

— Что-то с Катей? Покажи мне её!

— С Катей сейчас всё нормально, а ночью была истерика. Граф устроил бузу: у него пропал документ какой-то, он подумал на Хмурого. А тот, падла, стал тупить, типа не он. А потом Граф обнаружил, что капсулы лекарств пустые, понимаешь, Нат: вроде лекарства, а там пусто. А Хмурый под балдой: он вылакал все лекарства, прикинь!

— Почему я ничего не слышала? — я в ужасе от предчувствия. — И что потом?

— Отсюда не слышно, что происходит в той части дома. А потом... Граф сам пришел Хмурого. У него разговор короткий. Хмурый хотел переметнуться к Толстому, а Граф решил, что Хмурый для Толстого выкрал бумагу.

Женька замолк. Но мне показалось, что его молчание говорящее: он что-то не договаривает. По его лицу пробегают тени: он хочет сказать, но не может. Прослушка!

— Как Катя? Если хочешь, я посмотрю.

— Катя тебя боится... — он растерян.

— Почему? — теперь настала моя очередь растеряться и недоумевать.

— Она ревнует... — Женька меряет шагами комнату, приглаживая волосы пальцами.

— Жень, мне нужна расчёска... — слова Жени о ревности незнакомой мне Кати заставляют сдвинуть брови и меня и растеряться. Прострация, потерянности, слабость... что там ещё может обрушиться на человека, если ему сказали, что в доме, где он живёт, хотя и не по своей воле, конечно, произошло убийство. Пролилась кровь, пусть даже и самого дрянного человечиска.

Но мне не дали времени собраться, подобрать все куски своей души: в комнату рывком открывается дверь и врывается грузная фигуры убийцы. Граф разъярён:

— Женька, ты всё ей рассказываешь, что в доме случается?

Женька ошарашен.

— Ничего такого я не рассказал!

Теперь граф на меня обрушивается:

— Ты подходила к сейфу?! — и, не давая мне произнести ни слова, пользуясь моим оцепенением от напора, кричит: — Что ты искала там? Деньги? Я не лох, ты всё время намекала, что ты не бедная родственница.

— Я не подходила даже близко к твоему сейфу!! Ты сам видел!!

— Тебе мало денег? — он будто не слышит. — Вот они, вот!

Граф с усилием сгибается, доставая из шкафа шкатулку-сундучок, и бросает на кровать, рассыпая по одеялу кольца, браслеты, серьги, золотые часы, вероятно, сорванные с людей

или краденные в ювелирном магазине.

— Вот! вот! Забирай, здесь много! Верни расписку! Иначе ты никогда отсюда не выйдешь!

Я в ужасе осматриваю драгоценности: в жизни столько не видела, только в кино. Почему я не рассмотрела их раньше? Потому что они мне не нужны! За них жизнь не купишь, а отнять — запросто. И за меньшее убивают, например, маму убили за грошовую зарплату и за кольцо. Взгляд тут же вырывает из массы презренного металла и разноцветных стекляшек серебряное кольцо — безделушку, по сравнению с соседствующим перстнем. А когда я его рассмотрела поближе, поднеся к свету, меня поразили и гром, и молния, и взрыв ядерной бомбы:

— Мама! — тело трясло так, что щёлкали зубы, словно дефибриллятор по сердцу прошивал насквозь, — на внутренней стороне кольца гравировка: «На память от С.» — Это мамино кольцо! Откуда оно здесь?

Дрожащими пальцами я щиплю себя за руку, пытаюсь удостовериться, что я не сплю, а это не сон, а реальность.

— Ты маму убил? — и разум, и кровь — всё клокочет во мне, и я каждую минуту готова броситься на Графа и перегрызть ему вену. Если бы не подоспевшая охрана, вероятно, я так бы и сделала: они пришли по мою душу.

— Ты забываешь, Наталья, что я Нину любил и знал в лицо! Разве я смог бы убить её? Да никогда! Скорее забрал бы! — Граф тоже кипит, сказать, что он красный — ничего не сказать. Весь: и руки, и лицо, и шея. И для него эта находка превратилась в ад, где его сейчас изжарят заживо.

— А кто тогда? Почему кольцо хранится в твоём доме? И «С» — это Слава? Да?

— Я не помню, давно было! — недовольно отмахнувшись, зло заявил он, а потом с некоторой надеждой обратился к Жене: — Жень, а может, ты помнишь?

Глаза Жени загорелись праведным гневом, а губы сжались в тонкую полосу:

— Помню! — как после разрыва снаряда, бомбы в Хиросиме, и я, и Граф доселе не смотревшие на Женьку, увлечённые разборкой, мгновенно вскинули взгляд: я — синий, сверкающий злобой, Граф — мутный и больной.

— У кого ты видел это кольцо? — губы хозяина дома затвердели и посинели как будто, а глаза сверлят Женьку вопрошающе и жёстко.

— Это год назад было, поэтому я запомнил точно.

— Но маму убили раньше, Жень! — я боюсь, что он спутал.

— Это кольцо у него всегда на мизинце было! А в тот раз он отнял у меня браслет, тонкий такой, тоже из серебра, последнее, что от отца осталось. Я кинулся на него, а он съездил меня по скуле, кольцом расцарапал щёку. Вспомнил? Оно такое же было, а после ты отобрал у него это кольцо. Он тогда и Катьку избил, у неё теперь шрам во всю щёку! А ты его даже не наказал! Сволочи вы!

— Хмурый! — Граф выдавил имя убийцы единственной женщины, которая до сих пор оставалась в его сердце. — Зря я его вчера пристрелил! Надо было выпороть ему кишки и выкинуть в туалет. Я тоже вспомнил: он всегда его прокручивал на пальце...

Всё! Аут! Нокдаун, нокаут! И Графу, и мне... Кровь отхлынула от моего лица, чтобы забурлить внутри дикой яростью, а Граф, стоявший в проёме двери, медленно оседает на пол. Охранники смогли подхватить его в последний момент. Один из них тоже подтвердил, что видел кольцо у Хмурого.

— Бля...! я ж ему всегда давал шанс, а он...Наташа, принеси таблетку или укол какой, — почти одними губами проговаривает Графский, поворачивая ко мне голову. — Только там капсулы пустые — этот урод всё вылизал.

Меня словно бросает в бездну даже без фиксирующей резинки, просто без надежды на спасение: жестокость Графа и Хмурого столкнули в душе два грозных фронта. Графу нужна помощь, но как человек с больным сердцем смог бы вспарывать живот живому человеку? Может, это не в прямом смысле сказано? Впадая в оцепенение, таращу глаза на Графа, даже забывая о кольце.

— Принеси хозяину таблетки! — прозвучало от охранника, как выстрел в голову.

Пячусь, переступаю осторожно полулежащего в дверях Графа, бегу в его кабинет-спальню. Трясущимися руками ищу нитроглицерин, хватаю корвалол... И надо же мне было оглянуться на сейф: под ним...еле заметным... лежит... чуть высунувшись уголком какой-то листок. Мне некогда думать, откуда он взялся, но, уже направляясь к выходу, торможу.

Мои тонкие пальцы без проблем вынимают...

Я, Графский Вячеслав Сергеевич, родился, паспортные данные...

Семёнов Руслан Николаевич, родился, паспортные данные...

Под залог... сумма... проценты...

Сумма космическая, проценты неподъёмные...

Графский выпотрошил Руслана без скальпеля и присвоил...колоссальную сумму. А Граф из-за этой бумаги не пощадил Хмурого, и что бы со мной было, если бы он увидел у меня в руках долговую Руслана. Для меня бы он точно не поскупился на свинец из пистолета. А Руслан, сволочь, одним выстрелом решил убить двух зайцев: вывести из игры Графа и меня подставить. Мудро!

Первый порыв и правильный — спрятать... куда? В лифчик? Нет, заметно...Но злость подталкивает к ошибкам: отнести Графу и бросить ему в лицо... Нет, это неправильно! Это мой пропуск на свободу! Я отдам его Руслану, но не сразу! Всё потом, потом подумаю... Но куда спрятать листок? В лекарства? А кольцо мамино? Пойду, поищу и в последний раз, в последний...дам ему таблетки...

Глава 19.1

Саша.

Лишь на пятые сутки пришло смс с неизвестного номера: «Наташка жива. Воюет с Графом».

— Мммм! — из горла рвётся толи стон, толи рык, толи рёв. — Наташка! Как же мне добраться до него? Куда идти? Бежать, ехать? Куда? Каждый день на части рвёт, ломает, сука!

Мне чудится, что мир завертелся, чёртово колесо со скоростью реактивного самолёта. Чтобы не упасть, я грохаюсь на диван, тот самый, моё временное пристанище во время шторм. Каждый день задавал мне новые задачки, и каждый день приходилось двигаться наощупь. Только ставка оставалась прежней — как найти Наташу, найти мой потерянный рай.

Размахал диван. Бедный, сколько он выдержал, пока я вколачивался в него вместо груши! Сжав кулаки добела, сбитые костяшки саднили болью. Растирал руками лоб. Щёки. Вдыхал, выдыхал. Пытался собраться с мыслями: бесполезно. Они уползали, как черви, и прятались в землю.

Перед глазами наши полгода проносятся — лучшие месяцы в моей жизни. Пора уже это признать. И как бы я не отнекивался, а я и не отнекивался — хочу ее, одержим ей, как дьяволом. Почему? Не знаю. Нет, знаю: потому что глаза синие, потому что душа красивая, потому что за деньги не купишь, хоть миллион отвали. Хочу! И это не только секс, не только вожделение! Просто сгораю рядом с ней, теряю башку от бешеной страсти. А у страсти нет мотивов, на то она и страсть. Ни одна женщина так не цепляла, а эта девчонка одним синим взглядом на колени ставит. У нас с ней все было через край, но после этих дней без нее я себе не желаю лучшего. Не могу без нее. Шальная, родная, милая... И я люблю ее, люблю...

Этот малый с ума меня свёл, когда позвонил на восьмой день! На восьмой! Милиция топталась на месте: «Скажи честно: разругались, она ушла от тебя!» «А с работы тоже ушла сама?» — не было сил, да и себе дороже с ними ругаться. Оказывается, на работе Наташа типа в неоплачиваемом отпуске. Кто оформлял — понятно, Самсонов. Хоть тут не сглупил.

— Ты Волков? — странный вопрос мужским голосом доносится из телефона.

— Волков, что дальше?

— Я знаю, где твоя Наташа.

Сердце тут же пропустило удар, потом ещё один, а потом затарахтело, как бешеное.

— Ты денег хочешь за информацию? — я дышать перестал, жду ответа, как манны небесной.

— Каких, на хер денег!

— Бескорыстный, типа?

— А что, так не бывает?

— Я готов заплатить, только скажи, где искать, куда приехать?

— Короче, я скажу, только пообещай...

Замолк, прервался...

— Скажу, если пообещаешь сегодня её не забирать!

— Сегодня? Почему сегодня? — мысль бьёт обухом по голове: «Сегодня!» — разговор немого с глухим. — Ты можешь яснее? Где Наташа?

— Я устрою вам свидание сегодня вечером, как стемнеет. Но забирать её ты не будешь. Ладно?

— Бред! — ору в телефон. — Полный бред! Я должен её забрать!

— Тогда не скажу! Пока.

— Стой, пожалуйста, стой! Ладно, устрой хотя бы свидание!

— Сдержишь слово? При встрече объясню, почему. Слушай, как добираться...

Малый рассказывает, как найти дорогу, что надо купить лыжи, где лучше их оставить, как добраться до места, а я даже дышать боюсь, боюсь пропустить слово, не могу поверить, что сегодня увижу Натку, Птаху мою, девочку мою. Судьба, сука ты продажная! Представил, что эта дура сделала с нами, заколотило от бешенства.

— Как звать-то тебя?

— Зови Женькой.

— Жень, пойми, я должен сегодня её забрать!

— Тогда ты подставишь не только меня, — голос Женьки меняется на просящий, умоляющий даже. — Хрен бы со мной: пострадает моя девушка, а она беременная. Граф Хмурого не пожалел, когда тот хотел переметнуться, а мне и подавно кирдык будет, когда он узнает, что с моей помощью Наташка сбежала, потому как никто, кроме меня, к ней не ходит. Я ж за ней, как за сестрой, ухаживал: кормил, оберегал, как мог. Волков, будь человеком, потерпи денёк или два. Не столько терпели.

Я не вдаюсь в подробности, кто такой Хмурый, что Граф с ним сделал — мне нужно уточнить, как добраться до логова и где Женька меня встретит.

Раз. два... три... четыре...

Чёрт! Холодно... Морозно, ветрено. С неба по одной начинают падать снежинки, потом чаще и чаще, крупнее. Порой снег застилает глаза. Если бы не было ветра... Раз. два... три... Лыжи скользят по запорошенному полю. Кругом ни души, да и откуда взяться здесь человеку: нормальные люди жмутся поближе к теплу, и только волки шастают в поиске добычи. И я. Снегопад замечает лыжный след — нормально. Сколько я прошёл? Марат — умняга! Снабдил шагомером и балаклаву подогнал — глаза и губы наружи — отлично, не будет мешать дыханию.

Сколько осталось пройти? Ещё шесть километров. Шесть — и я увижу Наташу! Раз... два... Считаю шаги — отвлекаюсь от мрачных мыслей, но они, бродяги, всё равно лезут и лезут. Девять дней я не видел Наташу, девять дней умирал и возрождался, работал, как одержимый, чтобы отключиться от реальности и хоть чем-то забить тоску. Спал по три-четыре часа, но и в тот незначительный отрезок времени меня доставали сны. Мне снилось, то я спас Наташу, то она от меня убегает, а я не могу догнать: ноги становились ватными, не слушались, и сколько бы я ни бежал — оставался на месте. А вчерашний сон перевернул всё во мне: от воспоминания о нём меня до сих пор знобит, а сердце стучит, как автоматная очередь. Марату смог только сказать, что видел во сне беременную Наташу, уже с приличным животом, тот сказал: «Сон в руку!» А снег всё идёт и идёт, и я иду тоже без остановки, пока есть дыхание. Мысли помогают отключиться от однообразия шага. И сон...

Чёрт его знает, что может присниться, когда любимая далеко, некого обнять, прижать к себе. С Наташей нам некогда спать...

Наташша! Куда ж тебя занесло? Или занесли два папаши?

Опять боль наждачкой проходит по нервам... Мат вырывается изо рта вместе с паром...

Я не смог рассказать Марату ни слова о себе, что видел маленькую квартиру, в ней

посреди комнаты на кровати спала Наташа, моя жена, с моим ребёнком у неё в животике. Они были моими, а я для них стал чужим. Она мне сказала: «Ты слишком чужой, чтобы оставаться родным!»

Я просил, умолял: «Наташка, выслушай, я родной, родной! Не может быть, чтобы вот так сразу родной человек стал чужим!».

От этой мысли мне даже во сне пекло болью. Почему? По версии Наташи, я изменил ей. Она кричала, и это было впервые, обычно Наташка терпит до последнего: «Я сама видела: там, на постели, ты лежал почти голый, только белые боксеры прикрывали причинное место твоё. А голая женщина с тобой рядом лежала и шарила рукой у тебя в трусах, хватала за член! а тебе это было очень приятно, ты её целовал, так же, как меня когда-то. Но член любого мужчины должен принадлежать только одной женщине! И губы тоже! Если только он не целует своего ребёнка или мать! А ты! Вы, мужчины, развращены настолько, что готовы трахать каждую дырку! Но они, эти девки, всего лишь дырки! А жена что при этом чувствует? Не знаешь? А я это видела, видела...»

Ветер или эхо разносили эфемерный голос Наташи: «Видела, видела, видела...». А у Наташи живот, живот... а там...ребёнок. Мой. Только мой. И Наташи. А я...

Волков остановился, пристально глядя на снег, где, словно в чёрно-белой съёмке, мелькали кадры, превращаясь в чёрно-белую муть. На чёрном фоне стволов деревьев — белые хлопья снега — вот и весь спецэффект.

Жаль, что он не видел, как он сам себе выламывал крылья, а бескрылый, он никому не нужен, как корчилась душа Наташи в предсмертной агонии от измены любимого, как она уезжала, бежала беременная с единственным родным человеком. Крёстным отцом, как она его теперь называла. И с малышом под сердцем, его ребёнком...

Он не видел этого во сне, но каждым нервом, каждым капилляром, идущим к сердцу, чувствовал.

Он не мог чётко рассмотреть, как вымаливал на коленях у любимой прощение за несовершенный грех, не мог расслышать за завыванием ветра свои собственные слова: «Я не изменял тебе, Наташа, а это всего лишь подстава — Самсонов подложил нам очередную свинью — ту самую Бемби. Она подсыпала в вино клофелина, нас с Маратом вырубил. Если хочешь, сдам кровь на анализ». По какому-то волшебству появились бумажки с анализами. «Вот, смотри, в них чётко написано!» «Но почему не Марат с ней в постели, а ты?» Это ему крыть было нечем.

Но потом Наташа согласилась вернуться, потому что скоро ожидала роды.

Наваждение какое-то! Роды! Откуда? Наташа не беременна! Всё смешалось: сон, явь. Лучше совсем перестану спать, или сойду с ума от горя: мой ребёнок должен родиться и расти с отцом и мамой и на свободе. А иначе может повториться наша история: моя, Марата и Натки. Но этого я не расскажу никому, и не потому что стыдно, я боялся, что сон, не дай Бог, когда-то воплотится в реальность: те, наши сны, исполнились же...И к цыганке не ходи...

Тряхнул головой и пошёл дальше.

Три километра по заснеженной равнине пробежал быстро, забывая и о времени, и о расстоянии. На всё забил, бросившись к ней. Постепенно наступают сумерки. Нормально: когда доберусь до места — совсем стемнеет. Пацан так и сказал, вернее, написал в смс: дождись темноты. А в душе колом, не занозой, висят слова неизвестного Женьки:

«Потерпи, не столько терпели!» Голова, может, и потерпела бы, а душа, сердце терпеть не хотят. Млять!

Ветер завывает в верхушках деревьев, даже сквозь тёплую, непродуваемую куртку пронизывает потное тело. Остальные три километра вдоль леса дались труднее: натыкаясь на мелкую поросль лыжами, не видную в темноте. Чёрт! Лыжу сломал! Ковыляя на одной, уже не надеясь на счастливый исход, дошёл до забора. Присвистнул: деревянный что ли? Дом впечатлял своими размерами. Как и кто тут в глуши его строил? Об этом можно только догадываться. Дом погружён в темноту, и только пучеглазая луна, как разведчик, сновала на небе, то прячась за облако, то выныривая, освещая махину.

— Волков? Ты?

— А ты кто?

Наташа.

Сегодня Женька какой-то странный: как-то смотрит загадочно, а когда приносит ужин и вовсе не выдерживает, забирая пустые тарелки:

— Жди сюрприз, Наташка!

— Хороший? Графа увезли? — полусонно спрашиваю, словно сомнамбула.

— Уехал с охраной, как будто он нужен кому-то старик полудохлый, — меня поразила злая, уничижительная интонация Жени.

— Жень, скажи Кате, пусть не ревнует, не из-за чего. У меня есть любимый, и я знаю, что такое ревность, когда любимый не рядом.

— Скажу, но... вряд ли поверит: вы разные, сама посмотришь... — Женя тоже грустит, я чувствую... даже не грусть, а злость...

Мне снова хочется спать, тем более Граф уехал, и мне кажется, что мне дышать без него легче.

— Не темни, Женя, что за сюрприз? Жень!

Но Женя уходит, так и не раскрыв тайны. Злитесь из-за чего-то. Наверное, Катя нервничает из-за беременности, как все женщины. И я бы нервничала из-за любимого, но где он? Сюда, в это проклятое место, зимой вряд ли волки забегают. А он человек. Из плоти и крови. И если он даже по счастливой случайности узнает, где я, то это будет равносильно чуду. А в чудеса я не верю. Вместо верхнего света включив настольную лампу, я снова прилегла, веки наливаются свинцовой тяжестью, а голова клонится к подушке.

Но желание уснуть перебивается мрачными мыслями, кто виноват, что я здесь, а не в объятиях Саши. В доме тепло: Женька хозяйничает в отсутствие Графа — генератор работает на полную мощность, и свет есть, и вода. Вода! Надо помыться, пока она есть. Тёплая вода успокаивала немного, но и в душе меня не оставляют размышления: как например, работает генератор, и почему я Графского ни разу не назвала отцом.

В моём понимании, отец — тот тот, кто любит, заботится, как мама. Во мне его кровь, но заботы я не чувствую, разве только не бьёт, не пытается. Чёрт! К ночи такие мысли — кошмар приснится. Дядя Коля, милый мой Степаныч, он всегда заботился о нас, а полковник... Самсонов так и не смог полюбить сына, и Саша не смог. Тогда, вообще, зачем он приехал, зачем вторгся в нашу жизнь? И виноват ли он в моём похищении? Откуда ему было знать, что меня всё-таки похитят? Он всего лишь высказал предположение... Тогда кто же виноват? Я? Вряд ли... Но неизбывное чувство тревожности так и лежит на сердце колючим комом.

Ещё влажные волосы и, наконец, расчёсанные как следует, даже через ткань пижамы (Руслан постарался, заботливый, блин) холодят спину.

Стук в дверь. Женькин. Два бодрых звука. И чего ему сегодня неймется? Вокруг темно, и только жёлтое пятно от светильника, хилое, чуть видимое, но его не хватает даже, чтобы осветить тумбочку.

Безбоязненно открываю дверь — Женька же. И отшатнулась. Ещё одна тёмная личность — мужчина в чёрном и в балаклаве. Чем бы защититься? Схватываю стул:

— Женька, предатель, кто это? Графа нет, так ты... — надо бы заорать, но...

— Воюешь, Наташа?

Моментальный ступор. Молниеносный. Молния превращается в радугу, всеми цветами расцветившую мою клетку. Лавинный жар окатывает тело. Электрический разряд прошивает от макушки до пяток. Стул медленно, медленно опускается на пол — рука слабеет.

— Кто это? — я не верю, что это голос дорогого, единственного, любимого человека.

— Наташа! — любимый рывком стаскивает маску.

— Сашшшаа?! — растягиваю «ш», потому что губы трясутся, а челюсть от испуга и растерянности отказывается слушаться. ОН! Он! Мой ангел-спаситель! Он не позволит, чтобы меня погубили, продали за тридцать серебряников! Мой персональный ад и рай. Рай! Мой, только мой рай! Саша!

Раскрывает руки, раздвигая плечи. Мои! Любимые, нежные, надёжные!

Сердце стучит, как бешеное, — не остановишь! Миллиарды мурашек пронзали моё тело, пока я скользила взглядом по любимому лицу.

— Испугалась, любимая?

Вместо ответа, как сумасшедшая бросаюсь в его раскрытые объятия, повисаю на крепкой шее, ещё не согревшейся с мороза, тут же ощутив, как его пальцы прошли по моей спине, просчитав каждый позвонок, проверяя на ощупь прочность. Саша крепко прижимает меня к себе, остановив ход времени. Оказавшись в его руках, я чувствую, как защита и тишина обволакивают мою изболевшуюся душу. В уголках милых тоскующих глаз влага: то ли снежинки растаяли, то ли непролитые слезинки вот-вот упадут.

Мне нет дела до Жени, который, уходя, проговаривает сквозь зубы: «Будьте готовы к трём. Волков, ты обещал, слышишь?».

Передо мной он — дорогой, любимый, единственный.

— Саашшшаа!

— Наташша! Любимая! Я нашёл тебя!

Взор во взоре, глаза в глаза, и больше нет никого на свете, только я и он, Наташа и Саша, есть мужчина и женщина. Его взгляд полыхает так, что в темноте комнаты я вижу всполохи, озаряющие его лицо. Мир исчезает, когда я впитываю, набирая полную грудь дурманящего запаха его кожи с мороза, захватив его щёки ладонями, небритые, колючие, но самые дорогие. Голосом, охрипшим от мороза, Саша шептал: «Наташка, любимая, я тебя нашёл!»

Мир словно покачнулся в ту минуту, все закружилось, завертелось с бешеной скоростью и только он один, как точка опоры, за которую я цепляюсь взглядом. Вглядываюсь жадно в каждую черточку, дрожала каждой клеткой. Услышав его голос, уловив аромат морозной свежести, просто задохнулась, захлебнулась им, будто ворвавшимся потоком воздуха в душной камере. Один его взгляд, и мое сердце вновь ожило, истерикой забилося, разлетаясь на куски об стены, что я нагородила вокруг себя, истекая кровью и горячими слезами.

Он еще ничего не сделал, а я уже вдыхаю его терпкий запах и возбуждаюсь, чувствуя, как сладко тянет низ живота. Саша обхватывает меня за шею и впивается в губы, целует, не мягко и нежно, а жадно, алчно, не позволяя действовать самой. Он терзает мой рот обветренными губами, вынуждая задыхаться и принимать его голод, деля на двоих. Сашка отрывается, опускает глаза, ещё раз меня осматривает жадно, а потом опять набрасывается на мои губы, покусывая их и рыча. Подхватывает под попу, беря меня на руки. Так и стоим, поглощая друг друга поцелуями, голодными, алчными, ненасытными. Сплетаемся языками друг друга трахающими, имеющими страстно, ненасытно, горячо. Саша догадался прижать меня к стене, иначе я выпала бы из его крепких, мускулистых рук, вцепился, с силой сжал

ягодицы: низ живота сжался в комок, чтобы разразиться огнедышащим оргазмом. Он опалил меня сразу же, взорвал мириады звёзд в глазах, захлебнуться заставил, изогнуться дугой и выкрикнуть любимое имя.

— Я так соскучился, — шепчет мне в рот, позволяя отдышаться, отпускает меня. — И столько всего хочу с тобой сделать... — сам задыхается и, сделав шаг к кровати, садится устало. А я слегка пошатываюсь, глядя на него пьяными глазами, не могу прийти в себя и понять: почему он не продолжил. Внизу живота снова сладко ноет, щёки полыхают, губы просят ещё и ещё поцелуев. В объятиях Саши я теряюсь в пространстве, для меня существует только один единственный прямоугольник — комната, а в ней — любимый, желанный, я изголодалась по нему, по глазам, по губам, по коже, по..., ммм... по нашим жарким ночам, конечно.

Я только помню: закрыть дверь на ключ нужно. Ключ в замке быстро щёлкнул — и я зависаю, неотрывно разглядывая уставшее лицо любимого. Но поменять увлажнённые трусики некогда, да и зачем, другие так же намокнут или будут сорваны...

Мы, наконец-то, усаелись вместе: я, как прежде, на коленях у Саши. На коленях! У Саши! Дышим и не можем надыхаться друг другом, и кто бы ни разубеждал меня в обратном, я не поверю: наши сердца стучат друг для друга. Вот его щека, значит, для моего носа есть опора, и для меня появилась защита — целый любимый человек, мужчина, совершеннее нет которого. Жгучие поцелуи сменяются нежными, но объятия не размыкаются. А под попой только сила мышц накаченных бёдер.

— Родная, как ты? Я так долго искал тебя! Никто не знал, где ты, пока Женька...

— Я знаю, любимый, уверена, что ты искал, но тут такое глухое, пропащее место... — пробормотала я, едва оторвавшись от губ, но ладони по-прежнему на его небритых щеках. — Ты с кем? Где помощь, ОМОН?? ФСБ? — спрашиваю, немного опомнившись от неожиданной встречи, хотя чувствую, что зря спросила, потому что на улице темно и тихо.

— Помощи нет, и не будет, мы сами должны выбираться! — сокрушённо, подавляя в себе злобу, Саша сжимает пальцы до хруста, а потом тяжело вздыхает и оглаживает мои волосы, наконец-то расчёсанные. Он, уставший, измученный, давно не бритый, под глазами чернотой пролегли круги, взгляд карих глаз размытый.

— Как не будет? А твой... полковник обещал! Вот они, серьги, они на мне! Почему он не пришёл на помощь?

— Полковник! Полковник думает только о собственной заднице, урод! Я не удивлюсь, что его нет в городе, что он просто свалил, оставив нам расхлёбывать эту кашу! Последний раз я его видел, когда он возвращал ключи от дома, а я съехал из его квартиры.

— Ты живёшь у меня? У нас?

Слёзы тонкой струйкой проложили дорожку по моим щекам. Я заплакала, как плачет обиженный ребёнок ясельной группы, когда его обманули. А ведь меня обманули! Одновременно со слезами потекло из носа. Как у всех, наверное.

— Это я виновата! Во всём! Что родилась не от того человека, а полковник... он не мог предвидеть, что так получится.

— Твоей вины тут нет совсем! Кто мог знать, что два идиота не могут поделить над нами власть!

Он сказал: над нами, — значит, Саша не отделяет себя от меня. От этой мысли мне стало легче.

— Над нами власть! Да как им пришло в голову, что они смогут властвовать над

нами?! — я вскрикнула, как от укола в сердце, такая же боль отразилась в расширенных в темноте зрачках Саши.

Глава 19.3

Власть над людьми. Большая или маленькая. Какая разница, если от неё или из-за неё страдают люди. А властвующим не до слёз людских, которых целое море, океан горя, страха, мучений.

Саша своим платком вытирает мне слёзы и нос. Я жмусь к нему, сидя на коленях, как ребёнок, ищущий защиты и спасения. Но мне бы надо видеть его глаза: в них не только усталость, но и любовь, нежность, они ярче. Я думаю: рассказывать или нет историю с Графом с самого начала. А о беременности? Вдруг её нет? Сплошные недомолвки и загадки. И ко времени ли? А когда ещё?

— Саша, я давно тебе должна была открыться, откуда Граф узнал обо мне... — решаюсь, наконец, я, заглядывая ему в глаза, чтобы понять, простит ли он меня...

— Не надо! Я не за этим пришёл сюда! Да и какая теперь разница...

— Послушай!

— Даже и есть хоть капля твоей вины, я беру тебя на поруки! — Саша по-прежнему целовал меня в лоб, в щёки, слегка улыбаясь, но больше всего губам доставалось. — Я догадался теперь, что тогда твою квартиру разгромили его люди. Так? Тогда я Женьку видел?

Я молча кивнула.

— Ты должен был отказаться от меня, сразу, как только узнал правду обо мне и чья я дочь. Тогда тебе не пришлось бы столько мучиться из-за меня.

— Я не смог. Я долго бесился, а потом пал... помнишь? Не смог без тебя. Наташа, Птаха моя! Не могу я без тебя!!! Это как руку оторвать или ногу.

Саша схватил меня за плечи, сжал крепко, встряхнул от отчаяния.

— И я не могу без тебя, прости... Но я — ходячая проблема.

— Надо было мне сразу сказать, мы что-нибудь придумали вместе. А теперь-то что...

Он смотрит так, что это он виноват в моей сложной жизни, а не я.

— Верно, но тогда мы ещё не были так близки, и я не хотела кого-то ещё подвергать опасности.

— Думала, рассосётся?

— Наверное.

— Пусть так. Но я не променял бы эти полгода на обычную жизнь. Веришь?

— Верю, любимый. И я непротив заплатить такую цену за любовь. Да я уже и заплатила... Веришь?

— Верю, родная. Она стоит больше.

— Нет! Я не хочу платить за любовь! Я просто любить хочу! Тебя одного! Саша грустно смотрит на меня, не может решиться, что ответить, опять целует мои припухшие губы от поцелуев.

Теперь мне опять непонятно: почему Саша медлит, почему мы так мирно разговариваем, а не убегаем?

— Саш, ты заберёшь меня отсюда? Я с тобой хочу! Давай собираться!

Саша начинает объяснять, что там мороз и ветер, а он на лыжах, одна сломалась, придётся идти пешком десять километров по колено в снегу, дай Бог, если к утру дойдём, а я заболёю. Десять километров пешком, в мороз, без тёплой одежды, пройти нерезонно.

— Да..., наверное, ты прав, и у меня нет одежды... — ещё минута, и меня накроет истерика: я снова остаюсь здесь, меня будут обменивать на деньги, на клинику, я бесправна и раздета и без паспорта, и ещё... А вдруг я беременна? Я погублю ребёнка, такого долгожданного от любимого мужчины. Головой соображаю, что сейчас уйти с Сашей не смогу, надо подождать до завтра: придет Руслан, он вывезет, а я отдам ему расписку. Саше объяснить...? Рассказать о Руслане, о торге за мою несчастную голову? Головой я понимаю, а сердце не хочет слушаться, рвётся к Саше, домой... Я с болью смотрю в глаза Саши, в умные, внимательно вглядывающиеся в меня с добротой и надеждой, что я сейчас успокоюсь, тону в них, растворяюсь.

— Саша, я больше не могу здесь жить, я хочу с тобой!

Снова сопли и слёзы! Здравого смысла будто и не было.

— Наташенька, ты стала совсем как плакса?

— Больше не буду! Смотри... — вытираюсь тщательно тыльной стороной ладони, — больше ни слезинки! Возьмёшь меня с собой?

— Наташенька, ты же сильная! Всего один день — и я приеду, теперь я знаю, куда.

— Я устала быть сильной, устала!

Я кричу почти, а Саша о чём-то размышляет, обхватив голову руками.

Горечь во рту, волной поднимается тошнота, а в сознании пробивается тут же: мои тараканы сбегаются, выстраиваются в ряд, застывают по стойке «смирно», готовые атаковать и без того измученный мозг несчастной, брошенной всеми женщины. А на меня снова накатывает подозрение: почему он меня не берёт с собой? Он что-то знает? Но что и откуда? Нет, это невозможно. Просто, зачем я ему, мужчине с брендовым парфюмом, с накачанными кубиками живота, использованный материал? В нём всегда бушевал тестостерон, который только я обуздывала, а может, не одна я. Он не давал мне обещаний никого не трахать, пока мы вместе, а удержаться от соблазна довольно трудно, когда едва ли не каждая роза-мимоза готова раздвинуть ноги перед таким красавцем. Покойный Володя Высоцкий, моя мама так называла его почему-то, писал или говорил, что сильнее измен он боится не узнать об изменах. И я этого тоже очень боюсь, как любая, каждая из женщин. Мир людей жесток, и я — не совершенство. А пришёл Волков сюда, чтобы попрощаться, так сказать, прощальный тур по дорогам боевой славы.

Пока я размышляю молча, отупело, Сашка пристально разглядывает меня, обескураженную, обескровленную, безвольную тряпку, с остекленевшими глазами от горя, с красным носом, заплаканными глазами, он ждёт, чего я ему ещё скажу или попрошу. Зачем я ему такая? Я уже клянусь себя за слабоволье, за слёзы и сопли.

— Саш, — зазомбированно спрашиваю, — а что у тебя там, под брюками?

— Нат, ты о чём? Трусы, конечно. Почему ты меня об этом спросила?

— Боксеры? Белые? Которые я стирала и гладила для тебя?

— Ну, да... Нат, ты сейчас о чём меня спрашиваешь? Ты обиделась, что я...

— Нет, Саша, я не о том, я всё поняла: сейчас для интима не время и не место, — делаю паузу, лишь на секунду, решая, говорить ему или нет о беременности... а если она ложная, мнимая?

Прозрение, что хватит ныть и в ногах валяться, что я не пешка, а королева, ничуть не меньше, достигает мозга, и он командует моим тараканам: быстро лечь и окопаться, закопаться, чтобы и ус не виден был.

— Ладно, Саша, ты сейчас уйдёшь, трёх часов ждать не надо, в это время охрана

обходит дом по периметру, — многострадальный голос становится сиплым, бесцветным, обессиленным.

— Ладно, собирайся, — смилостивился, гм, — я отдам тебе свою куртку, капюшон наденешь, как-нибудь дойдём. А Женька... У него правда женщина беременная?

— Причём здесь Женька и его женщина? Что ты ему обещал?

Чёрт, что же так болит живот? Панкреатит, наверное... А под моей попой ощутимый такой бугорок. Заёрзала, ощущая его твёрдость. Боль отпустила. А бугорок в штанах Саши всё ощутимее.

— Он поставил условие, что сегодня я тебя не заберу, он отказывался назвать место, где тебя искать, я пришёл только на его условиях, понимаешь? Он опасается за жизнь своих близких. И десять километров пешком, в мороз, без тёплой одежды, пройти невозможно!

Саша срывается с места, отрывает меня от себя насильно. Но не прекращает говорить:

— Он сказал, что Граф за измену пристрелил Хмурого... А весёлого не пристрелил?

Шутка не получилась — он встревожен, разозлён, хаотично ходит по комнате, по моей клетке, его шаги в берцах теперь, наверное, слышны в коридоре. И наши голоса тоже.

— Кто такой Хмурый?

— Это один из тех троих, что ночью были у меня в квартире, — час настал для правды. — Это он меня похищал тогда от больницы, а ещё Борис, я его узнала потом.

— И что Хмурый? Доставал тебя? Приходил сюда?

— Нет, здесь для него запрещённое место. Граф оберегал меня от всего, и Женька. (Не надо Саше знать пока, что задумал Граф, и что я отдубасила Хмурого.)

— Женька, случайно, не влюбился ли в тебя?

— Саш, твоя ревность не уместна! Я здесь как в клетке!

— Прости, хотел пошутить, но сегодня не получается...

— Поняла уже.

— А за что Граф замочил Хмурого?

— За бумагу!

— За какую?

— Сейчас принесу и покажу...

— Постой! Любимая!... Наташа! Ты не беременна?!?!...

Страх в глазах, что любимый что-то знает или догадывается, разогнал разом всех моих тараканов, прошенных и непрошенных.

— А почему ты спрашиваешь? — из меня, как из шарика, утекает воздух, и силы нет взлететь и не разбиться.

— Я сон видел, что ты беременна...

— И я!

— Но мы же не спали с тобой...

— Как не спали??? — из шарика я превращаюсь в цветную, но грязную тряпку.

— Как не спали??? — из шарика я превращаюсь в цветную, но грязную тряпку. Хочу закричать — тряпка голоса не имеет, заплакать — и слёз у неё нет.

— На одной подушке!

Разом и голос проявился, и слёзы потекли, и кулачки забарабанили по груди Сашки.

— Тебя побить мало за такие слова!

Саша вновь заключает меня в объятия. Нежное тепло коснулось плеч, перетекло на руки, горячим обручем обвил талию, заставив затаить дыхание. Стальное раскалённое кольцо сомкнулось вокруг меня ещё крепче, мешая дышать, языки пламени лизали шею, разгоняя стаи мурашек, кровь вскипела. Хочу кричать: «Убить тебя мало!» Он ответил бы: «С кем ты будешь жить тогда, кого любить будешь?» Но вопрос и ответ остаются только в моей черепной коробке, где им и место.

— Нам, правда, приснилось одно и то же, Саш? — у меня не хватает дыхания, чтобы говорить ещё что-то, потому что Сашины руки проникли под майку пижамы, распалая голод по нему, по его рукам. Его пальцы уже впереди — сжимают мои груди, поочереди, моё тело изогнулось, подаваясь вперёд, оно жаждало ласки. Безжалостно массируют, почти мнут. Боль сладостна и очень приятна, и я побью его точно, если он остановится, а не продолжит. Я выгибаюсь, сильнее вжимаюсь грудью в его ладони.

Это сон или явь? Явь! Руки любимого сдирают с меня ненужную тряпку, а я не понимаю, когда он снял куртку и свитер. На его обнажённой груди мурашки, но не от холода, и на моей тоже — нам жарко. Следы от поцелуев, от прикусывания кожи — засосы — ох, сладко! Саша!

— Саша, возьми меня прямо сейчас на себя! Я больше не могу ждать!!! Охх!

— И я не могу, любимая! В штаны спущу!

Показываю рукой, куда надо идти — в ванную, там никто не услышит наши крики от страсти.

Саша хрипит:

— Расстегни мне ширинку и достань член, я не могу, руки дрожат. Он твой, он для тебя!

Как у него хватает сил и времени говорить между укусами и поцелуями... Охх! Сейчас взорвусь! Как? Я уже голая?

Никак не могу справиться с молнией ширинки — Сашка не даёт сосредоточиться: жалит мою шею поцелуями, губы кусает, а потом прилизывает. Голодный. Подождать не может, и я не могу! Всё! Я победила ширинку, вытащила член. Горячий, почти дымящийся, пульсирующий в венах, с огромной головкой, с нежной бархатной кожицей! Ммм, мой! Руки дрожат, и мы оба тоже: и я, и член в моей руке, и Саша. Трое получается! Дура! Считать не умеешь! Я голая, Саша полуголый. На тёмных джинсах белеют боксеры!

Но до ванной мы не дошли: я уже на руках у Саши, его каменный член упирается в мою промежность, бёдра призывно раздвигаются шире, они трутся о его кожу внутренней стороной, ноги крепко держатся на его талии. Сашша!

— Наташа, любимая! — хриплый баритон распалает ещё сильнее и жарче.

Мои руки на его шее, на плечах. Хочу! Хочу дойти с ним до обрыва, пусть в пропасть, но сладкую, искромётную...нашу! Хочу почувствовать его в себе, напористого, яростного, но одновременно ласкового и нежного. Моего!

— Сашша, продоллжай!

Но вместо члена в меня проникают его пальцы, погружаются глубоко, выписывая пируэты, доводя меня до полубморочного состояния сначала, а после до взрыва, до фейерверка. Я кончаю, я теку, получая наркотическую дозу головокружительного счастья. Моё тело тоже выписывает пируэты в руках любимого. Как он терпит?

Сильные руки меня не отпускают, и член тоже. Он раздвигает влажные складочки и врывается в меня, изнывающую по ласке, на всю длинну! Аххх! Сладко, но и больно чуть-чуть...Выдох — вдох. Тело податливо выгибается от сладчайшей истомы. Этому невозможно противостоять, я растворяюсь. Грубые, но одновременно страстные толчки в меня не позволяют мне дышать глубоко и ровно. Он то медленно в меня входит, то увеличивает скорость, член уже закипает во мне, увеличивается, пульсирует, вот-вот изольётся. Блаженные охи и вздохи льются по комнате, а мои крики и стоны Саша поглощает ртом. Он и сам приглушённо рычит мне в рот и сильнее вдальбливается в меня. А мне мало, и ему тоже: его выносливость меня поражает. Сквозь неприкрытые ресницы и пелену морока я вижу его наслаждение, я хочу видеть, что он сейчас чувствует, как он может гореть и воспламенять, дарить сладость и упиваться ею. А он упивается, я вижу, пока не отключаюсь. Ком внизу живота достиг невероятных пределов. Наполненность — вот что мне нужно! Взрыв... я лечу и думаю: «За это можно всё отдать! Я отдам, оставьте только любовь и Сашку мне!» Замираю у него на плече, соскальзываю, у меня нет сил стоять. Опираюсь с Сашину грудь, чтобы не упасть, Саша дрожит, его трясёт, и меня тоже. По моим ногам льётся сперма: не одна я взорвалась.

— Наташа... я ничего там тебе не нарушил?

Его пальцы скользят по моим ногам — белый цвет, не красный! Да и откуда ему взяться. Саша виновато улыбается.

— Я ведь просто боялся тебя тронуть, а ты подумала...

И опять глаза в глаза, в них вера, что мы выберемся, а я ношу его ребёнка.

— Любимая, мне бы прилечь...

Не отрываясь друг от друга, потому что не можем, переплеться ногами и руками, мы лежим на кровати.

Снова в уголках любимых глаз капельки влаги: это пот блестит или слёзы?

— Наташа, любимая, я так скучаю по тебе, так тоскую, я по моргам искал тебя!

Я вжалась в него, пытаюсь ощутить каждую клеточку его кожи, успокоить. Саша обнял меня за талию, уткнулся в макушку, прижал меня так плотно: ему необходимо почувствовать каждую частичку меня. Я это понимаю и казнию себя, что сомневалась в его честности, искренности и преданности. Ему ещё идти столько километров по морозу, по снегу, а я уже его измучила.

Всё же я улыбаюсь: достаточно ему моих слёз, а я потерплю до утра — оно скоро настанет. Если Руслан меня вывезет, то спросит Граф с него, а не с Женьки. А с Графом шутки плохи.

— Любимый, — я не могу теперь называть Сашу иначе, вкладываю в это слово всю свою нежность, — ещё полежи, а я сейчас принесу тебе кое-что, ты с собой заберёшь мой паспорт и бумагу.

В ванной намоченным краем полотенца вытерла сперму, только вернулась, чтобы привести в порядок колбаску Саши, а он уже спит, положив под голову руку. «Любимый!» Сердце сжалось от жалости и нежности. Вытираю Сашу, а он не реагирует, только грудь

вздывается в такт дыханию. «Любимый! Мой! Теперь я точно от тебя забеременею!» Быстро напялила трусы, пижаму. А Саше? Белые боксеры! Улыбаясь своим глупым мыслям, надела их на него: Саша не пошевелился, даже когда я переворачивала его, чтобы натянуть боксеры на попу. Чтобы узнать, который сейчас час, нашла в кармане его куртки телефон. Уже час ночи. Во сколько же Саша пришёл? Палец машинально нажал на просмотр текстов сообщений: только одно, с неизвестного номера. «Наташка жива, воюет с Графом, не дрейфь, Волков». Погоди, а кто это писал? Женька же! Саша говорил: пока Женька... Сама себе улыбнулась. А может, удалил остальные? Вряд ли. Входящие вызовы — только от Марата и крёстного и ещё один. Ещё одну улыбку подарила себе. А мне бы надо видеть его глаза: в них не только затуманенная похоть, но и любовь, нежность, они ярче. Чей же последний звонок? Сравнила последние цифры: значит, и звонил Женька! Он или в городе был, что вряд ли, значит, отходил от дома подальше. Вот о каком сюрпризе он говорил! Саша спит, его грудь тихо вздыхается в такт дыханию, а мне так хочется коснуться его груди, рук натруженных, провести ладошкой по животу, ощутить тепло его кожи, и, свернувшись калачиком, полежать рядом, забыться. Но я стою перед ним корточках и люблюсь, дышу им, боясь спугнуть его сон, своё счастье пугливое.

В голове экспрессом промелькнула мысль вернуться в кабинет Графа, забрать расписку Руслана и свой паспорт. Крадусь по коридору, даже не причесалась — волосы спутались. Ну и пусть, кто меня увидит, главное, чтоб не услышали. Я надеюсь, что дверь кабинета Графа не заперта. Входная дверь в коридор скрипит и открывается медленно, скудный свет в коридоре становится ярче...

— Вухх, Женя, напугал...

— Не меня надо бояться, чего ты хотела там? — кивает на дверь кабинета.

— Паспорт, мой. Пароль знаю...

— Заходи!

Женька отмычкой открывает дверь... Ничего себе!

Паспорт нашли быстро. Как бы теперь взять коробку с лекарством, там расписка Руслана — придётся раскрыться перед Женей.

— И ещё мне нужны таблетки, панкреатит замучил. Поджелудочная болит.

— Знаю, Катя говорила. Бери.

Мрачное настроение Женьки меня не беспокоит. Он последнее время часто хмурит брови: может, с Катей поссорился.

— Жень, а Катя, она тебе кто?

— Неважно. Важно, кто ты мне, Нат...

Что я должна ответить ему? Он и без моего ответа знает...

— Возьми вот этот конверт и открой.

Женька из-за пазухи вытащил белый конверт с логотипом Центра Генетических Исследований.

— Мне Катерина подсказала куда идти и что делать.

— Жень, почему ты сам не открыл.

— Боюсь. Никогда так не боялся.

Я переворачиваю конверт, верчу его в пальцах, и мне тоже становится страшно.

— А чьи биоматериалы ты отправлял?

— Твои, мои и... его...

Дыхание моментально сбилось.

Мне непонятно, зачем он и свои отправил: видно, и у него были на то основания.

— Жень... мне надо Сашу проводить... давай потом.

Буквально, впихнув конверт в руки Жени, забираю коробку с «лекарством», убегаю, не забываясь: слышен ли мой топот или нет.

— Саша, просыпайся, милый! Прости, мало ты отдохнул, но тебе ещё столько выбираться отсюда.

Бужу Сашу, а душа стонет: он сейчас уйдёт, а я останусь в ненавистном доме, в клетке.

— Наташа, любимая, — Саша никак не может разлепить глаза, — почему ты не спишь? Иди ко мне, детка, рано ещё.

Он обнимает меня за плечи, тянет к себе, касается губами моей щеки, шеи и мурлычет, как довольный кот.

— Сашенька, — я не сопротивляюсь, его ласки — бальзам на мою израненную душу, — милый, мы не дома...

Громкий шёпот будит его окончательно, а может, то, что мы не дома. Тёмная волна грусти печатью ложится на его и лицо: для него тоже мало радости уходить и оставлять меня здесь, в этом проклятом доме. Он поднимается медленно, нехотя. У меня промелькнула мысль: а если ему не идти, а остаться до утра, мы уговорим Руслана, отдадим расписку. А если Семёнов не один приедет? Нет, рисковать не стоит. Нельзя, чтобы сорвались мои планы на спасение. Саша встаёт с кровати голым, подбирает свои вещи... Я снова люблюсь им: его упругими ягодицами, широкой спиной, я знаю вкус его кожи, шелковистость рук на предплечье. Но я всё же держусь, кусая губы и костяшки пальцев.

Саша, не глядя на меня, одевается быстро. Он тоже, вероятно, боится моего срыва. А я так и стою в пижаме: застываю на месте — иначе брошусь к нему на шею и тогда не отпущу просто. Ну, почему он так быстро одевается? Ещё бы минутку побыть с ним!

Сердце оборвалось сразу же: по коридору загромыхали берцы охранника и злобный лай собаки. Анжела! Она учуяла запах что ли?

Стук дверь. Два бодрых стука. Женька. Чего это он? До трёх часов далеко!

— Жень, что случилось? — внутри зреет плохое предчувствие.

— Это не Женька, эт я, Борис! Открой дверь! Собака рвётся! Чужой в доме!

— Не открою! — тяну время, чтобы Саша до конца оделся, хочу его выпроводить в окно, но он рвётся в дверь.

— Пожалуйста, пожалуйста, любимый, не надо, я потерплю до завтра, уже до сегодня, он пристрелит тебя. Борис — самый злобный охранник. У него оружие! И там собака! — умоляю шёпотом на ухо Саше.

— По-твоему, я трус? Я должен оставить тебя им? — так же шёпотом, но с вызовом отвечает Сашка, рвётся в драку с полуторцентнеровым вооружённым мужиком. — Это Женька нас подставил. Он просил меня сегодня тебя не забирать. Там у него какая-то Катя.

— Откроешь ты или нет! — гремит голос Бориса из-за двери, я его сроду не слышала, видела один раз из окна. Или не один?

— Я голая! Сейчас оденусь! — теперь буря внутри моего сердца: нас предал Женька. А в груди щемит: снова расставание с любимым.

— Саша, уходи через окно, а завтра жди меня у Загса на... улице. Это окраина, — снова шепчу, умоляя, я Саше, сжимая кулачки, в последний раз вдыхая его запах, цепляя губами его ухо. — И ты не трус! Если ты меня любишь — ты сейчас уйдёшь! Я никогда не прощу себе, если ты из-за меня погибнешь! Умоляю, уходи! И жди меня! Меня привезёт сегодня в

полдень Руслан Семёнов. Это лечащий врач Графа. Я с ним договорилась. Он поможет. Пожалуйста, Саша. Вот, возьми это и спрячь у себя. Это важно.

Он размышляет секунду, засовывает документы во внутренний карман куртки и гневно бросает:

— Ладно!

Глава 19.5

Саша бросает короткое «ладно», чмокнул в губы, пытается открыть окно, но тщетно! Примёрзло! Саша снова пытается! Ещё и ещё! А я мечусь то к двери, то к нему. Охранник уже ногами, берцами бухает в дверь.

— Разбей окно, и прыгай! — я уже кричу от страха, но грохот забивает мои слова.

— Я не уйду от тебя! Он убьёт тебя, Натка! — Сашка перестаёт бороться с окном, а потом снова возвращается ко мне.

— Не убьёт! Не посмеет! Он трус! Уходи! — в минуту опасности у меня словно силы удвоились: Саша не открыл окно, а я открыла рывком, и до меня доходит, что он не в ту сторону крутил ручку, а может, нарочно не хотел открывать, желая остаться и спасти меня.

Окно раскрывается настежь, и ловко Саша прыгает. Будь у меня время, я залюбовалась бы.

Но времени нет, а холодный воздух, ворвавшийся в комнату, проникает под щель у пола.

— Я ж говорил, что она там не одна! — бухтит охранник и пытается выломать дверь. Но даже и ему это не по силам.

Я же, совсем не удивившись перепадам в моём настроении, кричу ему в ответ:

— Вот ты сейчас войдёшь, и нас будет двое!

Мне же надо успокоиться и привести себя в чувство, а главное помнить: тон командный, взгляд холодный. Открываю дверь, но толстый охранник из коридора кряхтит:

— Почему раскрывала окно?

— Проветривала, воняет! От тебя! А Женька где?

Боров обнюхивает себя! Потеха! Я бы в другой раз потешилась бы, но ярость! Она решает за меня! И я кричу:

— Это ты меня похитил вместе с Хмурым, я вспомнила твоё отображение в стекле! — я ору и отгалкиваю его от входа в комнату, но силы не равны: он так и стоит истуканом, опершись о дверной проём, но в комнату ко мне не входит, значит — не велено.

— Ну, я и чо? — охранник видимо не только злобный, он тупой, как валенок. Четыре класса и два коридора.

— Это ты вчера бил Анжелу? Поэтому её сегодня не видно? — мне надо оттянуть время, чтобы Саша добрался до леса. Теперь эта мысль сверлит мне мозг.

— Ну, я и чо? — жирный боров пережёвывает жвачку и чокает. Придурок, точно. А у меня уже иссякли все вопросы. Оглядываюсь на окно, как будто пытаюсь увидеть, ушёл ли Саша или нет

— Это ты долбанул сейф Графа? — Женька поймал мою волну.

— Ну, я и чо? — Борис тоже плыл по течению, не ожидая подвоха от Женьки.

Но толстяк опомнился тут же. — Э, неет! Эт не я, эт Хмурый!

Но всё же испугался: Граф короток на расправу. Я продолжаю его бить морально:

— Ну, давай, заходи ко мне! А я пожалуюсь Графу, что ты пытался меня изнасиловать!

— Чем докажешь? — сальная рожа, мятая одежда. Тьфу!

— Я порву на себе одежду, исполокую лицо ножницами! И тогда тебе кирдык! — словечко, блин. Но, по-моему, Борис именно этого испугался, хотя пошло ослабил.

— Да я щас тебя и взаправду... — толстый хватает меня за руку.

— Больно! — ору, пытаюсь высвободить руку, но попробуй — такая лапища.

Женька тут же бросается на охранника со спины и повисает на нём сзади, но у них далеко неравные весовые категории, а меня парализует от страха... минута... Слышу грохот обуви бегущего по коридору, а потом кто-то ещё бежит. В скудном освещении просторного коридора, пригвождённая взглядом к борьбе Жени и охранника, сквозь пелену страха я не вижу, кто там, но услышала голос:

— Какие-то проблемы, толстый?

Саша! Не ушёл! Но почему? Может, Ангела не пропустила, её лай доносится с улицы?

— Волков! ты зачем здесь?

Женька кричит во всё горло, схватившись за уши Бориса, который мёртвой хваткой держит меня за руку. Женькины потуги ему как слону дробина.

— Отпусти её, Толстый, поговорим по-мужски, вспомним старое, а? Помнишь Волкова? А Светова? — Сашин металлический голос даже меня пугает. Но это спасение!

Борис, наверное, узнал Сашу. Лапищу разжал. А я, как ни странно, оправилась от страха, вероятно, злость мне давала второе дыхание. У меня появилась возможность поквитаться с этим уродом: хорошо, что я была не босая, а в туфлях — лодочки Руслана как разгодились: со всего маху пинок под яйца — и Борис тут же скрючился и заорал, как труба иерихонская.

— Наташка! Зайди к себе быстро! Я сам разберусь! — теперь Волков кричит: не угодила, простите. Но, тем не менее, у Саши появилось преимущество, а Женя спрыгнул с толстого.

А всё же я попятилась внутрь комнаты.

Сашка, в прыжке, как ниндзя, впечатывает подошву берца в грудь Бориса — тот с грохотом падает. Вот это прыжок! А удар! Но от страха меня снова потряхивает: а если толстый пистолет достанет?

— Наташка! Закрой дверь! — Женька надрывается, блин. Пришлось закрыть. Но там кто-то ещё бежал, а вдруг второй охранник? Мне показалось с ружьём... Но худощав больно...

Дверь всё же приходится захлопнуть. В голове дымовая завеса, знобит, но от двери отойти не могу, столбняк навалился, ноги приросли к месту, руки от дверной ручки отцепить невозможно, а там снова крики, выстрел, удар, грохот от падения, ещё удар. Всё! Не могу больше! Неизвестность страшнее! Пытаюсь унять бешеный стук сердца, он отдавался в ушах, пульс оглушал где-то в районе горла. Кто стрелял? Кто падал? Жив ли Саша? Вдох-выдох. Нет, так дальше продолжаться не может! Рву на себя дверь, слышу:

— Черепно-мозговая от падения на острый предмет, обширная гематома...

Кто это там сыплет медицинскими терминами?

— Саша!

Он стоит, прислонившись спиной к стене, пытаюсь отдышаться, рука на талии, ноги расставлены врозь, второй рукой с лица вытирает пот. Жив! Бросаюсь к нему, осматриваю — не ранен ли. На нём ни царапины, только дрожит весь. Прижимает меня к себе, рвано дышит, сдавливают сильнее.

— А если бы я ушёл? — не вопрос — стон. — Он мог бы тебя...

— Волков, — Женька, словно извиняясь, бормочет, — никого он не видел, Анжелка тебя учуяла, я загнал её.

— Наташа, — Саша обращается ко мне хриплым голосом, пробирающим до мурашек, — осмотри Женьку, его, кажется, зацепило. Этот мудака всё-таки добрался до пистолета.

— Я сама его осмотрю, — подаёт голос девушка. Непроизвольно поворачиваю голову по направлению голоса: девушка, со щрамом во всю щёку и слегка обозначившимся животиком. Только сейчас чувствую сигаретный дым, и голос припоминается.

— Волков, у меня всего лишь царапина, повезло мне, он и стрелять-то путём не умеет. — Женя тоже тяжело дышит. И ещё сигаретный дым. — Катька, хорош цыбарить. Ты баба иль кто?

— Вы лучше вон тащите тушу на мороз, а ругаться потом будешь, — огрызается Катя. Но её манера говорить и тембр голоса... Где-то я её видела, но сейчас мне не до неё. Меня больше волнует: Саша убил Бориса или эта девушка. Мне, несмотря ни на что, не хотелось бы, чтобы Саша замарал руки об это НЕЧТО.

Мужчины потащили тушу, ухватившись за куртку: им тоже, вероятно, противно дотрагиваться до трупа. От волочения на полу пролегал след крови: Борис упал на что-то острое. Перевожу взгляд — грабли! Откуда? Вспомнила: кто-то бежал с палкой, а не с ружьём.

— И как это ты умудрилась подставить Борису грабли? — я отметаю догадку, что Катя намеренно огрела Бориса садовым инструментом.

— Вовремя! Ножкой пододвинула — и аут!

Для Кати произошедшее выглядело простым и обыденным, а для меня моя жизнь превратилась в боевик. Когда-то я обходила его стороной, а теперь главную роль кто-то сверху повелел исполнять мне. Но я не актриса! И моя жизнь не площадка для сцены, и Сашина тоже!

Но Катя! Я вспомнила её. Примерно три года назад из нашего вуза с пятого курса, с параллельного потока пропала студентка Снегирёва Катя. И вот где она нашлась, но только мной. Весёлая, немного шептунья, высокая, симпатичная, сирота из детдома, в мед попала на место для сирот. Как она училась, я не знаю, но буквально перед магистратурой её объявили в розыск. Почему Руслан никому не сказал, что она здесь обитает? Хорошо, может быть, не сразу он её увидел, а потом? Смазливая внешность превратилась из-за щрама в неприглядную, мягко говоря. И ещё курит! И беременная!

Но с улицы возвращаются мужчины. Саша, обходя кровавый след, идёт прямо ко мне. Теперь он центр моего внимания! Он центр вселенной!

— Малыш! — в голосе столько тепла и нежности, что я немного — и расплачусь, — теперь вам никто не угрожает. Сегодня в полдень я заберу тебя у Семёнова — только со мной ты войдёшь в ЗАГС! Наташа, мне нужно идти... Женька мне лыжи дал. Была бы машина или хоть трактор, я бы всех вас вывез, но...

Саша последний раз оцеловывает мне лицо, губы. Мои пальцы вцепились в его куртку, а его ладони почти с силой сжимают мои плечи, но я не чувствую боли, только силу его горячих ладоней. И ещё один взгляд, ещё один, ещё... пронизывающий, любящий, идущий из самого сердца, умоляющий меня подождать и надеяться.

Он мрачен, но я люблю, насколько он решителен. Но ему нужно уходить. Знаю, когда он уйдёт, я буду выть. Я не железная, я слабая, очень слабая. Двери за Сашей закрываются. От удара вздрагиваю, а потом сползаю по стене, сажусь на пол, сжимаясь в комок, желая одного — заснуть и не проснуться.

— Волкова, — из сомнамбулического состояния меня выводит голос Кати. Я благодарна, что они с Женей не помешали нам проститься. Но зачем они пришли?

— Волкова, — из сомнамбулического состояния меня выводит голос Кати. Я благодарна, что они с Женей не помешали нам проститься. Но зачем они пришли?

Мне не нужна ничья жалость! Мне нужен Саша!

— Это ты! Ты! Ты не дал мне уйти сейчас, а я с ним хочу! Ты предатель, Женька! — ураганом меня сметает истерика.

Трясущимися руками стискиваю плед и тащу себе его на голову — хочу спрятаться в норку, в темноту, в тишину, чтобы никого не видеть и Женьку в том числе, предателя, продажную шкуру. А где я? Комната, моя клетка!

— Жень, уходи! Дай умереть спокойно!

— Я не уйду, тебе надо самой увидеть! Вот! Смотри! читай!

— Не хочу ничего! Я устала!

— Посмотри на Катьку! Она...

— Я сама скажу, Жень, — Катя пришла меня успокаивать, понятно, это и в её интересах меня не пустить: она хочет защитить и себя, и ребёнка, а меня некому защитить. — Наташка! Ты сестра Жени и ты не дочь Графа! Смотри сама! Ваш отец — Самойлов Роман. У вас с Женькой одинаковые гены, смотри...

Я в прострации от обрушившейся новости рассматриваю листы с заключениями, пальцы дрожат, листы выпадают, Женя их подбирает, а Катя задумчиво смотрит на нас:

— А у меня нет никого...

— Но мама мне написала, что Граф — мой отец! И откуда вы взяли биоматериал Романа?

— Она, вероятно, ошиблась, когда... Прости, Нат, но твоей маме досталось, видно, от обоих... Я тоже не знаю, чьего ребёнка я ношу... А ты не в праве осуждать свою маму! Роман — отец Женьки.

Катя ещё что-то говорит, что Граф меня похитил как дочь, ему нужно было кого-то подложить под Руслана, а Руслан свою игру ведёт, что она, Катя, не дура, всё видит и слышит, но помалкивает, боясь гнева обоих. Руслан, сволочь, мог бы и её спасти, но ему не нужна изуродованная Хмурым женщина, да ещё с приплодом, как оказалось, а мне повезло, что Граф думает, что я его дочь, иначе...

— Что иначе, Кать? У тебя на лице шрам, а у меня на сердце!

— А ты думаешь, моё сердце не в трещинах, как земля во время засухи?!

— Ладно, девчонки, — Женька со вздохом обрывает наш спор, — вам обоим досталось. Нат, ты мне сестра, а ты, Кать, будешь женой, и точка, и ребёнок у тебя мой! Я и проверять не буду. Такая шептунья девчонка мне по сердцу. А ты, Наташка, не обижайся, я правильно сделал, что не пустил. Пусть Граф Руслана поджарит за яйца!

Умом я согласна, поэтому молчу, сердце же разрывается: Саша один, там, где холодно, морозно, ветрено, но он мужчина, он справится, тем более, Женька дал ему свои лыжи. И мне сейчас всё равно, чья я дочь, что теперь, вроде, брат есть у меня. Усталость огромной бетонной плитой легла мне на плечи, вот-вот раздавит, сплющит. Одно спасение — душ. Тащусь в ванную комнату.

Горячие струи льются, прогревая меня до костей, прогоняя усталость, морок, расслабляя мышцы. Волосы и тело вымыла одним гелем, размазывая гель, вспоминаю Сашины руки. По

телу разлилось знакомое тепло, закружилась в груди и ринулось в низ живота. Равнодушие и апатия, расслабленность. Полотенец чистых нет. Обойдусь. Но есть чистая простыня. Как же сушить волосы? Придётся тем, что есть.

— Наташа, проснись, скоро десять, — меня будит...Катя. — Тебе ещё собираться. Я думаю, Руслан приедет раньше, дорогу занесло снегом.

— Что тебе, Катя? — спросонья не разберусь, почему я сплю в простыни, на голове тюрбан из полотенца.

— Вот фен, и... подарок тебе, — голос девушки виноватый, хотя зря она винит себя. Виновата только я. От самого начала. В памяти всплывают цифры 99, 9, а на стул ложится... шубка, норковая, белая. — И хорош кваситься! Столько выстояла, не прогнулась, и что теперь? Железная леди, блин!

— Ладно, Катя, шубу верну при случае, — и ни спасибо, ни пожалуйста. Вспомнила: железная леди — моя институтская кличка, надо же. — Что с тобой будет? И когда ты курить начала?

Катя уходит, бросив угрюмый взгляд на меня. И мне понятно: теперь я уезжаю, если, конечно, уеду, а она останется. Загадывать боюсь, мне страшно даже подумать, что сегодня, СЕГОДНЯ, я не выберусь. Но я выберусь! Хватит нудить и кваситься! Железная я или не железная! Фраза, напомнименная Катей, выводит меня из сомнамбулического состояния — я даже ногой топнула.

Из вещей, купленных Русланом, вытащила серый брючный костюм, не распакованный из целлофанового пакета. Немного мятый, но, если я надену свои брюки, а потом его, то помятость разгладится. Пиджак впору на мой свитер — видно, я похудела, ну и пусть. Расчёсанные волосы распущены, расчёска теперь при мне. Как долго я обделена была даже возможностью привести в порядок волосы!

Руслан приезжает злой — буксовал долго, но осматривает меня и произносит:

— Отлично выглядишь! А шуба откуда? Евгений?

Надо же! Официал чёртов! Но я помалкиваю.

— Евгений! Она краденая?

Женька в бешенстве бросает ему под ноги бирку с ценником, молча, не удосужив Руслана даже словом.

— Евгений, ты с нами едешь. Машину толкать придётся.

Красавец, блин, неженка. Но я снова не перечу: с Женей мне спокойнее.

Женька на выходе протягивает мне мою сумку. Как же я забыла её! А в ней что-то... пистолет?! Женька шепчет: «Зажигалка».

Ладно, пригодится кому-нибудь, понимаю — подарок Саше, и он дорогой, наверное. Вероятно, не только в денежном эквиваленте. Прижимаю руку к груди в молчаливой благодарности.

Из дома выхожу, не оглядываясь, только вперёд, вперёд, на свободу, к Саше! Сердце колотится, как перед прыжком в пустоту, в неизвестность. Усаживаюсь на заднее сидение, Руслан тоже.

За руль машины садится Женька — Семёнов устал, видите ли. Женя, как заправский шумахер, преодолевает на внедорожнике снежные заносы на дороге до города. Пушистый белоснежный ковер устилает землю.

По правую сторону от машины сплошной стеной возвышаются огромные сосны, их стволы и кроны все в снегу. «Так вот, где меня прятали!» Я впервые осматриваю

окрестности дома. Кругом лежат нетронутые никем белоснежные сугробы, они искрятся в лучах утреннего солнца, и становятся причудливо-розоватыми. Но мне сейчас не до зимних красот и не до бегающего по мне взгляда Руслана — мне надо в город! Нервы вытянуты в струнку, не отпускает даже, когда мы выезжаем на трассу. Руслан и Женька меняются у руля.

Город! Многоэтажные строения! Вдох-выдох, терпи, Наташа, и жди своё сердце по имени Саша.

Руслан почему-то очень торопится и почти на ходу, чуть притормозив у светофора, говорит Женьке:

— Дуй к хозяину и смотри там, не проболтайся!

Тот с сожалением оглядывает меня на прощание и не выдерживает:

— Наташка, берегись Руса!

— Я не кусаюсь! — аморфно проговаривает Руслан и трогается с места. — Не меня надо опасаться.

— Вы оба не ангелы! — мне надо выплеснуть скопившуюся нервозность, знаю, что молчание — золото, но... — У нас нет с вами будущего! Вы-то знаете, зачем Графу нужен наш с вами брак?

— С тобой, Наташа! Давай уже определяйся!

— Ладно! Я фишка в вашей игре?

— Нет, Наташа, ты джек-пот!

Внутри меня один большой сгусток оголённых нервов. «Через несколько часов ты точно сорвёшь джек-пот, только обрадуешься ли ты!» — злобно подумала я.

— Сегодня я его переиграю! — если бы Руслан не держался за руль машины, он руки потёр от предвкушения выигрыша.

— А я игрушка в ваших руках? — меня выбешивает его радостный тон.

— Так получилось, прости, Наташа!

— Бог простит, если сможет, — я отворачиваюсь от него к окну машины.

К дворцу бракосочетаний машина Руслана подъезжает, когда из белого «Кадиллака» выходит очень красивая пара будущих новобрачных и быстро проходят в помещение Загса. Жених бережно поддерживает невесту. Я им по-доброму завидую: невеста сделала свободный выбор и под венец идёт не под дулом пистолета.

Руслан тоже в дорогом свадебном костюме с цветком в петлице, поверх которого было накинуто зимнее пальто от Армани. У них праздник, но зачем Семёнов так разоделся? Я в серых брюках, белом полушубке из норки с чужого плеча и с фатой до плеч — на потеху Руслану. «Надень, Наташа, заверши свой образ невесты!» — попросил он меня там же, у светофора.

«Ладно, — думаю, — играть, так играть: сам учил»

В ЗАГС мы сразу не заходим — и это хорошо: мне надо осмотреться и найти, куда бежать в случае чего.

Но я всё же жду спасителя, единственного из всех живущих в этом мире, где столько крови, злобы и продажных душ. Руслан всё время смотрит на часы и спрашивает:

— Наташа, сколько можно, пойдём, скоро наша очередь. Ты будто кого-то ждёшь.

— Не кого-то жду, а себя. Понимаете? Себя! Я жду своё сердце, может оно прямо сейчас остановится, и вместо невесты в ЗАГС вы понесёте труп!

Руслан не дурак, он, видимо, догадался, чего я жду.

— Ты отца ждёшь? Так он будет попозже!

Глава 21

Рядом с «Кадиллаком» затормозили три черных, сверкающих лаком внедорожника, из которых выскочили трое. Они быстро перегородили вход в здание.

— Саша! — радостный крик эхом разнёсся в морозном воздухе. — Дождалась! Едем!

А потом, оглянувшись на брошенного жениха:

— Я дождалась! Я уезжаю! А Вы ждите! Графу привет, кстати! Я его никогда не ждала и не знала, что он есть вообще. Он сам вырос, как чирей на...

Саша даёт отмашку, чтобы его друзья уезжали, сам бежит ко мне и кричит на ходу:

— Дорогая, всё готово! Одна твоя подпись, и он ничего не сделает с нами! Нам надо туда! — всё на бегу, торопится, да и как не торопиться. — А ты! Будь ты проклят, иуда! — ненавидящий взгляд Волкова если б смог — испепелил Руслана.

— Он скоро будет здесь! Он жив! Вам всё равно уйти не удастся! Наташа, всего одна подпись — и ты спасёшь меня! — Руслан не знает, что мой паспорт у Саши. Семёнов и пугает, и умоляет. — Вам не уйти, пока я не получу своё.

Атмосфера накаляется. Вот я, вот Саша, там Руслан... а у него пистолет, направленный на Сашу...

— Саша, отдай ему его документ! — бросаюсь к Саше, хочу заслонить собой, не раздумывая о последствиях и о том, откуда у меня столько сил и смелости, хотя до жути боялась, что профессор выстрелит. И как назло на этом углу строения ни души. Меня словно окунули в прорубь, в ту самую на искусственном море. Начиналась вьюга, позёмка побежала по ногам.

— На, на, подавись! — Саша выкидывает на снег бумажки...разорванные...А его кулак летит в челюсть Руслана — ему не страшен пистолет, он даже ещё не передёрнут. — И это не обмен, скажи спасибо Наташе. Она моя женщина, а ты, сволочь, торговал ей.

Сашка сплюнул.

Руслан кидается к бумагам, отбросив пистолет и не обращая внимания на кровавую струю изо рта. А я уже приготовилась достать пистолет-зажигалку Женьки.

Саша, воспользовавшись моментом, пинает пистолет, тот отлетает, скользя по снегу.

— Наташа, бежим! — тянет за руку меня к ЗАГСУ. — А потом мы скроемся, на хуторе у дядьки, там Марат нас ждёт.

И только в фойе ЗАГСа от, наконец, меня оглядывает:

— Моя самая красивая невеста! — и снова тянет меня за руку в кабинет...гм...заведующей.

— Вот моя невеста, — выпалил он миловидной женщине со сложной причёской, когда мы стояли перед ней раскрасневшиеся с мороза и только что пережившие ужас.

Саша вымученно улыбался, безотрывно глядя на меня.

— Волков, куда ты всё торопишься? — женщина знает его фамилию. — Невеста-то согласна? Без заявления! Ладно, расписывайтесь здесь и здесь.

А я не отрываю взгляд от Саши, и мне всё равно, что я не так бы представляла нашу свадьбу.

Шлёп, шлёп по паспортам.

— Ну, всё, Саш, передавай привет Марату! И скажи, что он мне теперь должен!

Марат! Это он так быстро устроил нам регистрацию.

— Невесту-то, ох, жену! Новобрачную целовать будешь? Красивая! Смотри, уведут без поцелуя! А ты даже не в парадном! А кольца-то!

— Не отдам! — говорит Саша и целует, целует... Мне не нужен его парадный костюм, и даже кольцо, необходимы глаза, душа и сердце. Голова кружится от счастья и от лёгкости. Нормальные люди бы сказали: только сейчас из неволи, стояли под пистолетом, брак зарегистрирован за пять минут, а ей легко и счастливо. Видно, я ненормальная. Я всякий раз теряю голову от любимого теперь мужа, а сердце больше не болит, не ноет, оно бьётся очумелой птицей, прислушиваясь к радостному биению сердца напротив.

А я кричать хочу: «Прошу тебя, пусть это никогда не кончается. Пусть будет началом нашего с тобой пути. Люби меня, пожалуйста, люби. Ничего так не желаю в этом мире, как увидеть в твоих невероятных глазах любовь! Пусть твоё дыхание будет всегда при мне, а твоё сердце пусть только для меня бьётся, муж мой!»

Я повисла на шее Саши, подхваченная под попу, не прекращая поцелуя. Он так и вынес меня в фойе, как-то ориентируясь в пространстве.

Пока на пороге ЗАГСА не сталкиваемся с Русланом...

Саша.

— Мар! Ты на месте?

— Как сказать! На месте... Конечно, на месте. Ты ускакал вчера вечером, а я всю ночь как на иголках!

Марат не ушёл вчера вечером домой или тут ночевал? Я, взмыленный, как беговая лошадь, после утренней пробежки в десять километров на лыжах, а после ещё двадцать на машине, но это ладно, это не считается. А что считается? Наташка! Я там её оставил! Млять! Падаю на диван в конторе — надо прийти в себя и собрать в кучу мысли. Вечный вопрос: что делать?

— Как там Наташа? — Мар догадывается, что хреново, но всё равно спрашивает.

— Марат, с трёх раз догадайся! Я у тестя в гостях побывал! — я взялся за голову, чтобы как-то утихомирить скрежет в мозгах и в сердце. — Мар, у нас нечего разбить? Я б сейчас что-нибудь расхерачил! Или взорвал грёбаный пансионат Графа. Ладно, Мар, всё после, сейчас дай поспать минут тридцать и за дело.

Марат бдиль, а я спал ровно полчаса. Лошадиная доза кофеина — и понеслось. Первым делом ЗАГС. Второе — разобраться с распиской. Я знаю, что у Мара есть дружок — хакер. Когда шёл от Наташи, я спланировал путь к отступлению — потому как другого выхода не было: Наташа должна стать моей женой ещё до встречи с Графом, этого ублюдка Семёнова нейтрализовать несложно. В расписке два имени: продавца и покупателя Наташи, к гадалке не ходи, Натка нужна им именно для этого. А она, замученная, но не сломленная, как тростинка на ветру — гнётся, но не ломается, есть в ней какой-то стержень.

Порой мне кажется, что я её не достоин, но я сделаю невозможное, чтобы стать достойным её.

Когда всё порешали: Мар позвонил знакомой из Загса, та связалась с заведующей нужного нам отделения Загса, машину просмотрели, подготовили, поговорили с ребятами, те не отказались, но их подставлять тоже не очень хочется.

— Короче, мужики, по обстоятельствам.

Едем к Загсу, за кольцом для Наташи заехать не успеваю, интересно, какой он, этот чувак профессор. Думал в годах, что-то представляет из себя, а он слащавый до оскомины. А сладкое я не люблю, и Наташа не любит, поэтому сцену ревности пришлось отставить:

преданнее Натки женщины нет. Её верность перекочевала ко мне со всеми пожитками, изменив мой образ жизни до неузнаваемости. Затевать разборки с Семёновым нужды не было, да и время поджимает: надо всё сделать быстро и умчать Наташу на хутор, к Степанычу, но разок съездить в морду слащавому — святое дело. А хочется шархнуть его об стену, чтоб его больной мозг не затевал куплю-продажу, и я не успокоюсь, пока этот г*ндон не получит сполна. Интернет — великая сила, а новости легко распространяются. А Наташа моя и всегда будет только моей.

Подъезжаем к ЗАГСУ — Наташа! Ждёт! Наташа! Детка! Королева, принцесса! Да куда им до моей жены! Она была не просто красива, ослепительна, в этой шубке и фате, вероятно, Катя подогнала, Наташа была с ума сводящей. Той, ради которой стоит рвать глотки. Через двадцать минут Наташа становится моей ЖЕНОЙ! Не знаю, как кто, а я, когда ждал, пока Натка черкнёт в книге регистрации, пока отштампуют мой паспорт и паспорт моей хитрой жёнушки, думал, что никогда не кончится эта попытка! Но потом получил самое дорогое вознаграждение — теперь Наташа в квадрате Волкова! На фоне вальса Мендельсона, доносящегося из зала регистрации, выношу жену на руках. Зачем нам вальс, когда в моих руках моя недопетая песня, но мы её допоем вместе! Теперь мы вместе! А поцелуй уносит меня на седьмое небо, он несёт нас, несёт, и, кажется, всё! Всё! Всё позади, но...обрыв, и мы попадаем в реальность. Пришлось оторваться от самых сладких губ моей жены. На пороге ЗАГСА сталкиваемся с Русланом...

— Вам надо уходить! Возьмите мою машину, она у ступенек!

— Мудак ты! Отгоняй! Если стрелять начнут — невинных зацепят! У меня своя есть!

Сам знаю, что надо, что Граф так просто не отпустит Наташу, когда на кону миллионы долларов. Добрейшей души человек! Млять! Руслан Семёнов! Сука ты, а не человек! Проучить бы тебя, да некогда, но за мной не заржавеет!

Путь к машине преодолели за минуту, ветер нам в помощь. Погони долго ждать не пришлось.

Я уже вырулил от Загса, и вдруг выстрел.

— Что это, Саша?!!

Наташа на заднем сидении зажалась в угол.

— Не бойся, малыш, это в воздух, может, петарды.

Пытаюсь успокоить Наташу, но сам знаю, что это выстрел из пистолета: наверное, Руслан поплатился — Граф не прощает измены.

Сначала мне стало жарко. Больше всего волновала не машина — она выдержит, но выдержит ли Наташа такую гонку. Внедорожник на скорости подбрасывает на выбоинах, и Натка на заднем сидении с визгом подпрыгивает так, что несколько раз ударяется об обшивку верха машины. Она не плачет, не истерит, стискивает зубы, кусает пухлые губы, молчит. Фата подпрыгивает, мечется по спине — в зеркале заднего вида моя жена. Наташа взвизгивает на секунду, а потом опять замолкает и сильнее впивается пальцами в переднее сидение.

Ей было страшно, конечно же, можно было и поплакать, но плакать Натка не любила, а может, слёзы кончились, поэтому утерла пару слезинок и крепче вжалась в сидение.

Мне визжать не положено, а орать хочется: «Ну, сколько же вы нас ещё будете испытывать? Суки! Отдам все деньги, какие удалось собрать, а там немало!»

Стрельбы я не ожидал. Зачем Графу труп Наташи? Она живая нужна, на ней всё завязано. Мар прямо перед отъездом позвонил, что его дружок хакер раскопал, что в реестре

нотариальной конторы эта расписка не значится, но есть другая, а получатель долга — Наташа. И дата изменена на вчерашнее число. Выхода нет — надо прятать Наташу.

— Мы оторвались, Саша, оторвались, — взволнованно кричит Натка, всё ещё не веря в их спасение, — я их не вижу!

Оторвавшись от погони, пережив стрельбу, визг тормозов, крутые повороты, мы уже уверовали в своё спасение. Но внезапно я почувствовал, что внедорожник не слушается: пропали тормоза. Остановить огромную машину на зимней дороге не смог бы никто, даже Господь бог, а я не считал себя Богом. Но надо принимать решение, как спастись им обоим. И мозг выдаёт: надо прыгать. Но прежде — успокоить Натку.

— Нат, я тебе сейчас скажу, ты только не бойся, — скороговоркой проговариваю, подготавливая девушку.

Натка на заднем сидении вжалась в него, а руками до бели в костяшках вцепилась в переднее кресло. Шоссе пролетает перед нами со скоростью реактивного самолёта.

— Нат, у нас тормозов больше нет... Нат, снег рыхлый, и нам придётся выпрыгивать из машины на ходу. Машина врежется в снег, скорость снизится, — инструкции выдаю чётко, без малейшей тени сомнения, что у нас получится, успокаиваю её, себя. — Открывай дверь и не бойся. Главное — не бояться. Открывай! Прыгай, главное — чтоб кувырком, поняла, любимая?

Последние слова — крик, рык, рёв, ор.

Ещё нужна сумка, там выкуп, там деньги, всё, что было в кассах Марат выгреб для меня, для Наташи. И деньги за дом — покупатель без торга его выкупил. Приземлились удачно.

Струйку бензина заметил сразу. Искру бы! Чтоб полыхнуло — тогда они от нас отцепятся. В кармане пистолет-зажигалка, Наташа отдала вовремя.

Скомандовал, чтоб Натка убежала, сам выстрелил — пистолет огнём плюётся на расстоянии. Ладно, сгодится. Вижу преследователей, решение приходит быстро: взорвать внедорожник. Оттащил застрявшую в снегу Наташу, выстрелил в стекающую струйку — и предновогодний фейерверк обеспечен.

Рыхлый снег гасит силу взрывной волны. Она помогла телам отлететь от полыхающей машины и рухнуть на снежную подушку: вчера всю ночь шёл снег, он ещё не осел и не заледенел. Заложило уши. Но это поправимо.

Но моё счастье не из пугливых, кричит мне, я слышу её через вату будто:

— Сашка, лежи, не вставай, притворись мёртвым, за нами снова погоня.

Пока пережидали, я не смог не поцеловать сладкие губы жены моей, Наташеньки, сильной, смелой девушки.

Когда я скомандовал Наташе: «Отомри», — потому что машины преследователей, постояв несколько минут напротив взорвавшейся и полыхающей машины, наконец, скрылись из виду, мы стояли на коленях оба, крепко обняв друг друга, не веря в своё спасение, рыдания девушки огласили снежную долину.

— Саша, — рыдала Наташа, — Саша, мы спаслись, мы живы, Саша! — хваталась за мою куртку, притягивая меня к себе.

— Любимая, — я целовывал её слёзы, — у тебя ничего не болит?

— Нет, милый, — Наташа, ещё всхлипывая, провела себя по животу. Натка тоже, наверное, допускала мысль, что она беременна.

А я надеялся на чудо, точнее, на двойное чудо, что Наташа беременна и что она выдюжит и малыш тоже.

Бережно подхватив на руки, понёс к дороге, утопая в снегу. Я бы ещё долго нес драгоценную ношу, но она чуть упёрлась тонкими ладошками мне в грудь. Наташа права: по скользкой дороге нести её опасно.

От холода нас спасает придорожный мотель.

Едва моя драгоценность коснулась подушки — провалилась в спасительный сон. Я, как волк стоял над ней, над родной спящей девушкой, сжимал кулаки и разжимал, хрустел до боли фалангами пальцев, стискивал зубы до скрежета. Рванулся обнять её, стиснуть — устал без неё, стосковался, но так же резко остановился. Покачал головой: нет, пусть поспит. Потом всё же наклонился снова и вобрал в себя её запах.

Она сводила его с ума. Всегда, с самого начала. Из-за неё я переродился. Для неё я стал ручным волком. А она для меня — любимой волчицей. Я — волк-однолюб. Волки, как и лебеди, создают себе одну пару и на всю жизнь. Или слышал, или читал, но точно знаю, что это про меня.

Она тогда сказала: «Я выбираю тебя, потому что я выбираю сердцем, а оно не обманет!»

Глава 21.2

Наташа.

Даже во сне я, как волчица, почувствовала приближающуюся опасность.

Яростно крикнула: «Саша!» — и выдернула пистолет из-за ремня мужа. Он очнулся почти сразу. Лишь на сотую долю минуты опоздал: пистолет был в руках у меня, а в обшарпанном кресле придорожного отеля, закинув ногу на ногу, восседал ОН, Сам Граф, злой гений или дьявол во плоти. Но он всё время морщился, как от боли, и прижимал руку к груди.

Он долго не заставил себя ждать:

— Ну, — тянул ОН, слегка задыхаясь, — что? Набегались? Детки? Думали, провели, как лоха последнего?

Пока Граф командовал, кого из нас куда деть, я ощупывала ненастоящий пистолет, который пригодился в этот страшный момент.

— Ну, попробуй, возьми! — быстро нажала на предохранитель. — Я не промахнусь.

Я вижу, что Графу плохо, а стрелять мне всё равно нечем, но страх потерять мужа, превращает меня в Рембо. Помню: командный голос, никакого волнения, я сильнее, чем этот полудохлый старик, а его амбалам мёртвый Граф не нужен. Ещё одна психологическая атака мне удалась:

— Отзывай своих псов, — цедила я, суживая глаза от гнева, — и дай Саше уйти. Машину к крыльцу, ключ в зажигание. Быстро! А ты... Граф, ты же сейчас подохнешь прямо тут. Зачем ты припёрся? Зачем?

— Натка! Без тебя не пойду! Я не отдам тебя им! — теперь зверел освобождённый Волк. — Или вместе уходим, или я остаюсь. Наташа! — простонал, как израненный зверь, ударяя кулачищем о стол.

— Уходи, Саша, а я остаюсь, уходи, — металл в голосе не оставлял надежды, а глаза — озёрца слёз. — Возьми сумку, пригодится. И... я любила тебя всегда.

— Не уйду! Он больше тебя не получит! Я не позволю! Хватит ломать наши жизни! Он вампир! Подыхает — но жизнь ни в чём не повинных людей забирает с собой!

Моё сердце гордо и горячо билось — любимый рядом, и если уж погибать — то вместе, но мы не погибнем, по крайней мере, не сейчас, не в этой жизни! Саша напряжён до предела, его мышцы натянуты, он готов защищать и защищаться, я еле сдерживаю его, боясь допустить роковой ошибки. Теперь мы стоим рядом, держась за руки, обдавая друг друга жарким дыханием.

— Наташа, — Граф закашлялся, — мне совсем плохо, вызови скорую, и твоего Волкова никто не тронет, не бойся...Кх, Кх... Спасибо, что не ушла — врач в тебе пересилил обиженную отцом дочь.

— Ты отпустишь нас обоих? Прогони охрану, они больше тебе не нужны. Туда...только одному можно, всех с собой не захватишь.

— Ты права, девочка, как ты права! — ох-ох, какое признание!

— Я приготовил выкуп, возьми деньги — отдай Наташу! — Саша всё же не сдерживается, его сердце колотится, его сердцебиение вторит моему.

— Волков, у тебя столько нет и не будет!

Губы Графа синеют, дыхание поверхностное, ещё минута — и он навсегда закроет

глаза.

— Наташа... это всё к лучшему... — говорит через раз, почти хрипит, — видит Бог...

— Не тронь Бога! Вспомнил, наконец! — Саша свирепеет, и он прав: нужно раньше было вспоминать, а не сейчас, когда одной ногой в могиле.

— Я не хотел, чтобы мы с тобой вот так прощались, — продолжает Граф, кашляя и задыхаясь. — Да брось ты эту пукалку... я-то знаю, что это не пистолет. Ты поиграть захотела? А паспорт? Забрала, поди?»

Граф торопится высказаться, поглядывает на меня, вцепившись взглядом, словно боится, что я сбегу или всё-таки выстрелю.

А до меня доходит, похоже, он что-то чувствует: губы-то синеют, дышит же через раз, но говорит, пытается высказаться.

— Наташа, вот, возьми, — слабым движением руки он распахивает пальто — в боковом кармане сложенная вчетверо бумага.

Мои руки трясутся, но остатками смелости, силы и воли приближаюсь к нему, не теряя контакта с Сашей — он не выпускает мою руку, каждую минуту готовый кинуться на Графа. Два амбала по приказу Графа уже вышли из номера, но куда они отправились?

Я забрала из кармана бумагу. О, господи, это оригинал новой долговой расписки Семёнова, но она на моё имя.

— Что мне с ней делать? Отдать Руслану?

— Как хочешь! Это теперь твоё дело.

— Зачем ты пришёл? Тебя не будут оперировать?

— К чёрту операцию. Я не хочу ничего больше, хватит — пожил, ты теперь живи счастливо, дочка! Дом останется Женьке, а тебе ещё вот...

Теперь он сам почти ослабевшими руками достаёт ещё один лист, сложенный вчетверо, и протягивает нам.

— Что это?

— Это счета в банках, здесь, в России.

— Мне не нужны твои деньги!

— Хоть в церковь отдай, мне без разницы! Наташа! Я виноват перед тобой, дочка! Но позволь мне уйти с миром! Волков, если обидишь Наташу, с того света достану! Не она виновата, что ей достался такой отец! Волков, поцелуй Наташу!

Сашка, всё ещё не веря в такой расклад — сумасшедший привкус происходящего заставлял раз за разом сомневаться, что это сон или кошмар — оторопело взирает на Графа во все глаза, бережно придерживая мою голову, целует в висок.

— Граф, отпусти нас, я люблю Наташу, и мне без разницы, чья она дочь. Отпусти, давай разойдёмся по-мирному.

Но Графский ещё яростнее сжимает левую часть груди и умоляюще просит, всё ещё цепляясь за жизнь. Умирать никому не хочется:

— Наташа, вызови скорую!

Мы с Сашей ни живые, ни мёртвые, оба в шоке: никто из нас не мог предположить, во что выльется наша история.

По телефону Саши я вызываю скорую.

— Скорая, аортальный стеноз, больному шестьдесят лет, мужчина, находимся ****. Я врач, хирург, Волкова Наталья. Больному показана срочная операция. Да, лучше реанимобиль. Да не знаю, как его фамилия, он вошёл и попросил помощи, диагноз сам

назвал, да...

А потом:

— Он, кажется, умер... да, он умер...пульс нигде не прощупывается...

Смерть решает все проблемы разом, смерть — это конец, может, не для того, кто умер, точно не знает никто, но эта старуха с косой, наконец, с собой унесла того, кто не раз отдавал ей чужие жизни. Хвала тебе, равнодушная! В этот раз ты не промахнулась! Этого человека оплакивать никто не станет, я уж точно не буду стоять у его гроба и сейчас не пророню ни слезинки — довольно и тех слёз, что я проливала по его вине. Моя душа и совесть спокойны: не я причина его смерти. Обострившийся аортальный стеноз, похоже, поквитался за всех скопом.

Саша.

Он сдох! Костлявая его унесла и его, и тайны рождения Наташи! Пистолет. Хоть и зажигалка, но он больше не нужен. Вытер от отпечатков, засунул ему в карман — пусть разбираются те, кому он нужен. Нам — нет!

Надо одеваться и уносить ноги, а скорая когда ещё приедет. Натянул куртку на жену, на себя, распихал бумаги по карманам — потом решим. Что с ними делать, но — однозначно — нам эти кровавые деньги ни к чему.

— Саша, мне плохо! — подхватил любимую в последний момент, но она ещё дышит, ещё в сознании.

Потом снова крик:

— САША!!

Кто там ещё?

Два гаишника с автоматами. Наташа уже без сознания. Она едва не упала — я поймал её в последний момент.

— Вы... вы что наделали?! Вы угробили мою жену! Быстро в машину и в ближайшую больницу!

Ору на них, подхватываю Наташу — и в машину ГИБДД.

— А с тем-то что? — гаишник недоумевает, но вырывает на дорогу.

Я вкратце рассказываю, что мою машину угнали, мы с женой её искали, заночевали в отеле, а тут этот, но кто он, мы не знаем. Он напугал нас, а Наташа, кажется, беременная. Что там ещё я нёс, лишь бы избежать расследования, лишь бы имя Наташи никто не склонял в протоколах.

Поджилки трясутся от ужаса, что я, кажется, теряю жену в день нашей свадьбы. Держу Наташу на коленях, только на коленях, она так любила. Нет! Наташа любит, любит мои колени!

Умоляю и Бога, и всех святых, чтобы не отбирали её жизнь, а если возьмут, то пусть и мою забирают.

— Откуда вы-то взялись?

— Нам дежурная позвонила, сказала, что три человека, не обращая внимания на её протесты, поднялись на верх, а там молодожёны.

— Она подумала, что нас в заложники взяли? — надо хоть что-то узнать.

— А те двое куда делись?

— Откуда мне знать? Догнать? Спросить? — надеюсь, шутку мою они оценят.

Трясучка не прекращается: Наташа вроде дышит, и непонятно: спит или в обмороке.

— Нашатырь есть?

От резкого запаха Ната открывает глаза и прикрывает снова: значит живая, моя птица.
БОГ ЕСТЬ!

Наташа.

Просыпаться рядом с мужчиной, от которого веет родным запахом, так что голова кружится... Я то погружаюсь во тьму, как в бездну, то выплываю на поверхность, схватывая полуоткрывшимися глазами лоскутки света.

Погодите-ка, а где это я? И кто там орёт, как беременная? И Саша спорит... И почему я словно на качелях?

— Саша... — разлепила, наконец, глаза.

— Наташа! Любимая! Ты вернулась?

Прямо у постели, стоя на одном колене, передо мной стоит Саша! В любимых карих глазах застыли... слёзы. Он наклоняется ещё ниже, пряча лицо у меня в волосах.

— Прогони её... — это я лепечу, она лишняя: мне нужен только ОН, а не эта кричащая девушка.

— Волкова, вообще-то, я твой лечащий врач...

Меня это не волнует, меня притягивает лицо моего Саши, уставшее, небритое, его измученные глаза. Но он рядом, со мной, на одном колене, а вторая нога в колене согнута. Я тяну руки к нему, касаюсь небритых щёк. Любимый! Рядом! Но руки падают самопроизвольно, Саша их подхватывает и сам прикладывает к щекам.

— Саш, а это больница? — не могу оторвать глаз от любимого.

Пытаюсь оглядеться — голова кружится, лекарствами накачали, наверное.

— А какое это отделение? Пс... Психиатрия?

Он рассмеялся, пытался ответить, но я опередила:

— Я псих? А где остальные психи?

Теперь смеются и Саша, и девушка в белом халате. А Саша всё смотрит... не сводит с меня глаз. Любимые карие глаза, а в них искорка смеха, только искорка, но много печали.

— Волкова, прекрати придуриваться! — это она мне?

— Саш, я не хочу в психушку, я хочу домой!

Саша, видя мои дрожащие губы, целует в висок, небритая щека колется, но его небритость мне милее всех вместе взятых бритых щёк. Я лечу, лечу на любимый запах, его, Сашин.

— Родная, — наконец, я ему слово дала, или он сам его взял, — это гинекология. Ты не помнишь?

Он обнимает, прижимает осторожно к себе, будто я хрустальная ваза или фарфоровая.

— Куда уж ей? — девица не уходит, а голос какой-то знакомый, но звуки до меня доходят, как сквозь вату, — Наташ, тебя сначала без сознания привезли, но ты пришла быстро в себя, а после мы тебя не разбудим никак.

— Саш, — мне нужно заверение Саши, — она правду сказала? А мозг не пострадал? А МРТ делали?

— Правду, Наташенька! Ты спишь почти двое суток.

Входит ещё одна женщина в белом халате:

— Наташенька, Волкова! Как же ты нас напугала! Муж тебя привёз худую, бледную! Ну, разве так можно? У тебя восемь недель беременности, а ты не на учёте! И вес надо набирать уже! Наташа, я Светла, подруга твоей мамы.

Она строчит слова, а я не понимаю, кто это, откуда у меня беременность в восемь недель. Это же два месяц! И Светла? Где она была раньше? Почему не навещалась? Но для меня сейчас важнее, что со мной и почему я спала.

— Саша, я два месяца спала? — они снова смеются, а я смотрю только на Сашу. Я точно в психбольнице.

— Это всё от диет ваших новомодных! — продолжает милостивая женщина в белом халате, но я её не знаю, не видела никогда. — Наташа, Игорь Владимирович звонил даже в Тулу!

— А вы кто? И почему в Тулу?

— Я жена его, Светлана Михайловна! Светла, вспомни! Потапов Игорь Владимирович помнишь? Наташ, может тебя, правда, психиатру показать? У тебя, похоже...

— Избирательная диссоциативная амнезия? У мамы была подруга...

— Правильно! Вот что значит, отличница. Всё знает. Учись, Таня!

Девушка покраснела, кажется, я бы покраснела. А Саша неотрывно смотрит на меня, и я смотрю, самое важное я помню. А это он, любимый, Саша!

— А можно я УЗИ посмотрю, и, скажите, что мне капали и почему? Рука болит на сгибе. Не могли иглу потоньше взять.

Мне всё надо самой знать, во всём разобраться самой, до четвёртого курса нам преподавали почти все дисциплины.

И я это помню?

Заведующая показывает мне УЗИ и описание. Я БЕРЕМЕННА! ВОСЕМЬ НЕДЕЛЬ! разбираюсь, а сама проговариваю зачем-то, не глядя на присутствующих:

— А Таня Зверева троичницей была, — это я вспомнила. — А мама всё твердит: врач-троичник — преступник.

Потом меня словно током ударило: мамы нет, она умерла. Глаза застелили слёзы:

— Саша, моя мама умерла?

— Наташенька, не надо вспоминать, тебе нельзя волноваться! У нас малыш будет!

— Теперь я точно знаю, Сашенька, я всё поняла, я знаю, что это я знаю! ЗНАЮ!

В глазах всё расплывается, но я пытаюсь вспомнить, что произошло со мной. Точечный меткий удар памяти в мозг. Сначала погоня, Саша оторвался, отказ тормозов, взрыв, я вылетаю, но...больно мне не было. Почему же тогда я в больнице?? И почему Саша так встревожен: слёзы любимого я видела чётко!

— Но с малышом ведь всё хорошо? Светлана Михайловна! — мне хочется верить в чудо. Когда-то оно должно же случиться! — Танюша, ты извини меня, ты заботилась обо мне. И вы, тётя Светла. Я вспомнила, мама вас так называла.

— Ну, ты же сама видела, никаких осложнений, Наташенька, только кушать побольше надо и гулять! — Светлана Михайловна не позволяет вставить слово Татьяне Зверевой, моей сокурснице. Почему сокурснице? Я же не гинеколог. — А Игорю Владимировичу я скажу, чтоб он подождал недельку-две, я думаю, хватит. А лучше вообще после Нового года. Тебе надо набираться сил. А о прежней работе не переживай. Игорь, он отличный хирург. И у нашей Татьяны фамилия Кошкина.

Светлана Михайловна всё говорит, говорит... В её голосе столько тепла и радости. И Таня что-то пытается ответить...а я не могу оторвать глаз от любимого мужа...Мужа? Почему я не помню этого? Это же положительные эмоции, а при избирательной диссоциативной амнезии мозг пытается стереть негативные страницы. Память старается их

атрофировать и выбросить за ненадобностью. Симптомы диссоциативной амнезии мне известны.

А антидепрессант какой? И откуда я знаю эти сведения? А антидепрессант — вот он! Смотрит на меня, лаская меня взглядом. Я чувствую его нежность на лбу, на висках, на скулах, на подбородке, ласковый взгляд на моих плечах и руках. Теперь он весёлый, но замученный. А я пожираю его взглядом, кажется, если посторонние сейчас не уйдут, я их вежливо попрошу или выгоню. И Сашу я не стану есть, я же не плотоядная. Но спокойствие — сильнее эмоций, а молчание — громче крика. Это я вспомнила. Ушли! Слава Богу!

Саша долго смотрит на мои губы, приближается, кладёт на них указательный и средний палец, медленно ведёт по губам, а я не свожу с него глаз до тех пор, пока Сашины губы, как поток живительного кислорода для утопающего, не забирают в плен мои, а руки не запускает в мои волосы, а я в его запускаю пальцы, теряя сознание на долю секунды. И хочется петь: «Ах, как кружится голова, как голова кружится!» И смеяться, смеяться, до слёз от счастья. Других слёз нам не надо, только от счастья — со мной рядом мой муж, а под сердцем — наш малыш.

— Наташенька, а сейчас можно узнать, кто у нас будет — сын или дочка? — от губ оторвался и спрашивает, слегка склонив голову набок. — Теперь ты поняла, что ты **БЕРЕМЕННА**?

Пальцами трогаю рельеф его плеча под тонкой футболкой, разглаживая складки, не сводя глаз с его карих, чётко, уверенно проговариваю:

— Будет, Сашенька, и дочка, и сын потом будет! Если ты любить будешь нас, то всё будет!

— Буду, любимая! А сейчас мне, как воздух, поцелуй твой нужен! Поцелуй!

Он целует, а я отвечаю. Всё как будто во сне, но теперь это не сон. Дыхание перехватывает, но воздух мне больше не нужен — он во мне с поцелуем любимого.

И теперь я знаю точно, что мы всё переживём, потому что мы — семья, нас пока двое. В этом как раз и вся суть. И в горе, и в радости. Семья — опора друг для друга. Когда она есть — всё остальное не страшно.

Его нежность трогала до глубины души, до слез и глупой улыбки. И не нужны были никакие слова. Любовь она вообще не требует объяснений, она в том, как смотрит на тебя мужчина, в том, как он к тебе прикасается, в том, как прижимает тебя к своему сердцу. В том, что ты без слов понимаешь: это сердце бьется для тебя. Именно прижавшись к груди своего мужчины, ты находишь свое главное место в жизни.

Саша взял меня за руку, поцеловал запястье, ладошку, приложил к щеке. Он, вероятно, что-то хочет сказать.

— Наташа, если у нас с тобой какие-то проблемы с доверием, говори об этом прямо сейчас, и тогда мы вместе сможем решить все проблемы. Я обещаю. Если ты опять себе что-то надумала, то зря. Тараканов твоих я разогнать не сумею пока, но...давай им дадим отставку? А?

Почему он так сказал? Я же ничего не помню.

Выписывают меня только к вечеру.

— Что мне капают? — вопрос адресован медсестре отделения сохранения беременности.

Беременности! Чудо из чудес! Мне выпал выигрышный билет! Один процент из ста!

— Витамины и укрепляющие. С вами потом поговорит заведующая.

— Саша, любимый, ты измучен, поезжай домой, выпишись, а вечером приедешь.

Отпускать его — выше моих сил. Мне кажется, что если он уйдёт сейчас, то сказка кончится, а чудеса развеются. Мне по-прежнему необходимо видеть его глаза, иначе прервётся связь, а я не смогу почувствовать себя защищённой. Я не помню, но где-то в подсознании ощущаю, что Саша спас меня, но из какой переделки, не могу вспомнить. Меня это меньше всего волнует, главное — он здесь, вот его лицо, горячее дыхание, склонённая ко мне голова, волосы, они пахнут родным для меня человеком. Лёгкие, порхающие поцелуи любимых влажных губ, моих, никому не позволю даже прикоснуться к ним. Жена я или не жена!

— Саша, поезжай, мне же нужно во что-то одеться, и поспи немного.

— Да я спал немного тут, в кресле, а потом прилёт с тобой рядом.

Со мной рядом! Вот почему я, просыпаясь, почувствовала его запах — ни с чем несравнимый, родной.

Саша соглашается, но только на пару часов, говорит, что не может надолго меня оставить без себя:

— Мне плохо без тебя, малыш! Очень плохо! Я быстро сгоняю, привезу тебе вещи, а вечером заберу тебя домой. Угу?

Саша вглядывается в меня потемневшим взглядом, он знает что-то, но скрывает, а я уверена, что так и нужно: он оберегает меня, и я согласна, что это необходимо — мне ведь не нужен стресс.

Саша медленно покидает палату, неотрывно глядя на меня, а во мне уже прорастает нервозность: вот сейчас за ним закроется дверь, и... Я быстрее ветра несусь в туалет! Токсикоз! Здравствую, фаянсовый друг! Отдышалась немного — и опять...

— Наташенька, ты где? — вовремя появляется Светлана Михайловна. Тётя Светла, хотя назвать её тётей у меня не получается.

— Светлана Михайловна, мне церукал можно?

— Лучше не надо, сейчас принесу что-нибудь более безвредное для беременных, а потом посижу с тобой. А ты мне расскажешь, как жила, коротко, не напрягая памяти.

Любимый взгляд Саши сменяется на заботливый Светлы. Интересно, почему так?

— Наташа, ну?

— Я не могу сейчас или не помню. Я потом. Мне нельзя расстраиваться. Вы даже не пришли на похороны мамы.

Но мне не хочется сейчас никого обвинять, и как только заведующая вынимает из моей вены иглу, меня потихоньку обволакивает дрёма.

— Хорошо, поспи, Наташа, сон — лучшее лекарство для тебя, и... ни в чём не отказывай себе и мужу...

— Но первый триместр?

Я даже очнулась от дрёмы.

— Он подходит к концу, а тебе необходимы положительные эмоции, и резус у вас обоих положительный, конфликта нет, так что...

Её заботливая, тёплая улыбка, совет, тот, что мне необходим, примиряет нас обеих. Она целует меня в лоб и стремительно выходит, видно, скрывая слёзы... А я себя убеждаю: поплакать иногда полезно, а что там у неё приключилось — разберёмся потом. Я должна быть великодушной — меня посетило и осталось со мной чудо — мой малыш или малышка. Какая разница? Важно то, что во мне — дитя любви.

Саша приехал на другой машине, привёз мне одежду и даже сапожки. Всё по размеру, всё со вкусом подобрано.

— И бельё?! Ты сам покупал!

— Нет. Степаныча попросил, — смеётся милый, лучится улыбкой, — кстати, он на хуторе, а тебе привет от него.

Мы едем по городу, наконец-то! Он заснежен, на улицах работают дворники и снегоуборочные машины. А мне так жаль, что из белого, первозданного снег превращается в грязный.

Но около подъезда, моего подъезда, о, Боже, снег лежит белоснежным ковром, только дорожки прочищены. Мне нравится оставлять на белой ровной поверхности следы от обуви. Знаю, что их либо заметёт, либо кто-то испортит. Саша с улыбкой наблюдает за мной, а потом подхватывает меня на руки, на подъёме радостных чувств преодолевает пролёты. Второй этаж. Моя дверь.

Я дома! Я дома! Родные стены! Родной запах! Пусть немного пыльно, ну так что ж уберём, приберёмся! И родной мужчина! Муж!

— Саша, я дома? — оглядываюсь на него, не до конца осознавая, что я, наконец, дома, а не в больнице. Сашина куртка, моя шубка из коричневой норки — прочь, на вешалку.

Он улыбается, как ребёнку, ласково и снисходительно так, пока я обхожу квартиру, трогая пальцами каждый предмет, занавески.

Дивана нет. И кровать другая. Изменения в интерьере. Оборачиваюсь к Саше.

В минуту взгляд Саши меняется: становится злым, потом виноватым, испуганным. Он схватывает меня, прижимает к себе, но бережно, а мне хочется более крепких объятий.

— Саша, что с тобой? Ты подумал, мне дивана жалко, да Бог с ним! Зато ты теперь не уйдёшь от меня спать на диван!

Глаза в глаза. Его наполняют... слёзы.

— Саша!

— Наташенька, родная, жизнь моя! — слёзы текут по его щекам, я вытираю их пальцами, губами, сцеловываю солёные капли. — Наташа! Я уже не надеялся, что ты... станешь моей женой.

Почему он сделал паузу?

— Но почему? Мы же любим друг друга!

— Я так тосковал о тебе! Родная! Моя жена! Погоди, я забыл... Минуту...

Кольцо! Из белого золота с тремя небольшими бриллиантиками — очень красиво!

— Саша! Ты столько потратил на одежду для меня, и ещё кольцо! Обалденное! Невероятное! Спасибо, муж мой! Я окольцована, а ты? Немедленно едем для кольца для тебя!

— Завтра, родная, всё завтра! А пока я тебя отмою! В душ, и без разговоров!

Мой муж, наконец, успокоился, он радостен, да что там! Он в восторге!

— Я есть хочу!... Мне теперь придётся есть за двоих!

— Яичницу? Омлет? Что прикажет моя госпожа?

Саша сам готовит! Никогда не видела его в фартуке! На сковороде шкворчит бекон, а запах! Яйца, помидоры, зелень! Ммм! Вкуснота! Саша готовит одной рукой, вторая занята мной, моей талией. Мои руки обвивают его талию. Не могу оторваться! Ни на минуту! И как он яйца раскалывает одной рукой? Еда приготовлена, но ещё несколько поцелуев и — блаженство! А токсикоз в присутствии Саши у меня не проявляется, только запахи. И то не все. Саша смеётся надо мной:

— Что вкуснее? Яичница или..?

— Всё вкусно, любимый! А или особенно вкусно! — я периферическим или боковым зрением вижу: Саша уже несколько раз поправляет брюки, бугорок мне невиден, но что-то Саше мешает.

— А теперь в душ, а потом поспать! — командует Саша, после того, как я съела свою порцию до крошки. И чай! На травах! Мм!

— Сашка, как я сильно люблю тебя, ты не представляешь!

— Представляю.

— Нет!

— Да! Вот смотри яблоко, оно идеально со всех сторон. Я сейчас его разрежу...

— Нет, не надо, ты мысленно его подели на части.

— Ладно, вот эта сторона — моя любовь, а эта твоя! Они одинаковые, любимая!

Такой поэтичный!

— Тогда я не буду его есть.

— А надо! Если ты его не съешь, оно испортится и придётся его выкинуть. А так ты получишь силы для себя и для малыша нашего!

— Какой ты мудрый, Сашенька!

Саша.

Мудрый. У этого мудрого стояк рвёт штаны. Аллегория помогла — Наташа съела яблоко, вот бы ещё найти аллегория, чтобы член унять...

Ни о чём не хочу думать. Ни о чём. Ничего не хочу вспоминать. Ничего. Если Бог есть, то хвале тебе, Господи: моя Наташа не помнит ужаса тех проклятых дней, амнезия нам в помощь. И я не хочу вспоминать. Только она, наш малыш, такой же стойкий, как его мама. Я что, я мужик, теперь отцом собираюсь стать, вот только бы сил у любимой хватило, а пока я думаю: кому и когда мы с ней перешли дорогу. Вспомнилась нянька, она иногда в порыве говорила: «Горемычный ты, Саша, и за что ты тут горе мыкаешь, словно у бога телёнка украд». А теперь думается: а Наташа?... Натка, наверное, на стрёме стояла. «Богохульник», — сказала бы няня, и точно. Мне больше нельзя гневить Бога, я теперь отвечаю за две жизни: любимой жены и малыша внутри неё.

От бережных прикосновений к телу Наташи в душе, мной овладевают дикое притяжение и восторг, нежность и непонятная неловкость, как будто впервые, как в первый раз. И это не преувеличение. Я прикоснулся раньше к Наташе невесте, а теперь она — жена, мать нашего будущего ребёнка.

Я боялся спешить, запрещая себе своеволие по отношению к любимой жене. Странное сочетание слов! Как будто у меня гарем, и есть ещё нелюбимая.

Но сердце уже рвётся наружу, предвкушая умопомрачительный миг. Я безумно хотел

свою жену, свою ненаглядную волчицу, смелую и родную. Опять вспомнил. Заткнись, мозг, и ты, память, тоже. До остроты натянутых нервов жажду погрузиться в горячую влагу её тесной плоти. Меня с пол-оборота заводит, распирает всего, бешено пульсирует желание, член каменеет. Да будь он неладен. Гм... такого допускать нельзя. Без антидепрессанта в трусах у меня...

Я мою Наташино тело ладонью с её любимым гелем топлёное молоко: лицо, шея с пульсирующей венкой, острые ключицы, груди слегка пополневшие, соски...задерживаю дыхание. Сейчас сорвусь и прямо тут заберу Наташу в охапку. Нет, надо домыть. Впалый пока живот, стройные ноги, внутренняя сторона бедра. Острый позыв в паху. Штормит. Держись, Сашка. Но как?! Когда Наташа меня тоже моет и уже добралась ладошками до члена. Бллл...Воды!

Врач разрешила, знаю, спрашивал: медленно, нежно, бережно. Наташа, кажется, перестаёт дышать, покраснелась, залилась румянцем. Знаю: она не меньше меня хочет.

Завернул в простынь и, как ребёнка, несу к постели, как куклу, нежно, бережно, знаю.

Сам едва вытерся — и к ней.

— Наташа! Нам...

— Можно любимый. Медленно, нежно, бережно.

Нежно ласкаю ладонями любимую грудь, бережно, без боли, зато врываюсь языком в её рот, имея её ротик языком, и теряюсь в умопомрачительных ощущениях. Член сейчас разорвёт. Аромат геля и свежести сносит голову.

— Наташа!

Она уже вся дрожит.

— Саша, не могу больше! Хочу!

Медленно подтянулся, осторожно, раздвигая податливые колени, уже кожей чувствую её горячее тело, слышу рваное дыхание. От ощущения, как медленно и осторожно член проталкивается внутрь и так же осторожно, но глубоко начинает двигаться потом, рвёт крышу, подбрасывает от возбуждения. Это не просто секс, а что-то медленное, нежное, тягучее, интимное. Горячо, узко и влажно! Я никогда не перестану хотеть её.

Много фрикций не потребовалось — из разгорячённых тел почти одновременно вылились соки. Сексуальный голод, нерастраченная страсть по телу Наташи и...

— Наташа, люблю тебя!

— Любимый!

Ещё один поход в душ и — спать.

— Режим, малыш!

Слушается.

Наташа.

В оставшиеся дни моего отпуска мы спим, едим, гуляем. Зима в этом году выдалась тёплой и снежная. Зимняя красота изумляла и завораживала. Ветки деревьев удерживают шапки снега, тронешь и — с ног до головы в снегу. Для меня эти прогулки стали ещё одним антидепрессантом. Токсикозу были противопоставлены средства от Светлы. Я не могу переносить только запах рыбы. Режим наслаждения друг другом никто не отменял тоже.

Именно наслаждения. Обнажённый мужчина, без боксеров, кожа которого притягивает, желание её постоянно трогать, прижиматься, касаться везде непреодолимо. Я спокойно засыпаю только после очередной порции секса, когда моя нога на бедре Саши, руки обнимаю его торс, голова покоится на груди любимого мужа, а его руки заключают меня в кольцо. Наличие одежды — не предусмотрено. Это моё надёжное средство от бессонницы и от ночных кошмаров, которые меня напрягают всё реже и реже.

Порой приходится плохо — они атакуют мой сон, но нежные объятия мужа, в которых я, как в колыбели, прогоняют их прочь.

— Тише, Наташенька, тише, — успокаивает Саша.

Защита. Непробиваемая броня. И пусть Марат иногда называет Сашу домоседом, подкаблучником, и меня это обижает, но не Сашу.

— Мар, завидуй молча! Ты бы и рад оказаться под каблуком, но моя Наташа не имеет аналога!

Саша всегда с тревогой спрашивает меня, как я себя чувствую, а я смеюсь:

— А что не так со мной? Вроде, как всегда.

Саша уже работает, и я вышла на прежнее место, но пока. Оперировать меня не допускают, говорят, что пока. А вот приём больных — пожалуйста.

Сегодня больных было много, и я устала от суеты, от больничного шума...

Конец рабочего дня, я жду Сашу. Уже вещи собрала... Входит мужчина, человек из прошлого...

— Семёнов? Вы?

Меня окатывает холодом и страхом.

Руслан по-прежнему одет в дорогой классический костюм, но бледен, дышит поверхностно. Взгляд болезненный и виноватый. Без приглашения присаживается на стул, а я отшатнулась, как от привидения. Его энергетика по-прежнему меня отталкивает, и так происходит только с этим человеком.

Я вспоминаю. И мне становится страшно, но я знаю, я чувствую кожей: сейчас появится Саша, и страх исчезнет. И не только чувствую, я знаю: Саша привозит меня на работу и забирает — на улицу без сопровождения Саши или крёстного ни шага.

Предчувствие меня не обмануло. Сразу, после моего крика: «Саша!» — в дверном проёме вырастает фигура мужа.

— Семёнов, вот что с тобой сделать? — Саша сжимает кулаки, ещё минута — и он побьёт Руслан. Но Саша сдерживается. — Нат, ты его не бойся, он пулю от подельника словил, видишь, как дышит.

Я догадалась: ранено лёгкое.

— Семёнов, на вот, забирай свою бумагу и вали, но если ты ещё раз приблизишься к

моей жене, если пострадает мой ребёнок — я приложу все силы, чтобы даже имени от тебя не осталось.

Руслан молчит, и что он может сказать, он и сам знает, что прощения от нас не дожждётся. Он просит меня подписать отказ от претензии, но я смотрю на мужа. Саша проверяет: нет ли подвоха, таким людям доверять нельзя. Муж молча кивает, испепеляя Семёнова взглядом. Руслан уходит так же молча, как и пришёл.

— Наташенька! Как ты? — взор любимых глаз меня успокаивает.

— Саша, я вспомнила. Но мне не страшно, когда ты рядом. Но ты же всегда будешь рядом?

Как я люблю, когда Саша медленно, любовно, задерживаясь на каждой детали, оглядывает моё лицо. Очерчивает пальцами мои скулы. Как я люблю этот момент, который повторяется и повторяется. Лёгкий поцелуй, объятия. Пока мой живот не обозначился. И я забываю о страхе. Его нет, он испаряется. Саша потом сам делает вывод, что амнезия помогла мне. Вспоминать отдалённо гораздо легче.

— Наташенька, ты должна принять мою работу, — Саша улыбается так нежно, что хочется таять, растекаться лужицей.

Я знаю, что мой муж купил двухуровневую квартиру в хорошем районе, пятикомнатную, в ней будет комната и для нашего крёстного, мы не сможем оставить его одного. Он единственный родной для нас человек.

Я уже видела квартиру, и она мне понравилась, больше всего нравится кухня в скандинавском стиле, ремонт новый, квартиру хозяева готовили на продажу. Мы так и выбирали, чтобы самим пока не заморачиваться. Но вчера и сегодня Саша завозил мебель. Её мы вместе заказывали по каталогам.

Еду принимать работу!

— Наташенька! Первый наш общий дом!

А я радуюсь, как ребёнок. Моя радость медленно тает, когда в просторном коридоре нашей квартиры я вижу знакомую фигуру... Жени Самойлова. Саша заметил, что я расстроилась, пытается что-то объяснить, но первый вопрос Жене задала я сама:

— Жень, почему за нами была открыта охота? Я всё вспомнила, братец!

А потом подумала: «Да пропади оно всё, это было в такой древнучей жизни, а ОН там уже, откуда не возвращаются!»

Женя не защищается. Он смотрит то в пол, то на руки, потом прячет их за спину, как школьник. Саша приходит ему на помощь:

— Родная! Женька потом нам всё расскажет подробно, у?

Родной ласковый голос Саши совсем приводит меня в равновесие.

Время летит быстро, очень быстро. Нам с дочуркой уже двадцать недель или пять месяцев. УЗИ показало девочку, хотя я мечтала о сыне, видно, придётся сына рожать потом, в следующий раз. Зато папа наш так рад! Так рад! Я думала, что отцы вроде бы сыновей хотят, но мой муж мечтает о синеглазой девчужке. Когда на УЗИ врач показала нам плод, и я рассмотрела отросток, хм, Саша опроверг:

— Наташенька, это пальчик её! Для отростка маловато!

Саша чуть ли не пляшет от радости, прищёлкивая пальцами.

— Папаша, утихомирьтесь, может, ещё цыганочку с выходом тут нам спляшете?

— А что? Запросто, — Саша улыбается во все тридцать два зуба и передёргивает плечами. А потом мне: — Любимая, там малышка! Синеглазая, как мама!

— Как вы рассмотрели цвет глаз? — посмеивается снисходительно врач узи.

Саша, не обращая внимания на неё, целует меня в губы, а потом живот в геле. Но аккуратно, не перепачкался.

А дома что было!! Он всем позвонил: и папе моему, и Марату, и Женьке.

— Дочь! У меня дочь будет!

Теперь мы с Аришей, такое имя мы выбрали для дочки, ждём папу с работы. Вернее, я выбрала, но Саша согласился, ведь так у нашей малышки будет свой ангел-хранитель, няня Саши, Арина Максимовна. Я же недавно поменяла отчество: меня удочерил Николай Степанович Горный. Пришлось выслушать возмущение везде, куда мы обращались, но я стояла на своём, и мой будущий папа тоже.

— Паспорт же придётся менять! И все документы!

— Мне его всё равно менять, двадцать пять лет уже есть.

Вместе со мной паспорт и все документы поменял Женя. Крёстный и его усыновил. Надо, чтобы Женя затерялся среди обычных людей. Мы долго опасались, что его найдёт кто-то из людей Графа. Он теперь Евгений Николаевич Самойлов

А я — Наталья Николаевна Волкова. Мой новоиспечённый папа живёт с нами, а Женя в моей старой квартире. Катя... Она уехала, сказала Жене, что будет искать родственников, вроде какие-то зацепки были. Женя даже не расстроился, тем более, он стал ухаживать за моей медсестрой на приёме Ирочкой Свинцовой. Отличница, умница, сама доброта, милая и симпатичная. Когда Ира вывихнула ногу, а мы её подвозили к моему прежнему дому, Женя вынес её на руках и понёс... Эй, да тут свадьба намечается?! Я не пошла следом, не захотела вспоминать и переживать... Зачем? Надо бы Женю поторопить с женитьбой и предложить ему взять фамилию жены. Так надёжнее. Ирина не знает ничего о нашем прошлом. Пока нельзя. Надо сначала узнать её узнать поближе.

Всё прошло, всё закончилось.

Но всё ли? Ребёнок Кати не от нашего Жени, он сам признался, а от кого, она и сама не знает.

Деньги Графа мы стараемся призраивать на благое дело. На первых порах мы перечисляли средства на операции больным детям. Это просто, но опасно для нас. Мы боялись, что поступления отследят, поэтому Саша покупал одноразовые симкарты, купленные по паспортам лиц-бомжей. Так дешевле для нас и для них прибыль. Пока обнулили только один счёт. Потом я предложила расширить бизнес наших мужчин: выкупили платную автостоянку. Саша смеётся:

— Граф с того света охраняет машины, а при жизни — угонял.

С ним не поспоришь. Цены у Саши приемлемые. Жене тоже выделены средства — женится же.

Сегодня мой любимый муж что-то припозднился.

А я так хочу в его объятия, одновременно бережные и крепкие и собственнические абсолютно. Когда он спит, его грудь вздымается, я же просто лежу рядом, иногда не спится. Я люблю мирно свернувшейся его колбаской. Мы спим обнажёнными, Саша против малейшей одежды на мне и на себе:

— Наташенька, я хочу ощущать тебя всегда, твоя кожа для меня — бальзам.

И я верю, потому что мы мыслим одинаково. Но вот его колбаска...

Сейчас не вытерплю и дотронусь! Он хитрый! Поворачивает ко мне лицо... Проснулся, должно быть! Берёт мою руку и переносит на член. Мягкий, нежный, он уже увеличивается в

размерах от моей ласки.

— Так лучше?! — улыбается довольно. Тёплый. Сонный.

— Угу!

Член тут же оживает, и тогда...Ммм! Его член я видела не раз, но всё равно накатывает новая волна возбуждения. Это самое зачаровывающее зрелище для меня. Не могу отвести взгляд от покачивающейся смугловатой плоти.

Только при одном воспоминании о нём, по мне идут мурашки и бабочки разыгрались.

Но где же Саша? Где мой любимый? Я прохаживаюсь по комнатам, смотрю в окна на улицу, прислушиваясь к каждому звуку.

Глава 24.2

Но где же Саша? Где мой любимый? Я прохаживаюсь по комнатам, смотрю в окна на улицу, прислушиваясь к каждому звуку.

Нет, я не ревную, потому что уверена, что вернее и преданнее мужа нет ни у кого. Да и зачем ему кто-то, если жена его любит и страстно желает.

Опять вспомнила. Однажды Саша приходит с работы, как обычно вешает пальто на вешалку, оно спадает с плечиков, а из кармана посыпались блестящие упаковки... презервативов. Меня и сейчас пробирает холодом, а тогда кровь отхлынула от лица: презервативы. Но мы не пользуемся защитой — я беременна. Я поперхнулась, закашлялась, хочу сказать и не могу: «Что это, муж мой?»

Он увидел моё состояние, проследил взглядом, куда я смотрю, и почему я так отреагировала. Ужас! В его глазах отразился ужас! Он тоже увидел пачки презервативов.

Если бы не телефонный звонок! Я умерла бы на месте, наверное!

Саша бросился ко мне, не обращая внимания на телефон:

— Наташенька, солнышко!

Он понял, что сейчас произойдёт катастрофа: мы столько выкарабкивались из кошмаров и ужасов, а тут такое!

Потом его рёв, когда Саша обо всём догадался и нажал зелёную кнопку на телефоне, сотряс стены:

— Мар, бл. ть, гони моё пальто! Придушу на хрен! Если что с Наташей, кастрирую, млять!

Я тоже уже догадалась, что Марат перепутал пальто, но слёзы уже текут, их не остановить.

— Любимая! Прости, я напугал тебя, это не моё! — снова испуг его, снова его ужас. — Этот придурок запасся! Только не плачь! Ну, как бы я смог! Посмотри мне в глаза! Ну, вот, читай!

Я не смогла не поверить его глазам, его рукам, его чистоте. Мы сидим на белой кухне в скандинавском стиле, как обычно, я у мужа на коленях, ждём Марата. А мне уже жалко друга: сейчас Саша его прибьёт или точно кастрирует. Но до этого не дошло, потому что Марат приехал не один, а с девушкой, с цветами, конфетами, тортом, вином. И прямо с порога на коленях пополз ко мне, прижимая к груди бутылку и конфеты, которые я люблю:

— Нат, а Нат! Это я виноват! У нас размер одинаковый!

— Чего??! Прибил бы гада! — надо же приколоться над другом. — Если бы, не дай Бог. Наташа заболела!!! Прибил бы, несмотря, что ты мне почти брат! А это кто? Адвокат? — обратил внимания на девушку, но со стула не встал, меня не отпустил, получается, что Марат перед обоими стоит на коленях. Поделом — нечего надевать чужие вещи, а презервативы прятать тщательнее. Тогда мы познакомились с Катей, очень симпатичной и милой девушкой, но очень строгой к Марату — и поделом опять, ему необходимы ежовые рукавицы. А как уж у них сложится — им решать. И Саша, сам того не подозревая, угадал, что Катя — адвокатесса.

Он пришёл! Я слышу звук поворачивающихся ключей в замке.

Выглядит ужасно. Будто разгружал вагоны и складывал на себя весь груз.

Сердце захолонуло: я сразу почувствовала: что-то случилось.

— Где ты был?

— Неважно... важно то, где я сейчас. Это самое главное в моей жизни.

— А где ты сейчас?

Смотрю на любимого. Он берёт меня за руки, за обе, прикладывает к лицу: ему необходимо сейчас чувствовать меня, и проникновенно смотрит.

— Я больше не перенесу, если во второй раз что-то с тобой случится.

— Так, где же ты был? — мне надо знать точно, чтобы помочь нам обоим: связь неразрывна. Я иной раз думаю: так же крепко мы были бы спаяны, если бы не было тех проклятых испытаний. Я не нахожу ответа.

— У Самсонова.

— Зачем? Не надо было!

— Не переживай, любимая, он больше не потревожит нас.

— Ты. ты...ты...? Саша!!! Что случилось? Ответь мне!

Страх. Ужас. Почему Самсонов нас не потревожит? Слово. Одно лишь слово. Саша не такой! Это я додумала, глупая!

Чёрные глаза ещё больше темнеют, под глазами чёрные тени. Он молчит. А я медленно умираю, пока он не произносит:

— Он сам себя убил. Меня вызвали ночью... Он не выдержал одиночества — пил неделю, там столько бутылок, ужас. Врачи говорят: сердце не выдержало.

Саша выцеловывает мне руки от пальцев до плеч. И я твёрдо уверена: я — его доза, чтобы уверенно стоять, дышать, жить. Но Волкову нужна постоянная доза меня. Сам он не признается, но я своим любящим женским сердцем чувствую: Наташа Волкова ему необходима.

— Саша, это не мы виноваты! Не ты и не я! — я больше не могу сдерживать слёз, они капают, падают, как горошины. Я прижимаюсь к Саше, ищу защиты от очередной напасти.

— Успокойся, родная! И я нас не виню. Каждый сам выбирает свой путь по жизни. Никто его не заставлял...

Каждый выбирает для себя

женщину, религию, дорогу.

Дьяволу служить или пророку -

каждый выбирает для себя.

На похороны полковника я не пошла — да и зачем. Кто он мне? Саша тоже вернулся быстро.

— Его есть, кому хоронить без меня. Все эти чужие лица мне неприятны, погоны, шинели...

Саша до вечера всё молчал, даже выпил, потом, нежно целуя меня в щёку, спросил?:

— От меня пахнет?

В ответ я поцеловала его в губы, любимые, нежные, мои. Только мои, и всегда будут моими.

С тех пор мне казалось, что стало как-то легче дышать, и я перестала всякий раз оглядываться по сторонам: раньше мне всё чудилось, что кто-то смотрит на меня или на нас издали.

Каждый выбирает по себе

слово для любви и для молитвы.

Шпагу для дуэли, меч для битвы

каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает по себе.

Щит и латы. Посох и заплаты.

Меру окончательной расплаты.

Каждый выбирает по себе.

Каждый выбирает для себя.

Выбираю тоже — как умею.

Ни к кому претензий не имею.

Каждый выбирает для себя. Юрий Левитанский.

А Волковы выбрали друг друга сердцем.

Волки — однолюбы. Волки, как и лебеди, создают себе одну пару и на всю жизнь

Эпилог.

— Саша! Проснись!

— Наташенька, — муж спросонья не может понять, почему я кричу, а подо мной на полу лужица. — Ты описалась, я сейчас уберу. Не беспокойся.

— Саша! У меня воды отходят! — я уже высчитала: тридцать четыре или тридцать пять, маловато, конечно, но рожать можно, тем более, что Аришенька на свободу просится. Схватка. Засекаю время, а Саша уже принёс мне одежду, пакет с документами. Одевает меня, как куклу, я только морщусь от боли.

— Наташенька, дыши, дыши, как собачка! Или как волчица, как тебе больше нравится.

Мне смешно, но я снова морщусь, перегибаюсь от боли в животе. Спина не болит, значит... посмотрим.

Саша испуган, ему, кажется, даже страшнее, чем мне. Он переживает мою боль, как свою, как и всякий порядочный муж. А мой муж — самый любимый.

— Саша, я сама пойду, только потихоньку, медленно.

— Я понесу тебя!

— Нет, тогда вызови скорую!

— Пока она проедет через пробки — ты родишь!

Саша прав, на его ВМВ мы быстро добираемся до больницы, нас ждёт уже Светла кажется, она молдованка. Мне больно, больно, но я стискиваю зубы, кусаю губы. Кричать я не буду! Я сильная! Мой любимый рядом — и мне не страшно.

Необходимые процедуры — и мы в родзале.

— Светла, а где мой муж? Я не буду рожать без него! Саша!

Я теряю нить, не вижу мужа.

— Да здесь он, здесь, он надевал стерильный костюм Игоря! Потеряла мужа! Как же! Интересно, кто из вас больше боится?

Я ищу руку мужа, мне она необходима. И дышу, дышу, как собачка. Схватка! Захват Сашиней руки крепче. Он стоит сбоку от меня, ему не видно, сколько крови я теряю, но это допустимая норма. Иначе бы он обложил всех врачей, несмотря на то, что вообще он ругается крайне редко.

— Наташа! Схватка! Тужься, кричи!

— Тужиться буду, а кричать — нет! — моя скороговорка потешает бригаду.

— Кричи, любимая! И дыши!

Схватка, последняя, я тужусь, кажется, что лёгкие завернулись в трубку, мой крик, Сашина кисть руки в моей, ещё мой крик, и... Малышка, наконец, подала такой голос, что позавидовала любая оперная певица.

— Какая девочка! Смотрите! — голос Светлы, а я сквозь пелену в глазах пытаюсь рассмотреть дочку, Аришеньку, Арину Александровну Волкову.

— Саш, Наташа тебе руку не сломала? — тётя Светла сама принимала мои роды, теперь заботится о Саше.

— Саша, тебе больно? — я немного отдышалась, мне подносят дочку. Красавица наша! Наше чудо! Младенческий запах, такая сморщенная и смугленькая, но родная, такая родная. У меня и сердца будто нет — оно растаяло от любви к дочери. Но тогда что там ещё стучит?

Саша одними губами прошептал: «Спасибо, родная, за дочь!» Он опередил меня, измученную, обессиленную, но я нашла силы ответить тем же: «Спасибо за дочку, родной!»

Саша бледный, без кровинки в лице, вытирает пот со лба.

— Интересно, кому больнее было! — смеются вокруг.

А я знаю, что половину боли мой муж взял на себя, иначе бы я точно кричала или анекдоты рассказывала. Я слышана, что во время родов женщины и анекдоты рассказывают, и мужа проклинаят, а уж кричаат!

Я же стойко вынесла роды, потому что сердцем чувствовала, что половину моей, нашей боли Саша взял на себя.

Когда-то я выбрала сердцем этого мужчину, а его меня выбрало. Мы выбирали сердцами!

Спустя три года.

— Кося, Кося, Кося!

Ариша очень любит своего крёстного, а он в ней души не чает. Сегодня он пришёл один, без Кати, своей жены, адвокатессы. Её Светла Михайловна уложила на сохранение беременности по возрастным показателям.

— Аришенька! Принцесса наша! А скоро у тебя родится братик!

Марат и Катя уже знают плод младенца? Ну, не может быть, что он что-то про нас с Сашей пронюхал. Саша пока и сам не знает, что... я снова беременна. Для меня самой сегодня утром стали подарком на очередную годовщину нашего знакомства.

Марат снова забавляется с Аришей: она пока не все звуки произносит, моя синеглазая девочка. И как тогда наш папа угадал цвет глаз дочурки! Мы с Сашей сидим на диване в гостиной, а меня прямо распирает: когда же закончится ужин, Марат уедет к Катерине, а я наедине покажу мужу тест с двумя полосами очередного счастья. Саша, никого не стесняясь, целует меня в шею. Ууу! Бесстыдник!

— Аришенька, а как зовут твоего папу?

Дочь смотрит на крёстного многозначительно: мол, ты сам что ли не знаешь... А потом выдаёт по слогам:

— Ша-шенька!

Марат, сдерживая смех, продолжает допытываться:

— А маму, Аришенька?

Дочура прикрывает ладошками свои глазки, как мои, такие же синие, но пока не такие тёмные, потом крёстному прикрывает и назидательно лопочет:

— Ата-шень-ка! Запомнил?

Теперь мы все не сдерживаем смех.

Дочка слышит и запоминает, как родители называют друг друга, и почему так, тоже поняла в свои три годика:

— Мама и папа юбят!

— Наташенька, а где наш-то крёстный? И Нины Ивановны не видно.

Вот уже год как мы приняли помощницу по хозяйству и няню для Ариши Нину Ивановну, замечательную женщину. Я сама её выбрала... Она, странным образом, похожа на мою маму, если бы мама дожила до возраста Нины Ивановны. А наш папа названный, наконец-то обрёл своё счастье. И я очень-очень рада, и не только потому, что Аришу она любит, как свою внучку: она симпатизирует моему крёстному. Поэтому в выходные они вместе поехали на хутор, скорее дачу.

Марат ушёл, Саша помог мне убрать посуду, Ариша заснула сама, даже сказки не понадобилось — набегалась, эмоций куча: папа подарил ей и мне, конечно, котёнка, беленького, с чёрными ушками. Он просто котёнок, не породистый, но так даже лучше. Я немного посердилась, но, видя, как радуется дочка, уступила.

В спальне меня ждал другой подарок, вернее несколько: цветы, кольцо с бриллиантом и муж, конечно. Он — самый важный и дорогой подарок.

В душ идём вместе, а там... Мой самый вкусный подарок — мой муж, а ему...

Муж шепчет в эйфории:

— Наташенька, любимая, сладкая моя девочка!

— Сашенька, любимый, достаточно! Ты сейчас уже дважды довёл до нас экстаза!

А он меня не отпускает из рук, сильных, мускулистых, любимых. Мои ноги у него на талии зацепились одна за одну. Он любит брать меня на весу, а я в его руках как маленькая девочка. Саша всегда восторгается: он большой, а я маленькая, и он счастлив обо мне заботиться и брать меня на руках, потому что тогда я вся для него раскрыта, хотя мне и скрывать-то нечего от мужа. Всё, что есть у меня, — всё его, но уж и я своего не отдам. Не отдам! Он мой! Мой друг и раб, муж и любовник, отец моей дочери и ещё не родившегося сына. Я целую его глаза, губы, шею... Вкусный мой!

— Ты считаешь экстазы? Раньше не считала!

— Посмотри налево, любимый!

— А что там?

Саша нехотя отпускает меня на пол и делает шаг к раковине, но направо. Я вечно путаю лево и право.

— Там ничего нет!

— Упало, наверное!

Я присела на край джакузи и жду, прикусив губу, чтобы не рассмеяться от предчувствия. Картина маслом: Саша увидел, наконец, тест на беременность с двумя полосками.

— Жена! — глаза любимого вот прямо сейчас выскочат из орбит. Мой обнажённый муж подпрыгивает, почти касаясь потолка. О, Боже, какой же он красивый! И мой! А я собственница.

Как же он счастлив! Подхватил меня на руки и закружил — благо ванная комната просторная. Целует, о Боже, как же я люблю этого мужчину!

— Сын! Наташенька! Сын? — в перерывах между поцелуями заветные слова. Опомнился:

— Голова не кружится?

— Кружится, любимый, но только от любви к тебе!

— И у меня кружится! Наташенька! Любимая моя женщина!

Через девять месяцев в семье Волковых родится сын, Сашенька, Наташа же обещала его так назвать!

За годы, проведённые вместе, Волковы, разумеется, будут и ссориться, и мириться. А Саша возьмёт себе за правило: если жена не права — промолчи лучше. Успокоится — разберёмся. Зачем надирать сердца, если они уже выбрали друг друга.

КОНЕЦ.

Больше книг на сайте - Knigoed.net